

Виктор Суворов

Марк Солонин и ДРУГИЕ

БЕЙ ПЕРВЫМ!

ПРАВДА

Виктора Суворова

Виктор Суворов: БЕЙ ПЕРВЫМ!

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2011

УДК 355/359
ББК 68
В 43

Оформление художника *П. Волкова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *В. Нартова*

В43 Виктор Суворов: БЕЙ ПЕРВЫМ! / Виктор Суворов, Марк Солонин и др. [авт.-сост. Д. Хмельницкий]. — М : Яуза-пресс, 2011. — 384 с. — (Правда Виктора Суворова).

ISBN 978-5-9955-0249-4

В грязной уличной драке, где все средства хороши, есть только одно правило: БЕЙ ПЕРВЫМ! Будучи по натуре гопником (сказывалось уголовное прошлое, богатый опыт грабежей-экспроприаций, да и советская власть всегда считала блатных «социально близкими»), Сталин и в большую политику принес нравы уличной шпаны, однако явно недооценил другого европейского «пахана» — летом 1941 года Гитлер успел поймать его, что называется, «на замахе», опередив на считанные дни, и нанести удар в тот момент, когда изготовившаяся к нападению Красная Армия была наиболее уязвима.

И как ни бьются официозные историки, пытаясь опровергнуть эту сенсационную версию, впервые выдвинутую и обоснованную Виктором Суворовым, его открытие находит все больше доказательств и преданных сторонников, а воздействие его книг на общественное сознание сравнимо лишь с эффектом от «Архипелага ГУЛАГ». В этом томе собраны лучшие работы в поддержку Виктора Суворова, которые не просто подтверждают его правоту, но и развивают идеи, раз и навсегда перевернувшие все прежние представления о причинах и виновниках Второй Мировой.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0249-4

© Хмельницкий Д. С., авт.-сост., 2011
© ООО «Яуза-пресс», 2011

*С Виктором Суворовым
беседует Дмитрий Хмельницкий*

ПЕРВЫЙ УДАР

— Виктор, как, на ваш взгляд, могла сложиться ситуация в Европе, если бы Сталину удалось первым ударить по Германии летом 1941 г.?

— Ответ достаточно простой. Смотрите, Гитлер напал — и для него сложилась самая благоприятная ситуация, которую только можно себе представить. Красная Армия бежит, люди воевать не хотят... И вот эта благоприятнейшая ситуация все-таки закончилась самоубийством Гитлера и поражением Германии. Давайте зададим себе вопрос, что было бы, если бы ситуация для Гитлера была менее благоприятной.

Для Сталина в 1941 г. сложилась самая катастрофическая ситуация из всех возможных. И тем не менее, потеряв 85% военной промышленности, потеряв кадровую армию, Сталин все равно закончил войну в Берлине, Кёнигсберге, Вене, Праге, Бухаресте, Будапеште, Порт-Артуре, Пекине и т.д. Вот ответ на этот вопрос. Считаю, что мои критики, утверждающие, что если бы Сталин вступил в войну первым в 1941 г., то до Берлина он не дошел бы, не правы. Я этой логики не понимаю. Если бы Сталин не дошел до Берлина, то сейчас мы могли бы спорить, мог бы он дойти или не мог... Но он дошел. Какой смысл при этом — доказывать, что хотя он до Берлина дошел, но дойти бы не смог, если бы не потерпел поражение в 1941 г.? То есть он дошел. И разгромил, но вообще-то дойти и разгромить не мог...

Что было бы, если бы он напал первым? На этот счет есть свидетельства немцев. Например, летчик Рудель,

совершивший в мировой истории больше всех боевых вылетов, свидетельствует о том, что после немецкого удара все дороги, ведущие к границе, в три-четыре ряда были забиты танками, стоявшими бок о бок и готовыми к нападению на Германию.

Именно готовность к нападению оборачивалась неготовностью к обороне. Вот стоит на дороге советский мехкорпус. Что такое мехкорпус? Это тысяча танков, тысяча мотоциклов и 5—6 тыс. автомобилей. Это 50 тыс. человек. Боеприпасы, по три боекомплекта, цистерны с бензином... Все собрано огромной кучей. Попасть туда бомбой очень легко, даже не надо целиться.

Как рассказывает Рудель, первый вылет в четыре утра. Взлетели, отбомбились — очень легко бомбить, потому что цели неподвижные, колонны впритык стоят вдоль дорог. Возвращаются, пока самолеты заправляют и вешают на них новые бомбы, летчики валяются на траву, спят. Потом взлетают, бомбят, возвращаются, взлетают, бомбят... Последний вылет в 10 вечера, в три утра подъем и снова вылеты.

И вот этот человек пишет, что если бы советские войска, которые они бомбили, двинулись, если бы перешли границу, то остановить их было бы невозможно.

То же самое говорит генерал-полковник Гальдер, начальник штаба германских сухопутных войск. Буквально теми же словами, независимо от Руделя. В секретном дневнике, к публикации не предназначенном, он пишет, что, если бы Красная Армия ударила первой, немецкая армия удержать бы это наступление не смогла. Это запись от июня 1941 г.

В апреле 1942 г. Гитлер говорил приблизительно то же самое. Если бы мы проморгали наступление Красной Армии, то остановить ее мы бы не смогли. Как видите, диапазон мнений — от простого летчика до Гитлера.

— Так вот, что было бы, если бы Красная Армия напала первой?

— Дело в том, что германские войска, как и советские, были собраны мощными группировками. Склады находились у границ. Тысячи тонн боеприпасов, уложен-

ных на автомашины, стояли у самой границы и ждали приказа ее перейти, так же как цистерны с топливом и колоссальные массы войск.

У Сталина было два стратегических эшелона, 17 армий в первом эшелоне и семь — во втором. Оба тайно выдвигались к границам.

Гитлер, неожиданно напав, разгромил первый стратегический эшелон, но за ним внезапно появился второй, о существовании которого германская разведка не знала.

Немцы разгромили и второй стратегический эшелон, но за то время, пока погибали первый и второй эшелоны, Сталин успел сформировать третий стратегический эшелон и провести мобилизацию. А в Германии стратегический эшелон был один. И мобилизация была проведена. Все, кого можно было мобилизовать, уже находились у границ. Это идеальная ситуация для нападения, но крайне невыгодная для обороны.

Танковый корпус наносит удар, прорывается на 20 километров вперед, там противника уже нет. Поворачивай влево, вправо, встречайся с таким же корпусом, который наносит удар на соседнем направлении — и будет тебе сталинградское окружение где-нибудь в районе Белостока.

Далее. Советский план был гораздо лучше, чем германский. Германия была гораздо уязвимее, чем Советский Союз. У Сталина необъятная территория, которую даже теоретически захватить невозможно. Если режим выживает, он отходит за Волгу. Там, в Жигулях, Куйбышеве, уже были готовы командные пункты. У Гитлера даже не было плана переходить Волгу. План «Барбаросса» предусматривал выход на линию Архангельск — Астрахань, линию А-А.

А за Волгой — хлебные районы. За Волгой у Сталина уральские заводы. И Уралмаш, и артиллерийская Мотовилиха...

— Гитлер планировал отогнать Сталина за Урал, и все?

— Нет, отогнать за Урал он даже не планировал. Он

планировал выйти на Волгу. Немцы и к Москве-то вышли на последнем дыхании. И это в условиях, когда Красная Армия не желала воевать...

— Красная Армия была разбита и потому не желала воевать?

— Если бы Сталин первым нанес удар, то все были бы за Сталина. Красная Армия вступает на вражескую территорию, тут и часы можно снять, и велосипед угнать, и в пивную завалиться... Красная Армия воевала бы за товарища Сталина очень и очень успешно. А как только товарищ Сталин попал в неприятную ситуацию, начался развал. И все посыпалось. Впрочем, и в этой ситуации Сталин завершил войну в Берлине.

Так вот, Гитлер изначально находился в гораздо более уязвимой ситуации, чем Сталин. Например, он был зависим от древесины Финляндии и Швеции. В Германии добывалось много угля, но проходка шахт в то время была невозможна без древесины, из которой изготовлялись крепления шахт.

Воевать без никеля невозможно. Никель поступал из Финляндии. Воевать без железной руды — невозможно. Руда поступала из Швеции. Снабжение всем этим стратегическим сырьем находилось под угрозой советского Балтийского флота. В Балтике у Гитлера флота большого не было, а у Сталина был колоссальный флот — два линкора, крейсера, авиация, куча подводных лодок...

Сталин наносит первый удар, Германия теряет снабжение никелем, древесиной и железной рудой, после чего война продолжается очень и очень недолго.

Когда немцы напали, они просто выставили минные заграждения в Балтийском море, и Балтийский флот оказался заперт.

Теперь самое главное — Германия сильно зависела от румынской нефти. А до Плоешти от советских позиций — 180 километров. Никто эти месторождения не защищал. То есть удар Красной Армии в Румынию был бы для Гитлера смертельным.

Получается, что Сталину, собственно, даже не надо

даться со всей германской армией, достаточно ударов по флангам.

И вот ситуация — ваши самолеты не могут летать, ваши подводные лодки остаются на базах, крейсера — там же, танки остановились... Без нефти воевать нельзя.

Идем дальше. С юга на север текут две реки — Висла и Одер.

А в предгорьях Карпат, в районе Львова была сосредоточена мощная группировка советских войск, самая мощная в истории человечества. И если наносить оттуда удар на запад с последующим поворотом на север, то возникает вот такая ситуация. С юга мы защищены горами Чехословакии. С правого фланга мы защищены Вислой, с левого фланга — Одером. В этом коридоре между Вислой и Одером никого нет. И Красная Армия, ее лучшие части наступают к Балтийскому морю. А вся германская армия находится восточнее Вислы, между советской границей и Вислой. Если бы советской группировке удалось нанести удар, то германской армии для отражения этого удара пришлось бы развернуться назад и форсировать Вислу у себя в тылу. Германии эта ситуация не сулила ничего хорошего.

У Сталина же номер один — совершенно колоссальная территория, номер два — необъятные ресурсы. И номер три (может быть, самое главное) — Сталин уже заключил тайный союз с Америкой. А Британия и так постоянно уговаривала, уламывала Сталина напасть на Германию, даже грозила и шантажировала его. Сталин заранее окружил себя стратегическими партнерами, которым было очень невыгодно поражение Советского Союза и которым было очень выгодно поражение Германии. На стороне Сталина были Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия... и если хотите, весь мир. Все ресурсы мира.

Кроме того, на стороне Сталина находилась вся оккупированная немцами Европа — Франция, Бельгия, Голландия, Польша, Чехия, Словакия, Греция, Норвегия и так далее, и так далее. То есть Гитлер находился в ситуации, в которой выиграть было, мягко говоря, проблематично.

— Как мог выглядеть стратегический план Сталина? Ведь его цель была не Германия как таковая, цель была — Европа.

— Да, конечно. В своей последней книге я привожу мнение американского адмирала Ричардсона о том, что если Советский Союз нанесет удар первым, то через пару месяцев он будет на Гибралтаре. А если Гитлер нанесет первым, то он завязнет на просторах России и Сталину потребуется очень много времени, чтобы его оттуда выбить. Это совершенно невероятное предсказание мая 1941 г. Как в воду смотрел.

— Понятно, почему архивы Генштаба еще более секретны, чем архивы КГБ. Там должны лежать варианты именно этого плана, плана-максимум. Как можно себе представить конечные цели внешней политики Сталина конца 1930-х гг.?

— Конечные цели ни для кого не являются секретом. Вот передо мной монета 1991 года. На одной стороне написано «СССР» и «20 копеек». А на другой стороне — земной шар, на который наложен серп и молот. Вот вам конечная цель, которая не изменялась никогда.

Конкретно это могло выглядеть так. Наносим мы удар и Германию подминаем под себя. Германия становится коммунистической. Коммунистическая Германия была бы страшнее Германии нацистской.

Вспомним январь 1933 г. Победил Гитлер. И немедленно количество штурмовиков на улицах возросло в 10 раз. Все надели коричневые рубахи. Если бы победили коммунисты, то возросло бы число коммунистов.

Меня однажды пригласили в штаб Штази в Берлине. Я там целый день провел. Посмотрел на то, как работала берлинская госбезопасность, и ужаснулся. Дело в том, что работали они более эффективно, чем советские карательные органы. Немецкий порядок страшнее нашего разгильдяйства. Потому что даже в наших лагерях это разгильдяйство помогало человеку выжить. У немцев его не было.

Так вот, Германской Демократической Республикой

стала бы тогда вся Германия. Со страшной госбезопасностью, очень мощной военной промышленностью и очень мощной армией. Тогда бы к нам потянулись и все остальные. Плюс на минус меняется мгновенно. Помните, как в фашистской Венгрии после войны образовался жесткий тоталитарный советский строй, с сильной армией и жутким карательным аппаратом?

Германия, Венгрия и советская армия с НКВД вполне могли бы быть той силой, которая удержала бы и остальные восточноевропейские страны, ту же Чехословакию.

А тут у нас еще и югославские коммунистические партизаны. Югославия быстро стала бы мощной коммунистической державой. Итальянские коммунисты нам бы помогли, французские и так далее.

Европа очень быстро превратилась бы в тоталитарный материк. Это очень хорошо почувствовал Джордж Оруэлл, который в гениальном романе «1984» описал наше будущее. Те нации, которые этой болезнью не переболели, считают, что у них есть иммунитет. Но иммунитета нет ни у кого.

Та же Франция во времена якобинцев была жутким тоталитарным государством. И если бы Красная Армия туда пришла и снова занесла вирус тоталитаризма, то никто бы ему противостоять не смог.

В Париже на здании гестапо висела бронзовая табличка о том, что доносы не принимаются. Когда немцы пришли туда, французы завалили их доносами. Где-то какие-то партизаны были, но Франция жила мирной жизнью. Такой бы она была и при Советах.

В Испании половина страны воевала за тоталитаризм в 1936—1938 гг. Если бы туда пришла Красная Армия, то все недобитые коммунисты тут же вышли бы из подполья и надели бы красные галстуки.

— Это картина захваченной Европы. А как бы развивалась стратегическая ситуация в те два месяца, которые понадобились бы Сталину, чтобы дойти до Гибралтара?

— В случае нападения Красной Армии германская армия оказывается парализованной, без нефти. И она зажата между советской границей и рекой Вислой. А Красная Армия идет победным маршем, и никто ее остановить не может. «Дашь Варшаву, дашь Берлин, уж врезались мы в Крым...»

Тысячи танков врываются на германские автобаны, вытягиваются в невероятной длины колонны, и эти колонны, никем не останавливаемые, идут вперед. Так произошло в январе 1945 г.

Мне танковую тактику преподавал подполковник Одинокое. Он рассказывал, как вырвалась 1-я гвардейская танковая армия на автобаны и поперла вперед. И никто ее остановить не мог. В 1945 г. был хотя бы фольксштурм из пацанов и стариков, а в 1941 г. никакого фольксштурма не было.

Далее. Вперед выбрасываются воздушно-десантные корпуса, которые захватывают мосты через Рейн, и Красная Армия переправляется туда. Где-то какие-то стычки, какое-то сопротивление, но это выглядело бы примерно так, как «освободительный поход» Красной Армии в Польшу в 1939 г. Что-то не стыкуется, где-то стоят без горючего, где-то наших разгромили, но общее поступательное движение остановить было бы невозможно.

— Как должна была выглядеть последовательность захвата Европы?

— Наносится удар из района Львова на запад, в направлении Кракова, а потом поворот на север, в междуречье Одера и Вислы. Затем мехкорпуса разворачиваются на восток и становятся обороной на восток на берегу Вислы. Немецкую армию бьют со всех сторон и загоняют в мешки. Через пару месяцев остатки берут в плен.

Одновременно наносится удар в Румынию, захватываются нефтяные месторождения. Далее поворот на северо-запад в направлении к Венгрии, вдоль Дуная, к Вене... Распространяется наступление в Болгарию, которая

встретила бы Красную Армию с развернутыми знаменами, как это произошло в сентябре 1944 г.

Далее последовал бы ввод в действие второго стратегического эшелона, укомплектованного голодными зэками, готовыми грабить кого угодно. Они движутся вперед. За ними третий стратегический эшелон, три армии НКВД.

Возникали бы восстания, их бы давили, но думаю, что к декабрю 1941 г. континентальную Европу как-нибудь замирили бы.

— **Включая Испанию?**

— Может быть, да, может быть, нет. Все-таки Пиренеи надо переходить...

— **Немного отыграем назад. Значит, взяли Берлин.**

— Дальше прямой бросок на Францию, и Франция встречает цветами. Дальше — бросок к Ла-Маншу.

— **Дальше удар на север, в Скандинавию?**

— Я думаю, что кампания 1941 г. — это Германия, Франция и Восточная Европа. Этого бы на 1941 г. хватило. Дальше товарищу Сталину следовало бы остановиться и отдышаться. Ну а потом, скорее всего, в Испании, подняли бы восстание коммунисты, в Италии — тоже. И так далее.

— **А Скандинавия?**

— Разгром Финляндии был возможен уже в 1941 г. Линия Маннергейма была прорвана в 1940 г., но Сталин остановился. Как если бы бандиты прокопали подземный ход под банк и остановились, ждут воскресенья, когда служащие по домам разойдутся. Финляндия была уже разоружена с точки зрения обороны, и в любой момент можно было продолжать наступление. При благоприятных обстоятельствах наступление развивалось бы дальше, при неблагоприятных можно было бы и остановиться, передохнуть.

Потом можно было бы формировать немецкие экспедиционные части и отправлять их воевать в Норвегию, Швецию и так далее. Как кубинцев отправляли воевать в Анголу.

— Было еще одно стратегическое направление, которое активно обсуждалось перед немецким нападением, — **Турция, проливы.**

— Да, конечно. Со стратегической точки зрения, наносить удар растопыренными пальцами очень нехорошо. Но мы видим, как в августе 1941 г. Сталин вместе с англичанами оккупировал Иран. Никто ему слова не сказал, никто не сопротивлялся. Турция стала бы такой же жертвой Великобритании и Советского Союза, разделили бы ее пополам.

Когда Сталин прилетел в 1943 г. на конференцию в Тегеран, кто-то из молотовской команды обратился к иранскому шаху для того, чтобы организовать встречу со Сталиным. Сталин дал этому товарищу по шапке и сам обратился к шаху примерно с таким вопросом: «Когда бы Ваше величество смогло бы меня принять?» Хитрый был, как змей. У Сталина не только кнуты были, были и пряники. И с Турцией тоже могло получиться нечто подобное. Оккупируем Турцию, но уважаем все ваши традиции, и кто у вас тут главный, и можно ли его посетить, поклониться шкурой медведя и бочкой меда...

— Далее возникает патовая ситуация, когда **Сталин выходит к Ла-Маншу.**

— Я не думаю, чтобы он туда полез. Следовало сделать очень мощную передышку и переварить Европу. Этот питон заглотил слишком большого кабана. После этого можно было разбираться с Великобританией.

Вот что еще можно было делать — это освободить Африку и все колониальные народы. Это стало бы мощным подспорьем в смысле сырья. Там бы возникли какие-нибудь узбекистанские режимы со своими царьками, с серпами и молотками на красных знаменах. Тут

проблем не было бы вообще никаких — это же были колонии.

Но остается Америка. С одной стороны, США были очень сильно заражены коммунизмом. Товарищ Маккарти не зря очень сильно чистил Америку от левых.

Изоляционизм был тоже очень силен. У нас с одной стороны океан, с другой стороны океан — и гори все ясным пламенем.

Товарищ Сталин тоже думал об Америке и очень много. Ее следовало разложить изнутри. С американской экономикой Сталин справиться не смог бы. У Оруэлла описана ситуация с тремя суперконтинентами, которые между собой бесконечно воюют. Вот это патовая ситуация.

— Но ведь американцы все равно сделали бы атомную бомбу к тому же 1945 г., не раньше и не позже. И дальше пришлось бы Сталина выкуривать из Европы уже с ее помощью. Тем более Англия продолжала бы сопротивляться.

— В Англии вполне могли бы победить какие-нибудь левые силы и склонить голову перед товарищем Сталиным. Сказали бы, что вот, великий Советский Союз разгромил Гитлера, а мы воюем против Советского Союза, нехорошо... Тем более если бы Сталин начал туда возить бананы из Африки. Без кофе и бананов Британия жить не может.

— Получается, что тот вариант истории, который разыгрался, был все-таки лучшим? Иначе жертв было бы неизмеримо больше?

— Да, конечно. Я высказываю крамольную мысль — Гитлер все-таки своим нападением спас Европу. Советский коммунизм был гораздо более опасен, гораздо более привлекателен, чем нацизм, оттого что он интернационален. Он вбирал в себя всю пакость любой страны. Есть, скажем, несгибаемая Финляндия, а в ней — мерзавец Куусинен. Сталинский назначенец. Он набрал бы себе

столько палачей, сколько нужно. Любые страны выделили бы достаточно палачей, и служили бы они Сталину верой и правдой.

Гитлер был национален, поэтому его режим не мог быть привлекателен для окружающих. Сталин был интернационален, поэтому побеждал идеологически, побеждал пропагандой.

Вспомните, эмблемой СС были черепа. Это ж каким дураком надо быть, чтоб такое придумать! А у НКВД — колосочки. И солнце восходящее на рукаве.

— Парадокс в том, что к началу мировой войны на счету у нацистов не было и тысячной доли тех преступлений, которые были на счету у Сталина и советского коммунизма. Нацистская пропаганда находилась в идеальном положении, она ничего про СССР не должна была придумывать, хватало правды. И все равно нацисты проиграли. А Сталин, несмотря на свою чудовищную репутацию, пропагандистскую войну выиграл.

— Да, и до сих пор продолжает выигрывать. И через 70 лет он живет и процветает.

МОГ ЛИ ГИТЛЕР ВЫИГРАТЬ ВОЙНУ?

— Виктор, традиционно считается, что, напав на СССР, Гитлер совершил ошибку и проигрыш Германии был запрограммирован. Но дальше этого обсуждение обычно не заходит. Вопрос о том, были ли у Гитлера реальные шансы выиграть войну со Сталиным, как правило, остается за скобками.

Итак, вопрос, точнее, вопросы — мог ли Гитлер победить Сталина, в каком случае это могло произойти и к чему бы это привело?

— Да, Гитлер мог выиграть войну со Сталиным, никаких сомнений в этом нет. Для подтверждения этой мысли я обращаюсь к протоколу допроса генерал-лейтенанта Лукина в немецком плену. Михаил Федорович Лукин в 1941 г. командовал 16-й армией, которая была выдвинута

из Забайкалья перед немецким нападением. Потом он героически сражался в районе Шепетовки, куда была выведена 16-я армия. Затем ее перебросили в Белоруссию, она отступала к Смоленску. В смоленском окружении Лукин принял на себя командование всеми окруженными войсками и держался там. Если бы он не держался, Москва пала бы очень быстро. Эта задержка под Смоленском в конце лета 1941 г. дала Сталину возможность собраться с силами и перевести дыхание. То есть Лукин — это герой, спасший Москву и, возможно, Советский Союз. И вот он попадает в плен. Немцы кладут его в офицерский госпиталь, где ампутируют ногу. У него была раздавлена нога, началась гангрена.

И вот в ходе допроса Лукин говорит немцам: «Дайте русскому мужику землю, и он ваш». Это говорит герой, спасший Москву.

Это значит, что после коллективизации любой, кто освободил бы людей от колхозов, кто припомнил бы коммунистам все их преступления против народа, был бы освободителем. Гитлеровцев встречали с цветами в Эстонии, Литве, Латвии, в Украине — не только Западной, в Белоруссии — не только Западной. И в Киеве тоже. Есть свидетельства, что на Крещатике старики вышли навстречу немецким колоннам с хлебом-солью.

В недавнем фильме Виктора Правдюка о войне есть страшные кадры: после окружения под Вязьмой (это после смоленского окружения, все тот же фронт гибнет снова) гонят наших радостных пленных солдат, а они все в новеньких шинелях. То есть это те, кто только прибыл на фронт, в окопах они не пачкались, так прямо и сдавались... Возможность выиграть была грандиозная.

— Об этом же пишет Борис Бажанов в своих мемуарах...

— Да, конечно. У меня есть мемуары рядовых власовцев, которые приходили к немцам и говорили: «Запишите меня в вермахт». А немцы этого просто не понимали, говорили: «Как же ты будешь воевать против своего народа?», а те отвечали: «Да не против народа! Запишите меня в вермахт, я буду против коммунистов воевать».

— Что произошло бы, если бы Гитлер объявил о создании русской антикоммунистической армии?

— Начался бы распад Красной Армии. Сдавались бы большими массами, не желая воевать. И все бы посыпалось. Немцы бы вышли к Волге, и вся эта власть рухнула бы...

— А без этого чисто военными средствами победить шансы были?

— Пожалуй, что нет. Это была роковая политическая ошибка — воевать против русского народа, украинцев, молдаван... Шло уничтожение народа, а народ не хотел уничтожаться. После этого любые военные усилия были бесполезны.

— А в чем состояла изначальная ошибка немецкого военного планирования?

— Ошибка немецкого военного планирования в самом начале состояла в том, что силы Советского Союза были колоссально недооценены. План «Барбаросса» в принципе не план, это директива. Это очень странный документ, некая декларация о намерениях, и ничего больше.

Вообще план совершенно дикий. Там, например, написано, что вот выйдем к Волге, а последние советские промышленные центры на Урале можно будет разрушить дальней авиацией. Которой у них нету!

Да и на Урале совсем не последние центры. За Уралом и Алтай, и Новосибирск, и Комсомольск-на-Амуре (самый мощный авиационный завод мира), и Омск, и чего там только нет... С военной точки зрения план «Барбаросса» — это какая-то чепуха.

Даже и в стратегическом плане тоже сомнителен. Наносится удар тремя группами армий, и эти три группы армий идут по РАСХОДЯЩИМСЯ направлениям! Группа армий «Север» на Ленинград, на северо-восток и отходит от группы армий «Центр». Между ними образуется колоссальный разрыв. А группа армий «Юг» устремляется на юг, к Днепропетровску, Запорожью, Херсону,

форсирует Днепр и т.д. Действовать по расходящимся направлениям — это ошибка, за которую бьют даже командиров взводов.

— То есть немцы просто не планировали серьезное сопротивление?

— Да, эта дикая недооценка Красной Армии была признана Гитлером на совещании в Борисове, когда он сказал, что, если бы заранее знал, что у Советского Союза есть столько танков, он бы войну не начинал. Это было жутким шоком для присутствующих генералов. Не ведая того, он сам ляпнул: «Братцы, я просчитался».

— Это ошибка абвера?

— Да. Разведка работала из рук вон плохо. Но недооценка возникала не только на уровне разведки, но и на уровне политического руководства. Мы сидим в имперской канцелярии, мы знаем, что там живут недочеловеки, и мы не тратим много средств на добывание сведений, потому что и так все ясно. Если бы государственные мужи полностью понимали бы опасность, то они сами бы уделяли больше внимания разведке.

Вот, например, такой дикий момент. Танки Т-34 были впервые показаны на параде 1 Мая 1941 года. Это был танк будущего, уже по одной своей форме. Немецкие танки казались по сравнению с ними ящиками, сделанными из досок, с плоскими вертикальными поверхностями. А тут появляется танк с совершенно удивительными формами. Для того времени это был танк футуристический. И эта форма, и длина орудия, и ширина гусениц — все это давало как минимум пищу для размышлений. Но никто над этим не размышлял, пока война не началась. А ведь работа разведки — это не только на параде смотреть. Прежде чем оказаться на параде, танки разрабатывались, испытывались, потом шли в производство, поступали в войска... Это длинная цепь событий, которую разведка должна была отследить.

Где-то в Харькове был построен колоссальный завод

дизельных двигателей с алюминиевым блоком цилиндров. Для разведки это безумно важно. Там работают десятки тысяч людей, и завод потребляет колоссальное количество алюминия почему-то. Запорожье туда поставляет алюминий. Что это такое? Авиационное производство? Нет. В Харькове есть другой авиационный завод, который строит Су-2, он тоже пожирает алюминий. А тут есть еще какой-то завод двигателей... Авиационных? Нет, не авиационных. А каких?

Вот когда разведка докапывается до таких совсем простых вещей, это сразу заставляет выстраивать цепочку. Кому нужен мощный дизельный двигатель с алюминиевым блоком цилиндров? Для каких-то новых танков... Ага, давайте искать новые танки.

— Предположим, Гитлер ударяет не растопыренными пальцами, а кулаком. Предположим, ему удастся взять Москву, что в принципе не исключено. Что дальше?

— Если бы политика в отношении населения СССР продолжалась, ничего бы у Гитлера все равно не получилось.

— В планах Гитлера было отогнать Сталина до Урала?

— Нет, не до Урала. Планом предусматривалось выйти на линию А — А, Архангельск — Астрахань. Дойти до Волги. А дальше — выбомбить всю оставшуюся промышленность стратегической авиацией, которой у Гитлера не было.

Они ждали зиму русскую как спасения. Надеялись, что начнется зима и прекратятся боевые действия. Гитлер писал Муссолини, что для оккупации России придется выделить какое-то количество дивизий... Полный бред.

Захват Москвы не решал ничего. Да и взять ее было трудно, хотя теоретически и можно. Но была запасная столица в Куйбышеве. И был опыт.

В 1918 г. немцы угрожали Питеру, и большевики убе-

жали в Москву. Никто никогда бы не подумал, что Москва может быть столицей. А большевики ее там выстроили.

Народ живет не символами. Вот стоит за тобой заградотряд и стреляет в затылок, а где в этот момент товарищ Сталин — в Куйбышеве или еще где — это мало кого колышет.

Помимо прочего, если бы немцы вышли к Волге, то нефть Баку перестала поступать вверх по Волге. И еще, в этом случае другой нефтяной район — Куйбышев, Казань, Башкирия — оказался бы в зоне досягаемости тактической авиации. Тогда СССР очень плохо пришлось бы в смысле снабжения нефтью. Но поднялась бы дубина народной войны. Война стала бы затяжной, это было бы похоже на Афганистан, Вьетнам или на Северную Ирландию...

— Предположим, немцы дошли до линии А — А. Встали. Красная Армия — четвертый, пятый, шестой эшелоны, которые к этому времени сколотили, — скапливаются за этой линией. Если Гитлер меняет восточную политику, дает землю крестьянам и прекращает террор, там разваливается все... А если нет — то это ничего не решает?

— Кроме того, за нами была Америка. Я недавно нашел очень интересные сведения. В апреле 1941 г. Америка начала в Басре (в Ираке) строить завод по производству «студебеккеров». По-моему, это подготовка к ленд-лизу.

Итак, немцы вышли к Волге, война стала затяжной, а тут начинаются поставки американского бензина, автомобилей... Рано или поздно, если бы Америка вмешалась в войну, начались бы американские бомбардировки городов и все затянулось бы года до 1948-го...

— А если бы у Гитлера все-таки хватило ума в 1941 г. сообразить, что к чему, уступить требованиям собственных генералов, изменить восточную политику и дать землю крестьянам?

— Тогда бы крестьяне не пошли в Красную Армию. Тогда бы крестьяне не поддерживали партизан. Их бы ловили и вешали. Но, кроме всего этого, было еще требование по организации русского правительства. Вот эпизод, когда Андрей Андреевич Власов пришел к Михаилу Федоровичу Лукину и сказал: «Михаил Федорович, давайте вы будете главнокомандующим Русской освободительной армией, а я у вас буду замом». Лукин спрашивает: «Андрей Андреевич, а вы уверены, что, когда мы победим, а мы победим, Гитлер нам позволит создать независимую Россию?»

Власов говорит: «Нет, я в этом не уверен». «Ну тогда, — говорит Лукин, — я остаюсь здесь и буду сидеть в лагере». Он сидел в лагере до конца, вышел, фильтрацию прошел очень быстро, потому что знали, что он герой защиты Москвы. Как Власов был героем защиты Киева.

Так вот, требованием русских людей, которые действительно могли возглавить войну против Сталина и коммунизма, была независимая Россия, хотя бы и усеченная. А это значит независимая Украина, которую, кстати, бандеровцы провозгласили, как только немцы вошли во Львов. Их всех после этого посажали, и Бандера всю войну просидел в немецком концлагере. Можно вспомнить Локотскую республику, можно вспомнить самоуправление Смоленска при немцах... Народ в то время еще был способен к самоорганизации. Красные партизаны в Локотскую республику нас боялись сунуть, народ их уничтожал беспощадно.

Так называемая Великая Отечественная война носила в себе все элементы войны гражданской. Если бы самостоятельная независимая Россия до Волги включительно образовалась бы, то она стала бы барьером для коммунистической России, которая, возможно, сохранилась бы за Волгой.

— А что при этом происходило бы на Западе? Война бы заглохла?

— Гитлер постоянно обращался к британским властям с предложениями о мире. Это были публичные об-

ращения. Но за Великобританией стояли Соединенные Штаты Америки. Я думаю, что Великобритания на мир никогда бы не пошла, а США в войну все равно ввязались бы.

Западная и Центральная Европа — это колоссальные индустриальные и интеллектуальные возможности, но без сырьевых ресурсов. Есть уголь, но нет железной руды. Руда поступала из Советского Союза и Швеции. Нет нефти, по большому счету, нет марганца, никеля, олова, вольфрама, молибдена, без которых воевать нельзя. Если бы Гитлер правильно поставил оккупацию этих стран, то что-то можно было бы сделать. Но и в отношении прочих оккупированных стран все было сделано неправильно.

— То есть если бы на Востоке стабилизировалась ситуация, то на Западе Гитлера это все равно бы не спасло?

— Если бы на Востоке стабилизировалось противостояние «Московской Руси» и «Уральской Руси», то Гитлера могла бы спасти только атомная бомба. Если бы Германия сделала бомбу, то тогда получилась бы ситуация, которая описана в романе Джорджа Оруэлла «1984», когда существуют три супердержавы, которые друг против друга воюют. Бесконечное бодание, как у коров без рогов.

— Это значит, что у Гитлера единственной возможностью спасения, если бы на Востоке возникли две России, было не просто предложить мир Англии, а втянуться обратно в границы рейха. Тогда мир был бы принят?

— Может быть, да, а может быть, и нет.

— То есть даже победа на Востоке не могла гарантировать Германии от вторжения союзников на Западе. Шансов у нее и в этом случае не было?

— Да, наверное.

— Последний, «концептуальный», как сейчас принято говорить, вопрос. Предположим, Гитлер вовремя осознал опасность нападения на Советский Союз и не решился бы это сделать. Что было бы дальше?

— Дальше Советский Союз нанес бы удар, и Германия была бы разгромлена очень быстро.

Гитлер не смог бы отразить этот удар, и получается, что его единственный шанс на спасение был бы все тот же мир с Англией на условиях возвращения в прежние границы рейха и заключение военного союза, потому что устоять против СССР и не отдать ему Европу можно было только совместными усилиями.

— В «Майн кампф» Гитлер писал, что выиграть войну против Советского Союза можно только вместе с Англией.

— И еще он там писал, что выиграть войну против Англии можно только с помощью Советского Союза. Сдурю выбрал в 1939 г. именно этот вариант. И попался.

Спасибо за беседу.

— Виктор, мог ли Советский Союз вести войну более удачно и с меньшим количеством жертв?

— Ответ на этот вопрос может быть только один — Советский Союз вел войну наихудшим образом из всех возможных. История всегда развивается по одному из множества возможных вариантов. Руководство СССР и командование Красной Армии вели войну по худшему для страны и для ее народа сценарию.

Первая причина. В Красной Армии практически не было низшего командного состава. Официально, конечно, сержанты и старшины были. Но советские сержанты по уровню подготовки никак не могли равняться с немецким младшим командным составом, с младшим командным составом других армий и с младшим командным составом русской армии до большевистского переворота.

Почему в Красной Армии не было сержантов таких, как в русской армии времен Русско-японской и Первой

мировой войн? Хорошим сержантом становится деловой, хозяйственный мужик, который дома встает в 4—5 утра и работает от зари до зари в поле. Таких мужиков наша родная власть извела.

— В чем функции сержанта в армии? Чем сержант отличается от солдата и офицера?

— Солдат воюет и делает то, что ему прикажут. Работа сержанта отличается от работы офицера тем, что сержант руководит самыми низовыми подразделениями, непосредственно ведущими бой. Это должен быть думающий человек. Положение сержанта похоже на положение бригадира полеводческой бригады. А труд крестьянина — это труд творческий. Если крестьян загнать в колхоз, то они лишаются инициативы, лишаются возможности творчества. Сержант непосредственно ведет в бой 5—10—12 человек. Он им говорит — вот здесь рыть окоп, а здесь — не надо... Вот ты будешь стоять на посту, а мы будем копать траншею... Это низовой уровень управления. Если этот уровень управления не действует, то вся система получается чудовищно неэффективной.

В германской армии в роте было два офицера — командир роты и командир первого взвода, который был заместителем командира роты. Он командовал, если ротный куда-то отлучился. У нас же офицерами были командиры трех взводов и командир роты. В танковых частях был еще офицер-зампотех. Ну и еще политрук. В нашей роте — 5—6 офицеров, у немцев — два. Всегда говорили — в армии была нехватка офицеров. Отчего? Оттого что офицер вынужден был делать сержантскую работу. Но эту работу он выполнить правильно тоже не был способен, потому что его задачи были изначально другими.

— Почему так получилось?

— Это был результат государственной политики.

Номер один — коллективизация ударила по низшему командному составу.

Номер два — та же коллективизация ударила по боевому духу населения.

И третье — преднамеренное уничтожение воинского братства. Вот открываем мы «Тихий Дон», официально написанный Шолоховым (неофициальная версия изложена в блестящей книге Зеева бар Селлы «Литературный котлован»).

Казачья станица. Казаков подняли по тревоге, и они пошли воевать. До этого они вместе хлеб косили, крышу ремонтировали, теперь — воюют. Тут не могло быть никакой дедовщины, нельзя было быть трусом, потому что потом, когда вернешься в станицу, — засмеют. Это было воинское братство.

В Красной Армии, а потом в советской, ничего похожего быть не могло. Еще во время Гражданской войны товарищ Сталин сказал, что нужно отрывать солдат от своих родных краев и перемешивать.

Поскольку солдат воевал за чуждые ему идеи, нужно было не допустить солдатского братства. Поэтому у нас существовала «дружба народов», которая заключалась в том, что солдат отрывали от родного дома и в армии перемешивали. Говорилось: «Вот у нас в первой роте дружба народов — 92 национальности. И якуты, и азербайджанцы, и кто угодно...» Никакого братства здесь не было. Возникали землячества, возникали разнообразные группировки, враждовавшие между собой.

Для устойчивости антинародного режима это было правильно. Для армии — плохо.

У немцев части формировались в основном по территориальному признаку. У нас это преднамеренно нарушалось. Человек человеку — волк. Каждый должен выжить сам.

В вермахте раненый солдат после госпиталя возвращался в свою дивизию. У нас этого не было. И солдат, и офицеров постоянно перемешивали. Поэтому возникавшее фронтовое братство постоянно целенаправленно уничтожалось.

Эти три причины дают нам совершенно по-особому организованную армию.

— Но могла бы даже такая армия воевать с меньшими потерями?

— Да, могла бы. Если бы она с самого начала воевала за свою Родину. Но на наших знаменах было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Только с 1942 года стали писать «За нашу советскую Родину». В 1943 году ввели Гимн Советского Союза: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...» А до этого гимном был «Интернационал». То есть армия воевала не за национальные, а за интернациональные идеи.

Одного этого было достаточно для массового дезертирства при первых неудачах. То есть в начале войны этот антинародный режим людьми — солдатами — не защищался. Для солдата он был скорее вражеским.

После подавления Кронштадтского восстания, после искусственного голода на Украине и в других районах страны, после расказачивания и коллективизации, после Тамбовского восстания, после восстаний в Сибири, на Алтае и т. д., после того как люди поняли, что эта власть действует против них, они не воспринимали ее как что-то свое.

И если около миллиона советских граждан воевали на стороне Гитлера, то это только потому, что немцы оккупировали только незначительную часть Советского Союза.

А вот если бы они дошли до Тамбовской губернии, то неизвестно, сколько еще людей влилось бы в их армию. Если бы немцы воевали не под лозунгом подавления русского и других народов, а под лозунгом борьбы против антинародного сатанинского режима, то на их стороне было бы гораздо больше людей.

— Вернемся к вопросу — можно ли было воевать с меньшими потерями?

— Конечно, можно.

Вот пример. Немцы наступают, грубо говоря, с запада на восток. Их путь прегражден двумя великими реками. Поперек направления их движения текут Днепр и

Западная Двина. Причем текут примерно по одному меридиану. И только в районе Смоленска и Двина, и Днепр текут приблизительно с востока на запад, образуя коридор. В стратегии этот участок называется «смоленские ворота».

Здесь, на участке «смоленских ворот», и следовало строить укрепленный район. Все враги с запада всегда шли через Смоленск. И польская интервенция, и Наполеон, и немцы во Второй мировой войне. Укрепленных районов строили огромное количество, но не там, где надо.

Можно сказать, что это я теперь такой умный и знаю задним числом, что немцы ударили на Смоленск. Легко теперь упрекать Жукова, а каково было ему...

На это я скажу — а Жуков это якобы предусмотрел. В его мемуарах написано, что якобы он предвидел, что главный удар будет на Барановичи, обхватывая основную группировку Западного фронта. И нам рассказывают, какой Жуков был гениальный, раз он это все предвидел.

Но ведь если немцы ударят на Барановичи, то дальше будет Смоленск! Это ведь стратегическая магистраль: Берлин — Франкфурт-на-Одере — Варшава — Брест — Барановичи — Смоленск — Москва. Если Жуков это предвидел, то должен был за Барановичами, в районе Смоленска, построить укрепленный район, и тогда война была бы совсем другой. Один укрепрайон! Хотя до этого уже было построено тринадцать укрепрайонов на старой западной границе и большое количество уже на новой границе.

Если бы там был укрепрайон, то это была бы уже совсем другая война. Не было бы смоленского окружения...

— А почему не построили?

— Потому что они не готовились к обороне.

Западная Двина перекрывает от «смоленских ворот» приблизительно все ленинградское направление, Прибалтику и т.д. На юге — Днепр. Остается всего семьдесят километров пустого места. Там должен быть УР. Достаточно поставить в «смоленские ворота» еще в мирное

время стрелковый корпус и сказать командиру корпуса: «Ты подчиняешься только Москве, никто не имеет права тебя дергать. Твоя задача — стоять насмерть. А теперь думай со своим начштаба и командирами дивизий, как ты будешь воевать. В мирное время мы заготовим тебе боеприпасы, склады, продовольствие. Твоя задача — держаться».

Это номер один.

Номер два — днепровская флотилия. Если бы ее держали на Днестре, она бы не позволила Днепр форсировать. Тогда не было бы чудовищного киевского окружения — 664 тысячи человек попали в плен. Днепровскую флотилию расформировали в 1940 году!

Левый берег Днепра низменный, весь изрезанный, в зарослях, протоках и лиманах. Там прячутся наши бронекатера и мониторы. Немцы пытаются наводить переправы — пожалуйста, наводите.

По течению Днепра в мирное время следовало готовить скрытые базы для диверсионных групп, скажем, через каждые 20 километров. По мобилизации эти группы занимают свои бункеры. Всего по 10 человек с толковым сержантом. Дать ему лодку, лучше моторную, и десять морских мин, рогатых. И сказать ему: «Если внизу по течению немцы будут строить мост, ночью с ребятами выводишь мину на середину реки, вкручиваешь взрыватель и пускаешь ее по течению. Мосты же у немцев наплавные... На следующую ночь — еще раз. И еще раз...» Кстати, когда Советский Союз рухнул, в Кронштадте обнаружили колоссальное количество морских мин образца 1904 г. Их было в достатке.

Это была бы совсем другая война. В этом случае в наших руках остался бы Харьковский танковый завод, родина танка Т-34, и первый в мире завод дизельных танковых двигателей в Харькове. А так они были потеряны. Наше производство танков было колоссальным, но тогда оно было бы в пять раз больше.

Или мосты днепровские. Их сосредоточения, железнодорожных и автомобильных, можно легко пересчитать по пальцам. Это колоссальные сооружения. Перед каждым мостом на восточном берегу построй маленький ук-

репрайончик. На другой стороне моста — тоже. Два батальона здесь, два батальона — на той стороне. Когда немцы подходят, мы держим мост до последнего, потом его взрываем. И держимся, не позволяя его восстанавливать.

В то время все снабжение армии в стратегическом масштабе было возможно только по железным дорогам. Никакими автомашинами по нашим дорогам доставить миллионы тонн грузов невозможно. Да и бензина на это не было.

Другая возможность. Гитлер нападает, а у нас все железнодорожные мосты от границы до Днепра подготовлены к взрывам. Представьте себе, сколько времени нужно на восстановление этих мостов, если бы мы, отходя, все их взрывали.

К тому же после вражеского нападения мы, отходя, взрываем все водонапорные башни. Каждому паровозу требовалась уйма воды, и на всех станциях были водоразборные колонки для заполнения паровозов водой. В мое время они еще стояли, я хорошо помню. Это была очень трудная работа. Если бы башни были взорваны, то никуда бы немцы на своих паровозах не пошли. А следовательно, не пошли бы и их танки. Ведь вырвавшиеся вперед танки нужно снабжать — снарядами, топливом, запчастями, продовольствием, одеждой...

Другой вариант. Грубо говоря, наши западные границы пересекают десять железнодорожных направлений. Это только примерно, в действительности они переплетаются между собой, сходятся, расходятся... Предположим, товарищ Сталин боится Гитлера и нападать на него не желает. В этом случае было бы разумно оставить одну железнодорожную магистраль на всякий случай, а девять остальных на глубину 500 км от границы — разобрать. И все. Тогда никакого блицкрига не будет. Да, танки проврутся вперед, а дальше? Восстановить девять направлений по 500 км, если мы все рельсы вывезли — сколько же это времени займет? До зимы. И никакого блицкрига. А затяжная война для Гитлера смертельна.

Или подготовить заранее партизанское движение. Оно было поготовлено, но в 1940 году разогнано за нена-

добностью. А ведь это разные вещи — занять территорию и контролировать территорию. Только когда немцы напали, начали все это создавать экспромтом.

Еще пример. В начале 1941 года в западных районах страны Красная Армия возводила 254 аэродрома с бетонированными взлетно-посадочными полосами. Если бы их не было, то это была бы совсем другая война. Немцы пришли, а у них нет аэродромной базы... А тут пришли, а она у них есть. На советской территории для них были подготовлены аэродромы.

Но самое главное — это чудовищная, нечеловеческая система власти, которая жизнь человека ни во что не ставила. Все человеческие ценности были полностью охаяны и забыты. В Советском Союзе все делалось любой ценой. И песни пели — «Мы за ценой не постоим». Никого человеческая жизнь не интересовала в принципе.

Были даты. К 7 ноября 1943 года взять город Киев. К 1 мая 1945 года взять город Берлин. И брали.

Всегда это делалось именно так, не по уму. Ведение войны было преступным. Преступным с самого верха и до самого низа.

— Чем тактически отличались советские способы ведения войны от нормальных?

— Все советское военное искусство делилось на три уровня: тактика — до дивизии включительно; оперативное искусство — уровень армии, корпуса, фронта и стратегия — уровень действия нескольких фронтов. Выше идет политика.

В политике, дипломатии, стратегии Красная Армия резко превосходила немцев. В оперативном искусстве Красная Армия резко превосходила немцев. В области тактики — это был глубочайший провал.

Я окончил Киевское высшее общекорпусное дважды Краснознаменное училище имени Фрунзе, где основным профилирующим предметом была тактика. Должен сказать, что тактика преподавалась по-дурацки. Кто хотел изучать тактику, делали это самостоятельно. У нас был такой нелегальный кружок, назывался «Кирзовый сапо-

жок». Мы собирались вместе и учили тактику сами по себе, независимо от официальной тактики. Изучали немецкие книги, например потрясающий учебник «Тактика в русской кампании» Миттелдорфа. Это была у нас настольная книга. Немецкая тактика резко превосходила нашу, потому что советская тактика была шаблонной. Шаблон был совершенно чудовищный, и он всегда сохранялся. Это была какая-то запредельная тупость. Надо делать так, а не иначе. Конечно, на экзаменах я эту тактику сдавал на «отлично» оттого, что отключался. И на государственных, где генералы сидели, — тоже. Я знаю, что сказать надо вот так и так, а собственные мозги отключаю.

Скажем, взвод наступает на фронте 200 метров. И вот приходит какой-нибудь начальник, проверяет меня и говорит, а вот у тебя не 200 метров, а 210. Значит, действуй неправильно! Это был набор диких штампов, которых нужно было твердо держаться. Если что-то не так, значит, ты ничего в тактике не понимаешь. Ум полностью отключался.

Это была совершенно дурацкая тактика, и тут мы проигрывали очень сильно. Подготовка сержантов — то, с чего мы начинали, — была совершенно неудовлетворительной. Подготовка индивидуального бойца была тоже неудовлетворительной. На низшем звене у нас господствовал шаблон. Если ты начинаешь думать своей головой — ты дурак.

Подбивая итог.

Да, Советский Союз мог вести войну с гораздо меньшими жертвами (а мог и вообще избежать войны), если бы советский режим был менее бесчеловечно устроен. И если бы он не имел таких отвратительных и опасных для всего мира внешнеполитических целей.

ЧИТАЯ КНИГИ «ЛЕДОКОЛ» И «ДЕНЬ-М» ВИКТОРА СУВОРОВА

По иронии нашей жизни политизированная история надевает на нас такие забрала слепоты, что нужно быть не историком, чтобы познать истину. Нужно быть не профессионалом, чтобы опрокинуть привычность догм. Нужно быть отшельником-одиначкой, чтобы избавиться от давления перевешивающих любую чашу весов всегда до скуки одинаковых мнений современников.

Так рождается еще не история, но искра истины, под которую потом будут подбиваться сноски и цитаты, документы и воспоминания. И, закончив чтение на списке используемых источников, мы поймем, что перед нами не просто книга, а исторический труд — еще одна ступень, в силу способностей автора приблизившая нас к той недостижимой вершине истины, которую стремится познать и на которую никогда не вступит историк, не могущий ощутить, изучить и описать все изгибы сверхчеловеческого замысла.

Среди казенщины и банальщины идей и людей, чьи книги вы никогда не отличите друг от друга, если вырвете титульные страницы написанных ими томов, работы Виктора Суворова «Ледокол» и «День-М» — явление выдающееся. И именно потому, что автор этих книг никогда и ни в чем не убедит многочисленную армию исто-

* Фельштинский Юрий Георгиевич — доктор исторических наук, автор книг: «Большевики и левые эсеры» (Париж, 1985); «К истории нашей закрытости» (Лондон, 1988; Москва, 1991); «Крушение Мировой революции» (Лондон, 1991; Москва, 1992); «Вожди в законе» (Москва, 1999); «ФСБ взрывает Россию» (в соавторстве с А. Литвиненко, Нью-Йорк, 2002). Впервые опубликовано в журнале «Вестник» № 26 (207), 22 декабря 1998 г.

риков-профессионалов, я пишу эти строки в защиту истории, в защиту истины, в защиту автора столь неординарных книг. Пишу с благодарностью и с ревностью, поскольку и сам довольно давно, еще до того, как в «Русской мысли» стали появляться статьи В. Суворова, пришел к выводу, что «конечно же» Сталин сам собирался напасть на Гитлера. Только так можно объяснить его поведение в 1939—1941 годах (на самом деле и раньше).

Откуда начать? В 1974 году я написал курсовую работу о первых неделях войны. Мой научный руководитель Э.Э. Шкляр оценил ее как «написанную в духе Нечрича», поставил четверку и подал соответствующую докладную в деканат. Я понял, что иду в правильном направлении, и показал работу другу моего отца детскому писателю Виктору Важаеву. Он также остался недоволен «тенденциозным подбором фактов и источников» и рассказал мне анекдот того времени: «Перед началом войны встречаются на советско-германской границе советский и немецкий офицеры. Первый спрашивает второго:

— А почему это на нашей границе сосредоточено столько германских войск?

Второй отвечает:

— Да они слишком устали на Западном фронте и перекинуты сюда в отпуск. Кстати, а почему это на нашей границе сосредоточено столько советских войск?

— А чтобы немецким солдатам ничто не мешало отдыхать, — отвечает советский офицер».

Так я узнал о концентрации советских войск на границе с Германией. Из анекдота. Так начался мой «Ледокол» и «День-М». Десять лет спустя, уже в США, я понял, что июнь 1941 года не объяснить без истории германо-большевистских отношений времен Первой мировой войны. Прочтя теперь в «Ледоколе» (с. 18): «По смыслу и духу Брестский мир — это пробный пакт Молотова — Риббентропа. Расчет Ленина в 1918 году и расчет Сталина в 1939-м тот же самый...» — я был и поражен, и тронут. Автор, увидевший эту взаимосвязь, поймет и все остальное.

Как у автора, занимавшегося Брестским миром, у

меня, разумеется, есть какие-то замечания к вступительным главам книги «Ледокол». Но, по крайней мере, мы с В. Суворовым говорим на одном языке. И на разном — со всеми остальными. При подписании Брестского мира расчет Ленина был более глубоким. «Поражение Германии уже было близким, — пишет В. Суворов, — а Ленин заключает мир, по которому Россия отказывается от своих прав на роль победителя... без боя. Ленин отдает Германии миллион квадратных километров самых плодородных земель и богатейшие промышленные районы страны да еще и контрибуцию золотом выплачивает. Зачем?!» («Ледокол», с. 17). Ответ В. Суворова: чтобы война продолжалась и Германия истощила себя и западных союзников как можно больше.

С этим трудно не согласиться, с той единственной оговоркой, что такое утверждение противоречит общепринятому мнению о желании Ленина как можно скорее разжечь в Германии революционный пожар. Одно из двух: либо ускорять революцию в Германии и для этого не подписывать Брестского мира, а вести открытую (позиция Бухарина и других левых коммунистов) или необъявленную (позиция «ни мира, ни войны» Троцкого) войну, либо, по существу, ликвидировать Восточный фронт, подписать перемирие с Германией и помочь германскому правительству — не забудем эпитеты: реакционному, империалистическому, милитаристскому — держать фронт на Западе против бывших союзников России.

Ленин выбрал второе. И не он, подписью председателя СНК, разорвал Брестский мир, а стоявший в оппозиции всей брестской политике Ленина советский актив — ВЦИК, за подписью Свердлова, уже оттеснившего Ленина в борьбе за власть в критические месяцы второй половины 1918 года. Если бы не фактическое отстранение Ленина от партийных дел летом 1918 года (кстати, именно из-за его крайне непопулярной брестской политики), Брестский мир, возможно, так никогда и не был бы разорван советским правительством. И Раппальский договор 1922 года не рассматривался бы нами как рывок, а лишь

как плавный переход от Брестского соглашения к новому, более равноправному.

Вряд ли можно согласиться с мнением Троцкого (1936), с которым согласен В. Суворов, что «без Сталина не было бы Гитлера». Без унижительных и неприемлемых для Германии условий Версальского договора, без большевистской угрозы, нависшей над Европой, в Германии — да! — не было бы Гитлера. И в этом смысле за победу национал-социализма в Германии Сталин, видимо, отвечает меньше, чем государственные деятели Франции, Бельгии и Англии. Сам Троцкий постоянной проповедью о неизбежности победы коммунистической революции в Германии оказал Гитлеру помощь куда большую, чем все остальные. Общеизвестны теперь уже факты о советско-германском сотрудничестве между 1922 и 1941 годами (что всегда отрицалось обеими сторонами). Вот что писал, выдавая государственные тайны, Троцкий 5 марта 1938 года в статье «Тайный союз с Германией», опубликованной в «Нью-Йорк тайме»:

«С момента низвержения Гогенцоллернов [советское] правительство стремилось к оборонительному соглашению с Германией — против Антанты и Версальского мира. Однако социал-демократия, игравшая в тот период в Германии первую скрипку, боялась союза с Москвой, возлагая свои надежды на Лондон и особенно Вашингтон. Наоборот, офицерство Рейхсвера, несмотря на политическую ненависть к коммунизму, считало необходимым дипломатическое и военное сотрудничество с советской республикой. Так как страны Антанты не спешили навстречу надеждам социал-демократии, то «московская» ориентация Рейхсвера стала оказывать влияние и на правительственные сферы. Высшей точкой этого периода было заключение Раппальского договора об установлении дружественных отношений между Советской Россией и Германией (17 апр. 1922 г.).

Военное ведомство, во главе которого я стоял, приступило в 1921 году к реорганизации и перевооружению Красной Армии, которая с военного положения переходила на мирное. Крайне заинтересованные в повышении военной техники, мы могли в тот период ждать содейст-

вия только со стороны Германии. С другой стороны, Рейхсвер, лишенный Версальским договором возможностей развития, особенно в области тяжелой артиллерии, авиации и химии, естественно, стремился использовать советскую военную промышленность как опытное поле для военной техники. Полоса немецких концессий в Советской России открылась еще в тот период, когда я был полностью поглощен Гражданской войной. Важнейшей из них по своим возможностям или, вернее, по надеждам являлась концессия авиационной компании «Юнкере». Вокруг этих концессий вращалось известное число офицеров. В свою очередь отдельные представители Красной Армии посещали Германию, где знакомились с организацией Рейхсвера и с той частью немецких военных «секретов», которые им показывали. Вся эта работа велась, разумеется, под покровом тайны, так как над головой Германии висел дамоклов меч версальских обязательств. Официально берлинское правительство не принимало в этом деле никакого участия и даже как бы не знало о нем: формальная ответственность лежала на Рейхсвере, с одной стороны, и Красной Армии — с другой. Все переговоры и практические шаги совершались в строгой тайне. Но это была тайна главным образом от французского правительства как наиболее непосредственного противника. Тайна, разумеется, долго не продержалась. Агентура Антанты, прежде всего Франции, без труда установила, что под Москвой имеются авиационный завод «Юнкере» и кое-какие другие предприятия. В Париже придавали нашему сотрудничеству с Германией, несомненно, преувеличенное значение. Серьезного развития оно не получило, так как ни у немцев, ни у нас не было капиталов. К тому же взаимное недоверие было слишком велико. Однако полудружественные связи с Рейхсвером сохранились и позже, после 1923 года, когда Крестинский стал послом в Берлине.

Со стороны Москвы эта политика проводилась не мной единолично, а советским правительством в целом, вернее сказать, его руководящим центром, т.е. Политбюро. Сталин был все это время членом Политбюро, и, как показало все его дальнейшее поведение, вплоть до 1934

года, когда Гитлер отверг протянутую из Москвы руку, Сталин являлся наиболее упорным сторонником сотрудничества с Рейхсвером и с Германией вообще.

Наблюдение за немецкими военными концессиями велось через Розенгольца как представителя главы военного ведомства. Ввиду опасности внедрения военного шпионажа Дзержинский, начальник ГПУ, в сотрудничестве с тем же Розенгольцем вел за концессиями наблюдение со своей стороны.

В секретных архивах военного ведомства и ГПУ должны были, несомненно, сохраниться документы, в которых о сотрудничестве с Рейхсвером говорится в очень осторожных и конспиративных терминах...»

Крайне интересные материалы по этому вопросу содержатся в зарубежных архивах, в частности, в коллекции Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Вот что писал меньшевик и экономист Н. В. Валентинов-Вольский в письме Р. А. Абрамовичу, одному из лидеров меньшевистской партии:

«Приехав летом 1927 года в Липецк, к величайшему моему удивлению, нашел его полным немцев и в небе над ним столько летающих аэропланов, сколько я в это время не видел и в Москве. В Липецке были арсеналы и аэрогары немцев, охраняемые ГПУ. Все обыватели знали об этом, но никто не смел о том говорить — таких ГПУ арестовывало. На кладбище в Липецке был целый угол с памятниками в честь погибших немцев-авиаторов. [...] Когда, приехав из Липецка (я принимал там грязевые ванны) и посетив Рыкова, в разговоре с ним я коснулся немцев-авиаторов в Липецке, он сухо прервал меня, заявив: «Извините, об этом с вами говорить не буду» (ящ. 591, п. 14. Письмо Н. В. Валентинова-Вольского Р. А. Абрамовичу от 28 янв. 1958 г., с. 4—6). Уже примерно с 1924 года связь между штабом Красной Армии и Бендельштрассе осуществлялась через командиров Красной Армии высокого ранга (Тухачевский и Берзин), а обратно через немецких офицеров, которые курсировали между Берлином и Москвой «со служебными поручениями» (ящ. 508, п. 44. Erich Wolenberg. Эрих Волленберг

Б. И. Николаевскому. Письмо из Гамбурга в Калифорнию от 20 апр. 1965 г. Пер. с нем.).

Валентинов сообщил также Абрамовичу, что с 1924 года «Юнкере» строил в СССР самолеты и что в Самаре был построен завод по производству удушливых газов. Абрамович тоже был осведомлен о советско-германском военном сотрудничестве. Вот что ответил он Валентину:

«Об этом у меня имеется чрезвычайно обширный материал, основанный на больше чем 225 книгах, докладах, статьях и т.д. немецкой и др. прессы. Началось оно еще во время Гражданской войны, когда Чичерин явился ночью в немецкое посольство к «наследнику» Мирбаха фон Гельфериху и предложил ему негласное военное соглашение для совместной борьбы [совместно] с немцами, финнами и балтийцами против англичан в Мурманске и Архангельске. Это было в июле — августе 1918 г. Продолжалось это сотрудничество до Гитлера и при Гитлере. Начальный период [был] примерно до 1926 г.; теперь вне споров [...] и то, что Вы сейчас сообщаете в письме о Липецке и о Троцке (так назывался городок под Самарой, в котором была химическая фабрика газов для немцев. — Ю.Ф.). Об этих химических гранатах прогремела вся Германия, когда немецкие социал-демократы подговорили гамбургских грузчиков уронить несколько ящиков с советского парохода, и по всей набережной на глазах у многих людей рассыпались гранаты с удушливыми газами с маркой РСФСР. Тогда был запрос в парламенте, публичные дебаты, и этот инцидент был с трудом потушен» (ящ. 591, п. 14. Письмо Р. Абрамовича Н. В. Валентинову-Вольскому. 4 февр. 1958 г., с. 2).

Много говорилось об этом после Второй мировой войны, когда за границей оказалось большое число бывших советских граждан из пленных или интернированных немцами в годы войны. Один из этих эмигрантов, Л.Тренин, писал: «Начало немецкого влияния надо считать с 1922 г., когда между советской властью и Германией было заключено тайное соглашение о вооружении и техническом оснащении Красной Армии. С экономической точки зрения это соглашение принесло Германии неко-

торую пользу, ибо часть военно-химических и авиационных запасов, оставшихся после великой войны и подлежавших уничтожению, она сбыла советскому правительству. [...] Во второй половине 1922 г. немецкие авиационные специалисты — офицеры Рейхсвера — прибыли в Москву, заключили контракт на 5 лет и основали в Филях, под Москвой, авиазавод. Все техническое оборудование было привезено из Германии. Рабочий и технический персонал первое время был также немецкий. В том же 1922 году было основано первое русско-немецкое авиационное общество «Дерулюфт», которое наладило первую линию Москва — Кенигсберг. В начале 1923 года другой группой немецких офицеров-химиков был основан в 12 км от Москвы между гор. Люберцы и гор. Люблино небольшой военно-химический завод. Первое время здесь работало всего несколько десятков человек, включая и руководящий персонал. Это были исключительно немцы. Завод этот самостоятельно никакой химической продукции не производил, и задача его состояла лишь в снаряжении мин, артиллерийских химических снарядов и ядовито-дымных шашек хлорпикрином, адамситом и другими отравляющими веществами, привозимыми из Германии. Завод также производил испытание указанных мин, снарядов, шашек, а также и газовых волн. Все это происходило на территории будущего научно-испытательного химического полигона. [...] Постепенно большевики создали сами свои химические кадры и строили два мощных химических завода. [...] Когда в 1925 году эти заводы были готовы, большевики решили ликвидировать немецкий химический завод. Так как контракт имел силу до 1927 года, [...] в одну из осенних сентябрьских ночей 1925 года они подожгли завод и дом служащих немцев в Подосинках (17 км от Москвы по Казанской железной дороге). От завода остался один сарай с химической продукцией, а жилой дом сгорел дотла. После этого большевики обвинили немцев в саботаже. [...] Вскоре после этого была выброшена с авиазавода в Филях и другая немецкая группа авиаспециалистов» (ящ. 295, п. 23. П. Тренин. «Немцы и русская авиационная химия». Вырезка из газеты).

Примерно о том же сообщает безымянная заметка архива Николаевского:

«В результате весьма напряженной и кропотливой работы полуофициальных представителей Рейхсвера (с 1922 г.) в СССР в настоящее время имеются приличные запасы германского имущества и целые военно-промышленные организации (официально «госпредприятия Военведа»), созданные на средства германского Рейхсвера и при его непосредственном техническом контроле. [...] Рейхсвер заботился главным образом об артиллерийском и пулеметном вооружении Красной Армии: усовершенствования английского вида танков, постановки на должную высоту военно-химического дела и авиационного. В области морской Рейхсвер подвизался в усовершенствовании технического подводного плавания» (ящ. 14, п. 1. Рейхсвер и Коминтерн. Без даты и без автора, с. 1, 3). За военным сотрудничеством следовало политическое и даже идеологическое сближение. Борьба с франко-бельгийской оккупацией Рура (Рейнской области) в начале 1923 года преподносилась буквально как акция Коминтерна. На нелегальную работу туда были заброшены советские агенты. Тогда же обсуждались «планы о сражении русско-германских сил с французским империализмом на Рейне и снабжение Рейхсвера и германских националистов советскими гранатами» (ящ. 629, п. 3. *Сухомлин В.В.* В кольце измен. Измена Троцкого, Сталина, Бухарина, китайцев, англичан и др. — Воля России, 1926, с. 131).

Разногласия по вопросу о советско-германских отношениях были одной из причин конфликта между Сталиным и Бухариным. «На позицию Бухарина огромное влияние оказали вопросы внешней политики, — писал Николаевский. — Именно на них он порвал со Сталиным: Бухарин в 1926 г. пришел к выводу, что Германия перестала быть страной, находящейся на полуколониальном положении. Помните статьи Бухарина в «Правде» в 1926—1927 гг., когда он доказывал, что после Локарно Германия перестала быть эксплуатированной страной? Ведь это — против Сталина. Сталин держался за союз с Рейхсвером Бредова-Шлейхера. Людвиг Рейсе, убитый

в 1937 г. в Швейцарии, получил орден Ленина за то, что он в начале 1928 г. установил тайную связь с лидерами немецкой военно-морской разведки. Именно с этого момента начинается чисто сталинская игра секретных агентур — дважды подпольная. В беседе Бухарина с Каменевым ей соответствуют намеки на отказ Сталина подвергать шахтинцев карам за связи с немцами» (ящ. 476, п. 34. Письмо Николаевского от 6 окт. 1965 г., с. 1; ящ. 472, п. 32. Письмо Николаевского И.М. Бергеру от 2 окт. 1961 г., л. 1).

Упоминаемая Николаевским беседа Бухарина с Каменевым состоялась в июле 1928 года. Как раз в это время, в мае — июле, в Москве проходил судебный процесс над «вредителями в Донбассе» — так называемое Шахтинское дело. Дело было сфабриковано. Пятеро обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам тюремного заключения. Подсудимых обвиняли в том числе и в шпионаже в пользу Германии. И предложение Сталина не давать смертных приговоров, на которых настояли в конце концов Бухарин и его сторонники, рассматривалось как заигрывание с Германией.

«Я нахожусь под впечатлением Ваших аргументов о том, что у Сталина были прогерманские симпатии, — писал Николаевскому бывший коммунист, а затем известный советолог Луи Фишер. — Я понимаю, что он приветствовал бы тесное сотрудничество с Рейхсвером. Это было в ленинской традиции и началось, как я понимаю, в 1919 году, что означает, что Троцкий и Чичерин, конечно, видели в том выгоду. После того как Гитлер пришел к власти в январе 1933 года, Сталин выжидал год. Я в тот год был в Москве.

[...] Москва всегда боялась иноземного вторжения. В 1934 году Радек сказал мне, что Сталин боится одновременной польско-японской атаки против СССР. По этой причине главным образом КВЖД была продана Маньчжоу-Го (Японии) в 1935 году. Безусловно, Сталин мечтал направить гитлеровскую экспансию на Запад. Но германская военная работа в Испании не повредила Гитлеру. Это был способ для тренировки вооруженных сил.

Цель сталинской политики в Испании, по-моему, заключалась в том, чтобы заставить Францию и Англию отказаться от внешней политики умиротворения Гитлера и Муссолини и заставить их встать на путь активного противодействия. Мюнхен показал, что эта попытка закончилась провалом. Чемберлен, Даладье и Рузвельт не пошли против Гитлера. Но за это время Сталин через чистки добился того, что он был полностью свободен в своих действиях во внешней и внутренней политике. И конечно же он вернулся теперь к своей цели: сотрудничеству с нацистами.

Я думаю, что дата, предшествующая советско-нацистскому соглашению от 23 августа 1939 года, это 1 апреля 1939 года, день английских гарантий Польше. [...] Переговоры с Францией и Англией были открытыми. Переговоры с Германией — тайными. Если бы Сталин хотел прийти к соглашению с Англией и Францией, он поступил бы прямо противоположным способом: вел бы открытые переговоры с Гитлером, чтобы этим оказать давление на Запад для выбивания еще больших уступок. Но Западу было нечего отдать. Они не могли отдать Прибалтийские государства, и соглашение с Западом для СССР означало войну, в то время как соглашение с Гитлером означало отсутствие войны в течение какого-то времени и империалистическую экспансию — как раз то, что хотел Сталин.

Мы расходимся в том, [...] велась ли серьезно Сталиным политика коллективной безопасности. Я считаю, что Литвинов был в этом вопросе серьезен и что он не мог действовать против воли Сталина. Но эта политика потерпела провал на Рейне, в Испании и вообще везде. И Сталин отказался от нее и повернулся к Гитлеру» (ящ. 479, п. 13. Письмо Луиса Фишера (Louis Fischer) Николаевскому от 26 янв. 1966 г. Пер. с англ.).

Николаевский ответил: «Слущкий, начальник ин-отдела НКВД, давая инструкции Кривицкому, еще в 1935 г. говорил: «Знайте, что с Германией мы так или иначе, но сговоримся». И подлинная внешняя политика шла [...] через Слущкого. Этот последний тогда же говорил Кривицкому: «Помните, что Ваши доклады внима-

тельно читает сам Сталин». [...] Сам Сталин всегда мечтал о сговоре с Германией, и притом большом сговоре для борьбы против англосаксов. Он был убежденным сторонником хаусхоферовского варианта геополитики, и сам Хаусхофер в течение многих лет слал Сталину секретные доклады. И Молотов знал, что он говорил, когда в своей речи в Верховном Совете при подписании договора с Гитлером говорил о гениальном провидении Сталина. Конечно, когда Гитлер открыто вел антисоветскую политику, Сталин не мог не выступать против него, но он всегда так выступал, чтобы не сделать соглашение [не]возможным в будущем. Это была его борьба за советско-гитлеровский пакт» (ящ. 479, п. 13. Письмо Николаевского Луису Фишеру от 4 февр. 1966 г., л. 1).

«В одном из наших разговоров я Вам сказал, что решение Сталина сговориться с Гитлером относится к апрелю 1936 г., когда стало ясно, что Франция против Гитлера сама не пойдет. Теперь у меня подобрался ряд данных в этом направлении. [...] Между прочим, знаете ли Вы, что квартира Вильгельма II в Доорне была опорным пунктом работы сталинских агентов? Что секретный памфлет против Гитлера, написанный Матильдой Людендорф, был размножен Кривицким и распространен женой Вильгельма? Это было в 1936 г. — в 1938 г.: генералы, посещавшие Доорн, были арестованы. Кривицкий был убежден, что их выдал Гитлеру Сталин» (ящ. 479, п. 13. Письмо Николаевского Фишеру от 14 дек. 1965 г., л. 2).

Здесь уместно вернуться к книгам В. Суворова и задать вопрос, собирались ли Гитлер и Сталин соблюдать соглашение. И когда именно первый и второй приняли решение о разрыве.

Безусловная заслуга В. Суворова состоит в том, что им была названа дата принятия Сталиным решения о начале военных действий против Германии: 19 августа 1939 года — день подписания советско-германского пакта о ненападении. Это может показаться парадоксальным, но только так можно объяснить все дальнейшее поведение Сталина, чему и посвящает свои книги В. Суворов.

В смысле позиции Гитлера загадок нет. Можно утверждать, что принципиальное решение о разрыве со

Сталиным он принял во время визита Молотова в Берлин в конце 1940 года. Молотов потребовал тогда от немцев согласия на советскую оккупацию Румынии, Болгарии, Финляндии и Проливов. Гитлер ответил решительным отказом и подписал директиву о нападении на СССР.

Перед самой войной, в 1938/39 финансовом году, Германия тратила на вооружение 15% своего национального дохода — столько же, сколько Англия. Гитлер не хотел вооружаться за счет благосостояния германского народа. К тому же это могло привести к падению его популярности.

В Советском Союзе на оборонные расходы в первые три года третьей пятилетки официально было затрачено 26,4% всех бюджетных ассигнований, причем в 1940 году этот процент был равен 32,6. А в 1941 г. на оборону планировалось затратить 43,4% бюджетных ассигнований.

Эти сухие цифры подводят нас к выводу, что советское правительство готовилось к войне. Однако до 19 августа 1939 года не Германия была главным внешнеполитическим врагом СССР. Этим врагом была Япония, и политика Сталина в отношении китайской революции 1926—1927 годов связана прежде всего с извечным советско-японским конфликтом.

Отказ советского правительства от открытого вмешательства в китайскую революцию, на чем так настаивала «левая оппозиция» Троцкого, был очередным «Брестским соглашением». Все развивалось по схеме 1918 года, только на месте Ленина был Сталин, на месте Бухарина — Троцкий. Подобно левым коммунистам 1918 года, левая оппозиция убеждала партийный актив в том, что политика советского правительства в отношении китайской революции непременно приведет к ее поражению. Подобно Ленину в 1918 году, Сталин не хотел рисковать, так как понимал, что активное вмешательство в китайские дела приведет к конфликту с Японией, а к нему СССР готов не был. Сталин пожертвовал революцией в Китае, как Ленин пожертвовал революцией в Германии — ради передышки. Китайская революция действительно завершилась поражением, но время было выиграно, и первый серьезный конфликт с Японией вспых-

нул лишь в 1938 году, когда Советское государство было куда сильнее.

Еще в 1937 году началось создание мощной промышленной базы на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Сегодня этот факт приводят в доказательство дальновидности советского правительства, чуть ли не предвидевшего не только войну с Германией, но и эвакуацию промышленности, проведенную в годы войны. Между тем в конце 1930-х годов главным внешнеполитическим врагом СССР была Япония. Как раз в сентябре 1937 года в Монголию были направлены советские войска. Несколько раньше, летом 1937 года, японцы приступили к захвату Китая. В июле ими был занят Пекин, в ноябре — Шанхай, в декабре — Нанкин. К октябрю 1938 года ими была оккупирована значительная часть Китая с главными промышленными центрами и важнейшими железнодорожными магистралями.

Историки указывают, что внешнеполитические цели Японии состояли в захвате советского Дальнего Востока. В течение 1936—1938 годов на советско-дальневосточной границе произошло 35 крупных военных столкновений с японскими войсками, самым серьезным из которых было столкновение в конце июля 1938 года в районе озера Хасан. Лишь в результате жестоких боев, продолжавшихся до 9 августа 1938 года, советская территория была очищена от японцев. В мае 1939 года Япония начала войну против Монголии (и косвенно — против СССР). Военные действия на реке Халхин-Гол продолжались четыре месяца и закончились уже после подписания пакта Риббентропа — Молотова в августе 1939 года благодаря еще и посредничеству Гитлера.

Таким образом, создание второй экономической базы СССР на востоке страны ни в коем случае не было вызвано ожиданием войны с Германией, но лишь желанием передвинуть промышленную базу поближе к потенциальному фронту — дальневосточному.

Вопрос о создании Советским Союзом второй экономической базы тем более не волновал Гитлера. Директива № 21 Верховного командования («План «Барбаросса») предусматривала победу над СССР «в ходе кратковре-

менной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Но не стоит вслед за советскими историками повторять, что Гитлер проиграл, так как не учел «идеологического фактора» — мужества Красной Армии. Можно с уверенностью сказать, что только это он и учел. В докладе германского генштаба «О политико-моральной устойчивости Советского Союза и о боевой мощи Красной Армии» от 1 января 1941 года, в частности, говорилось: «Вооруженные силы Советского Союза, видимо, должны быть перестроены на новой основе, особенно с учетом опыта Финской войны. От большевистской мании величия... Красная Армия возвращается к скрупулезному индивидуальному обучению офицерского и рядового состава... Значительно строже становится дисциплина (упразднение института комиссаров; введение офицерских и сержантских званий; генеральская форма одежды; отдавание чести...). Все эти меры должны обеспечить постепенное совершенствование Красной Армии во всех областях службы... Не изменится русский народный характер: тяжеловесность, схематизм, страх перед принятием самостоятельных решений, перед ответственностью. Командиры всех степеней в ближайшее время не будут еще в состоянии оперативно командовать крупными современными соединениями и их элементами. И ныне, и в ближайшем будущем они едва ли смогут проводить крупные наступательные операции, использовать благоприятную обстановку для стремительных ударов, проявлять инициативу в рамках общей поставленной командованием задачи. Войска... будут сражаться храбро. Но требованиям современного наступательного боя, особенно в области взаимодействия всех родов войск, солдатская масса не отвечает; одиночному бойцу часто будет не хватать собственной инициативы. В обороне, особенно заблаговременно подготовленной, Красная Армия окажется выносливой и упорной, сможет достигнуть хороших результатов. Способность выдерживать поражения и оказывать пассивное сопротивление давлению противника в особой мере свойственна русскому характеру. Сила Красной Армии заложена в большом количестве вооружения, неприязнительности, закалке и храб-

рости солдата. Естественным союзником армии являются просторы страны и бездорожье. Слабость заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, недостаточном для современных условий образовании, боязни ответственности и повсеместно ощущаемом недостатке организованности».

Первые дни войны оказались для немцев куда более легкими, чем предвидели все их планы. 22 июня 1941 года начальник генерального штаба генерал Гальдер записал в своем служебном дневнике: «Наступление наших войск, по-видимому, явилось на всем фронте полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном положении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность. Военно-морское командование также сообщает о том, что противник, видимо, застигнут врасплох. В последние дни он совершенно пассивно наблюдал за всеми проводившимися нами мероприятиями и теперь сосредоточивает свои военно-морские силы в портах, очевидно, опасаясь мин...

Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолетов противника. Нашей авиации удалось без потерь заминировать подходы к Ленинграду с моря. Немецкие потери составляют до сих пор 10 самолетов.

Командование группы армий «Юг» доложило, что наши патрули, не встретив сопротивления, переправились через Прут... Мосты в наших руках...

Охрана самой границы была, в общем, слабой... После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям... На ряде участков фронта почти отсутствовало руково-

дство действиями войск со стороны высших штабов... Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению... Организованное сопротивление отсутствует...»

Гитлер мог быть доволен. Иначе обстояло со Сталиным. Хрущев свидетельствует в своих мемуарах, что Сталин дезертировал, бросив бразды правления. Остальные члены правительства, прежде всего Молотов и Берия, пытались любой ценой урегулировать начавшийся с Гитлером «конфликт». Как записал в своем дневнике Гальдер, «они обратились к Японии с просьбой представлять интересы России по вопросам политических и экономических отношений между Россией и Германией и ведут оживленные переговоры по радио с германским министерством иностранных дел».

Переговоры не увенчались успехом. В своей победе Гитлер был уверен точно так же, как Сталин в своем поражении. Осенью 1941 года германское правительство приняло решение о свертывании своей военной промышленности. 3 октября 1941 года Гитлер заявил: «Мы так обеспечили все заранее, что я в самый разгар битвы могу приостановить дальнейшее производство вооружения в крупных отраслях промышленности, ибо знаю, что сейчас не существует противника, которого мы не могли бы сокрушить с помощью имеющегося запаса вооружения».

Людские резервы Германии к сентябрю 1941 года, по существу, еще не были затронуты серьезными мобилизациями, хотя к июню 1941 года число германских военнослужащих дошло до 7 254 000 человек. В то время как советское правительство в первый день войны издало приказ о мобилизации военнообязанных 1905—1918 годов рождения, германская армия после нападения на СССР дополнительных мобилизаций не производила.

Ничто не изменилось и после поражения под Москвой, если не считать январского приказа Гитлера 1942 года о перераспределении бюджетных ассигнований внутри военного ведомства. Сокращались расходы на самый дорогостоящий вид вооружений — военные кораб-

ли — и увеличивались расходы на вооружение сухопутных войск.

Только после поражения под Сталинградом Гитлер начал подходить к войне с СССР более серьезно. 13 января 1943 года в Германии была объявлена так называемая тотальная мобилизация. Но заключалась она не в мобилизации как таковой, а в регистрации для работ военного назначения мужчин в возрасте от 16 до 65 лет и женщин в возрасте от 17 до 45 лет. Тем не менее, несмотря на серьезное положение на фронтах Германии, женский труд в германской промышленности до 1944 года практически не использовался, равно как и детский, так как считалось, что это разлагает семью и плохо сказывается на моральном состоянии мужчин, находившихся в армии. Женский и детский труд в Германии частично компенсировался трудом иностранных рабочих и военнопленных, которых к весне 1943 года в германской промышленности насчитывалось 6 259 900 человек. Таким образом, если советская промышленность с первого до последнего дня войны работала на износ и все здоровые мужчины были мобилизованы в армию, а нездоровые, подростки и старики — в ополчение, Германия только в 1943—1944 годах, под влиянием поражения под Сталинградом и бомбардировок союзниками германских городов, стала относиться к войне серьезно.

Германская военная промышленность достигла своей наивысшей производительности в дни, когда наибольший размах приняли бомбардировки союзников, — в июле 1944 года. Тогда же, во второй половине 1944 года, численность немецкой армии, несмотря на многочисленные потери на фронтах, в общем-то, без труда была доведена до 9 400 000 человек.

После лета 1944 года из-за бомбардировок и потерь территорий наблюдается спад в германской военной промышленности. И все-таки в марте 1945 года Германия производила больше вооружения, чем в июне 1941 года, когда Гитлер начал войну против СССР.

В одной из своих речей Сталин назвал войну соревнованием систем, в котором социалистическая система доказала свои преимущества перед национал-социали-

стической. Советская система, безусловно, была более тоталитарной. В плане мобилизации населения для фронта или работы в тылу она готова была идти куда дальше национал-социалистической. Уже в самом начале войны в СССР мирный сектор промышленности, в том числе и пищевой, был сведен на нет. Даже находившиеся под германской оккупацией поляки, мобилизованные для работ на заводах, питались лучше, чем советский тыл.

Но и при том трудно вообразимом напряжении, которое испытывала советская экономика и советский народ, война все-таки не была бы выиграна без экономической помощи союзников, прежде всего США. Вопрос об этой помощи советской историографией замалчивается. Среди тысячи книг о Второй мировой войне нет ни одной, посвященной специально этой теме. Между тем помощь была существенной.

Англия начала поставки в СССР в августе 1941 года. Только в последнем квартале она поставила 669 самолетов, 487 танков, 330 танкеток. Вооружения и стратегического сырья на 41 млн долларов поставили Советскому Союзу в первые месяцы советско-германской войны Соединенные Штаты. В то время из-за оккупации Германией значительной части европейской территории СССР и начавшейся эвакуации промышленности и перевода ее на военные рельсы Советский Союз вооружения фактически не производил. В свете этого важность первоначальных поставок союзников становится очевидной.

30 октября 1941 года, то есть еще до Битвы под Москвой, когда СССР находился в катастрофическом положении, США предоставили советскому правительству беспроцентный кредит в 1 млрд долларов, затем, 7 ноября, распространили на СССР действие закона о ленд-лизе, принятого Конгрессом США 11 марта 1941 года. Наконец, в феврале 1942 года США удвоили свой кредит советскому правительству, доведя его до 2 млрд долларов. (Суммы кредитов так никогда и не были выплачены советским правительством.)

За годы войны через Мурманск, Архангельск, Владивосток и Иран Америка и Англия доставили в СССР 18 700 самолетов, 10 800 танков, 9600 орудий, 2 600 000

тонн нефтепродуктов, 44 600 металлорежущих станков, 1860 паровозов, 11 300 платформ, более 500 000 тонн цветных металлов, более 172 000 тонн кабеля и провода. Общая сумма одной лишь американской помощи составила 9,5 млрд долларов. Даже Канада ввезла в СССР в 1942—1944 гг. 355 тыс. тонн грузов, в том числе танки (1188), бронетранспортеры (842), грузовики (2568), снаряды (827 000). Гордость советской армии, танк Т-34, делался из английской брони. Советская армия ела американский и канадский хлеб и знаменитую американскую тушенку. Из нейтральной Швеции шли в СССР станки, прессы, краны, энергосиловое оборудование и стальной прокат. Из Монголии за годы войны СССР вывез 700 000 голов крупного рогатого скота, 4 900 000 голов мелкого рогатого скота и 400 000 лошадей.

12% всех самолетов и 10% всех танков в Красной Армии было доставлено союзниками. Но если большая часть танков и самолетов все-таки производилась в СССР (хоть и из ввозимого союзниками сырья), то один вид техники союзники поставляли полностью — автомобильный транспорт. США поставили в СССР 52 000 джипов и 375 000 грузовиков. Никаких указаний на производство Советским Союзом во время войны собственных грузовиков и автомобилей в исторической литературе нет. Без американских грузовиков и монгольских лошадей Красная Армия оказалась бы полностью парализованной.

Масштабы союзнической помощи окажутся еще большими, если учесть, что примерно 15% всех грузов, отправленных из США и Великобритании в СССР, уничтожалось немцами до прибытия к месту назначения. Наибольшие потери были в марте — апреле 1942 года, когда немецкой авиацией и подводными лодками была потоплена четверть всех судов, следовавших северным маршрутом. В результате из посланных в 1942 году в СССР 2505 самолетов доставлено было лишь 1550—1650. Советские историки сделали из этого лишь тот вывод, что потери при перевозках не могут «оправдать систематического недовыполнения союзниками поставок в СССР» (История социалистической экономики СССР.

Т. 5, Москва, 1978, с. 545). Даже тут виноватыми оказались союзники!

Зная об этом, можно определить не только просчеты Гитлера, но и ошибки Сталина. С точки зрения соревнования систем, советская система конечно же доказала свою полную несостоятельность. Несмотря на все предпринятые усилия как в период 1939—1941 годов, так и после германского нападения, советская промышленность не смогла оправиться от потерь, понесенных в первые месяцы советско-германской войны. Очевидно, что война с Германией, к которой готовилось советское правительство, по крайней мере, с 19 августа 1939 года, не была бы выиграна без экономической помощи союзников и, главное, без военной интервенции США. В этом смысле приходится сделать заключение об экономической слабости советской системы в сравнении с германской.

Для изучения проблематики начального периода Второй мировой войны В. Суворов сделал больше, чем вся советская и западная историографии. Он нашел ответы на очень многие, мучившие нас десятилетиями вопросы. Он очень многое объяснил, и объяснил, безусловно, правильно. Заслуга его неоценима. И я все время ловлю себя на желании осыпать автора похвалами. Но именно потому, что В. Суворов поставил перед собой задачу перевернуть историографию по проблеме начального периода Второй мировой войны, нужно остановиться и на том, что больше всего мешает любому серьезному читателю.

Первое и, думаю, самое главное — это отсутствие ссылок на источники. По правилам жанра — а книги В. Суворова написаны в жанре исторического труда — ссылки эти необходимы. Между тем они даются очень выборочно. А их отсутствие для основного объема книг делает невозможным реализацию главной цели автора: убедить не только обычного читателя, но прежде всего историков в том, что внешнюю политику советского правительства, и в частности события 1941 года, нужно оценивать иначе.

Вторым очевидным минусом книг В. Суворова является их излишняя эмоциональность или, как мы бы ска-

зали, их журналистский стиль. Именно потому, что книги В. Суворова исторические, а не журналистские, они должны были быть написаны иначе. В. Суворову и его книгам предстоит сформировать взгляды новых поколений историков на затронутые им темы. А для этого нужен спокойный и уверенный стиль нападающего, а не бесчисленное отстреливание в обороне от необъятной советской историографии по проблематике Второй мировой войны.

В заключение несколько слов о еще одной дате, установленной В. Суворовым: 6 июля 1941 года, «Дне-М». Приводимые автором аргументы в пользу этой даты очень серьезны. И все-таки здесь нам, видимо, не обойтись без дополнительной информации, которой пока нет. Может быть, нам помогут недоступные сейчас архивы. Может быть, станут известны протоколы заседания Политбюро 21 июня 1941 года. Как историк я склонен считать, что В. Суворов прав. Если окажется, что «День-М» был назначен на 13 или 20 июля, это, в конце концов, не так уж будет важно. В. Суворов открыл для нас целый пласт нашей истории. В этом его величайшая заслуга. По его стопам, я уверен, пойдут теперь другие — поправляя, дополняя и уточняя. Они будут вторыми, третьими...десятыми. Виктор Суворов был первым.

СТРАТЕГИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА:
НАСТУПАТЕЛЬНАЯ, ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ,
ПРЕВЕНТИВНАЯ?¹

...Советская сторона наблюдала за немецкими успехами в юго-восточной Европе с растущей озабоченностью. Для Сталина и руководства Красной Армии Германия была главным противником, доказавшим свою боевую силу во многих походах. С лета 1940 г., но особенно интенсивно с сентября 1940 г., советское руководство все более настраивалось на войну с Германией и ее союзниками. В соответствии с четырьмя военными планами², три последних из которых имели откровенно наступательный характер, на территориях непосредственно перед западной границей, захватывая район Москвы и вплоть до Ленинграда на севере, до полуострова Крым на юге и до Донца, разворачивались огромные военные силы. В последней фазе разворачивания находились два стратегических эшелона и стратегические резервы, в общей сложности — 255 дивизий и две бригады; третий стратегический эшелон находился в стадии формирования³.

Всего Генеральный штаб с одобрения Сталина сосредоточил в западной России (включая резервы) 23 армии с 14 500 танками (из общего количества 24 500) и приблизительно 8500 самолетами (из имевшихся 15 800). В четырех западных военных округах на 22 июня находились все дальнебомбардировочные соединения — 8300—8500 самолетов. К общему числу в 15 300 самолетов следует прибавить еще 4000 машин, которые не входили в боевые соединения, но тоже учитывались⁴.

Как следует из соответствующих документов, планы разворачивания не представляли собой, как можно было предположить, чисто кабинетные разработки. В них со-

держались предложения генеральному секретарю КПСС, то есть Сталину, утвердить соответствующий план. Кроме того, план развертывания от 18 сентября 1940 г. был доложен правительству и утвержден 14 октября⁵.

Одновременно с оперативным планированием началась реализация мобилизационного плана (МБ-41) от 12 февраля 1941 г., который был утвержден на самом высоком уровне и предполагал увеличение Красной Армии до 8,9 миллиона человек, 37 000 танков и 22 200 боевых самолетов. Согласно этому мобплану в Красной Армии должно было быть восемь фронтов (групп армий) и 29 армий, что в общей сложности составляло 303 дивизии⁶. Форсированное после 15 мая 1941 г. развертывание проходило в соответствии с детальными указаниями начальника Генерального штаба Георгия Жукова, направленными командованию четырех западных военных округов⁷, с началом войны переименованных во фронты.

Отсюда следует, что генерал армии Жуков накануне должен был получить от Сталина разрешение действовать согласно плану развертывания, который он, Жуков, и нарком обороны Тимошенко предъявили высшему руководству⁸. Всякая самостоятельность армейской верхушки, таким образом, исключается. Этот план развертывания от 15 мая создавался на основе сведений о немецких приготовлениях к наступлению и выдает намерение предупредить немецкое нападение, то есть действовать *превентивно*.

Однако советская разведка существенно недооценила немецкий потенциал. Советская превентивная идея соответствовала военной доктрине, предписывавшей с самого начала брать инициативу на себя. 22 июня 1941 года друг против друга стояли следующие силы:

КРАСНАЯ АРМИЯ

Стратегический эшелон	Дивизии	Бригады	Мехкорпуса
Первый стратегический эшелон	170	12 возд.-дес. 2 стрелков.	20

Стратегический эшелон	Дивизии	Бригады	Мехкорпуса
Второй стратегический эшелон	73—74	3 возд.-дес.	5
Резерв главного командования	12		2
Всего	255—256	15 возд.-дес. 2 стрелковые	27
Артиллерия главного командования		74 тяж. полка, в каждом 24—48 орудий	
Воздушные силы в 4 зап. военных округах Резерв главного командования Боевые самолеты* Всего развернуто Всего самолетов на фронтах, в резерве главного командования, воздушная оборона, морская авиация		144 полка 21 полк ок. 8500 218 полков 115 полков 15 800, в боевой готовности 13 300	
Численность армии		4,9 миллиона человек	

Истребители, штурмовики, ближние бомбардировщики, тяжелые бомбардировщики и дальняя бомбардировочная авиация фронтов; в одном авиационном полку — 60—65 самолетов, составляющих четыре эскадрильи; в полках дальних и тяжелых бомбардировщиков — 40—45 самолетов.

ВЕРМАХТ

Все фронтовые части оперативн Reserven	Дивизии	Бригады/ Regimenter	Моткорпуса
Группы армий* Север, Центр, Юг	120	2	11
Резервы ОКХ	28	1	
Всего	148	3	11
Численность	3,1 млн человек		
Авиация	5 возд. корпусов	2 зен. корпуса	
Самолеты всего**, включая доп. группы без доп. групп	2713 2510	в боевой готовности 2082 в боевой готовности 1945	

*49 дивизий находились на других фронтах или выполняли функции оккуп. войск.

**Разведчики, истребители, штурмовики, бомбардировщики и пикирующие бомбардировщики, включая те части пятого воздушного флота, которые оперировали из Финляндии и северной Норвегии.

Реконструированные детали развертывания войск⁹, необыкновенно высокая концентрация танковых соединений в выступающих далеко на запад Белостокском и Львовском «балконах», а также вдоль румынской границы не оставляют сомнений в том, что советский Генеральный штаб и не думал о стратегической обороне. Уже в конце декабря 1940 г. генерал-лейтенант Кленов, позже начальник штаба Северо-западного фронта, заявил на одной конференции, что цель будущих операций с самого начала — нападение, причем до того, как вражеские войска приступят к развертыванию, чтобы ошеломить и раздробить силы противника; об оборонительных операциях в начальной фазе и речи не было¹⁰.

В начале 1941 года в Москве состоялись две штабные игры на самом высоком уровне, в результате чего Генеральный штаб решил в соответствии с идеей Жукова сосредоточить гигантские силы южнее припятских болот в районе Карпатского бассейна и Румынии для нападения на южную Польшу. Тамошние нефтяные поля были первоочередной целью. Эти соображения были полностью одобрены Сталиным. В еще одной штабной игре в феврале 1941 г. уточнялись задачи тех армий, которые составляли второй стратегический эшелон¹¹.

Многие детали¹², в том числе отказ от оборонительных укреплений в непосредственной близости от границы, свидетельствуют о предполагавшемся нападении. О том же говорит, например, изготовление военных карт, глубоко захватывающих занятые немцами территории и издание русско-немецкого разговорника, годящегося только для использования на немецкой территории. Приказ на прикрытие находящихся вблизи границы войск дей-

ствовал только до окончания развертывания. Переход к нападению не зависел от положения на фронте, а должен был произойти через 25 дней после начала мобилизации¹³. Склады в западных военных округах были уже в мае 1941 г. переполнены оружием, боеприпасами, горючим и другими военными материалами. Поэтому груз 14 000 вагонов с боеприпасами в силу необходимости пришлось складировать на открытом воздухе, а в июне Генеральный штаб, не заботясь о возможностях хранения, сообщил о том, что в западные военные округа будут доставлены еще сотни тысяч тонн горючего¹⁴.

Эту дезорганизацию можно объяснить только предварительным расчетом на временные трудности. Не ожидалось, что военные грузы останутся тут надолго, так как готовилось нападение. Кроме того, поскольку многочисленные войска располагались на биваках или во временных укрытиях, а обеспечение на длительное время пятимиллионной армии, находящейся в полевых условиях, было чрезвычайно тяжелым делом, такое положение дел не могло продолжаться слишком долго без серьезных экономических потерь. Немалую роль играл и психологический фактор, поскольку моральное состояние войск, длительное время находящихся без дела, катастрофически ухудшалось.

Генерал-майор Василевский, разработчик предпоследней версии плана развертывания (11.3.1941), особо подчеркнул, что *советское нападение должно начаться 12 июня 1941 г.*¹⁵ Кроме того, были разосланы указания Жукова во многие места о том, что войска после завершения развертывания должны быть готовы «нанести стремительные удары для разгрома группировки противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»¹⁶.

В процессе развертывания возникали многочисленные проблемы и задержки, связанные с дальними транспортными перевозками, размещением больших масс войск в пограничных военных округах и принятием на вооружение новых образцов оружия; тем не менее большая часть войск первого стратегического эшелона — 16 армий — вышла на исходные позиции. Только 7 армий

второго стратегического эшелона, сформированные 13 мая, к 22 июня еще оставались позади и, вероятно, только к 15 июля добрались бы до предназначенных для них планом развертывания позиций.

По подсчетам генерал-лейтенанта Ватутина, заместителя Жукова и начальника оперативного отдела Генерального штаба, которые он сделал за неделю до начала войны, два предназначенных для главного удара фронта на юге страны должны были располагать вместе с резервами 120 дивизиями¹⁷, собранными в 10 армий, включающих 12 механизированных корпусов. Один такой корпус должен был иметь, кроме пехоты, две танковые и одну моторизованную дивизию, располагающие в зависимости от характера вооружения более чем 1033 танками. В действительности один корпус имел не более 500—600 танков¹⁸. Таким образом было достигнуто почти тройное превосходство над группой армий «Юг». Советское преобладание в танковых войсках было во всех отношениях очевидным. Только 10 мехкорпусов Юго-Западного и Южного фронтов располагали 5600 танками, в то время как на Северном, Северо-Западном и Западном фронтах находилось в общей сложности 5400 танков¹⁹. И к тому же в составе большинства располагавшихся близко к границе мехкорпусов имелся лучший в то время в мире танк Т-34, который по многим параметрам превосходил самый мощный немецкий танк «Panzer-IV»²⁰.

В задачи исключительно мощного Юго-Западного фронта входило проникнуть глубоко в южную Польшу, чтобы там вместе с частями Западного фронта окружить войска немецкой группы армий Север и уничтожить их в котле около Радома-Люблина; после этого, во второй фазе, предполагалось броском на север захватить бухту Данцига, ударить в спину находившимся восточнее частям групп армий Север и Центр и их уничтожить. Другой второстепенный удар должен был быть в зависимости от ситуации нанесен Румынии. По плану Жукова и Ватутина в дело должны были быть введены вместе с частями Западного фронта, усиливавшими основной удар, 152 дивизии²¹, которым вермахт мог на том же участке фронта противопоставить едва ли 60. Ориентация на на-

ступление в юго-западном направлении подтверждается тем, что в начале июня командование 5-й армии разработало план политической поддержки будущих операций. При этом командование армии рассчитывало на боевые действия на вражеской территории, поддержанные местным населением и солдатами вермахта, которые якобы были готовы на сопротивление политике Гитлера²².

Расчеты генерала Ватутина давали 237 дивизий, которые могли быть выставлены против Германии и ее союзников, что было меньше первоначально исчисленных генералом армии Жуковым 258 дивизий. Эта разница объясняется трудностями процесса развертывания, который из-за задержек протекал не по плану, хотя, впрочем, Ватутин нехватку войск отнес за счет стратегических резервов, в частности третьего стратегического эшелона, который только что был сформирован²³.

Развертывание военно-воздушных частей тоже создавало подавляющее советское превосходство на Юго-Западном и Южном фронтах. Тринадцать воздушных дивизий с 58 полками боевых самолетов, то есть около 3500²⁴ машин, должны были поддержать наступление наземных войск, ударить по тылам противника и обеспечить свободное воздушное пространство.

Кроме того, верховное командование расположило между Ленинградом и Ростовом-на-Дону 4 воздушных корпуса дальних и тяжелых бомбардировщиков; вдобавок 18-я дивизия дальних бомбардировщиков была выдвинута далеко на запад, в район Шепетовки. Эти воздушные корпуса должны были атаковать важные цели в тылах противника. В сильной спешке в западных военных округах были построены 63 больших аэродрома. Расположение вблизи границы большого числа авиаполков на Западной Украине и в районе Белостока — Бреста подчеркивает намерение с самого начала проникнуть как можно глубже на занятую немцами территорию, даже с учетом риска самим стать целью немецкого воздушного нападения. Но нужно признаться, что многие соединения находились в процессе перевооружения новыми типами самолетов. Тем более опасным выглядит перемещение множества полков истребителей к самой границе

с целью защиты воздушного пространства при наступлении, так как свою силу они могли проявить только в условиях свободы собственной инициативы.

Советский военный флот не был серьезным фактором, так как, несмотря на гигантские сталинские планы вооружений 1936 г., он находился в фазе становления. Планировалось помимо прочего построить в течение двух пятилетних планов, начиная с 1937 г., 15 линкоров, 22 тяжелых крейсера, 32 легких крейсера, 162 эсминца и 412 подводных лодок, для чего было запланировано сооружение больших верфей. Для использования в Балтийском море было предусмотрено строительство большого числа линейных крейсеров типа «Шарнхорст». Поскольку эти планы оказались нереалистическими, они были урезаны 27 июля 1940 г., так что целью оставалось строительство 10 линкоров, 8 линейных крейсеров и 14 тяжелых крейсеров, причем для Тихоокеанского флота дополнительно предполагалось строительство двух авианосцев. Задача создать огромный океанский флот тем более удивительна, что в это время СССР готовился к конфронтации с Германией, и поэтому, казалось бы, вооружение наземных и воздушных войск должно было быть приоритетным²⁵.

Против Финляндии тоже был разработан детальный план нападения. Параллельно с разработкой плана нападения на Германию от 18.9.1940 г. было дано указание Ленинградскому военному округу подготовить развертывание шести армий и одного корпуса, которые должны были на семи участках перейти в наступление. Планирование предусматривало отдельную войну с Финляндией, хотя при этом и учитывалась немецкая военная помощь. На самом севере предполагался удар на порт Петсамо, в то время как намного южнее, из района Салла и Куусамо, должны были последовать два удара на Рованиemi-Кеми и Оули с целью проникнуть на побережье Ботнического залива и вбить таким образом широкий клин поперек Финляндии. На юге четыре армии должны были во взаимодействии с Балтийским флотом, поддержанные атакой из Ханко, ударить из районов Выборга, Сортавалы и Суоьерви в направлении Тампере,

Миккели и Хельсинки. Предназначенные для этого части были вдвое сильнее тех войск, которые напали на Финляндию в ноябре 1939 г. Согласно плану, в наступление должны были пойти 47 дивизий и 5 танковых бригад, поддержанные 78 авиаполками, в то время как 3 дивизии оставались в резерве. Конечной целью было полное сокрушение Финляндии²⁶.

Поскольку весной 1941 г. конфликт с Германией становился все более реальным, Генеральный штаб переориентировал будущий Северный фронт в основном на оборону, тем более что финская армия оценивалась как более сильная, чем раньше. Туда передислоцировали еще 21 полнокомплектную дивизию. В первой половине марта 1941 г. была совершена ознакомительная поездка Генерального штаба в Ленинградский военный округ, а кроме того, Архангельский военный округ получил указание создать фронтовой командный пункт для нападения на Финляндию. Сразу после 22 июня две танковые дивизии из резерва были передвинуты на границу под Выборгом²⁷. Кроме того, была создана мощная группировка фронтовой авиации в районе Ленинград — Псков — Старая Русса, вторая по силе после украинской в рамках авиационного развертывания, что отчетливо указывает на наступательные намерения.

Советское руководство было осведомлено о плане «Барбаросса» уже в конце 1940 г. благодаря предательству с немецкой стороны. В последующее время оно получило 87 предупреждений собственных органов и официальных западных представителей о предстоящем нападении вермахта, при этом называлась и дата — 22 июня 1941 г.²⁸ Общее число предупреждений об угрозе было гораздо большим.

Со стороны американского правительства последовало как минимум два предупреждения Сталину. Сталин реагировал недоверчиво и сдержанно, поскольку хотел избежать любых действий, которые могли бы использовать немцы, и учитывал возможность дезинформации. Он рассчитывал на то, что Германия не сделает ту же ошибку, что и в Первой мировой войне, и не откроет вто-

рой фронт. Вероятно, Сталин с Молотовым ожидали, что немцы сначала предъявят ультиматум.

После известия о полете Гесса в Англию 10 мая 1941 г. Сталин начал воспринимать возможность нападения немцев очень серьезно. Он боялся тайного соглашения между немцами и английским правительством, которое он считал высокомерным и коварным²⁹. Даже если согласиться с тем, что английские секретные службы содействовали решению Гесса лететь в Англию, то все равно не требовалось никаких уловок, чтобы убедить Германию напасть на Советский Союз³⁰. Даже если Черчилль и мечтал о советско-германской войне, то это обстоятельство никак не влияло на позицию Гитлера, поскольку его решение уже давно было принято.

Более того, 5 мая 1941 г. в речи и тостах перед молодыми офицерами — выпускниками Военной академии имени Фрунзе Сталин дал понять о своем отношении к Германии. Следует сейчас, когда армия стала сильной и хорошо вооруженной, «переходить от защиты к нападению», защиту нужно осуществлять «наступательным образом»³¹. Еще 30 января 1941 г. он говорил советской военной верхушке о наступательных операциях, которые могут начаться, если у Советского Союза будет вдвое больше сил, чем у его противника. Отсюда вытекала и советская стратегия — избегать провокаций, ускорить развертывание войск против Германии и выиграть время.

Через девять дней после речи 5 мая началась перестройка советской пропаганды на наступательную войну³² и переход на лозунг о том, что любая война, которую развернет Советский Союз, будет «справедливой войной»³³.

Главное управление политической пропаганды Красной Армии предложило известным писателям, в том числе Илье Эренбургу, журналистам и кинорежиссерам, например Сергею Эйзенштейну, морально подготовить Вооруженные силы к предстоящей войне с Германией. ЦК КПСС издал основополагающий указ наполнить людей активным, боевым, наступательным духом. По согласованию с военным ведомством кинопромышленность начала снимать только такие ленты, где речь шла о

«прорыве укрепленных зон на немецкой границе» или «переправе с боем через реки».

В конце мая Андрей Жданов, крупный функционер политической пропаганды, получил согласованный Высшим военным советом проект решения об идеологическом обучении офицерского корпуса Красной Армии. Главной целью было использование всех средств, чтобы подготовить солдат и командиров к «справедливой, наступательной, нацеленной на разгром противника войне»³⁴.

Намерения Сталина вести войну наступательным образом подчеркиваются решением Политбюро от 4 июня 1941 г. сформировать стрелковую дивизию из одних поляков; она должна была послужить ядром польской «освободительной армии» и быть готовой к введению в дело к 1 июля³⁵. Незадолго до этого началось формирование «финской» дивизии, которая должна была участвовать в «освобождении» Финляндии.

Тезис, согласно которому развертывание войск на оперативном уровне указывает на однозначно наступательную дислокацию, но войскам при этом ставились оборонительные задачи, и они не были готовы нападать³⁶, не выдерживает критики: наступательная дислокация, которая преследует оборонительные цели, противоречит военным принципам и означает как раз на рассмотренных участках серьезные проблемы для задействованных войск, так как она приглашает противника к нападению с последующим окружением. Кроме того, войска, стоявшие вблизи границы, были очень хорошо вооружены, особенно танковые соединения, и в случае нападения они были бы потеряны первыми³⁷.

Переход к контрнаступлению полностью зависит от ситуации после отражения вражеского нападения, только тогда могут приниматься конкретные решения. Даже если согласиться с тем, что стоявшие на границе войска должны были выдержать первый удар немцев и потом перейти в наступление, это не отменяет того факта, что для этого войска были неверно расположены³⁸. Нужно совершенно не понимать тактических возможностей войск, чтобы требовать от них быть *одновременно* готовыми и к наступлению, и к обороне. Армия, предназна-

ченная для обороны на оперативном уровне, должна была бы быть по-другому развернута³⁹.

Не более осмысленно и дилетантское возражение против планирования большого наступления, согласно которому Генеральный штаб готовил наступление «только» на полосе 350—400 км и «только» на глубину до 300—350 км, и поэтому план не имел «агрессивного характера»⁴⁰.

Готовившееся частями Юго-Западного фронта вместе с частями Западного фронта между Санок и Островом (северо-восточнее Варшавы) наступление с окружением захватывало больше половины полосы между Бескидом на юге и Балтийским морем в районе Мемеля; на этой территории находились главные силы немецкой восточной армии. Нападение на таком широком фронте могло бы в случае успеха, как это планировал Жуков, уничтожить группы армий Центр и Север. Может ли такой сценарий иметь отношение к военному плану без «агрессивного характера»?

Коротко выражаясь, оба диктатора исходили из *субъективной неизбежности* войны. Отсрочка войны представлялась практически невозможной⁴¹.

Однако вопрос о дате окончательного столкновения в том случае, если бы вермахт не напал на СССР 22 июня, остается открытым. Развертывание Красной Армии, включая и третий стратегический эшелон, закончилось бы между 15 и 20 июля. Неоднократно называвшуюся датой возможного советского нападения — 10 июля 1941 г. — нельзя считать доказанной⁴². В любом случае Сталин стремился устранить единственную силу, которая стояла на его пути к владычеству в Европе. Стратегически содействие западных стран могло бы быть ему полезным, но политически победа над Германией и ее союзниками весила бы гораздо больше, если бы досталась одной Красной Армии.

Гитлер же пошел на риск войны на два фронта, которая связывала много войск на разных фронтах и которую он начал с уступающими силами, меньшими резервами и более слабой военной промышленностью, чем у его противников. Да и расчет по времени был очень рис-

кованным. Немецкая сторона имела достоверную картину развертывания Красной Армии на расстоянии приблизительно до 300 км вглубь за границей, но тем не менее не представляла себе реальный советский потенциал⁴³.

Начальник Генерального штаба Гальдер рассчитывал на наличие на европейской части СССР в начале июня 226 советских дивизий и бригад и полагал, что на той же территории находятся 7500 самолетов, что было грубой недооценкой советской авиации. Гитлер задним числом называл итальянскому министру иностранных дел Чиано цифру в 270 советских дивизий, развертывавшихся в июне 1941 г.⁴⁴

В строгом смысле слова тут нельзя говорить ни о какой «превентивной войне», даже если задним числом и выяснилось, что немецкое нападение де-факто носило превентивный характер⁴⁵.

Можно, однако, доказать, что вермахт вонзился в превосходящий его масштабами процесс наступательного развертывания. Чем ближе подходило 22 июня, тем яснее видели Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) и Главное командование сухопутных войск (ОКХ) угрожающую концентрацию сил на советской западной границе. В этом смысле высказался вскоре после окончания войны генерал Йодль, впрочем, упростив ситуацию и оставив за скобками невоенные мотивы нападения: «...Мы не потому напали на Россию, что хотели получить пространство, а потому что развертывание русских нарастало день за днем и в конечном счете привело бы к ультимативным требованиям»⁴⁶.

Динамику военной конфронтации было невозможно не заметить. И Германия, и Советский Союз выставили друг против друга мощные силы, которые тем меньше могли укрыться от внимания разведывательных служб, чем дольше продолжались передвижения и чем дольше массы войск оставались на исходных позициях. Представляется абсолютно невозможным, чтобы такое угрожающее развертывание не подтолкнуло обе стороны к превентивному удару. Долгое пребывание настолько мощных войсковых масс в просматриваемом приграничном пространстве, как это происходило на советской сто-

роне, в любом случае могло означать только открытую провокацию. Развитие конфронтации стало непреодолимым, поскольку ни одна сторона не хотела дать другой преимущество проявления инициативы и не существовало внешних останавливающих факторов⁴⁷.

С такой точки зрения германо-советская война лета 1941 г. была неизбежна. Это, правда, не значит, что возможный советский удар с ходу был бы успешным и привел бы к таким же победам, что и в 1945 г. Но даже с учетом недостатков командования и войск Красная Армия обладала бы всеми преимуществами проявления инициативы и существенно большими резервами.

Не в последнюю очередь следует заметить, что о «набеге» на «миролюбивый Советский Союз», как это иногда трактуется, не может быть и речи, потому что такое нападение всегда сопряжено с внезапным ударом, растерянностью и незащищенностью. Но советское политическое и военное руководство не было ни в коем случае ошеломлено нападением, так как уже давно считалось с его возможностью, оно не было растерянным и хорошо подготовилось к войне. Кто был ошеломлен, так это многие войсковые части на передних линиях, потому что приказ «боевая тревога» раннего утра 22 июня настиг расположенные на границе соединения не вовремя.

*Перевод с немецкого
Дмитрия Хмельницкого.*

Примечания

¹ Орывок из книги «Военные цели и стратегии великих держав в 1939—1945 годы» («Kriegsziele und Strategien der großen Mächte 1939—1945», Bonn — Bielefeld, 2006).

² Июль 1940, 18.9.1940, 11.3.1941, 15.5.1941; опубликовано в: Военно-исторический журнал 12/1991, 1/1992, 2/1992; см. также: ÖMZ 1/1993, S. 41ff; Россия XX век. Документы: Год 1941, в двух книгах, под ред. Л.Е. Решин и др., Москва, 1998. — Этим планам предшествовала разработка от апреля 1940 г. (B. V. Sokolov, Did Stalin Intend to Attack Hitler?, in: The Journal of Slavic Military Studies, Juni. 1998. S. 119).

³ Первый стратегический эшелон: 170 дивизий, 2 бригады; Второй стратегический эшелон: 73—74 дивизии; стратегические резервы: 12 дивизий; находившийся в состоянии формирования третий стратегиче-

ский эшелон состоял из трех армий (прежние расчеты автора были незначительно изменены).

⁴ *Jurij J. Kirschin*, Die sowjetischen Streitkräfte am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges; in: Zwei Wege nach Moskau, S. 389—403; hier: S. 395; zusätzliche Berechnungen des Autors.

⁵ Кроме прочего, нужно иметь в виду практику советского государственного управления, которая не допускала, чтобы некий офицер из высшего командования разрабатывал планы развертывания наступательного характера, не получив на это приказа; нарушение правил имело бы для виновника фатальные последствия.

⁶ *Earl F. Ziemke*, The Red Army: From Vanguard of World Revolution to US Ally, London — New York 2004, S. 266. В мае 1941 года имелись 28 армий с 303 дивизиями.

⁷ Эти четыре указания командованию Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Одесского военных округов к развертыванию, начинавшемуся 20 мая 1941 г., носили характер приказов. См. Россия XX век. Документы: Год 1941, в двух книгах, ред. Л.Е. Решин и др., Москва 1998, с. 227, 233, 239, 283.

⁸ К одобрению планов развертывания Сталиным: *P. N. Bobylev*, For What Kind of War Was the Red Army General Staff Preparing in 1941?; in: Russian Studies in History, Winter 1997/98, S. 47—75, hier: S. 68.

⁹ Реконструкцию развертывания в виде карт см: Михаил Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина, 2-е издание, Москва 2002 (карты). Также см.: *Evan Mawdsley*, Crossing the Rubicon: Soviet Plans for Offensive War in 1940—1941; in: The International History Review, Dezember 2003, S. 757—1008.

¹⁰ Речь идет о конференции высшего военного командования в Москве (23.—31.12.1940); siehe: *P. N. Bobylev*, For What Kind of War Was the Red Army General Staff Preparing in 1941?; in: Russian Studies in History, Winter 1997/98, S. 47—75, hier: S. 62; ebenfalls: Am Vorabend des Krieges (russisch), Verlag Terra, Moskau 1983, S. 153ff.

¹¹ См: *Brian Fugate/Lev Dvoretsky*, Thunder on the Dnjepr. Zhukov — Stalin and the Defeat of Hitler's Blitzkrieg, Novato, CA. 1997, S. 49 ff.

¹² Формирование пяти воздушно-десантных корпусов, выдвижение многочисленных штурмовых и истребительных авиасоединений на аэродромы в 10—15 км от границы; сооружение многочисленных складов боеприпасов и горючего вблизи границы; складирование артиллерийских снарядов под открытым небом.

¹³ Это следует из плана развертывания от 18.9.1940. См: *Michael Meltjuchov*, Am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges, a.a.O., S. 54.

¹⁴ *Michael Meltjuchov*, Disputes over 1941; in: Russian Studies in History, 2/1997, S. 6—34, hier: S. 16.

¹⁵ Ebenda, a.a.O., S. 60.

¹⁶ Das Jahr 1941 in zwei Büchern, a.a.O., 2. Buch, S. 236.

¹⁷ Согласно окончательному плану Ватутина, на южном крыле должны были разворачиваться 8 армий с 97 дивизиями (включая войска в Крыму), в то время как две другие армии (16, 19) с 23 дивизиями рассматривались как усиление. (Das Jahr 1941 in zwei Büchern, 2. Buch, a.a.O., S. 259—261.)

¹⁸ Даже использовавшийся на второстепенном участке 3-й механизированный корпус располагал 672 танками разных типов, в том числе 50 новейшими Т-34. См. М.В. Ежов «Танковый бой первого дня войны», с. 2; www.RKKA.ru, 29. 12. 2004.

¹⁹ Михаил Мельтюхов, Упущенный шанс Сталина, 1-е издание, Москва 2000, С. 603. — По другим данным в западных военных округах находилось 12 782 танка всех типов. См: Charles C. Sharp, Soviet Order of Battle, World War II, Nafziger-Collection 1995, S. 11.

²⁰ Deutsche Militärzeitschrift 1/2005, S. 8—13.

²¹ Valerij Danilov, Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventivschlag gegen Deutschland vorbereitet?, in: ÖMZ 1/1993, S. 51; hier: S. 50. Линия нападения простиралась от Острова у Буга на юго-восток до Литовска, неподалеку от южного конца германо-советской границы. В противоположность двум первым планам развертывания от главного удара по Восточной Пруссии отказалась, хотя должны были быть нанесены удары по Инстербургу и Алленштайну.

²² V. A. Neveshin, Stalin's Speech of 5 May 1941 and the Apologia for an Offensive War; in: Russian Studies in History 2/1997, S. 49—72, hier: S. 64.

²³ Всего Красная Армия располагала во всех военных округах 303 дивизиями. Ватутин учитывает, однако, в середине июня еще 17 дивизий, находившихся в стадии формирования.

²⁴ Данные включают находившиеся в стадии формирования полки. В то время как средняя мощность авиаполка составляла 60 машин, некоторые особо боеспособные полки располагали 70 машинами. См: www.rkka.ru/22/vvs. от 21.1.2005.

²⁵ Milan Hauner, Stalin's Big-Fleet Program; in: Naval War College Review, 2/2004, S. 88—120; ausführlich: Jurgen Rohwer/Mikhail S. Monakov, Stalin's Oceaongoing Fleet: Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935—1953, London 2001. — Сталин пресек в 1940—1941 годы попытки командования флота увеличить производство легких надводных кораблей и подлодок за счет строительства линейных кораблей и тяжелых крейсеров.

²⁶ Otto Manninen, The Soviet Plans for the Northwestern Theater of Operations in 1939—1944, Helsinki 2004, S. 73.

²⁷ Ebenda, S. 81/82. — О дислокации советских войск на Северном фронте см.: Kriegsgeschichtliche Zeitschrift 2/1992 (russisch), S. 64/65. Ватутин исходит в своих расчетах от 13.6.1941 из 22 дивизий на Северном фронте.

²⁸ Stefan T. Possorny, Hitlers Unternehmen «Barbarossa» und die Rolle des sowjetischen Geheimdienstchefs Berija; in: Beiträge zur

Konfliktforschung 3/1975, S. 99—114, hier: S. 102. — Английская разведка благодаря расшифровке радиопереговоров знала о немецких намерениях как минимум за два месяца до нападения.

²⁹ К вопросу об ультиматуме: *Ernst Topitsch*, *Stalins Krieg*, 2. Auflage, München 1986, S. 112ff. — О сталинской оценке германо-британского соглашения: *Gabriel Gorodetsky*, *Grand Illusion*, Yale University Press 1999 (deutsch: *Die große Täuschung*, Berlin 2001).

³⁰ Как сообщает Мартин Аллен («Churchills Friedensfalle», Inning 2003), британские секретные службы производили сознательную дезинформацию, чтобы создать у немецкого правительства иллюзию готовности Британии к переговорам о мире; целью акции было подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз, раз с запада опасность больше не угрожала.

³¹ *Valerij Danilov*, Juni 1941. Früchte einer falschen Konzeption (russ.); in: «Poisk» (Suche) 25/1996, S. 3; V. A. Nevezhin, Stalin's 5 May Addresses: The Experience of Interpretation; in: *The Journal of Slavic Military Review* 1/1998, S. 116—146, hierin zahlreiche russische Quellenangaben.

³² *Ziemke*, *The Red Army*, a.a.O., S. 268.

³³ B. V. *Sokolov*, Did Stalin Intend To Attack Hitler?; in: *The Journal of Slavic Military Studies*, Juni 1998, S. 113—141; hier: S. 132/32.

³⁴ V. A. *Nevezhin*, Stalin's Speech of 5 May 1941 and the Apologia for an Offensive War; in: *Russian Studies in History* 2/1997, S. 48—73, hier: S. 38ff, S. 61. Кроме того, было предписано использовать для мобилизации населения в целом законодательные мероприятия, поскольку без такой мобилизации воспитание армии в наступательном духе остается пустой фразой.

³⁵ Речь шла о 238-й стрелковой дивизии с численностью в 10 300 человек. Подготовка к формированию большого соединения, состоявшего из поляков, началась уже осенью 1940 г., когда НКВД рекрутировал тех польских военнопленных, которые изъявили желание воевать против Германии. См: B. V. *Sokolov*, Did Stalin Intend To Attack Hitler?, a.a.O., S. 113—141; hier: S. 121, 131.

³⁶ *Harald Moldenhauer*, Die Reorganisation der Roten Armee von der «Großen Säuberung» bis zum deutschen Angriff auf die UdSSR (1938—1941); in: *Militärgeschichtliche Mitteilungen* 55 (1996), S. 176—164, hier: S. 163/64.

³⁷ Ошибочность развертывания была признана даже Габриэлем Городецким (*Die Große Täuschung*, S. 360); см: Cynthia A. Roberts, Planning for war: The Red Army and the catastrophe of 1941; in: *Europe-Asia Studies*, Dezember 1995, S. 1293—1326; hier: S. 1294.

³⁸ Подробнее см.: *Michael Meltjuchov*, Am Vorabend des Großen Vaterländischen Krieges, Moskau 1999, S. 55.

³⁹ Это значит: расположение только небольших сил непосредственно у границы для задержания противника; концентрация основных соединений в глубине с опорой на естественные препятствия, для оста-

новки наступления противника; развертывание сзади сильных механизированных резервов для контрнаступления.

⁴⁰ Это неудобопонимаемое высказывание принадлежит генерал-полковнику Юрию Горькову: Was Stalin Preparing a Preemptive Strike Against Hitler in 1941?; in: Russian Studies in History, Winter 1997/98, S. 22—46; hier: S. 32.

⁴¹ V. N. Kiselev, Stubborn Facts Associated with the Beginning of the War; in: Russian Studies in History, Winter 1997/87, S. 8—21, hier: S. 11.

⁴² Это, например, стремится доказать Игорь Бунич в книге «Операция «Гроза». Ошибки Сталина», Москва, 2004. Эрих Хелмдах (*Erich Helmdach: Täuschungen und Versäumnisse*, Berg am See 1979, S. 128) считает нападение в августе более вероятным.

Советский Союз мог при тотальной мобилизации получить дополнительно 12 миллионов человек, если исходить из уровня мобилизации в 10—11% населения. См: David M. Glantz, Collossus Reborn, The Red Army at War 1941—1943, Kansas 2005, S. 135.

⁴⁴ Hans-Adolf Jacobsen, Der Weg zur Teilung der Welt, Koblenz — Bonn 1977, S. 219. — Es handelt sich um die Unterredung Hitlers mit Ciano am 18. 12. 1942.

⁴⁵ Ко времени принятия окончательного решения противодействие скорому нападению не было центральным мотивом, преобладающим было намерение противостоять среднесрочной советской угрозе. Из-за отсутствия такого дифференцирования возникла вводящая в заблуждение дискуссия, см. напр.: B. Bianca Pietrov-Ennker (Hrsg.), Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion, Frankfurt/M. 2000.

⁴⁶ Joachim Schultz-Naumann, Die letzten dreißig Tage. Das Kriegstagebuch des OKW April bis Mai 1945, München 1980, S. 130. Der Ausspruch stammt vom 12. Mai 1945.

⁴⁷ Сравнение этой ситуации с эпохой холодной войны, когда Советский Союз вместе с другими странами Варшавского договора создал преобладающий военный потенциал, что, однако, не привело к эскалации агрессии, хромает: потенциальное нападение Варшавского пакта было предотвращено не самоограничениями кремлевского руководства, а ядерным оружием Запада, которое делало нападение на него более чем рискованным.

СССР - ФИНЛЯНДИЯ. ОТ МИРНОГО ДОГОВОРА К ВОЙНЕ

12 марта 1940 г. в Москве был подписан мирный договор. Он начинался такими словами: *«Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Президент Финляндской Республики, с другой стороны, руководимые желанием прекратить возникшие между обеими странами военные действия и создать прочные взаимные мирные отношения...»* С советской стороны договор подписал глава правительства и нарком иностранных дел В.М. Молотов, с финской стороны — глава правительства (будущий президент Финляндии) Р. Рюти.

По меньшей мере странными были и обстоятельства заключения Московского договора, и его содержание, и его политические последствия.

Накануне заключения договора, подписывая полномочия финской делегации на заключение соглашения на продиктованных Москвой условиях, президент Каллио произнес в запальчивости роковую фразу: *«Пусть отсохнет рука, подписавшая такой документ»*. В августе 1940 г. Каллио тяжело заболел, у него произошел инсульт, после которого отнялась именно правая рука; в дальнейшем здоровье его непрерывно ухудшалось, и накануне Рождества Каллио скончался от повторного инсульта на перроне вокзала Хельсинки (президент Финляндии ездил на свою пригородную дачу на электричке). Этой историей, казалось бы, более уместной в мистическом триллере, нежели в реальной действительности, перечень странных нелепостей, связанных с заключением Московского договора, лишь начинается.

Кто и с кем заключил 12 марта 1940 г. договор в Москве? Это совсем не простой вопрос. Формально- юриди-

чески взаимоотношения СССР и Финляндии основывались на Договоре о взаимопомощи и дружбе, заключенном 2 декабря 1939 г. с так называемым «народным правительством» так называемой «Финляндской демократической республики». Формально-юридически никакой войны, никакого конфликта между двумя государствами не было. О чем глава правительства СССР тов. Молотов публично заявил еще 4 декабря 1939 года:

«...Советское правительство не признает так называемое финляндское правительство, уже покинувшее г. Хельсинки и направившееся в неизвестном направлении, и потому ни о каких переговорах с этим «правительством» не может теперь стоять вопрос. Советское правительство признает только Народное правительство Финляндской Демократической Республики, заключило с ним Договор о взаимопомощи и дружбе, и это является надежной основой развития мирных и благоприятных отношений между СССР и Финляндией».

Эта же безукоризненная логика была использована и в Лиге Наций, Генеральному секретарю которой было заявлено, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финляндскому народу. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря сего года заключен Договор о взаимопомощи и дружбе». Итак, войны не было. Отношения были мирными. Красная Армия, Краснознаменный Балтийский флот и славные «сталинские соколы» всего лишь бескорыстно помогали «народному правительству» в его героической борьбе против мятежных «маннергеймовских банд»...

Смех смехом, но даже на секретных военных топографических картах, выпущенных картографическим Управлением Генштаба РККА в начале 1940 г., вместо нормальной линии государственной границы СССР была изображена линия «новой границы» с призрачной «демократической Финляндией», каковая граница на участке северной Карелии проходила всего в нескольких десятках километров от берега Белого моря.

Разумеется, эти обстоятельства не создавали абсолютно непреодолимых преград в деле заключения полноценного, юридически значимого мирного договора. Всего-то требовалось составить, подписать и вручить финской делегации три документа. Грамотный чиновник МИДа мог бы составить их за пару часов. Первый документ — заявление «правительства Куусинена» о самороспуске. Второй — совместное заявление правительства СССР и «народного правительства Финляндской демократической республики» о том, что в связи с самороспуском «народного правительства» заключенный 2 декабря 1939 г. Договор о взаимопомощи и дружбе признается утратившим юридическую силу. Третий документ был бы самого щекотливого свойства — следовало в той или иной форме дезавуировать скандальные заявления Молотова. Как один из возможных вариантов — соответствующую бумагу мог подписать Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Калинин (тов. Сталин, как один из многих рядовых депутатов ВС СССР, дезавуировать заявления главы правительства СССР конечно же не имел права).

Однако ничего подобного сделано не было, и Московский договор был подписан с представителями «финской белогвардейщины», якобы бежавшими из Хельсинки «в неизвестном направлении», но успевшими перед этим поднять вооруженный мятеж против правительства «демократической Финляндии», с каковым «правительством» СССР на момент подписания мирного договора был связан узами Договора о взаимопомощи и дружбе. Случай в истории дипломатии цивилизованных стран уникальный. Но, может быть, Сталин и его сподвижники в силу пробелов своего образования (по большей части — неоконченного среднего) не понимали эту простейшую юридическую технику? Ничего подобного. Наличие правовой коллизии, связанной с существованием «народного правительства демократической Финляндии», в Москве отлично осознавали, о чем и сообщил депутатам трудящихся сам Молотов на сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся 29 марта 1940 года:

«...мы обратились к Народному Правительству Финляндии, чтобы узнать его мнение по вопросу об окончании войны. Народное Правительство высказалось за то, что в целях прекращения кровопролития и облегчения положения финского народа следовало бы пойти навстречу предложению об окончании войны... Соглашение между СССР и Финляндией вскоре состоялось... В связи с этим встал вопрос о самороспуске Народного Правительства, что им и было осуществлено».

Правда, товарищ Молотов и на этот раз слукавил, поставив в своем выступлении телегу впереди лошади.

Не заключение мирного договора делало необходимым самороспуск «правительства Куусинена», а как раз наоборот — ликвидация марионеточного псевдоправительства несуществующей страны была необходимым условием добросовестного ведения переговоров и заключения договора с законным правительством Финляндии. Впрочем, несравненно более важной, нежели использованные Молотовым обороты речи, является дата. Доклад Молотова прозвучал 29 марта, а мирный договор был подписан 12 марта. Никаких других официальных документов (если только речь Молотова вообще может считаться документом, имеющим международно-правовое значение) о самороспуске «правительства Куусинена», равно как и о признании Советским Союзом законного правительства Финляндии, сделано не было.

Все это едва ли было случайным: скорее всего, Сталин вполне осознанно не спешил выкинуть «правительство Куусинена», придерживая его, как карточный шулер придерживает в рукаве фальшивого туза. Только после того, как «игра» была завершена, договор с Финляндией подписан, а угроза вмешательства в войну англо-французского блока временно отступила, Сталин разрешил распустить «народное правительство».

Если наличие лишнего правительства и «двух Финляндий» всего лишь придавало ситуации фарсовую окраску, то заключение «договора о мире» в обстановке продолжающейся вооруженной агрессии позволяет поставить вопрос о юридической несостоятельности этого документа в целом. Поясним суть проблемы одним кон-

кретным примером, причем имеющим самое прямое отношение к советско-финляндским войнам. Последняя из этих войн была завершена следующим образом:

— 4 сентября 1944 г. вступило в силу соглашение о прекращении огня;

— 19 сентября 1944 г. было подписано Соглашение о перемирии;

— 10 февраля 1947 г. был подписан Мирный договор.

Можно предположить, что реализация именно такого цивилизованного порядка выхода из войны была обусловлена тем, что на этот раз в качестве одной из сторон Соглашения о перемирии и мирного договора выступал не только Советский Союз, но и целая группа стран антигитлеровской коалиции, включая Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. В подобной ситуации возможности сталинского «беспредела» были существенно ограничены. В марте же 1940 года финскую делегацию вызвали в Москву и предложили подписать некий документ под «дулом орудий» — в прямом и переносном смысле этого выражения. Ни соглашение о длительном перемирии, ни, по меньшей мере, временная договоренность о прекращении огня на период ведения переговоров не были достигнуты (точнее говоря — были категорически отвергнуты советской стороной), и Московский договор был подписан непосредственно в ходе войны.

Что же касается характера этой необъявленной войны, то Лига Наций охарактеризовала ее как агрессию Советского Союза против нейтральной, миролюбивой страны, и даже кремлевские составители текста Московского договора не набрались смелости обвинить в чем-либо Финляндию, уклончиво охарактеризовав развязанную ими войну как *«возникшие между обеими странами военные действия»*. И не более того. Важно отметить, что ни о каких «провокационных обстрелах советской территории», ни о каких «агрессивных замыслах финской военщины» в преамбуле Московского договора не было сказано ни слова. Но если международное сообщество признало за Финляндией право на вооруженное сопротивление агрессии, то было ли это право утрачено в

связи с подписанием Московского договора? Проще говоря — чем «мирный договор», заключенный в условиях продолжающегося вооруженного насилия, отличается от долговой расписки, полученной вымогателями с помощью утюга и паяльника? Накладывает ли такая расписка на жертву вымогателей какие-либо обязательства — кроме моральной обязанности законопослушного гражданина обратиться в правоохранительные органы и помочь им в поимке преступников?

Теперь от формы и обстоятельств заключения Московского договора перейдем к анализу его содержания. Главным содержанием договора было определение новой линии границы между СССР и Финляндией. Эту линию можно было провести, руководствуясь по меньшей мере тремя разными соображениями (и обосновывая это решение тремя типами аргументов).

Если руководствоваться выраженным в преамбуле договора стремлением *«создать прочные взаимные мирные отношения»*, то следовало отвести войска на линию, которую они занимали до *«возникших между обеими странами военных действий»*, т.е. на линию международно-признанной государственной границы между СССР и Финляндией.

В качестве пропагандистского обоснования такого благородного решения могли служить слова всенародно любимой песни, которая гремела в те годы из всех репродукторов: «Земли чужой мы не хотим ни пяди». Под этим лозунгом победоносная Красная Армия с развернутыми знаменами, под гром полковых оркестров могла пройти парадным строем по улицам Ленинграда. «Белофинская военщина получила достойный урок, весь мир убедился в том, что для Красной Армии нет непреодолимых преград, и город Ленина, колыбель революции, может теперь спать спокойно» — так можно было объяснить произошедшее своему народу и международному сообществу. Разумеется, такого благородства от Сталина и К^о едва ли кто-нибудь ожидал, поэтому сразу же перейдем к обсуждению варианта № 2.

Новую границу можно было провести строго по той линии, которая была предложена финнам в ходе предво-

енных переговоров в октябре — ноябре 1939 г. И это решение позволяло Сталину выйти из войны, как говорится, «сохранив лицо». Все могло бы выглядеть очень красиво. «Воля могучего Советского Союза — закон для всех. То, что нам надо, мы возьмем всегда. Финны не захотели отдать нам кусок территории Карельского перешейка по-хорошему, через обмен территориями — им же хуже, теперь придется уступить требованиям Советского Союза по-плохому, после военного поражения и безо всяких обменов».

Наконец, возможен был и самый жесткий вариант № 3. Новая линия границы могла быть проведена по той линии фронта, которая реально сложилась на начало марта 1940 года. На основании простого и древнего как мир «права завоевания». Именно так — огнем и мечом — кроились в весьма недалеком прошлом границы всех европейских государств. Скорее всего, именно на такое решение территориального вопроса — как на худший, но, увы, неизбежный, вариант — рассчитывала в марте 1940 г. и финская делегация.

Ничего подобного — ни один из трех перечисленных вариантов Сталина не устроил. В ультимативной форме финнам было предложено согласиться на откровенно наглый разбой, при котором Советский Союз присваивал себе не только все фактически занятые Красной Армией территории, но и те земли, к которым и близко не смог подойти солдат Красной Армии.

По условиям Московского договора от 12 марта 1940 г. к Советскому Союзу отходил весь Карельский и весь Онежско-Ладожский перешеек с городами Виипури (Выборг), Кексгольм (Приозерск), Сортавала, Суоярви. Это были одни из наиболее развитых в экономическом отношении районы Финляндии. Расположенные там целлюлозно-бумажные комбинаты производили примерно столько же целлюлозы, сколько весь СССР, причем значительно лучшего качества. 19 крупных и средних электростанций полностью обеспечивали энергией всю промышленность региона. Летом 1939 г. на этой территории проживало 12% населения Финляндии и производилось 30% зерна. По площади освоенных пахотных земель

(178 тыс. га) «новоприобретенные» районы в 2,7 раза превосходили соответствующий показатель всей Советской Карелии.

Но и это еще не все. Якобы в целях «обеспечения безопасности Ленинграда» Советский Союз аннексировал изрядный кусок территории (площадью порядка 5 тыс. кв. км) на севере Финляндии, в районе Алакюртти — Салла, отстоящий от Ленинграда на расстояние в 800 км, и даже западную часть полуостровов Рыбачий и Средний, находящихся на расстоянии в 1400 км от Ленинграда. Забота о «безопасности Ленинграда» зашла так далеко, что по условиям Московского договора Советский Союз присвоил себе право на создание военно-морской и авиационной базы на полуострове Ханко, расположенном на северной (т.е. финляндской) стороне Финского залива, на расстоянии 400 км от Ленинграда и в 100 км по шоссе от Хельсинки. Общая добыча составила порядка 37 тыс. кв. км финской земли (не считая водных пространств) — это больше территории Бельгии и чуть меньше территории Швейцарии или Нидерландов. В целом Советский Союз аннексировал в 13 раз больше того, что Сталин требовал на переговорах в октябре 1939 г., и примерно в 5 раз больше того, что было захвачено силой оружия в ходе «зимней войны».

С формально-юридической точки зрения Московский договор от 12 марта 1940 г. почти ничем не отличается от Соглашения о перемирии между Францией и Германией, подписанного в Компьенском лесу 24 июня 1940 г. Оговорка «почти» относится лишь к тому, что вопрос о том, кто (Германия или Франция) был агрессором, а кто — жертвой агрессии, допускает разные толкования. Строго говоря, именно Франция объявила 3 сентября 1939 г. войну Германии, и именно французские войска первыми пересекли границу (9 сентября) и вторглись на сопредельную территорию Германии. Да, Нюрнбергский трибунал отверг подобную казуистику и признал Германию виновной в развязывании войны в Европе, в том числе — и войны против Франции. И тем не менее тема для сугубо абстрактной дискуссии остается. В случае же с 1-й советско-финляндской войной («зимней войной»)

все предельно ясно: Финляндия не нападала, не угрожала, да и не могла — в силу разницы в размерах — угрожать могучему Советскому Союзу, армия которого превосходила в численности все мужское население страны Суоми (включая грудных младенцев и ветхих стариков).

В современной Германии едва ли найдется экстремистская группировка крайне правого, реваншистского толка, у которой хватит наглости требовать «возвращения» Парижа и Орлеана, ссылаясь при этом на условия Соглашения о перемирии 1940 года. В самой же Франции лишь немногие из тех, кто в годы оккупации обвинял де Голля, «Свободную Францию» и бойцов антифашистского Сопротивления в нарушении «перемирия» с захватчиками, избежали уголовного наказания. Эти вдохновляющие примеры должны, на мой взгляд, сдерживать праведный гнев тех российских историков и публицистов, которые с видом оскорбленной невинности возмущаются тем, что не все граждане и не все руководители Финляндии считали себя морально обязанными выполнять условия Московского договора... Впрочем, с весны 1940 г. по весну 1941 г. вопрос о том, как руководство Финляндии относится к Московскому договору, не имел никакого практического значения. Главным и определяющим ситуацией было то, как к этому договору относилось руководство СССР.

29 марта 1940 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, товарищ Молотов подвел итог 1-й советско-финляндской войны такими словами: *«Заключение мирного договора с Финляндией завершает выполнение задачи, поставленной в прошлом году, по обеспечению безопасности Советского Союза со стороны Балтийского моря...»*

Кто бы и как бы ни относился сегодня к В.М. Молотову лично, нельзя не признать, что задача обеспечения безопасности является первейшим делом любого правительства любой страны. Для Советского Союза проблема обеспечения безопасности «со стороны Балтийского моря» была чрезвычайно актуальной. На берегу этого моря,

на самом краю российской земли находился Ленинград: красивейший город, важнейший центр военной промышленности, крупный железнодорожный узел и морской порт; город-символ могущества страны, ее героической истории и многовековой культуры. *«Безопасность Ленинграда есть безопасность нашего Отечества»*, — говорил Сталин своим генералам и тут же объяснил — почему: *«Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30—35 оборонной промышленности нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти»*.

К каким же реальным результатам в деле обеспечения безопасности Ленинграда, да и всего Советского Союза в целом, привела 1-я советско-финская война? Самый короткий и точный ответ на этот вопрос можно найти в известном изречении о том, что нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Сталин тяжело ранил Финляндию — но не добил ее до конца. Это очень опасная ситуация, опасная при охоте на всякого крупного зверя и в тысячу раз более опасная в политике.

До начала «зимней войны» Советский Союз имел в качестве своего северного соседа малое по населению, но при этом огромное по площади государство. Государство это не имело ни военных сил, необходимых для нападения на СССР, ни каких-либо существенных стимулов к таким безрассудным действиям. Огромные и труднопроходимые пространства финских лесов и озер являлись не чем иным, как бесплатной, созданной самой природой «полосой препятствий» на пути любой «третьей силы», которая попыталась бы атаковать Советский Союз через территорию Финляндии. Наконец, то очертание границы, которое существовало по состоянию на 30 ноября

1939 г. — узкая «горловина» Карельского перешейка, ограниченная с западного и восточного флангов водными пространствами Финского залива и Ладожского озера, — было одинаково выгодно как для обороны Финляндии,

так и для обороны Советского Союза. Карельский укреп-район, бетонные сооружения которого начали строиться еще в 1928 году, поддержанный мощным артиллерийским огнем фортов Кронштадта и кораблей Балтийского флота, мог бы стать непреодолимой преградой на пути англо-французских или германских войск (если бы им в какой-то гипотетической ситуации все же удалось — войной или уговором — пройти через территорию Финляндии).

После заключения Московского договора ситуация радикально изменилась. Да, линия границы была отодвинута на 100—120 км к северу от Ленинграда. Но за этой границей лежала страна, народ которой чувствовал себя оскорбленным, униженным и ограбленным. Этот народ сохранил свою государственность, что в данном контексте означало сохранение (если и не юридическое, то фактическое) возможности для поиска помощников и союзников в деле отмщения и реванша. Финляндское государство сохранило свою армию, потери которой (порядка 27 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести, 55 тысяч ранеными и заболевшими) хотя и были трагически велики для страны с населением менее 4 млн человек, но в целом вполне восполнимы за счет новых призывных контингентов. Что же касается боевой техники и вооружений, то парадоксальным итогом «зимней войны» стало значительное (по ряду позиций — многократное!) увеличение технической оснащенности финской армии. Это было связано с тем, что вооружение, закупленное за рубежом (или полученное в рамках безвозмездной помощи жертве советской агрессии), в большей своей части прибыло в порты Финляндии уже после того, как в марте 1940 г. боевые действия были завершены.

Отдадим должное товарищу Сталину: он легко и свободно обманывал других, но никогда не занимался глупым и трусливым делом самообмана. Что бы ни кричала сталинская пропаганда, сам Сталин не мог не понимать, что обороноспособность Ленинграда опасно ослаблена. И в этом смысле твердое намерение Сталина не останавливаться на полпути, а довести начатое дело до логического завершения выглядит вполне разумным. В горах

Кавказа, там, где родился Иосиф Джугашвили, наездники говорят: «Перепрыгнул ограду передними ногами — перепрыгивай задними...»

Реально, а не на словах, завершить «выполнение задачи по обеспечению безопасности Ленинграда» можно было двумя, принципиально различными способами. Великая держава могла предложить соседу забыть старые обиды и начать жизнь «с чистого листа». Великая держава могла убедить Финляндию — и не словами, разумеется, а практическими делами, — что мирное сосуществование и тесное экономическое сотрудничество с СССР принесет ей больше пользы, нежели бесплодные мечтания о военном реванше. Другими словами — можно было начать выстраивать такую линию взаимоотношений, которая в 50—60-х годах XX столетия реально превратила советско-финляндскую границу в «границу мира и дружбы». Гораздо более спокойную, заметим, нежели граница с «братским социалистическим Китаем». Но был и другой путь, путь подготовки к новой войне, к новому — и на этот раз уже окончательному — решению «финляндского вопроса». Какой путь выбрал Сталин? Первый ответ на этот вопрос давали уже сами грабительские условия Московского мирного договора. Следующие по счету ответы поступили в самые ближайшие недели и месяцы.

Двадцатого марта 1940 г., всего лишь через неделю после подписания Московского договора, части Красной Армии — безо всякого согласования с финской стороной — перешли линию новой границы и заняли поселок Энсо. Поселок этот был не простой, а, можно сказать, «золотой». Рядом с маленьким поселком находился огромный, один из крупнейших в мире целлюлозно-бумажный комбинат (сульфитный завод, сульфатный завод, картонная фабрика, бумажная фабрика и химический завод, производящий хлор для отбеливания целлюлозы). Полный, технологически законченный комплекс предприятий, способных выпускать целлюлозу в объеме 50% от выработки во всем СССР.

По досадной оплошности исполнителей (да и в силу общей спешки) на переговорах в Москве про комбинат

забыли, и линия новой границы, проведенная через железнодорожную станцию Энсо, оставила комбинат на финской стороне. В скобках отметим, что в аналогичной ситуации с крупным металлургическим заводом в Вяртсилья (Приладожская Карелия) линия на карте была предусмотрительно выгнута на северо-запад, и завод оказался на аннексированной территории.

Досадная недоработка (которая в известных условиях той эпохи могла быть с легкостью переквалифицирована во «вредительство») была немедленно исправлена прямым вооруженным захватом. Ни в какие переговоры с белофиннами советские представители даже не сочли нужным входить. Позднее, уже после окончания 3-й советско-финской войны, поселок Энсо получил новое, советское, жизнеутверждающее название Светлогорск. Если вы, уважаемый читатель, посмотрите на упаковку туалетной бумаги, хранящуюся в вашем санузле, то, возможно, найдете на ней надпись «Светлогорский ЦБК».

Вооруженный захват комбината в Энсо немедленно поставил перед советским руководством следующую задачу — теперь надо было обеспечить надежную защиту столь ценной добычи, а для этого... Да, разумеется, для этого надо было еще раз передвинуть границу. 9 мая 1940 г. заместитель начальника Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР майор госбезопасности Г.М. Орлов пишет на имя заместителя председателя СНК СССР товарища Булганина докладную записку. Отметив огромное экономическое значение комбината в Энсо, товарищ Орлов переходит к конструктивным предложениям: *«Поэтому надо сделать все возможное (подчеркнуто тов. Орловым) к максимальному отдалению финской границы от этого комбината, т.к. намечающаяся в настоящее время граница не может быть ни в коем случае допустима».*

Забавно. Это самое мягкое, что мог бы сказать об этой докладной записке человек, не посвященный в «тайны кремлевского двора». В самом деле: всего лишь заместитель главного вертухая, в более чем скромном для решения вопросов международной значимости звании майора, дает указания заместителю главы правительства, при-

чем по проблеме, не имеющей, на первый взгляд, никакого отношения к служебным полномочиям заместителя начальника ГУЛАГа. При этом майор Орлов называет *«ни в коем случае допустимой»* ту линию границы, которая установлена межгосударственным договором, подписанным главой правительства СССР, верным соратником великого Сталина, товарищем Молотовым. Это откуда же такая смелость, такая прыть?

Ларчик и на этот раз открывается очень просто. Товарищ Орлов исполнял в тот момент обязанность... председателя советской делегации в совместной советско-финляндской комиссии по демаркации границы! Наверное, это и есть тот случай, про который говорят: «Правда удивительней всякой выдумки». Высокопоставленный лагерный надсмотрщик чертит линию новой финской границы — более яркой метафоры несбывшихся надежд Сталина нельзя было и придумать. Да, именно «несбывшихся», ибо в тот раз «отдалить финскую границу» от Энсо не удалось. К разочарованию майора ГБ, весной 1940 г. Сталин еще не был готов идти на *«все возможное...»*.

Зато все возможное было сделано для скорейшего завершения строительства (разумеется, руками заключенных ГУЛАГа) железной дороги, соединившей пограничный поселок Салла с Кандалакшей. Более того, в соответствии со ст.7 Московского договора советское руководство потребовало (и добилось) от Финляндии строительства железной дороги на территории Финляндии, соединившей Салла с Кемиярви. В тексте Московского договора это требование обосновывалось желанием Советского Союза осуществлять *«транзит товаров между СССР и Швецией по кратчайшему железнодорожному пути»*.

Действительно, соединив железной дорогой Кемиярви и Салла, можно было получить прямое сообщение от Кировской (Мурманской) железной дороги до Швеции «по кратчайшему пути». На первый взгляд все достаточно логично. На второй и более внимательный взгляд становится очевидно, что заполярная Кандалакша могла быть лишь промежуточным пунктом на пути транспор-

тировки грузов из Швеции в обжитые и промышленно развитые районы СССР. Самый короткий маршрут движения от шведской границы к Москве или Ленинграду проходит отнюдь не через северную, а через южную часть Финляндии (т.е. через Оулу, Куопио, Элисенваара, Кексгольм). Никакого сокращения пути транспортировка по «северному маршруту» (т.е. через Кандалакшу, Петрозаводск, Лодейное Поле) не давала. Не имея ни малейшего экономического смысла, дорога Салла — Кемиярви — Рованиemi имела совершенно очевидное, не вызывающее сомнений, военное значение, как линия снабжения наступающих от границы к побережью Ботнического залива советских войск.

Не исчезло без следа и самораспустившееся «правительство Куусинена». Март 1940 года не успел еще закончиться, как 6-я сессия Верховного Совета СССР, *«идя навстречу пожеланиям трудящихся Карельской АССР и руководствуясь принципом свободного развития национальностей»* (ну что можно возразить против таких благих намерений?), приняла Закон «О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику». В соответствии со статьей

1 этого Закона новая союзная республика получила (в дополнение к исходной территории Карельской АССР) еще и *«территорию, отошедшую от Финляндии к СССР на основании мирного договора между СССР и Финляндией, за исключением небольшой полосы, примыкающей непосредственно к Ленинграду»*. Другими словами, новоявленная «карело-финляндия» получила все земли, захваченные у настоящей Финляндии, за исключением того участка Карельского перешейка, который «народное правительство» Куусинена 2 декабря

1939 г. широким жестом доброй воли передало Советскому Союзу — его включили в состав Ленинградской области.

Юридическое оформление создания К.-Ф. ССР было выполнено как всегда, то есть крайне небрежно. Строго говоря, новая республика оказалась незаконнорожденной, т.к. оформить решение Верховного Совета РСФСР

по вопросу о выходе Карельской автономной республики из состава РСФСР забыли (из-за спешки или по причине устоявшейся привычки к правовому хаосу). В результате оказалась нарушена Конституция СССР, в соответствии с которой изменение территории и границ союзной республики без ее согласия не допускалось. И если бы возникновение «карело-финляндии» было чем-то большим, нежели очередным политическим фарсом, то оно могло создать для РСФСР серьезную транспортную проблему, так как Мурманская область теряла при этом сухопутное сообщение с остальной территорией РСФСР и превращалась в некий «анклав» (подобно тому, как после распада СССР и утверждения государственной независимости Литвы Калининградская область оказалась отрезанной от остальной России).

Новая союзная республика получилась огромной по площади территории (как Азербайджан, Армения и Грузия, вместе взятые), но при этом крохотной по численности населения. В ней не было даже одного миллиона жителей (что по негласным «нормам» считалось обязательным условием для создания союзной республики). В списках избирателей на первых выборах Верховного Совета К.-Ф. ССР было зарегистрировано всего 497 тыс. человек. После массовых репрессий 30-х годов (приобретших в Карелии характер полномасштабной «этнической чистки») в живых и на свободе осталось мизерное количество от и без того малочисленного финского населения региона. Война с Финляндией принесла Сталину территорию без людей — практически все население аннексированных территорий (400 тыс. человек всех национальностей) ушло вместе с отступающей финской армией. Именно тогда и родился анекдот: «В Карело-Финской республике живут два финна: Фининспектор и ФИНКельштейн, да и тот при рассмотрении оказался одним и тем же лицом».

Кроме легендарного финна Финкельштейна, в Карело-Финской республике оказался и не менее легендарный финн Куусинен. Для «кормления и чести» (стандартная формулировка указов московских царей) ему был жалован почетный титул Председателя Президиу-

ма Верховного Совета К.-Ф. ССР. Настоящая, т.е. партийная, власть осталась в прежних руках: Первым секретарем ЦК Компартии Карело-Финляндии был назначен (т.е. единодушно избран на организационном Пленуме ЦК) бывший Первый секретарь Карельского обкома Г. Н. Куприянов (русский по национальности). Руководителем «карело-финской» молодежи (Первым секретарем ЦК комсомола республики) был назначен Ю.В. Андропов — да, тот самый...

То, что реальный национальный состав населения республики совершенно не соответствовал ее названию, не могло считаться чем-то из ряда вон выходящим (уникальной была лишь количественная мера этого несоответствия — название «финская» при практически полном отсутствии финнов). Но вот начавшаяся в К.-Ф. ССР кампания по форсированной и тотальной «финнизации» была абсолютно беспрецедентной. На финский язык переводилось все делопроизводство, началось радиовещание на финском языке, на домах и улицах менялись вывески, обучение в карельских школах переводилось на финский язык. Причем сроки были установлены фантастические. 28 мая Бюро ЦК Компартии К.-Ф. ССР постановило: *«Перевести делопроизводство с карельского на финский язык к 1 июля 1940 г.,*

...Разработать проект мероприятий по изучению финского языка партийным и советским активом».

Трудно сказать — успел ли партийный и советский актив выучить за несколько месяцев финский язык, но картонные папки, в которых подшивались протоколы заседаний Бюро, к началу 1941 года изменились радикально: состав документов и правила ведения учета напечатаны латиницей на финском языке, на всех печатях и штампах большими буквами выгравирована надпись на финском языке, и только маленькими буквами — на русском.

Зачем? Кому был нужен этот цирк? Для абсолютного большинства населения, говорившего и писавшего по-русски, вся эта суета создавала только лишние неудобства. Ничуть не в лучшем положении оказались и составляющие меньшую (порядка 25—30%) часть насе-

ни я карелы. Понять на слух финский язык они еще могли (так же, как русский человек поймет в общих чертах украинскую речь), но финская письменность, основанная на латинской графике, принципиально отличалась от построенного на использовании кириллицы письменного карельского языка. Самое же невероятное заключалось в том, что еще несколько лет назад, в разгар борьбы с «финским буржуазным национализмом», любое упоминание о том, что карелы и финны находятся в близком родстве, рассматривалось как контрреволюционная агитация и подстрекательство к мятежу...

У загадочной республики появилась едва ли не «собственная армия». 7 мая 1940 г. нарком обороны Ворошилов подписал приказ (один из последних в этой должности, так как именно в тот день Ворошилов был снят с поста наркома), в соответствии с которым требовалось «к 10 июля сформировать 71-ю Особую Карело-Финскую стрелковую дивизию численностью 9000 человек». Дивизия должна была стать «особой» не только по названию. *«Личным составом дивизию укомплектовать из числа военнообязанных карелов и финнов, в первую очередь из бывшего корпуса тов. Анттила».* Корпус товарища Анттила — это тот самый «1-й горнострелковый корпус Народной армии Финляндии», который должен был в декабре 1939 г. водрузить красное знамя над президентским дворцом в Хельсинки. Как бы то ни было, но ни одна союзная республика СССР своих «особых» дивизий, укомплектованных личным составом «титульной национальности», не имела. Почему же такая сомнительная честь выпала на долю бутафорской «карело-финляндии»?

Для поиска ответа на этот вопрос нам надо мысленно перенестись из Петрозаводска (столицы «карело-финляндии») в Хельсинки. В те самые дни, когда на улицах Петрозаводска меняли вывески, в настоящей Финляндии появилась на свет организация, провозгласившая своей целью «борьбу против эксплуататоров и поджигателей войны». Назывался новорожденный вполне благозвучно: **Общество мира и дружбы с СССР.**

Насколько можно судить по названию, цели общества были самые что ни на есть благородные: способствовать примирению двух народов, только что переживших кровавую междоусобицу. Чего же лучше? Просто удивительно, что в нашей стране история этого богоугодного заведения почти никому не известна. Лишь очень немногие книги содержат самые краткие упоминания о создании общества, о митингах и демонстрациях, проводившихся им «в защиту мира и дружбы». Да еще в речи Молотова на сессии Верховного Совета СССР от 1 августа 1940 г. можно прочесть странную фразу, вероятно, имеющую отношение к деятельности общества: *«Если некоторые элементы финляндских правящих кругов не прекратят своих репрессивных действий против общественных слоев Финляндии, стремящихся укрепить добрососедские отношения с СССР, то отношения между СССР и Финляндией могут потерпеть ущерб»*. Вот, собственно, и все. И тем не менее — кто ищет, тот находит. В архиве Коминтерна сохранились рукописные отчеты руководителей районных и городских организаций компартии Финляндии (РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 1544, д. 1547). Перевод документов на русский язык и аналитическая записка к ним были выполнены в январе 1942 года. Приведем краткие отрывки из этих документов:

Лааксо Эйно, «О работе КПФ в Тампере»:

«После войны в Тампере провели собрание актива, на котором дали оценку положения и инструкции для работы.

Но в этой оценке мы переоценили ход событий, поэтому и оценка наша была неправильная. Мы были того мнения, что события в Финляндии будут развиваться так же, как в Балтийских странах (здесь и далее выделено мной. — М.С.)... В нашей организации работала профсоюзная, женская, военная секции, но работа последней была весьма ограниченной и заключалась преимущественно в связях с армией, в приобретении нескольких единиц оружия, взрывчатых веществ и в добывании важных военных секретов...»

Кайно Раухалинна, «Краткий отчет о работе КПФ в г. Сало»:

«С начала 1941 г. работала также организация, добывавшая военные сведения. В задачи этой организации входило добывать сведения о военных транспортах, о расположении войск, о складах оружия и боеприпасов, об аэродромах и т.д.»

Пааво Менделин, «О работе КПФ в «Союзе мира и дружбы»:

«В организации Союза в Тампере руководство партии было явное. В комитете, избранном на организационном собрании, из 6 членов четверо были члены партии и работали в Союзе по инструкциям партии...»

30 июля на собрании Союза в Тампере была зачитана декларация партии, адресованная премьер-министру Рюти, в которой требовали замены правительства и привлечения к ответственности виновников войны...»

Рейно В. Косунен, «О работе КПФ в Куопио»:

«В июне 1940 г. я отвез в Куопио инструкции об организации Союза мира и дружбы, письменный доклад об оценке положения и инструкции о ближайших задачах партии...»

Юрье Хелениус, «Отчет о работе райкома КПФ в гор. Турку и окрестностях»:

«На 7 августа 1940 г. было назначено собрание Общества друзей Советского Союза, но оно было запрещено от имени местной власти. Рабочие собрались и по предложению райкома партии устроили демонстрацию, прошли к торговой площади и полицейской тюрьме, предъявляя требования об отставке правительства. Между безоружными рабочими и вооруженными ручными автоматами (так в тексте перевода. — М.С.) полицейскими возникли столкновения, в результате которых погибло 8 рабочих и 4 полицейских, а несколько десятков человек было ранено...»

Лейно Рейно, г. Турку (документ не озаглавлен):

«Все намеченные партией мероприятия в связи с демонстрацией 7 августа прошли точно по плану...»

На основании отчетов финских товарищей чиновником Коминтерна тов. Вилковым был составлен объемистый (58 машинописных страниц) доклад под названием «О работе компартии Финляндии накануне германо-со-

ветской войны». Название довольно странное — к тому времени (доклад подписан составителем 11 мая 1942 г.) во всех газетах Советского Союза эта война называлась уже «Великой Отечественной».

Подробно (почти дословно) пересказав сообщения финских коммунистов, товарищ Вилков перешел к оценкам и выводам. По поводу событий 7 августа 1940 г. (точнее говоря — по поводу отсутствия аналогичных событий в последующие дни) написана достаточно невнятная фраза: *«ЦК КПФ после 7 августа запретил проведение каких бы то ни было демонстраций или массовых выступлений. Часть членов партии считала это решение ЦК ошибочным, но не нарушила его»*. Это очень странная позиция. В партии Ленина — Сталина (филиалом которой и был Коминтерн) такой «плюрализм мнений», мягко говоря, не поощрялся. Кто-то должен был быть назван «антипартийной группой»: или «часть членов», или «капитулянты и раскольники», захватившие власть в ЦК. Такое в коминтерновских партиях бывало частенько, но в подобном случае вышестоящее начальство (Исполком Коминтерна) должно было дать однозначную оценку ситуации, назначить «здоровые силы» и поручить им «разгромить группу оппортунистов, окопавшихся в ЦК».

Зато общая оценка, данная деятельности Общества мира и дружбы с СССР, была вполне однозначной — Общество не справилось с возложенной на него ответственной задачей. *«Одним из крупнейших завоеваний партии было создание по ее инициативе и под ее руководством Общества мира и дружбы. Однако, в результате слабости и особенно нечеткости со стороны руководства, партии не удалось превратить эту организацию в такую силу, которая сломала бы хребет финской буржуазии»* (подчеркнуто мной. — М.С.). Такая вот случилась прискорбная неудача — Общество мира и дружбы не смогло «сломить хребет»...

Теперь постараемся подытожить имеющуюся информацию. Вполне очевидным и не вызывающим сомнений является тот факт, что Общество мира и дружбы было создано, организовано и руководимо компартией Финляндии, т.е. нелегальной военизированной подрыв-

ной организацией, деятельность которой строго контролировалась из Москвы. Непосредственной задачей, поставленной перед Обществом, была дестабилизация внутривнутриполитического положения в Финляндии. Эту задачу пытались выполнить сочетанием политических (выдвижение явно выходящего за рамки уставных задач Общества мира и дружбы требования «замены правительства») и силовых (организация уличных беспорядков) акций. О масштабе и злонамеренности этих беспорядков можно судить по трагическим событиям 7 августа в г. Турку (крупный портовый город на берегу Финского залива), где в результате побоища между «безоружными (???) рабочими» и вооруженными автоматами полицейскими оказались убитыми четверо полицейских и несколько десятков человек было ранено. Причем — и это очень важно подчеркнуть — события вовсе не были результатом стихийного (или даже спровоцированного группой подстрекателей) выхода ситуации из-под контроля организаторов манифестации. Ничего подобного — организаторы действовали по заранее обдуманному сценарию и остались вполне довольны результатом (*«все намеченные партией мероприятия в связи с демонстрацией 7 августа прошли точно по плану»*).

В чем был план? С предельной откровенностью общая стратегическая линия Коминтерна (т.е. сталинского руководства СССР) в отношении Финляндии раскрывается в «Письме финским коммунистам», составленном находящейся в Советском Союзе руководящей группой ЦК ФКП (документ в январе 1941 г. подписали Куусинен и Антикайнен):

«Финский народ стал бы счастливым, если бы он получил такую свободу и самостоятельность, какой обладают народы Карело-Финской, Литовской, Латвийской, Эстонской советских республик. Таким образом, наша партия, отвергая и разоблачая лозунг «защиты самостоятельности Финляндии», увязывает вопрос об обеспечении самостоятельности Финляндии и финского народа с задачей превращения Финляндии в советскую республику».

Остается предположить, что Карело-Финская ССР

была создана (и активно «финнизировалась» летом 1940 г.) именно для того, чтобы в дальнейшем оформить «превращение Финляндии в советскую республику» в благовидной форме «воссоединения карельского и финского народов в едином государстве». С другой стороны, надеяться на то, что народ Финляндии согласится «добровольно-принудительно» (по образцу трех стран Прибалтики) воссоединиться с «карело-финляндией» Куусинена, было уж слишком легкомысленно. Трудно поверить в то, что Сталин мог планировать столь простую игру. Скорее всего, кровопролитные уличные беспорядки должны были лишь создать пропагандистский повод для полномасштабного вторжения войск Красной Армии. При таком сценарии развития событий вторжение могло быть обосновано необходимостью «спасти истекающих кровью финских рабочих».

К сожалению, имеющаяся источниковая база не позволяет пока продвинуться дальше догадок и предположений.

В то время как Общество мира и дружбы готовило политическое и пропагандистское обеспечение будущего вторжения, на полуострове Ханко кипела настоящая, практическая работа.

В соответствии со ст. 4 Московского договора от 12 марта 1940 г. полуостров был сдан в аренду Советскому Союзу на вполне определенных условиях, а именно: *«Для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии»* (подчеркнуто мной. — М.С.) *вход в Финский залив»*. Московский договор, который имел официальное название «мирного договора», отнюдь не предусматривал создание плацдармов для будущей агрессии. В качестве обоснования своих притязаний на Ханко Сталин (а затем и два поколения советских/российских историков) выдвигал сугубо оборонительное намерение «перекрыть артиллерийским огнем вход в Финский залив». Увы, эта задача с вооружениями той эпохи не могла быть реализована даже теоретически.

На географической карте крупного масштаба синень-

кая полоска морской поверхности у входа в Финский залив кажется очень тоненькой, и «перекрыть» ее огнем больших пушек кажется возможным. Вся беда в том, что карта — плоская, а Земля — круглая. Кривизна земной (морской) поверхности приводит к тому, что дистанция прямой видимости составляет порядка 10 морских миль (18—20 км). Дальше — горизонт, и за ним ничего не видно. Поэтому прицельная стрельба по маневрирующей точечной цели на дистанциях более 10—12 миль невозможна в принципе — какими бы огромными дальнобойными орудиями ни был оснащен корабль. Практически же на море бывает туман, каждый день наступает ночь, поэтому без радиолокаторов и сложных систем управления огнем прицельная стрельба по кораблю противника и на дальность в 10 миль остается лишь мечтой. Впрочем, и с локаторами, дальнобойными орудиями и опытнейшими канонирами не всегда удастся «перекрыть» проход вражеских судов. В чем практически убедились англичане 12 февраля 1942 г., когда три немецких корабля (линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау» и тяжелый крейсер «Принц Евгений») прошли сквозь невидимые лучи радиолокаторов и под дулами крупнокалиберных береговых батарей через Ла-Манш. И это притом что англичане ждали этого события и готовились к нему несколько лет. Ширина Ла-Манша в самом узком месте, в районе Дувра, составляет всего 34 км, а самый узкий участок Финского залива (от Ханко до Палдиски) имеет ширину 76 км. И никаких радиолокаторов. Что же тут можно было «перекрыть артиллерийским огнем»?

И тем не менее перекрыть вход вражеского флота в Финский залив возможно. Уже после Первой мировой войны морские офицеры точно знали, как это делается. Смешить военных специалистов предложениями «перекрыть вход в залив артиллерийским огнем» не было никакой нужды. В конце июня 1941 года все смогли в очередной раз убедиться в этом. **Минные заграждения**, установленные немцами и финнами в считанные дни, намертво перекрыли выход Краснознаменного Балтфлота в Большую Балтику. И в дальнейшем, во время злосчастного «таллинского перехода» основные потери КБФ

понес именно от мин. В то же время артиллерия Ханко так и не произвела ни одного выстрела по кораблю противника!

Строго говоря, одного только взгляда на круглый глобус должно быть достаточно для того, чтобы понять — какие задачи должна была по планам советского командования решать военно-морская база (ВМБ) Ханко в будущей войне. К счастью для историков, в архивах (РГВА, ф. 25888, оп. 3, д. 189, л. 1) сохранились документы, окончательно избавляющие нас от необходимости строить какие-либо догадки. Директивой штаба Ленинградского ВО гарнизону Ханко было приказано:

«Общая задача:

1. Не допустить на полуостров противника как со стороны сухопутной границы, так и с моря.

2. Не дать возможность высадки морского и воздушного десанта.

3. Обеспечить сосредоточение и высадку подходящих частей (подчеркнуто мной. — М.С.) в порт Ханко».

В оперативных планах высшего командования Красной Армии (о чем пойдет речь ниже) была прямо предусмотрена переброска 1—2 стрелковых дивизий на Ханко «в первые же дни войны». Для обеспечения таких действий порт Ханко подходил как нельзя лучше: он не замерзает почти всю зиму, имеет 1500 м оборудованных причалов и, что самое главное, автомобильную и железную дороги, соединяющие Ханко со столицей Финляндии. От Ханко до центра Хельсинки всего 110 км по шоссе. Уже летом 1940 г. на ВМБ Ханко была развернута 8-я отдельная стрелковая бригада (два стрелковых и один артиллерийский полк, отдельный танковый батальон, две отдельные пулеметные роты и другие подразделения).

8-я ОСБ была сформирована на базе частей легендарной 24-й «железной дивизии» — одного из лучших стрелковых соединений Красной Армии (создана в годы Гражданской войны под командованием Гая). По состоянию на 1 января 1941 г. в составе 8-й ОСБ числилось 10 701 человек личного состава, 886 автомобилей, 219 тракторов, 24 пушки калибра 76 мм, 24 гаубицы (12 ка-

либра 122 мм и 12 калибра 152 мм) и 16 противотанковых 45-мм пушек. На вооружении танкового батальона бригады было 36 танков Т-26 и 13 плавающих танкеток Т-37. Обращает на себя внимание необычайно высокий для стрелковых частей Красной Армии уровень моторизации — каждый десятый боец бригады был водителем транспортного средства, а на 64 орудия приходилось 219 тракторов (тягачей). Фактически 8-я ОСБ была полноценным моторизованным соединением, высокая подвижность которого имела смысл только для «броска» от Ханко на Хельсинки (для позиционной обороны крохотного «пятачка» ВМБ Ханко 886 автомобилей и 219 тягачей были явно лишними).

Кроме 8-й ОСБ на Ханко были развернуты семь отдельных строительных, саперных и инженерных батальонов.

С началом войны из личного состава этих подразделений был сформирован еще один (219-й) стрелковый полк, причем решение о создании *«запасов винтовок и пулеметов на 5 тыс. человек для вооружения строительных и тыловых частей»* было принято еще 15 июня 1941 г. В целом уже в мирное время на Ханко было сосредоточено 25 тыс. человек личного состава, завезено более 23 млн винтовочных патронов. С другой стороны, «морская составляющая» военно-морской базы Ханко была очень чахлой. На ВМБ Ханко никогда не базировались крупные надводные корабли (класса эсминца и выше). В июне 1941 г. с Ханко вывели и ранее базировавшиеся там 1-ю бригаду торпедных катеров и 8-й дивизион подводных лодок, после чего на так называемой «военно-морской базе» осталось только семь «малых охотников охраны водного района», т.е., по сути дела, 7 небольших сторожевых судов.

Огневое сооружение (и воинская часть, это сооружение занимающая), способное в ряде случаев перекрыть артиллерийским огнем морской фарватер, называется «береговая батарея». Береговая батарея — это не просто несколько пушек, одиноко стоящих на берегу моря. Береговые батареи укрывались среди несокрушимых гранитных скал, их размещали в естественных (или специ-

ально созданных взрывом) пещерах, защищали многометровым слоем фортификационного железобетона, оборудовали подземными складами и укрытиями для личного состава. В результате возникала огневая точка, которую почти невозможно было подавить ни огнем корабельных орудий, ни авиационной бомбардировкой. Именно высочайшая защищенность и неуязвимость превращали береговую батарею (а это, как правило, всего лишь два-три-четыре орудия) в весьма значимый элемент оборонительной системы, имеющий большое тактическое или даже оперативное значение.

Русская, а затем и советская военно-морская наука накопила огромный, многолетний и многовековой опыт создания мощных береговых батарей. Но на Ханко этот опыт не был востребован. Стационарные береговые батареи на Ханко **даже не начинали строить!** Встречающиеся в советской исторической или мемуарной литературе объяснения этого парадоксального факта (нехватка стройматериалов и рабочих) совершенно абсурдны. Это когда же в империи Сталина не хватало рабочих рук? Только в Карелии и только на строительстве железных дорог на аннексированных территориях трудилось более 100 тыс. заключенных. Если ста тысяч было мало — можно было пригнать еще двести, триста или пятьсот тысяч. Впрочем, о том, имел или не имел Советский Союз необходимые ресурсы для строительства береговых батарей в водах Финского залива, можно и не спорить. Береговые батареи строились фактически: сверхмощная четырехорудийная 16-дюймовая (406-мм) в Эстонии, 180-мм и 305-мм батареи на острове Осмуссар, 254-мм батарея на острове Руссарэ, 180-мм батарея на острове Эзель (Сааремаа)... Но только не на Ханко!

Можно долго спорить о том, соответствовало ли целям, указанным в Московском мирном договоре, размещение на полуострове Ханко (т.е. на территории Финляндии) моторизованной бригады с танками. Зато совершенно бесспорным является тот факт, что упомянутый договор не содержал никаких упоминаний о предоставлении Советскому Союзу права транзита военных грузов по железным дорогам южной Финляндии от Выборга

к Ханко. Статья 6 мирного договора предоставляла «Советскому Союзу и его гражданам право свободного транзита через область Петсамо в Норвегию и обратно», а также право свободного пролета в Норвегию для «невооруженных летательных аппаратов». В статье 7 говорилось о «транзите товаров между СССР и Швецией». Про транзит вооружения и воинских частей по территории Финляндии (в частности, на Ханко) в договоре не было сказано ни слова.

В июле 1940 г. Молотов потребовал расширить в одностороннем порядке права Советского Союза и предоставить ему **право транзита военных грузов в Ханко**. С юридической точки зрения бесконтрольный транзит военных грузов и вооруженных лиц позволял уже поставить под сомнение нейтральный и суверенный статус финляндского государства. С практической точки зрения предоставление права транзита означало дополнительные возможности для ведения военной разведки в южном, наиболее густонаселенном и промышленно развитом районе Финляндии. Отчетливо понимая все это, финское правительство дало тем не менее согласие на транзит — летом 1940 года у него фактически не было иных альтернатив, кроме все новых и новых уступок перед лицом все более и более откровенного диктата. 22 июля 1940 г. соответствующее соглашение было подписано. Вскоре по железной дороге из Выборга в Ханко с величайшей медлительностью проползли грандиозные сооружения, одним своим видом и размером способные внушить страх.

Железнодорожные 12-дюймовые (305-мм) артиллерийские установки ТМ-3-12 по праву носили неофициальное название «сухопутный линкор». Циклопическое сооружение общим весом в 340 тонн было увенчано орудием со стволом длиной в 17 метров. Снаряд весом 470 кг установка ТМ-3-12 могла забросить на дальность в 29 км, а так называемый «легкий дальнобойный фугасный снаряд образца 1928 г.» — на дальность 44 км. При этом вес «легкого снаряда» составлял 314 кг (для сравнения укажем, что наиболее массовые авиабомбы того времени весили 50 или 100 кг). Прибывшая на Ханко железнодо-

рожная батарея № 9 (три установки ТМ-3-12) по весу совокупного залпа превосходила всю артиллерию 8-й ОСБ вместе с береговыми противокатерными орудиями.

Огромный, сложный и крайне дорогостоящий комплекс (в состав 3-орудийной батареи входили 3 орудийных транспортера, 6 платформ для снарядов и зарядов, 3 вагона-электростанции и 1 вагон — пост управления огнем) обладал одним существенным недостатком — для использования в качестве «береговой батареи», т.е. для ведения артиллерийской дуэли с тяжелым надводным кораблем противника, он был едва ли пригоден. Девять огромных платформ не имели никакого бронирования, были «открыты всем ветрам», да и замаскировать стоящие на рельсовом пути громадины было практически невозможно. Шансов уцелеть в бою против морских орудий, защищенных броней башен главного калибра, у открытой железнодорожной установки практически не было. Совсем не случайно железнодорожная батарея даже не пыталась (!) открыть ответный огонь тогда, когда в июле — ноябре 1941 г. финские броненосцы «Ильмаринен» и «Вяйнемаяйнен» по меньшей мере четыре раза обстреливали ВМБ Ханко.

И тем не менее дорогостоящие железнодорожные батареи загнали на Ханко совсем не случайно и не по ошибке — величайшим их достоинством было то, что они могли двигаться. Двигаться сверхтяжелая батарея могла только в одном-единственном направлении: по железной дороге от Ханко на Хельсинки. Опыт боевых действий против «белофинской военщины» у железнодорожной батареи № 9 уже был. 26 января 1940 г. батарея прибыла на Карельский перешеек, где поступила в оперативное подчинение начальника артиллерии 7-й армии Северо-Западного фронта. С 11 по 25 февраля батарея № 9 выпустила 165 тяжелых фугасных снарядов по железнодорожной станции и городу Выборгу. *«Посмотрите на Выборг — от него ничего не осталось. Город полностью разрушен»*, — с гордостью докладывал на апрельском (1940 г.) Совещании высшего комсостава Красной Армии командующий ВВС Северо-Западного фронта комкор

Птухин. «Сухопутные линкоры» внесли в эти разрушения и свою немалую лепту...

Военные приготовления сопровождались непрерывным политико-дипломатическим прессингом. В июле 1940 г. Молотов предъявил финнам еще одно требование, никак не основанное на духе и букве Московского договора. В явном виде этот договор не предусматривал каких-либо ограничений на строительство оборонительных сооружений в приграничной полосе. Судя по мемуарам Паасикиви, в ходе самих переговоров Молотов даже сказал финским представителям: *«Стройте столько фортификаций, сколько хотите, в этом вопросе у нас никаких требований нет»*. Фактически в 1940—1941 гг. на советской стороне велось строительство трех новых укрепрайонов (Выборгского, Кексгольмского и Сортавальского), строились новые аэродромы (Маннергейм утверждает, что в ходе наступления летом 1941 г. финны обнаружили в 200-км полосе вдоль новой финской границы 90 готовых и строящихся аэродромов) и ведущие к границе железные и шоссейные дороги. Все это, однако, не помешало Молотову потребовать **прекратить всякое оборонительное строительство на финской стороне**, в том числе — в районе полуострова Ханко. Это требование не было выполнено в полном объеме, и строительство линии укреплений в полосе от южного побережья Финского залива до водной системы Сайменских озер (от Котка до Лаппеенранта) продолжилось. Тем не менее выдвижение Москвой требования о прекращении оборонительного строительства на направлениях Выборг — Хельсинки и Ханко — Хельсинки само по себе весьма примечательно^

Несколько ранее, 2 июня 1940 г., Советский Союз потребовал от Финляндии «возвращения» **всего движимого и недвижимого имущества**, как государственного, так и частных лиц, которое, по мнению советских уполномоченных, находилось на аннексированных финских территориях на момент начала «зимней войны». В тексте Московского мирного договора невозможно найти даже малейшие основания для подобных требований — вопрос об имуществе, зданиях и сооружениях, находящихся

ся на территориях, передаваемых Советскому Союзу, не упомянут там вовсе. И уж в любом случае всякого разумного и законного основания были лишены требования о «возврате» движимого имущества, которое по определению не может быть принадлежностью какой-либо территории. Тем не менее Москва настаивала на своих противоправных требованиях, и Финляндия потеряла, кроме всего прочего, 75 паровозов и 2000 вагонов — весьма чувствительный удар по и без того ослабленной войной транспортной системе страны.

Очередным звеном в цепи все усиливающегося политического давления стало **требование отставки министра снабжения В. Таннера**, который, вероятно, «запомнился» Молотову своей неуступчивой позицией во время переговоров в Москве осенью 1939 г. Едва ли надо напоминать, что условия мирного договора 12 марта 1940 г. не предусматривали право Москвы на назначение и смещение министров финского правительства. Тем не менее в июле 1940 года Финляндия была вынуждена подчиниться и этому требованию.

14 июня 1940 г. холодная война между СССР и Финляндией на одно мгновение была дополнена войной настоящей — с человеческими жертвами, участием боевых самолетов и кораблей. **В этот день был сбит в воздухе пассажирский самолет «Юнкерс-52» финской авиакомпании «Аэро», выполнявший регулярный рейс из Таллина в Хельсинки.** На борту самолета находились два члена экипажа и семь пассажиров, среди которых были два сотрудника посольства Франции и дипломат из США. Конкретные подробности уничтожения «Калева» по сей день точно не известны: по одним сообщениям, он был сбит парой советских истребителей, по другим — парой легких бомбардировщиков СБ. Уже много лет спустя о своем личном участии в уничтожении пассажирского самолета заявил в книге мемуаров «Над тремя морями» известный штурман дальней авиации, генерал-лейтенант П.И. Хохлов.

К месту падения самолета с аэропорта Мальми (Хельсинки) вылетел дежурный истребитель финских ВВС. Так уж сложились обстоятельства, что в его кабине был

Илмари Юутилайнен — летчик, которому предстояло стать самым результативным асом-истребителем всех стран — участниц Второй мировой войны (за исключением Германии). В районе островка Кери (33 км к северу от Таллина) Юутилайнен обнаружил дрейфующую в надводном положении советскую подводную лодку, рядом с которой на воде плавали обломки самолета и большое масляное пятно. В течение 14—15 июня 1940 г. советские гидросамолеты и корабли патрулировали место падения «Калева» и, собрав все плавающие предметы, ушли в Кронштадт. Советское правительство не принесло даже формальных извинений в связи с гибелью пассажиров «Калева». Более того, через два дня, 16 июня 1940 г. точно такой же пассажирский «Юнкерс-52» (правда, на этот раз эстонской авиакомпания), совершавший регулярный рейс по тому же маршруту из Хельсинки в Таллин, был обстрелян зенитным пулеметом советской подводной лодки, но, к счастью, не получил повреждений.

Большая часть фактов, упомянутых выше, была известна финскому руководству. Выводы напрашивались сами собой. Маршал Маннергейм — насколько можно судить по его мемуарам — практически не сомневался в том, что Финляндия стояла на пороге новой войны:

«...Финляндия уже осенью 1940 года могла снова стать жертвой нападения, отразить которое страна была бы не в состоянии... Так же, как и перед началом Зимней войны, опасно увеличилось число нарушений границы самолетами... Признания всех без исключения большевистских агентов, задержанных нами, свидетельствовали) что подготовка к войне против Финляндии шла полным ходом. Еще более точно об этом говорили данные финской контрразведки. В августе 1940 года один полковник и два майора, которые готовили разведчиков для заброски в Финляндию, говорили: «Финляндия — капиталистическая страна, которую ждет такая же участь, как Эстонию, Латвию и Литву. Включение Финляндии в состав СССР — вопрос нескольких недель, самое большее, нескольких месяцев...»

Долгие годы историки могли лишь гадать и спорить о

том, насколько обоснованными были опасения Маннергейма. Рассекреченные и опубликованные в 90-е годы документы советского командования позволили отбросить последние сомнения: под прикрытием «дымовой завесы» Московского мирного договора Москва готовила широкомасштабное вторжение и полную оккупацию Финляндии.

Восемнадцатого сентября 1940 г. нарком обороны СССР маршал Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал армии Мерецков направили на имя Сталина и Молотова документ с внушающими трепет надписями в верхнем углу: «Особой важности. Совершенно секретно. Только лично. Экземпляр единственный» (ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д. 237, лл.138—156). Докладная записка № 103203 под названием «Соображения по развертыванию Вооруженных сил Красной Армии на случай войны с Финляндией» ставила перед Красной Армией самые решительные задачи:

«...Ударом главных сил Северо-Западного фронта через Савонлинна на Сан-Михель (Миккели) и через Лаппеенранта на Хейнола, в обход созданных на Гельсингфорсском направлении укреплений, а одновременным ударом от Выборга через Сиппола на Гельсингфорс (Хельсинки), вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить здесь основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии. Этот удар сочетать с ударом на Гельсингфорс со стороны полуострова Ханко и с действиями КБФ в Финском заливе».

Сразу же отметим, что слова «немецкий», «германский» ни в одном падеже в этом документе не встречаются. «Вторгнуться, разгромить и овладеть» предполагалось вне всякой связи с фактическим (или хотя бы ожидаемым) наличием немецких войск на территории Финляндии! Для реализации замысла операции планировалось сформировать Северо-Западный фронт в составе четырех армий (7-я, 22-я, 23-я, 20-я). Две армии (7-я и 23-я) уже в мирное время входили в состав Ленинградского ВО. Две другие (22-я и 20-я) предполагалось создать на базе соединений и штабов соответственно Уральского и Орловского военных округов.

Не была забыта и постоянно присутствующая в оперативных планах советского командования идея выхода к Ботническому заливу и границе со Швецией в районе Кеми — Оулу. Для действий в северной Карелии на базе командования и штаба Архангельского ВО создавался еще один фронт (Северный фронт) в составе двух армий (14-я и 21-я) и отдельного 20-го стрелкового корпуса. Северному фронту ставились следующие задачи:

«...Решительными действиями на направлениях Рованиеми — Кеми и на Улеборг (Оулу) выйти на побережье Ботнического залива, отрезать северную Финляндию и прервать наземные сообщения центральной Финляндии со Швецией и Норвегией...»

Всего (с учетом резервов Главного командования) на театре военных действий будущей войны планировалось развернуть **48 стрелковых дивизий, механизированный (танковый) корпус, 3 танковые бригады, 13 артполков РГК и 78 авиаполков.** Общее количество самолетов, привлекаемых к операции, авторы «Соображений» определили в 3900 единиц. Для сравнения отметим, что это в полтора раза больше, чем было в составе всех трех Воздушных флотов люфтваффе, сосредоточенных утром 22 июня 1941 г. на Восточном фронте...

Краснознаменному Балтфлоту в очередной раз была поставлена задача *«уничтожить боевой флот Финляндии, прервать морские сообщения Финляндии в Ботническом и Финском заливах».* Новым моментом было требование *«обеспечить возможную переброску 1—2 стрелковых дивизий на полуостров Ханко (выделено мной. — М.С.)».*

Подписанный 18 сентября «Соображения» заканчивались стандартной для таких документов фразой: *«Докладывая основы нашего оперативного развертывания против Финляндии, прошу об их рассмотрении».*

Пятого октября 1940 г. этот и ряд других документов стратегического военного планирования были рассмотрены и утверждены Сталиным. К такому выводу мы приходим на основании докладной записки Тимошенко и Мерещкова за № 103313 (ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д. 242, лл.84—90). Начинался данный документ весьма странной

с точки зрения обыденного здравого смысла фразой: *«Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г.»*. Пункт 7 этой Докладной записки гласил: *«Утвердить представленные соображения по разработке частных планов развертывания для боевых действий против Финляндии, против Румынии и против Турции»*.

Планы «боевых действий против Румынии и против Турции», к сожалению, все еще не рассекречены. Что же касается войны против Финляндии, то подготовка к ней продолжилась, о чем со всей определенностью свидетельствует появившийся два месяца спустя новый документ: «Директива НКО СССР и Генштаба Красной Армии командующему войсками Ленинградского военного округа», б/н, от 25 ноября 1940 г. (ЦАМО, ф. 16, оп. 2951, д. 237, лл. 118—130).

И по названию, и по предназначению, и по адресату это был документ иного ранга, нежели «Соображения» от 18 сентября. «Директива» от 25 ноября — это приказ вышестоящего командования подчиненным, каковой приказ, естественно, начинался и заканчивался не «просьбой о рассмотрении», а конкретными указаниями:

«Приказываю приступить к разработке плана оперативного развертывания войск Северо-Западного фронта...

...Военному Совету и штабу, Ленинградского военного округа надлежит к 15 февраля 1941 года в Генеральном штабе Красной Армии (разработка особо секретных документов непосредственно в помещении Генерального штаба Красной Армии в Москве была достаточно распространенной практикой того периода. — М.С.) разработать:

а) план сосредоточения и развертывания войск фронта;

б) план прикрытия;

в) план выполнения первой операции;

г) план действий авиации...».

И далее еще пять частных планов, в совокупности формирующих вполне законченный план оперативного

развертывания войск фронта (не «округа», заметим, а именно «фронта»!).

В сравнении с «Соображениями» от 18 сентября замысл операции, цели и задачи, этапы и рубежи продвижения войск практически не изменились. Существенным отличием «Директивы» от 25 ноября является указание вполне конкретных сроков, отведенных для «окончательного решения» финляндского вопроса:

«...Основными задачами Северо-Западному фронту ставлю: Разгром вооруженных сил Финляндии, овладение ее территорией в пределах разграничений (имеется в виду разграничение с Северным фронтом, действующим в центральной и северной Финляндии. — М.С.) и выход к Ботническому заливу на 45-й день операции, для чего:

...по сосредоточении войск быть готовым на 35-й день мобилизации по особому указанию перейти в общее наступление, нанести главный удар в общем направлении на Лаппеенранта, Хейнола, Хямеенлинна и вспомогательные удары в направлениях Корписелькя — Куопио и Савонлинна — Миккели, разбить основные силы финской армии в районе Миккели, Хейнола, Хамина, на 35-й день операции овладеть Гельсингфорс (здесь и выше выделено мной. — М.С.) и выйти на фронт Куопио, Ювяскюля, Хямеенлинна у Гельсингфорс...»

Еще более конкретным стало и представление о противнике. Если в сентябрьских «Соображениях» про возможность совместных действий немецких и финских войск просто ничего не было сказано, то «Директива» от 25 ноября прямо начиналась словами: *«В условиях войны СССР только против Финляндии (выделено мной. — М.С.) для удобства управления и материального обеспечения войск создаются два фронта...»* Ни о каком «обеспечении безопасности Ленинграда» уже не было и речи, об отражении «немецко-фашистской агрессии» также ничего не сказано (этот тезис советская историография придумала значительно позже).

В состав Северо-Западного фронта включались те же четыре армии (20, 23, 22-я и 7-я), с теми же районами развертывания и маршрутами наступления, что и в сен-

тябрьском плане. Неизменным осталось и общее количество стрелковых дивизий и полков авиации, состав и место дислокации резервов фронта (четыре стрелковые дивизии, один мехкорпус и 21 полк авиации). Единственным новшеством было заметное увеличение численности танковых и моторизованных бригад (9 вместо 3) и тяжелых артполков РГК (19 вместо 12).

Не отставали от своих сухопутных коллег и командиры военно-морских сил. Так, начальник штаба Краснознаменного Балтфлота (КБФ) контр-адмирал Ю.А. Пантелеев в докладной записке в Главный морской штаб от 5 июля 1940 г. предлагал следующее:

«...Захват Аландских островов во всех случаях обстановки на Балтике и немедленно... Наступление наших сухопутных сил на север от базы Ханко и на запад от Выборга... Немедленно, в этом же году получить Аландские острова и возможность реального контроля над всеми финскими базами в Финском заливе любыми средствами — вплоть до войны» (РГАСПИ, ф. 71, оп. 25, д. 12089, лл. 1—4).

Командующий эскадрой КБФ контр-адмирал Н.Н. Несвицкий отправил 10 июля в Главный морской штаб докладную записку с предложением *«решить вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии в пользу СССР (выделено мной. — М.С.) и сделать Балтийское море внутренним морем»* (РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2, д. 668, л. 4).

Осенью 1940 г. «вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии» ставился уже вполне конкретно. В сентябре 1940 г. командующий ВВС КБФ генерал-майор Ермаченков представил командующему КБФ вице-адмиралу Трибуц *«Записку по плану операций 1940 г.»* (РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2с, д. 670, л. 3.). Задачи авиации флота были сформулированы в этом документе следующим образом:

«1. Самостоятельными действиями боевой авиации ВВС КБФ и ВВС ПриБОВО уничтожить корабли и транспорты в море и не допускать базирования флота противника в: Стокгольме, Карлскроне, Норрчетинг, Форэ, Гельсинки, Або, Раумо, Пори, Мемелле, Данциге,

Гдыне, Заенец, Штеттин, Киле (перечислены балтийские порты Швеции, Финляндии, оккупированной Польши, Германии. — М.С.)...

4. *Во взаимодействии с флотом, обеспечивает захват Аландских островов путем ударов с воздуха и высадкой воздушного десанта, специально приданными ВВС КБФ десантными частями ВВС Красной Армии...*»

«Бодливой корове бог рогов не дает» — эта довольно грубая народная поговорка предельно коротко и точно описывает причину, по которой осенью 1940 г. запланированное и подготовленное вторжение в Финляндию так и не состоялось. Принято считать, что Финляндию спасло вмешательство Германии, но правильнее будет сказать, что Финляндию спасло маленькое чудо и маниакальная подозрительность Сталина.

В соответствии с Секретным дополнительным протоколом к пакту Молотова — Риббентропа (23 августа 1939 г.) Финляндия была включена в советскую «зону влияния». Первое время Гитлер скрупулезно выполнял все свои обязательства по пакту. Он фактически «подарил» Сталину половину разгромленной вермахтом Польши и без особых возражений согласился на включение Литвы в советскую «зону влияния». Во время «зимней войны» Германия, демонстрируя абсолютную лояльность к своему новому восточному союзнику, заняла подчеркнуто просоветскую позицию. Уже на третий день войны из Берлина в дипломатические миссии Германии за рубежом была разслана циркулярная телеграмма: *«В ваших беседах, касающихся финско-русского конфликта, пожалуйста, избегайте антирусского тона»*. 6 декабря 1939 г. была разслана дополнительная инструкция: *«В ваших беседах должна высказываться симпатия относительно точки зрения русских. Воздерживайтесь от выражения какой-либо симпатии в отношении позиции финнов»*. Дипломатические любезности были дополнены вполне конкретными делами: Германия (вопреки многолетнему вранью советских «историков») не только не продавала в дни «зимней войны» оружие финнам, но и запретила провоз такового вооружения через территорию Германии и даже задержала в порту Берген

транспорты с вооружением, закупленным Финляндией в третьих странах.

В марте 1940 г. Германия и СССР заняли солидарную позицию противодействия созданию оборонительного союза трех северных стран (Норвегия, Швеция, Финляндия), правда, в данном случае определяющими были не столько дружеские чувства партнеров по разбою, сколько прагматический расчет — Германия не менее, чем Советский Союз, была в тот момент заинтересована в слабой, не способной к вооруженному сопротивлению Скандинавии. Москва со своей стороны поддержала гитлеровскую агрессию против Норвегии и политически, и, до некоторой степени, практически (предоставив в распоряжение немцев военно-морскую базу в районе Мурманска).

Однако уже летом 1940 г. «конфетно-букетный» период в отношениях двух диктаторов стал близиться к концу.

Германия с головокружительной быстротой установила свой контроль над большей частью западноевропейского континента; новорожденный вермахт вырос и утвердил себя в статусе наиболее боеспособной армии мира. Сырьевые и продовольственные ресурсы оккупированных и подчиненных стран (включая нефть Румынии) снизили степень зависимости Гитлера от дорогостоящих милостей Сталина. В этой, качественно новой, ситуации Гитлер, видимо, задумался о том, стоит ли отдавать в распоряжение Сталина финскую целлюлозу (важнейшее сырье для производства взрывчатых веществ) и крупнейшие в Европе никелевые рудники в финском Петсамо (никель является необходимым легирующим элементом в производстве высокопрочных конструкционных сталей, а в составе нержавеющей и жаропрочных сплавов массовая доля никеля находится в диапазоне от 10 до 60%).

В качестве первого, пробного шага на пути к сближению с Финляндией германское руководство обратилось к Маннергейму лично с просьбой решить вопрос о предоставлении вермахту права транзита «отпускников и больных» из Норвегии через территорию Финляндии в Гер-

манию. Проблема снабжения группировки немецких войск в Норвегии действительно существовала. В условиях господства англичан на море геометрически кратчайший путь из портов Германии в норвежские порты через Северное море был слишком опасен. И в этом смысле использование финских портов Ботнического залива значительно упрощало задачу. 17 августа 1940 г. в обстановке строгой секретности начались переговоры, которые завершились 22 сентября подписанием в Хельсинки соответствующего межправительственного соглашения.

Реакция Москвы на внезапно обозначившийся интерес Германии к финским делам **оказалась совершенно неадекватной**. Да, конечно, транзит через территорию Финляндии военных грузов и военнослужащих (даже если они и были названы «больными и отпускниками») формально-юридически означал наглое вторжение Гитлера в «сферу влияния» СССР. У Сталина были все основания для возмущения — но не было никаких разумных оснований для паники. Переброска через территорию Финляндии в норвежский Киркенес нескольких немецких зенитных батарей с личным составом и перевозка нескольких сотен раненых ничего не меняли ни на стратегическом (об этом вообще смешно говорить), ни на тактическом уровне. Однако вышедшая за всякие рамки разумного «бдительность» и едва ли не патологическая мания преследования, вечно терзавшая кремлевских правителей, привели к тому, что в соглашении о транзите они усмотрели военный союз Германии и Финляндии. К тому же официальное сообщение о начале транзита было получено советским руководством при достаточно странных обстоятельствах.

Шестнадцатого сентября посол Шуленбург получил указание из Берлина посетить Молотова 21 сентября (т.е. за день до начала фактической транспортировки) и — *«если к тому времени Вы не получите иных инструкций»* — сообщить ему о том, что *«артиллерийский зенитный дивизион вместе с его обеспечением будет предположительно 22 сентября выгружен около Хапаранды, а затем транспортирован в Норвегию. Финское*

правительство, принимая во внимание особые обстоятельства, разрешило Германии эту транспортировку».

21 сентября Шуленбург посетил Молотова, однако вся встреча оказалась посвящена скандальному «выяснению отношений» по румынскому вопросу. Сообщение о немецком военном транзите через Финляндию так и не прозвучало. Почему? Шуленбург получил «иные инструкции»? Или забыл имеющиеся под эмоциональным напором разгневанного Молотова? У нас нет ответа на эти вопросы. Как бы то ни было, обмен информацией по вопросу о транзите произошел только 26 сентября. Шуленбург был в Берлине, а интересы Германии в Москве представлял в тот день поверенный в делах Типпельскирх, который накануне получил от Риббентропа указание сообщить Молотову о намеченном на 27 сентября подписании Тройственного пакта («ось Рим — Берлин — Токио»). Ничего приятного в этом сообщении для Молотова не было. В сочетании с таким оглушительным известием сообщение о начавшемся военном транзите через Финляндию произвело на Молотова впечатление зловещего «окружения». В стенограмме встречи Молотова с Типпельскирхом читаем:

«...тов. Молотов изложил содержание телеграммы полпреда СССР в Германии тов. Шкварцева о пресс-конференции 25 сентября в германском МИДе, где зав. отделом печати Шмидт заявил, что опубликовано коммюнике Финляндского правительства о подписании германо-финского соглашения о транзите через Финляндию германских войск в Норвегию. Кроме того, в Берлине агентством Юнайтед Пресс распространяется бюллетень, в котором сообщается о высадке 24 сентября германских войск в финском порту Вааза и о том, что высший офицерский состав, прибывший с войсками, разместился в гостиницах Вааза.

Типпельскирх ответил, что ему ничего не известно по этому вопросу.

Тов. Молотов сказал, что, видимо, с Финляндией заключен какой-то договор, и Советское правительство хочет получить информацию об этом договоре, о его

целях, а также полный текст его и дополнительные секретные статьи, если таковые имеются...»

Вероятно, товарищ Молотов не допускал и мысли о том, что «высший офицерский состав» зенитного дивизиона разместился в гостиницах города Вааза просто для того, чтобы выспаться и отдохнуть после утомительного морского путешествия (со своим «офицерским составом» Молотов и его Хозяин не церемонились). В воспаленном извечной подозрительностью сознании тараканы разрослись до размера слонов, и безвестная провинциальная гостиница обратилась в «штаб армейской группировки вермахта».

Так судьба в очередной раз смилоствовала над народом Суоми. Проявленная Сталиным чрезмерная осторожность и исключительная сдержанность (читатель вправе подставить и другие слова) спасла Финляндию. Отнюдь не отказываясь от своих «прав», предусмотренных Секретным протоколом от 23 августа 1939 г., кремлевские властители решили зачем-то получить от Гитлера дополнительное подтверждение этих прав прежде, чем приступить к военному решению «финского вопроса». Надо ли доказывать, что в азартной шулерской игре с берлинским аферистом такая тактика не могла не привести к позорному конфузу?

В ходе переговоров, состоявшихся в Берлине 12—13 ноября 1940 г., выявилось абсолютное несовпадение позиций сторон по финляндскому вопросу. Беседа происходила в стиле «диалога двух глухих». С монотонностью заевшей грампластинки Молотов раз за разом повторял два тезиса: Финляндия входит в советскую «сферу интересов», и поэтому СССР вправе безотлагательно приступить к «разрешению финской проблемы» («...почему Россия должна откладывать реализацию своих планов на шесть месяцев или на год? В конце концов, германорусское соглашение не содержало каких-либо ограничений во времени, и в пределах своих сфер влияния ни у одной из сторон руки не связаны...»). Гитлер же, все более и более раздражаясь, отвечал, что немецких войск в Финляндии нет, транзит скоро закончится, но новой войны в районе Балтийского моря Германия не потерпит.

В немецком варианте протокольной записи переговоров этот момент зафиксирован так:

«...Молотов ответил, что дело не в вопросе о войне на Балтике, а в разрешении финской проблемы в рамках соглашения прошлого года. Отвечая на вопрос Фюрера, он заявил, что представляет себе урегулирование в тех же рамках, что и в Бессарабии и в соседних странах (имелись в виду «соседние» с Финляндией страны Балтии, т.е. Эстония, Латвия и Литва. — М.С.)».

Примечательно, что ни Гитлер, ни Молотов даже не сочли нужным вспомнить о существовании мирного договора между СССР и Финляндией, заключенного в Москве 12 марта 1940 г. Хотя что же тут удивительного? Авторитетные паханы собрались для конкретного базара; о никчемных бумажках, подписанных с лохами, говорить при таких встречах на высшем уровне как-то и не принято...

После завершения берлинских переговоров в Москве вынуждены были считаться с тем, что новая война с Финляндией приведет к серьезному обострению отношений с Германией. Строго говоря, эта констатация мало что меняла практически. От выражения неудовольствия до вооруженного противодействия — дистанция огромного размера. Молотов, например, неоднократно заявлял немцам, что *«появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии будет рассматриваться как нарушение интересов безопасности СССР»*. Несмотря на эти совершенно недвусмысленные предупреждения, Германия 1 марта 1941 г. «присоединила» Болгарию к Тройственному пакту и ввела свои войска на ее территорию. Со стороны Москвы в ответ на этот явно недружественный шаг Германии ничего существенного, кроме публичного выражения «дипломатической озабоченности», не последовало.

В конце 1940 г. возможности Германии по оказанию вооруженной поддержки Финляндии были, в сущности, ничтожно малы. На территории самой Финляндии немецких войск в количествах, заслуживающих внимания и упоминания, не было вовсе. Весьма немногочисленная группировка немецких войск в Норвегии отнюдь не без-

действовала, а решала задачи обороны побережья (общей протяженностью более 2,5 тыс. км) от возможного английского десанта, угроза которого чрезвычайно сильно действовала на Гитлера. Абсолютно нереальной была бы попытка начать наступление на западных рубежах СССР в ситуации зимы 1940/41 г., т.е. тогда, когда стратегическое сосредоточение немецких войск на Востоке не только не завершилось, но практически еще и не начиналось.

И тем не менее у Сталина не хватило ни смелости для того, чтобы «вторгнуться, разгромить и овладеть» Финляндией, невзирая на «предупреждения» и угрозы Гитлера, ни государственной мудрости для того, чтобы перейти к мирному сотрудничеству с северным соседом. 1941 год начался с новых попыток экономического и политического «прессования» Финляндии. Безо всяких законных оснований Москва потребовала передачи никелевых рудников Петсамо совместному предприятию, в котором 50% акций принадлежало бы советской стороне. Финляндия отказалась. После этого советское руководство в одностороннем порядке денонсировало торговое соглашение, заключенное с Финляндией летом 1940 г., и прекратило поставки товаров, в том числе — зерна.

Последствия такого шага могли быть самыми серьезными. Финляндия — богатая страна. Там много леса, целлюлозы, того же никеля. Люди, однако, не могут питаться бумагой и нержавеющей сталью. Даже при хорошем собственном урожае Финляндия вынуждена была ввозить порядка 20 тыс. тонн зерна в месяц, не говоря уже о бензине, каменном угле, каучуке, текстиле и иных видах промышленного сырья. После оккупации Норвегии и установления фактического господства германского флота в Балтийском море транспортные коммуникации Финляндии с Европой и США были почти полностью разорваны. Без поставок зерна из СССР Финляндия оказалась на грани голода.

Попытка организации торговой блокады была дополнена мощным политическим давлением. 18 января Москва отозвала своего посла из Хельсинки. На дипломатическом языке отзыв посла означает последний шаг перед

разрывом дипотношений и предпоследний — перед началом войны. По крайней мере, именно так оценивал ситуацию посол (будущий президент Финляндии) Паасикиви (*«Советский Союз не преминет использовать против нас силу, если проблемы не будут решены»*). Вконец растерявшийся Паасикиви предложил отдать Сталину — от греха подальше — весь район никелевых рудников. Узнав о том, что правительство обсуждает такие способы «замирения» восточного соседа, Маннергейм 10 февраля 1941 г. заявил президенту Финляндии о своем намерении уйти в отставку с поста главнокомандующего в случае, если капитулянтская политика будет проводиться в жизнь. В Финляндии разразился острый внутривластный кризис. 20 февраля Паасикиви подал в отставку и был отозван из Москвы на родину. Таким образом, дипломатические отношения Финляндии и СССР с конца февраля до середины апреля 1941 г. оказались фактически прерванными.

Удивления достойно то упорство, с которым Сталин и Ко пытались «прижать Финляндию к стенке», не понимая и не замечая того, что в «стенке» есть «дверь», в которую они и выталкивали Финляндию. Эта «дверь» вела ко все более и более тесному сотрудничеству социал-демократической страны с гитлеровским Третьим рейхом. Лучшего подарка Гитлеру, чем приостановка поставок зерна в Финляндию из СССР, трудно было и придумать. В создавшейся в начале 1941 года ситуации Германия немедленно «подставила плечо» очутившейся на пороге голода Финляндии. По оценке Маннергейма, уже весной 1941 г. *«90 процентов всего импорта страны шло из Германии»*. Надо ли доказывать, что такая степень экономической зависимости де-факто лишала Финляндию статуса суверенного и нейтрального государства. Впрочем, именно в этом — в ликвидации финляндского суверенитета — и состояла неизменная цель сталинской политики, правда, в силу крайней некомпетентности и недалекости (по-русски можно сказать короче и проще — глупости) кремлевских правителей Финляндия превращалась при этом отнюдь не в «советскую республику», а в союзника гитлеровской Германии...

Как и следовало ожидать, результаты сталинской политики оказались прямо противоположны замыслу. Финское руководство, тайно проинформированное Берлином о ходе и итогах переговоров Молотова с Гитлером, заняло предельно жесткую позицию, и попытка шантажа, не подкрепленного на этот раз реальной готовностью начать войну, с треском провалилась. С другой стороны, кризис января — февраля 1941 г. с неизбежностью привел к еще более тесному экономическому, а затем и политическому сближению Финляндии с Германией. В целом же действия сталинского руководства на «финском направлении» внешней политики СССР в период с весны 1940 г. по весну 1941 г. следует оценить как полный провал стратегического масштаба. Финляндию не удалось ни «воссоединить» с советской «карело-финляндией», ни превратить в мирного, дружественного соседа.

Апрель — май 1941 года стал переломным моментом в истории Второй мировой войны и советско-германского противоборства, как одного из главных факторов, определяющих ход этой войны. Несмотря на то, что историки пока не могут назвать точные даты и процитировать основополагающие документы, множество «косвенных улик» позволяет с большой долей уверенности предположить, что именно в мае 1941 г. в Москве было принято решение начать крупномасштабную войну против Германии, причем не когда-то в неопределенном будущем, а в июле — августе 1941 г. С момента принятия такого решения советско-финляндские отношения отошли на второй (если не десятый) план перед лицом надвигающихся грандиозных событий. Прежде всего предстояло (как было сказано в Майских «Соображениях о стратегическом развертывании Красной Армии») *«разгромить главные силы немецкой армии»* и *«овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии»*. Ну а после победы над Германией превращение Финляндии в «советскую республику» стало бы неизбежным и неотвратимым.

Тогда же, в конце весны 1941 г., стали качественно меняться и германо-финляндские отношения. По странной иронии судьбы группа военных во главе с начальником Генштаба финской армии генералом Хейнрихсом

вылетела из Хельсинки в германский Зальцбург в те самые часы (вечером 24 мая 1941 г.), когда в кабинете Сталина проходило последнее предвоенное совещание высшего военно-политического руководства страны с командованием западных военных округов... В ходе трехдневных переговоров с немецкими генералами, в том числе — с начальником штаба оперативного руководства генерал-полковником А.Йодлем, финны были проинформированы о конкретном содержании оперативных планов войны на северном фланге советско-германского фронта. Никаких документов и совместных решений принято не было, более того, Хейнрихс и не имел полномочий на подписание каких-либо соглашений. 3 июня в Хельсинки для совещания с Хейнрихсом прибыли два немецких полковника: начальник штаба армии «Норвегия» Бушенхаген и представитель штаба Верховного командования Кинцель. 6 июля в немецком городе Киль состоялось совещание военно-морских командиров, на котором Германию представлял вице-адмирал Шмундт, а Финляндию — коммодор Сундман.

Ни официальных, ни секретных договоров в ходе этих совещаний заключено не было (по крайней мере, их так и не удалось обнаружить). Тем не менее реальный ход дальнейших событий однозначно свидетельствует о том, что стороны не ограничились одним только взаимным информированием. Подтверждением такого вывода является **начавшееся 7 июня 1941 г. развертывание немецких войск на территории Финляндии.**

Первой границу между Норвегией и Финляндией пересекла моторизованная бригада СС «Норд». 5—14 июня 169-я пехотная дивизия вермахта морским путем была переброшена из Германии в финский порт Оулу, а оттуда по железной дороге перевезена в район заполярного Кемиярви. Бригада СС «Норд», 169-я пехотная дивизия и приданные им части (включая танковый батальон, вооруженный трофейными французскими танками) были сведены в 36-й армейский корпус (36-й АК). Вплоть до утра 22 июня 1941 года 36-й АК был единственным соединением немецких сухопутных войск на территории Финляндии.

Утром 22 июня горнострелковый корпус генерала Дитля (2-я и 3-я горнострелковые дивизии) перешел норвежскую границу, взял под свой контроль Петсамо и начал выдвижение в исходный для наступления на Мурманск район. Таким образом, к 25 июня 1941 г. на территории **северной Финляндии** находилось уже четыре немецкие дивизии.

Единственная на территории **южной Финляндии** дивизия вермахта (163-я пехотная), пройдя через шведскую территорию, пересекла передовыми частями финскую границу в районе Торнио только 28 июня, т.е. уже **после начала 2-й советско-финской войны**. Дивизия была дислоцирована в Йоэнсу и включена в состав резерва главного командования финской армии.

Таковы факты.

На основании этих фактов можно сделать следующие выводы. Во-первых, вплоть до рубежа мая — июня 1941 г. ситуация была вполне многовариантной. Никаких обязывающих соглашений (пусть даже тайных, пусть даже подписанных на уровне полковников и генералов) в тот период между Германией и Финляндией не было.

Во-вторых, и это несравненно более значимо, **главной военной силой на территории Финляндии была финская армия**. Именно это обстоятельство, именно «право силы» имело решающее значение в той обстановке, которая сложилась в Европе на втором году мировой войны. Две, а затем четыре немецкие дивизии, развернутые в Заполярье, были отделены от южной Финляндии (т.е. от столицы государства, основных промышленных центров и 9/10 населения) тысячекилометровым пространством безлюдных лесов, болот и заполярной лесотундры. Ни о каком военном, силовом давлении немцев на финское руководство в такой ситуации не могло быть и речи. Более того, все снабжение группировки немецких войск (от продовольствия до боеприпасов) держалось на коммуникациях, проходящих по финской территории, т.е. зависело от доброй воли финского руководства. В такой ситуации влиять вооруженным путем на принятие политических решений в Хельсинки немцы не могли.

У всякой медали есть две стороны. Указанный выше

основополагающий факт (главной военной силой на территории Финляндии была финская армия) свидетельствует как минимум о двух обстоятельствах. С одной стороны, **решение о вступлении в войну против Советского Союза было принято в Хельсинки**, и именно финское руководство несет за него ответственность. В этом смысле нельзя согласиться с выдвинутой рядом финских историков концепцией «бревна, увлекаемого водным потоком». Именно в конце весны 1941 года, именно в тот момент, когда две тоталитарные диктатуры приготавились вцепиться в глотку друг другу, у Финляндии появилась определенная возможность для политического маневра, для принятия самостоятельных решений.

С другой стороны, именно потому, что ключевые решения принимались не в Берлине, а в Хельсинки, у советского руководства была **реальная возможность договориться с правительством Финляндии и обеспечить спокойствие на финской границе мирным путем**. Молотову вовсе не нужен был Гитлер в качестве «посредника» на переговорах с Рюти и Маннергеймом. Достаточно было наличия доброй воли и желания. И это отнюдь не запоздалые советы дилетанта. Сам товарищ Сталин сформулировал эту идею следующим образом:

«СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии... В этом случае советское правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор».

Отличное предложение. Подлинный пример государственной мудрости, которая подчиняет себе мелочные соображения личных амбиций и пресловутого «престижа». К сожалению, о своей готовности *«пойти на некоторые территориальные уступки»* и заключить с Финляндией *«новый мирный договор»* товарищ Сталин заявил (в письме президенту США Ф. Рузвельту) лишь 4 августа 1941 г. Четвертого августа финская армия уже полностью освободила все аннексированные территории в Приладожской Карелии и начала наступление на Карельском перешейке. Опыт первого месяца 2-й советско-

финской войны давал уже вполне конкретные основания для предположения о том, чем это наступление закончится. В такой ситуации «цена вопроса» неимоверно возросла, и немедленное восстановление границы 1939 г. стало бы минимальным условием начала переговоров (в то время, как еще два месяца назад это был бы максимум, на который в Хельсинки не могли и надеяться).

В мае — июне 1941 г. цена «замирения» Финляндии могла быть очень скромной. До тех пор, пока Красная Армия не потерпела сокрушительное поражение, Сталин мог вести переговоры с позиции сильного, но великодушного богатыря. Возможно, тогда удалось бы достигнуть мирного соглашения и без полного возврата всех аннексированных территорий. Но ничего подобного сделано не было. Стабильность северного фланга общего фронта Красной Армии решено было обеспечить не дипломатическим, а военным путем. Высшее военно-политическое руководство СССР решило, что 15 стрелковых дивизий и двух мехкорпусов Ленинградского округа (Северного фронта) будет вполне достаточно для «нейтрализации Финляндии». Вообще-то, товарищ Сталин еще в апреле 1940 г. объяснил самому себе и своим генералам, что «наступление финнов гроша ломаного не стоит». Выступая с заключительным словом на Совещании высшего состава Красной Армии, он говорил:

«...Финская армия очень пассивна в обороне, и она смотрит на линию обороны укрепленного района, как магометане на Аллаха. Дурачки, сидят в ДОТах и не выходят, считают, что с ДОТами не справятся, сидят и чай попивают... Как наступление финнов, то оно гроша ломаного не стоит. Вот три месяца боев, помните вы хоть один случай серьезного массового наступления со стороны финской армии? Этого не бывало... Финская армия не способна к большим наступательным действиям...»

Стоило ли волноваться за устойчивость обороны войск Ленинградского округа, если перед ними был такой немощный противник?

На рассвете 25 июня 1941 г. советское руководство преподнесло финским сторонникам «войны-реванша»

такой подарок, о каком те не смели даже мечтать. Авиация Северного фронта и ВВС Балтфлота нанесли массированный удар по аэродромам, железнодорожным узлам, городам и портам Финляндии. Безобразно организованная — и еще более безобразно выполненная — операция завершилась позорным провалом.

Только на одном финском аэродроме (Турку) был выведен из строя один-единственный самолет. По странной иронии судьбы им оказался трофейный советский бомбардировщик СБ. Все остальные «удары по аэродромам» были или вовсе безрезультатны, или привели к тяжелым потерям нападающих. За два дня ВВС Северного фронта и ВВС Балтфлота потеряли безвозвратно 24 бомбардировщика. Основные аэродромы базирования финских истребителей (Пори, Хювинкя, Весивехмаа, Йоройнен, Наараярви) совершенно не пострадали. Большая часть экипажей советских ВВС или вовсе не нашла запланированные цели, или отбомбилась по летным полям с высоты 3—6 км, что совершенно исключало возможность поражения точечных целей. В то же время значительные разрушения и жертвы были в жилых кварталах финских городов (особенно пострадали Турку и Хейнола).

Под аккомпанемент взрывающихся в пригородах Хельсинки бомб премьер-министр Финляндии Рангель с трибуны парламента заявил: *«Состоявшиеся воздушные налеты против нашей страны, бомбардировки незащищенных городов, убийство мирных жителей — все это яснее, чем какие-либо дипломатические оценки, показало, каково отношение Советского Союза к Финляндии. Это война. Советский Союз повторил то нападение, с помощью которого он пытался сломить сопротивление финского народа в «зимней войне» 1939—1940 гг. Как и тогда, мы встанем на защиту нашей страны...»*

Вечером 25 июня парламент принял решение считать Финляндию находящейся в состоянии войны против СССР.

Через несколько дней Маннергейм отдал финской армии приказ № 1, в первых строках которого был лако-

нично и точно подведен итог драматического противостояния предыдущих месяцев:

«Солдаты Финляндии!

Наша славная Зимняя война завершилась тяжелым миром. Несмотря на заключенный мир, наша страна явилась для врага объектом беззастенчивых угроз и постоянного шантажа, что вместе с преступным подстрекательством, направленным на подрыв нашего единства, показывает, что враг с самого начала не считал мир постоянным. Заключенный мир был лишь перемием, которое теперь закончилось...»

«МЫ СХВАТИМ КАПИТАЛИЗМ ЗА ШИВОРОТ»

Советская подготовка к наступательной войне в тридцатые — начале сороковых годов

Международные исследователи уже в течение нескольких десятилетий едины в том, что немецкое нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г. было идеологически обусловленной войной, спланированной и начатой как война на уничтожение за завоевание жизненного пространства. Существует много доказательств этому, в том числе и высказывания самого Гитлера. Несомненно, что летом 1941 г. Советский Союз пал жертвой давно подготавливавшейся агрессии. Советская военная и послевоенная пропаганда подавала нападение Германии соответствующим образом, одновременно оставляя в тени продолжавшийся почти два года германо-советский союз.

Новейшие исследования показали, однако, что Советский Союз самое позднее с начала тридцатых годов тоже готовился к идеологически обусловленной наступательной войне. Ее цель — расширить коммунистическое владычество в Европе и в мире силой оружия. Советский Союз начал реализацию этой программы на практике вторжением в Польшу в сентябре 1939 г. Помимо прочего, это подтверждается высказываниями ближайших доверенных лиц Сталина, что будет показано ниже.

Подготовка к наступательной войне в тридцатые годы

Когда в начале тридцатых годов в Москве состоялось одно из обычных многочасовых заседаний правительст-

* Богдан Мусиаль (Bogdan Musiał) — Dr.-Hab., историк, область исследований: история XX века, история коммунизма и национал-социализма. Живет в Германии.

ва, на повестке дня стоял вопрос о подготовке Советских вооруженных сил к войне. На нем присутствовали народный комиссар по военным и морским делам Климент Ефремович Ворошилов и инспектор кавалерии Семен Буденный. Во время заседания Буденный передал своему другу Клименту записку с комментарием по поводу выполнения подготовки к войне: «К.Е. Что же делается на белом свете? Три года тому назад говорили, что нам нужно два-три года, тогда мы сами нападем, а теперь просим пять лет, но когда я вдумываюсь в нашу готовность по докладам, то получается, что с каждым годом мы становимся все менее и менее готовы. С.Б.»¹.

Буденный, совершенно очевидно, имеет в виду приготовления к войне с Польшей, тогдашним главным врагом Советского Союза. «Польская опасность» была для советских вождей в двадцатые и тридцатые годы чем-то очевидным. Они рассматривали Польшу как острую угрозу первому в мире коммунистическому государству, и в первую очередь как главное препятствие распространению коммунистической революции на Центральную и Западную Европу. Ведь были же части Красной Армии в августе 1920 г. остановлены под Варшавой и обращены в бегство, как раз тогда, когда они находились на пути в Европу и одновременно надеялись на коммунистическую революцию в Германии². В марте 1923 г. Сталин писал в «Правде» по поводу польской войны: «Так обстояло дело в 1920 г. во время войны с поляками, когда мы, недооценив силу национального момента в Польше и увлекшись легким успехом эффектного продвижения вперед, взяли на себя непосильную задачу прорыва в Европу через Варшаву, сплотили против советских войск громадное большинство польского населения и создали, таким образом, обстановку, аннулирующую успехи советских войск под Минском и Житомиром и подорвавшую престиж советской власти на Западе»³.

Это поражение все долгие двадцатые и тридцатые годы оставалось травмой для советских вождей. Польша запирала Советскому Союзу путь в центр Европы, в Германию. Но как раз Германии отводилась в большевистских планах мировой революции ключевая роль. В стро-

го секретной, только членам Политбюро адресованной памятной записке о «будущей немецкой революции и задачах Российской коммунистической партии» говорилось: «Пролетарская революция в Германии с первых же ее шагов приобретает еще большее международное значение, нежели российская революция. Германия — более промышленная страна, чем Россия. Германия находится в самом центре Европы. <...> Главнейшим врагом германской революции окажется буржуазная Польша. Польская буржуазия окажется наиболее злым врагом не только потому, что именно ее французский империализм более всего склонен избрать орудием своих контрреволюционных целей, но и потому, что, предвидя трудность своего положения между советской Германией и советской Россией, польская буржуазия *будет драться с мужеством отчаяния*. <...> Советская Германия с первых же дней своего существования заключит теснейший союз с СССР. <...> Такой союз имел бы в своем распоряжении все хозяйственные ресурсы, какие только необходимы для процветания и советской Германии, и СССР. <...> Надвигающаяся вторая, действительно пролетарская революция в Германии поможет советской России окончательно победить на решающем фронте социалистического хозяйственного строительства, а тем самым создаст незыблемую базу для победы социалистических форм хозяйства во всей Европе»⁴.

Далее в записке говорилось в случае пролетарской революции в Германии и возможной войны в Европе необходимо вовремя выдвинуть лозунг Соединенных Штатов рабоче-крестьянских республик Европы. «Лозунг «Соединенные Штаты» для коммунистов является не чем иным, как этапом к лозунгу «Союз советских республик Европы. А поскольку к такому союзу, разумеется, будет принадлежать и СССР — к лозунгу «Союз советских республик Европы и Азии» <...> С революцией в Германии большими шагами приближается революция в Европе и во всем мире»⁵. И Сталин был того же мнения. В августе 1923 г. он писал Августу Тальхаймеру, редактору «Роте фане»: «Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более суще-

ственное значение, чем победа русской революции шесть лет назад»⁶.

Такого рода взглядами обосновывалась и мечта о прямой границе с Германией или о «коридоре» к ней. Сергей Гусев, начальник политического управления Красной Армии, писал в 1923 г. Григорию Зиновьеву, одному из ближайших соратников Ленина и одновременно одному из влиятельнейших советских вождей в 20-е годы: «Тов. Зиновьев! Не приходило ли Вам в голову, что в случае германской революции и нашей войны с Польшей и Румынией решающее значение могли бы иметь наступление наше на Вост. Галицию (где поднять восстание не трудно) и «случайный» прорыв наш в Чехословакию, где при сильной КП вполне возможна революция (в «присутствии» наших двух-трех дивизий). Таким способом мы: 1) вышли бы в глубокий тыл Польше и ее участь была бы решена, 2) получили бы через Ч.-С. «коридор» в Советскую Германию; 3) имели бы Ч.-С. Красную Армию. Не следует ли уже теперь вести политическую подготовку Ч.-С. в этом направлении?»⁷

Феликс Дзержинский, основатель пресловутой ЧК, предшественницы ГПУ/НКВД/КГБ, и один из крупнейших советских функционеров, вплоть до своей смерти в 1926 г. занимался по поручению Политбюро «польским вопросом». В последние месяцы перед смертью он определил ближайшие и средней срочности цели советской польской политики исходя из того, что Польша нападет на Советский Союз самое позднее в 1927 г.: «...во всяком случае мы перенесем границу на Буг, присоединим Западную Украину к УССР, отдадим Вильно Литве, создадим непосредственное соединение с Германией»⁸.

После смерти Дзержинского в советской польской политике ничего не изменилось. Сталин писал 1 сентября 1930 г. Вячеславу Молотову: «1) Поляки наверняка создают (если уже не создали) блок балтийских (Эстония, Латвия, Финляндия) государств, имея в виду войну с СССР. Я думаю, что, пока они не создадут этот блок, они воевать с СССР не станут, — стало быть, как только обеспечат блок, начнут воевать (повод найдут). Чтобы обеспечить наш отпор и поляко-румынам, и балтийцам,

надо создать себе условия, необходимые для развертывания (в случае войны) не менее 150—160 пехот[ных] дивизий, т. е. дивизий на 40—50 (по крайней мере) больше, чем при нынешней нашей установке. Это значит, что нынешний мирный состав нашей армии с 640 тысяч придется довести до 700 тысяч. Без этой «реформы» нет возможности гарантировать (в случае блока поляков с балтийцами) оборону Ленинграда и Правобережной Украины. Это не подлежит, по-моему, никакому сомнению. И наоборот, при этой «реформе» мы наверняка обеспечиваем победоносную оборону СССР. Но для «реформы» потребуются немаленькие суммы денег (большее количество «выстрелов», большее количество техники, дополнительное количество командного состава, дополнительные расходы на вещевое и продовольственное снабжение). Откуда взять деньги? Нужно, по-моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны»⁹.

Далее Сталин пишет в том же письме, что задание по увеличению производства водки надо официально закрепить в госбюджете на 1930/31 г.¹⁰. Ничего удивительного, что 15 сентября 1930 г. Политбюро принимает решение: «Принять необходимые меры к скорейшему увеличению выпуска водки <...> Принять программу выкурки спирта в 90 мил. ведер в 1930/31 году»¹¹.

Нет никакого сомнения, что в 1930 г. советское руководство действительно было озабочено масштабным вооружением Красной Армии. Об этом свидетельствуют также следующие цифры. Красная Армия выросла с 631 000 солдат в 1930 г. до 1 033 570 в 1934 г.¹²; число самолетов увеличилось с 1149 до 4354¹³, число танков — с 92 в 1928 г. до 7574 в 1934 г.¹⁴. После 1934 г. Советский Союз продолжал наращивать вооружение. В 1939 г. Красная Армия состояла из 1 931 962 солдат, она располагала 10 362 самолетами и 21 110 танками¹⁵.

В то же время большое число танков, самолетов и солдат создавало ложное представление о действительном состоянии боеготовности советских войск, на что и

указывал Буденный в процитированной выше записке. В реальности стремительно растущая масса военных материалов и вооружений не соответствовала их качеству. Самолеты и танки были устаревшими и очень быстро ломались, солдаты плохо питались и были немотивированы¹⁶. Офицерский корпус тоже не соответствовал уровню других стран. Этому было много причин, одной из важнейших представляется сталинистский террор тридцатых годов, который зверствовал и в Красной Армии.

Первая большая волна чисток настигла Красную Армию уже в 1929—1930 гг. Более 10 000 офицеров были уволены из армии, более 2600 из них были арестованы. В 1930—1932 гг. в рамках операции «Весна» были арестованы 3000 офицеров, в большинстве случаев бывшие офицеры царской армии¹⁷. Вторая большая волна чисток началась в 1934 г. и длилась до 1936-го¹⁸. Ее сменила в 1937 г. третья волна, ставшая кульминацией террора в Красной Армии.

К 31 декабря 1936 г. корпус высших офицеров всех родов войск (начиная от генерал-майора) насчитывал 1651 человека. Согласно последним исследованиям Павла Вечкоркевича между 1936 и 1939 гг. 87% из них потеряли свои должности, девять покончили самоубийством и 1433 были уволены. Согласно доступным сегодня документам из 1433 уволенных 1179 были арестованы, 715 в конечном счете расстреляны, 71 умер в тюрьме или в ГУЛАГе. Получается, что почти половина (48%) из общего числа высших офицеров погибла в 1936—1939 гг.; сотни попали в тюрьму и ГУЛАГ, многие были понижены по службе, другие «добровольно» ушли со службы, чтобы избежать преследований¹⁹.

На более низком уровне террор был относительно менее жестоким, хотя абсолютное число жертв оказалось гораздо выше. По последним оценкам, число всех офицеров советских вооруженных сил, которые пострадали от чисток в 1935—1939 гг., достигает 63 000. Из них 14 775 были либо до, либо после увольнения со службы арестованы. Часть была убита, остальные попали в тюрьму или в ГУЛАГ. По неполным данным, число офицеров,

приговоренных к смерти советской военной юстицией, составляет 4467²⁰. В 1938 году офицерский корпус Советских вооруженных сил насчитывал всего 179 000 человек²¹.

Эта волна террора имела для Советских вооруженных сил катастрофические последствия. Во время германо-советской войны 1941—1945 годов погибли 6,3% всех высших офицеров (генеральского уровня), во время чисток было убито почти 50%²².

Генерал Константин Рокоссовский, сам сидевший с 1938 по 1940 г., писал по этому поводу: «Это было хуже, чем артиллерийский огонь по собственным войскам»²³. На мораль и качество офицерского корпуса террор оказал самое разрушительное действие²⁴.

Но и с простыми солдатами обращались не лучше. Большинство из них пришли из деревни и испытали, точнее пережили, террор коллективизации тридцатых годов, жертвами которого стали миллионы людей. Но сталинский террор бушевал и в городах тоже, так что большая часть солдат прямо или косвенно была им затронута. В этих условиях воодушевление по поводу службы на Сталина и на советское государство было скорее ограниченным. Генерал Георгий Жуков, получивший в 1939 г. в командование Киевский военный округ, констатировал: «Распад дисциплины вплоть до самовольного оставления службы и дезертирства». Нужно было ввести новый ужесточенный порядок несения службы, который предусматривал, помимо прочего, и физическое насилие, которое офицеры широко применяли²⁵.

Большие проблемы были также в области вооружений. Число произведенных самолетов и танков было высоким, их качество, однако, низким. Очень часто из-за непрофессионального обслуживания и использования происходили аварии. В 1937 г. число аварий в воздушных силах по сравнению с предыдущим годом повысилось на 80%²⁶. 16 мая 1939 г. Климент Ворошилов был вынужден сообщить, что аварии в воздушных силах приняли «чрезвычайные размеры»²⁷.

С 1 января по 15 мая 1939 г. во время катастроф погибли 70 пилотов, была потеряна 91 машина²⁸. Не лучшим

было положение в других родах войск, но аварии там были не такими заметными, и их было легко скрыть²⁹.

Советское руководство исследовало ситуацию и приняло решение произвести реформы. Разрабатывались новые планы и программы, раздавались приказы и указания, которые следовало немедленно претворять в жизнь. Речь шла о том, чтобы исправить недостатки и упущения и как можно быстрее повысить боеготовность Красной Армии³⁰. Эта деятельность была, однако, не особенно успешной, что подтвердили результаты 1939—1941 гг.

Когда советское руководство в конце 20-х годов постановило начать вооружение страны, главного врага оно видело в Польше. Антисоветская Польша заперла Советскому Союзу путь на Запад. К тому же болезненное для советских вождей поражение 1920 г. и в будущие годы влияло на их отношение к Польше как к государству и нации. В двадцатые и тридцатые годы в Советском Союзе возник антипольский психоз, который вылился в коллективное преследование польского меньшинства (так называемые польские операции). Тысячи поляков были расстреляны, многие тысячи арестованы и депортированы.

14 сентября 1937 г. Николай Ежов, народный комиссар внутренних дел и инициатор операции, доложил Сталину о ходе «польской операции». Ежов сообщал, что по обвинению в шпионаже в пользу польского государства арестованы 23 216 человек польского происхождения. Сталин написал на краю доклада: «Т. Ежову. Очень хорошо. Копайте и вычищайте и впредь эту польско-шпионскую грязь. Крушите ее в интересах СССР»³¹. «Польская операция», естественно, продолжалась³².

Приход к власти в Германии национал-социалистов изменил политическую ситуацию в Европе. Советский Союз не был для Гитлера потенциальным союзником, напротив, политика немецкого диктатора была антисоветской и антисоветской. Сталин все же пытался наладить контакты с национал-социалистическим режимом, поначалу, правда, безуспешно. Советскому руководству быстро стало ясно, что нацистская Германия с за-

ново воссозданным вермахтом и быстрым вооружением сможет стать опаснейшим врагом Советского Союза³³. Польша, благодаря своему геополитическому положению продолжала играть в этих расчетах важную роль.

В конце ноября 1938 г. состоялось заседание Главного военного совета. Главной темой обсуждений были советско-японские бои в июле и августе 1938 г. у озера Хасан. Заключительный доклад сделал маршал Ворошилов, нарком обороны: «...на западной границе мы имеем врага, не менее организованного, чем японцы... Сейчас, когда мы говорим о западном нашем участке, мы имеем в виду Германию; Польша, Румыния и всякие там Прибалтики, они у нас со счетов давным-давно сняты, этих господ мы в любое время при всех обстоятельствах сотрем в порошок»³⁴.

Но в 1939 году произошел неожиданный поворот. Гитлер, который пытался — хотя и безуспешно — привлечь Польшу в качестве союзника в идеологической войне против Советского Союза, теперь решил напасть на Польшу. Чтобы обезопасить себя, он, недолго думая, предложил Сталину поделить Польшу и оставшуюся Восточную Европу между Германией и Советским Союзом. Сталин охотно принял это предложение, и в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. министры иностранных дел Германии и России подписали печально известный пакт Гитлера — Сталина, которым был официально предreshен четвертый раздел Польши³⁵.

Первого сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Когда польская армия была почти разбита, но не все части страны еще были заняты, Сталин ввел в Польшу свои войска. Красной Армии пришлось легко, тем более что польские войска кое-где совсем не сопротивлялись. Красная Армия и вермахт отметили свое братство по оружию совместным парадом в Бресте.

Союз с Германией преследовал, с точки зрения Сталина, ясную цель: с одной стороны, следовало передвинуть советскую границу как можно дальше на запад, с другой — вовлечь Германию в войну с западными странами, чтобы таким образом ослабить западные (капиталистические) страны. Седьмого декабря 1939 г. в Кремле

состоялось совещание, на котором Сталин объяснил причины, подвигшие его на германо-советский пакт: «Война идет между двумя группами капиталистических стран <...> Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. <...> Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему. <...> Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»³⁶.

Этот комментарий показывает, что Сталин поставил на то, чтобы в полную силу разжечь войну между Германией и западными союзниками и ослабить капиталистические страны. В тени этого конфликта он предпринял первые шаги, чтобы силой оружия распространить советско-коммунистическое владычество за пределы Советского Союза. Первой жертвой стала Польша, которую Германия и Советский Союз разделили между собой. Вскоре должны были быть заняты и стать советскими балтийские страны и Бессарабия.

Красная Армия в 1939—1941 гг. и ее боеготовность

Тридцатого ноября 1939 г., еще в победном угаре, Сталин приказал напасть на гораздо более слабую Финляндию. Однако совершенно неожиданно Красная Армия поначалу потерпела чувствительное военное поражение. Только после трех месяцев изнурительных боев Финляндия попросила СССР о перемирии и заявила о согласии отдать Советскому Союзу требуемые им территории. Красная Армия понесла большие потери, а недостатки Советских вооруженных сил стали всем очевидны. «Зимняя война» обернулась шоком для Сталина и советского руководства. Им стало ясно, что Красная Армия еще не готова к наступательной войне. Климент Ворошилов в мае 1940 г. ушел с поста министра обороны, были запущены новые реформы и программы вооружений³⁷.

На заседании Политбюро 27 марта 1940 г. обсуждалась финская война. Маршал Ворошилов, тогда еще нарком обороны, занялся самокритикой: «Недостаточная подготовка к такой войне. Ряд командиров непригодны. Армия плохо вооружена». Он предлагает меры по исправлению ситуации: «Необходима профессиональная армия. — Быть готовыми в любой момент. — Положить конец флуктуациям в командирском составе. — Железнодорожный транспорт существенно улучшить. — Резервы должны быть увеличены»³⁸.

Днем позже члены Политбюро обсуждали доклад Ворошилова, на которого, как отмечает Димитров в дневнике, открыто нападали. Сталин взял, однако, Ворошилова под защиту: «У нас не часто происходит такое, чтобы народный комиссар так открыто говорил о своих ошибках». Затем Сталин нападет на командиров: «*Командиры — 60% хорошие, 40% илляпы, бесхарактерные, трусы и т. д.* <...> Все зависит от командиров. Хороший командир и с плохой дивизией добьется своего, плохой командир может и хорошую дивизию разложить. <...> Если наркоматы будут лучше работать, у нас будет лучшая армия в мире»³⁹.

В следующие месяцы происходила оценка ситуации, о чем Сталин лично заботился. Выяснилось, насколько в плохом состоянии находилась Красная Армия. Седьмого ноября 1940 г. после военного парада на Красной площади в Кремле состоялся прием, на который Сталин пригласил своих ближайших соратников. В самом конце, когда все уже собирались расходиться, слово взял явно раздраженный Сталин. Он произнес длинную речь, говорил запальчиво, ругал своих соратников и угрожал им: «История нас избаловала. Мы сравнительно легко добились многих успехов. И это вызвало у многих самодовольство, опасное самодовольство. <...> Уроки войны в Финляндии, уроки войны в Европе не изучаются. <...> К такой воздушной войне, какая идет между Германией и Англией, мы не готовы. Выяснилось, что наши самолеты только 35 минут могут продержаться в воздухе, а немецкие и английские — до нескольких часов! Если наши вооруженные силы, наш транспорт и т. п. не будут так

же сильны, как у наших противников (а это все капиталистические страны, даже те, которые выдают себя за наших друзей), тогда они нас сожрут. <...> Мы сейчас реорганизуем пехоту, кавалерия всегда была хорошей, теперь нужно серьезно заняться авиацией и противовоздушной обороной. Этим я занят ежедневно. Я беседую с конструкторами и другими специалистами. Но я *единственный*, кто занимается сразу всем. Никто из вас ни капли об этом не думает. Я здесь один такой... Но я могу учиться, читать, сосредотачивать внимание каждый день; почему вы этого не можете? Вы не любите учиться, живете в свое удовольствие. Двумя руками раздаете наследство Ленина. <...> *Выслушают меня и все оставят по-старому.* Но я вам покажу, если выйду из терпения (вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит»⁴⁰.

Устранение многочисленных недостатков и слабостей Красной Армии требовало огромной работы, времени и значительных финансовых средств. Поэтому неудивительно, что через 7 месяцев, в мае 1941 г., необходимый уровень боеготовности Красной Армии еще не был достигнут. Восьмого мая состоялось заседание Главного военного совета Красной Армии. На нем было установлено, что «в целом боевая подготовка хотя и повысилась по сравнению с 1941 г., но все еще не отвечает современным требованиям ведения операции и боя и характеризуется невыполнением задач, поставленных в приказе НКО № 30»⁴¹.

Существует множество документов 1941 г., в которых высшие военные извещают партийное руководство о трудностях в подготовке к войне. 15 апреля 1941 г. начальник Генерального штаба генерал Георгий Жуков жаловался на то, что армия недостаточно обеспечена боеприпасами, в особенности артиллерийскими⁴². В тот же день Высший военный совет принял постановление, в котором обязал правительство до конца 1941 г. обеспечить армию боеприпасами всех калибров, с тем чтобы создать резервы на три месяца ведения войны⁴³. 14 мая 1941 г. генерал Федоренко сообщал наркому обороны,

что моторизованные корпуса из-за недостаточного обеспечения танками не полностью боеспособны⁴⁴.

Например, части, располагавшиеся в крепости Брест, имели много артиллерии, но боеприпасы к ней до 22 июня 1941 г. так и не были доставлены⁴⁵. Созданная в начале 1941 г. и расположенная в Хайновке под Белостоком 208-я моторизованная дивизия была в июне 1941 г. вооружена только на 70—80%. Входивший в эту дивизию 128-й танковый полк должен был иметь 250 танков, но не имел ни одного⁴⁶. И эта часть не была исключением⁴⁷. Летом 1941 г. огромные советские танковые соединения находились в состоянии реорганизации, достижение ими полной боеготовности предполагалось весной 1942 г.⁴⁸.

10/11 июня 1941 г. маршал Тимошенко, тогдашний нарком обороны, и генерал Жуков, начальник Генерального штаба, докладывали Сталину о неудовлетворительном продвижении строительства железнодорожных линий, важнейших путей обеспечения войск. Они информировали Сталина, что выполнение планов строительства железнодорожных линий на 1941 г. под угрозой: «На одиннадцати новых железнодорожных линиях западного направления работы были начаты в конце апреля и до сих пор не развернуты в полной мере. На 1 июня по многим линиям выполнено только 8% годового плана. <...> Годовой план работ по строительству этих мостов (на западном и южном направлениях. — *Б.М.*) на 1 июня т. г. выполнен в пределах от 13 до 20%»⁴⁹. Главная причина трудностей состояла, согласно докладу, в нехватке строительных материалов (цемента, дерева, железа).

Параллельно с массированным вооружением Генеральный штаб разрабатывал в 1940—1941 гг. планы нанесения удара в западном направлении, то есть по расположенным на польской территории немецким войскам. Последние известные планы датированы маем 1941 г.⁵⁰. Современные исследования показывают, однако, что в 1941 г. Красная Армия была совершенно не готова к войне с таким сильным противником, как Германия⁵¹. Это было ясно советскому руководству во главе со Сталиным.

«Миролюбие» и подготовка к агрессивной войне

В то время как пропаганда демонстрировала советское «миролюбие», многое указывало на то, что Советский Союз самое позднее с 1930 г. готовился к агрессивной войне. Советское руководство, как это упоминалось выше, во время массированного вооружения делало упор на танки, артиллерию и авиацию как на современные наступательные виды вооружений. Кроме того, многие высказывания Сталина можно истолковать подобным образом. 28 марта 1940 г. он, помимо прочего, заявил на пленуме ЦК: «Артиллерия играет решающую роль, танки расчищают дорогу пехоте»⁵². Годом позже, в мае 1941 г., во время приема в Кремле Сталин подчеркнул в разговоре со своими ближайшими соратниками значение наступательных видов оружия: «Самое важное — это хорошо вооруженная пехота. — Но главную роль играет артиллерия (пушки, танки). — Для исполнения этой роли артиллерии нужна авиация. — Одна авиация не может решить исход боя, но во взаимодействии с пехотой и артиллерией она играет чрезвычайно важную роль. — Решающими являются при этом <...> самолеты с нормальной дальностью (бомбардировщики и штурмовики). <...> Кавалерия не потеряла своего значения в современных боях. — Она особенно важна, если надо преследовать выбитого со своих позиций противника и не дать ему возможность укрепиться на новых позициях»⁵³.

Советское руководство с 1930 г. делало ставку на те рода оружия, которые необходимы для ведения современной наступательной войны: на танки, артиллерию, авиацию, которые «расчищают» путь пехоте. Но не только выбор оружия говорит за то, что СССР самое позднее с 1930 г. готовился к ведению агрессивной войны. Высказывания Сталина и его ближайших соратников, как, например, цитировавшееся выше высказывание Семёна Буденного, тоже свидетельствуют об этом: «Три года тому назад говорили, что нам нужно два-три года, тогда мы сами нападем». Сталин сам заявил 5 мая 1941 г. во

время приема в Кремле своим ближайшим сотрудникам: *«Нет обороны без наступления»*⁵⁴.

Пропаганда, однако, подчеркивала «миролюбие» советского государства. Еще в 1923 г., когда в узком кругу обсуждались планы нападения на Польшу, Сталин указал на вопрос, который он считал важным: «Под каким легальным прикрытием мобилизовать солдат, сохраняя внешность миролюбия и, по крайней мере, внешность обороны⁵⁵?»

Характер пропаганды сохранялся до 1941 г. В этом духе воспитывались офицеры и солдаты Красной Армии. Но весной 1941 г. Сталин явно пришел к выводу, что предшествующая пропаганда, которая поддерживала «иллюзию миролюбия», больше не соответствует ситуации. Солдат и офицер теперь надо психологически готовить к предстоящей агрессивной войне. Как уже упоминалось, 5 мая 1941 г. после торжественного собрания выпускников Военной академии в Кремле состоялся прием, на котором Сталин, помимо прочего, заявил: *«...Наша политика мира и безопасности в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне»*⁵⁶.

«Поворот в пропаганде, а не в политике»

В течение следующих недель действительно был разработан проект новой директивы о политической работе в рядах Красной Армии. 4 июня 1941 г. состоялось заседание Главного военного совета, на котором обсуждалось новое направление «партийно-политической работы в рядах Красной Армии». Присутствовали, помимо прочих, нарком обороны маршал Тимошенко, Буденный, а также Жданов и Маленков, члены Политбюро и ближайшие соратники Сталина. Документ настолько выразителен, что его стоит привести целиком:

«Очередные задачи партийно-политической работы в Красной Армии

(Краткая запись обсуждения проекта директивы на Главном военном совете Красной Армии 4 июня 1941 г.)⁵⁷

Тимошенко⁵⁸. Много мелочей в Директиве. Повторения. Вводная часть велика. Объединить вместе с директивой о политучебе красноармейцев.

Жданов⁵⁹. Обе директивы объединить. Не обременять документ опросами партийного хозяйства, работой среди жен начсостава. Построить директиву: 1) Почему нам нужен другой характер пропаганды. Идет война. Сказать, почему погибла Франция и победила Германия. Развенчать легенду о непобедимости германской армии. 2) Возросла мощь СССР. Об этом было сказано, когда мы шли на Румынию. Мы стали сильнее, можем ставить более актуальные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики. 3) Между миром и войной — один шаг. Вот почему наша пропаганда не может быть мирной. Пропаганда должна иметь соответствующие темпы. Мы не можем сейчас планировать политучебу на 2 года и иметь политучебник, который будет изучаться 2 года. Армию нужно держать в готовности в любой момент. Отсюда задача так перестроить пропаганду, чтобы она соответствовала новым задачам. Надо насытить директиву содержанием, если хотите, надо дать шпаргалку. Раскрыть существо о войне и политике.

Буденный⁶⁰. Объединить обе директивы. Директива ругает за пацифизм, за мирный дух в пропаганде. Но кого она ругает? Нас нужно за это ругать. Ведь мы так направляли пропаганду. В директиве нужно сказать, что и как, разъяснить. Об изучении сопредельных стран надо сказать по каждой стране, например, по Англии, Турции и т. д.

Жданов. Перехода от одной политики к другой нет. Еще Ленин говорил во время Первой мировой войны в статье «О лозунге Соединенных штатов Европы», что в случае необходимости победивший пролетариат высту-

пит даже с военной силой против капиталистических государств. Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Мы теперь лишь лозунг меняем. Мы приступили к реализации ленинского тезиса.

Маленков⁶¹. Поворот в пропаганде, а не в политике. В документе надо дать ответы на все вопросы по существу, объяснить все вопросы, чтобы оказать конкретную помощь в пропаганде, все ваше разъяснение, которое вы даете в проекте директивы, это цитата из Ленина о том, что мы схватим весь капитализм за шиворот. Документ примитивно изложен, как будто бы завтра мы будем воевать.

Жданов. Тогда будет непонятно, почему мы маневрируем в дипломатии, если мы завтра собираемся воевать. А мы печатаем в «Красной звезде» о сборах начсостава запаса. Поворот в пропаганде, а не в политике.

Тимошенко. Составить одну директиву. Особо дать указание к тематике политзанятий. Документ должен создать поворот в политической пропаганде. Проект директивы обсудить на следующем заседании Главного военного совета.

Жданов. ЦК составляет по этому же вопросу директиву для всей партии. Я дам указание агитпропу ЦК, чтобы вместе с вами сделали вводную часть или чтобы вам дали вводную часть, подготовленную в ЦК. Весь документ надо будет обсудить в Политбюро».

Ход дискуссии о новой директиве, в которой участвовали ближайшие помощники Сталина, как и другие приведенные здесь свидетельства, позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз много лет готовился к идеологически обусловленной наступательной войне. Высказывание Жданова в этом обсуждении однозначно: «Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Мы теперь лишь лозунг меняем. Мы приступили к реализации ленинского тезиса».

Высказывание Ленина, на которое ссылается Жданов, звучит так: «Неравномерность экономического и по-

литического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»⁶².

Начиная с сентября 1939 г. Советский Союз был готов начать реализовывать свою идеологически обусловленную экспансионистскую политику силой оружия, как об этом заявил Жданов в процитированном выше выступлении на совещании 4 июня 1941 г.: «Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики».

Целью было «схватить капитализм за шиворот», как это сформулировал Маленков в приведенной выше цитате.

Однако новое направление пропаганды уже не получилось воплотить в жизнь, потому что через три недели после вышеупомянутого обсуждения Германия напала на своего бывшего союзника. Катастрофическим образом выяснилось, что Советский Союз практически не в состоянии вести оборонительную войну на своей территории. Подготовка к ней выглядела в глазах Сталина, нацеленного на агрессивную войну, как поражение.

Возникает вопрос, когда Сталин собирался напасть на Германию, потому что весной 1941 г. речь могла идти только о государстве под управлением национал-социалистов. Но в 1941 г. не могла планироваться война против Германии, так как Красная Армия не была готова к военному конфликту с таким сильным противником, как вермахт. Указание на возможную дату нападения можно найти в уже процитированном высказывании Жданова от 4 июня 1941 г., обосновывавшем смену прежней «пацифистской» пропаганды пропагандой наступательной войны: «Пропаганда должна иметь соответствующие

темпы. Мы не можем сейчас планировать политучебу на 2 года и иметь политучебник, который будет изучаться 2 года».

Это замечание можно истолковать как указание на то, что Сталин запланировал нападение на Германию в течение ближайших двух лет. Жданов был ближайшим доверенным лицом Сталина и занимался разработкой директивы по его поручению. Но его замечание может рассматриваться только как свидетельство в пользу этого, но не как доказательство даты запланированного нападения. Не исключено, что у Сталина не было запланировано точной даты нападения, он ждал удобной ситуации⁶³.

Здесь необходимы дальнейшие исследования.

Информированность Гитлера о советских военных приготовлениях и тезис о «превентивной войне»

Советские приготовления к агрессивной войне, несмотря ни на что, не являются доказательством так называемого тезиса о «превентивной войне» согласно которому Гитлер напал на Советский Союз, чтобы предупредить предстоящее советское нападение⁶⁴.

Во-первых, летом 1941 г. Красная Армия была не в состоянии вести наступательную войну. И во-вторых, немецкая сторона не имела представлений о состоянии Советских вооруженных сил, не говоря уже об идущей на высоких оборотах подготовке к агрессивной войне.

Гитлер и его генералы недооценили не только военную мощь и потенциал Советского Союза, но и боеспособность Красной Армии, что было неудивительно ввиду собственных ошеломляющих военных успехов и советских неудач в войне с Финляндией. Когда Гитлер решал напасть на Советский Союз, он исходил из того, что вермахт разобьет Красную Армию в течение нескольких недель⁶⁵.

В первые недели «восточного похода» казалось, что ожидания быстрой победы сбудутся. Девятого июля

1941 г. Гитлер сказал Геббельсу, что «война на Востоке в основном выиграна. Нам еще предстоит ряд тяжелых боев, но вермахт не даст Красной Армии оправиться от прежних поражений»⁶⁶. Но вскоре настроение в ставке фюрера резко изменилось. Первого августа Геббельс заносит в дневник: «Открыто признается, что в оценке советских боевых сил что-то было ошибочным. Большевики оказывают более сильное сопротивление, чем мы предполагали, и в первую очередь материальные возможности, которыми они располагают, оказались больше, чем мы думали»⁶⁷.

Несколькими днями позже, 10 августа 1941 г., Геббельс фиксирует: «Понадобятся еще более тяжелые и кровавые бои, прежде чем Советский Союз падет раздавленным»⁶⁸. В августе 1941 г. победная эйфория окончательно испарилась в ставке фюрера. Как пишет Геббельс, Гитлер так переживал военные события на Востоке, что перенес тяжелое расстройство желудка, которое Геббельс политически корректно именуется «приступом дизентерии». Геббельс продолжает: «Понятно, что военные события последних недель на Востоке сделали его (Гитлера. — *Б.М.*) таким раздраженным. <...> Военных трудностей такого объема мы не ожидали. Последние четыре недели были исключительно плохим временем»⁶⁹. Вскоре, 19 августа 1941 г., Геббельс заносит в дневник: «Стало очевидно, что мы полностью недооценили советскую ударную силу, и прежде всего вооружение советских армий. Мы даже близко не имели представления о том, чем располагают большевики. Отсюда и ошибочные оценки. Например, фюрер оценивал число советских танков в 5000, в то время как у них их было 20 000. Мы думали, что у них около 10 000 самолетов; в действительности у них было 20 000. <...> Возможно, это хорошо, что у нас не было ясной картины потенциала большевиков. Возможно, мы бы тогда побоялись взяться за решение все равно ставшего когда-нибудь неотложным вопроса о Востоке и большевиках. <...> Фюрер внутренне очень раздражен на себя за то, что он дал ввести себя в заблуждение сообщениями из Советского Союза»⁷⁰.

В действительности Советские вооруженные силы располагали в июне 1941 г. более чем 25 500 танками, 18 700 самолетами и 5 774 000 солдат⁷¹. Гитлер и его генералы не только не имели реального представления о военном потенциале Советского Союза, но и не знали о том, что советские военные приготовления осуществляются с такой большой скоростью. Они не видели общей картины и недооценили своего противника «полностью», как это формулирует Геббельс.

Немецкое нападение на Советский Союз, и в этом нет никакого сомнения, было заранее подготовлено и обусловлено не военно-стратегически, а идеологически. Гитлер был всю жизнь одержим идеей того, что история означает борьбу за «жизненное пространство» по законам «расового» детерминизма. Уже в двадцатые годы он критиковал проводившуюся до того немецкую политику, которую он именовал «политикой границ», за близорукость и несоответствие времени. Он сам высказывался за «политику пространства», под которой понимал завоевание «жизненного пространства» для немецкого народа в Восточной Европе⁷².

После прихода к власти в 1933 г. Гитлер сделал идею «жизненного пространства» государственной идеологией новой Германии. Третьего февраля 1933 г. он таким образом объяснил немецким генералам цель вновь создаваемого вермахта: «Захват жизненного пространства на Востоке и его безоглядное германизирование»⁷³. Еще десятью годами раньше, в 1923 г., Гитлер писал: «Мы, национал-социалисты, должны без оглядки отстаивать свои внешнеполитические цели, а именно — обеспечить немецкому народу предназначенную ему от рождения землю на этой планете. И эта цель — единственное, что перед Богом и нашим немецким будущим оправдывает пролитие крови. <...> Когда мы сегодня говорим о новых территориях в Европе, то можем иметь в виду только Россию и подвластные ей страны»⁷⁴.

Во время беседы со своими ближайшими сотрудниками 16 июля 1941 г. Гитлер указал, что война с Советским Союзом служит исполнению окончательной задачи:

«Принципиально <...> речь идет о том, чтобы удобным образом разрезать гигантский пирог, так чтобы им, во-первых, овладеть, во-вторых, управлять, а в-третьих — его использовать. <...> Из завоеванных восточных районов мы должны сделать райский сад; они для нас жизненно важны» .

На европейскую историю XX века повлияли две тоталитарные и преступные системы — советский коммунизм и немецкий национал-социализм. Хотя они были в основе разными, обе отмечены массовыми преступлениями, жертвами которых пали миллионы человек, и идеологически обусловленными экспансиями, проводившимися силой оружия. Оба государства вместе начали в сентябре 1939 г. Вторую мировую войну; через двадцать два месяца позже Германия напала на СССР.

Германо-советская война была запрограммирована идеологиями обеих сторон. Гитлер видел в советских территориях будущее «жизненное пространство» для немецкого народа, предпосылки для германского мирового владычества. Сталин, в свою очередь, рассматривал Германию как ключ к владычеству над Европой и миром. Советский Союз рассчитывал захватить и советизировать Европу с помощью германского экономического и человеческого потенциала. Германо-советская война принесла Гитлеру тотальное поражение, а Советскому Союзу возможность распространить свою власть и коммунистическую систему до Эльбы — и нимб освободителя от фашистской диктатуры.

*Перевод с немецкого
Дмитрия Хмельницкого.*

Примечания

¹ Записка Семена Буденного Клименту Ворошилову, без даты, предположительно 1933 г.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 74, оп. 2, д. 97, л. 145.

² См.: *Norman Davies. White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War 1919—1920 and «The Miracle on the Vistula».* London, 2003.

³ «Правда», № 56, 15 марта 1923, опубликовано в: *И. Сталин. Сочинения.* Том 5, 1921—1923. Москва, 1947. С. 160—180, 167 (выделено автором).

⁴ «Грядущая германская революция и задачи РКП». Тезисы доклада товарища Зиновьева на Пленуме ЦК РКП 22 сентября 1923: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 139, л. 22—30, обратная сторона (выделено автором).

⁵ Там же.

⁶ Ответ Сталина на письмо Августа Тальхаймера 20.09.1923: РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 139, л. 18.

⁷ Записка Гусева Зиновьеву 1923 г. (без точной даты): РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 139, л. 32.

⁸ Запись Г. Лаутера о разговорах с Феликсом Дзержинским в последние три месяца перед смертью Дзержинского в июле 1926: РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 403, л. И—14. После 1927 г., когда Польша все-таки не напала на СССР, советские вожди заявляли, что Польша наверняка нападет в 1930 г. В конце 1930 г. они «переложили» польское нападение на 1932 г. См.: Письмо Сталина Менжинскому конца 1930-го, опубликовано в: Stalin, Briefe an Molotow, 1925—1936, hrsg. von Lars T. Lih/Oleg Naumow/Oleg Chlewnjuk, Berlin, 1996. S. 212 f. Предположение, что Польша в 1926, 1927, 1930 или 1932 гг. готовила войну против СССР, лишено всяких оснований. Если бы доказательства этому существовали, то они бы были наверняка опубликованы советскими историками и коммунистическими историками в Польше, чтобы дискредитировать польское предвоенное правительство. Польша со времен Рижского мира 1921 г. не предъявляла СССР никаких территориальных претензий.

⁹ Stalin an Molotov, 1.09.1930, опубликовано там же, с. 226.

¹⁰ Там же.

¹¹ Решение Политбюро от 15 сентября 1930 г. Там же, с. 227. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 31.

¹² См.: Михаил Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. Москва: Эксмо, 2000. С. 358 (таблица 30).

¹³ См.: там же. С. 600, 349 (таблицы 27 и 28).

¹⁴ См.: там же. С. 601; Richard Overy. Russlands Krieg 1941—1945. Reinbek bei Hamburg, 2003. S. 45.

¹⁵ См.: Михаил Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина... С. 359 (таблица 31). С. 600.

¹⁶ Подробнее см.: Roger R. Reese, Stalin's reluctant soldiers. A social history of the Red Army, 1925—1941. Kansas, 1996.

¹⁷ См.: Вадим Абрамов. СМЕРШ. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. Москва, 2005. С. 45—58.

¹⁸ Подробнее см.: Paweł Wieczorkiewicz. Łańcuch Śmierci. Czystka w Armii Czerwonej 1937—1939. Warszawa, 2001. S. 31—91.

¹⁹ См.: там же. С. 892.

²⁰ См.: там же. С. 908. К дискуссии о количестве жертв сталинского террора в Вооруженных Силах см.: там же, с. 897—921.

²¹ См.: Overy. Russlands Krieg. S. 61.

²² См.: *Wieczorkiewicz. Łańcuch Śmierci...* S. 1078 f.

²³ См.: *Overy. Russlands Krieg*. S. 61.

²⁴ См.: *Wieczorkiewicz. Łańcuch Śmierci. S... 1077—1092.*

²⁵ См.: там же. С. 1070 f.; см. также: *Sally W. Stocker. Toenerner Koloss ohne Kopf: Stalinismus und Rote Armee*, in: *Bianka Pietrov-Enker (Hrsg.), Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion*. Frankfurt a. 2000. S. 148—169.

²⁶ См.: Приказ НКО СССР «Об авариях в Военно-воздушных силах Красной Армии» от 20 апреля 1938 г.: «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». Москва, 2004. С. 490, с. 41—50.

²⁷ См.: Протокол заседания Главного военного совета Красной Армии 16—17 мая 1941. Там же. С. 202—237, здесь: с. 202.

²⁸ См.: Приказ НКО СССР «Об авариях в Военно-воздушных силах Красной Армии» от 4 июня 1939 г. Там же. С. 237—249.

²⁹ Например, в РГАСПИ хранятся многочисленные записки Семена Буденного, в которых он жалуется Ворошилову на недостаточное вооружение, а также на плохое, иногда катастрофическое обеспечение лошадей и солдат своих кавалерийских частей (РГАСПИ, ф. 74, оп. 2, д. 97). В апреле 1938 г. военные требовали поставлять лучшие гусеницы для танков, поскольку существующие надо было менять уже через 1000—1500 км. См. протокол заседания Главного военного совета Красной Армии от 20 апреля 1938: «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». Москва, 2004. С. 490. С. 36—41.

³⁰ См.: Архив Комитета обороны при Совете народных комиссаров СССР 1927: ГАРФ, ф. Р-8418, оп. 1. Комитет обороны занимался вопросами подготовки к войне.

³¹ Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД 1937—1938, под ред. В.Н. Хаустова / В.П. Наумов / Н.С. Плотников. Москва, 2004. С. 352—359.

³² См. там же. С. 373, 500—505. Всего в рамках «польской операции» было арестовано более 150 000 человек, половина из них в итоге была расстреляна. См. *Nikita Pietrow. Polska operacja NKWD*, in: *Karta 1993 (u)*. S. 24—44; *Aleksander Gurjanov. Sowietische represje wobec Polakow i obywateli polskich w latach 1936—1956 w świetle danych sowieckich*, in: *Europa Niepro-wincjonalna. Przemiany na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej (Białorus, Litwa, Łotwa, Ukraina, wschodnie pogranicze III Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1772—1999)*, hrsg. von Krzysztof Jasiewicz. Warszawa/London, 1999. S. 972—982.

³³ См.: *Ślawomir Dębski. Miedzy Berlinem a Moskwa. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939—1941*. Warszawa, 2003. S. 55—88.

³⁴ Цит. по: «Зимняя война»: работа над ошибками, апрель — май 1940 г. Материалы комиссии Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. Москва, 2004. С. 3.

³⁰ См.: *Ślawomir Dębski. Miedzy Berlinem a Moskwa...* S. 89—124.

³⁶ Запись от 7.09.1939. См.: *Georgi Dimitroff*. Tagebuecher 1933—1943, hrsg. von Bernhard H. Bayerlein. Berlin, 2000. S. 273 (выделено в оригинале).

³⁷ См. «Зимняя война».

³⁸ Запись от 27.03.1940. Bayerlein (Hrsg.), Dimitroff. S. 295 f.

³⁹ Запись от 28.03.1940. Там же. С. 296 (выделено в оригинале).

Перевод с немецкого издания. Запись от 7.11.1940. Там же. С. 315 (выделено в оригинале).

⁴¹ Протокол заседания № 3 Главного военного совета Красной Армии от 8 мая 1941 г. «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». С. 303—307, здесь: с. 304. Приказ НКО №30 о военно-политической подготовке армии к 1941 г. был издан 21 января 1941 г.

⁴² См.: Протокол заседания № 1 Главного военного совета Красной Армии от 15 апреля 1941 г. Там же. С. 296.

⁴³ См.: там же. С. 298.

⁴⁴ См.: *Мельтюхов*. Упущенный шанс Сталина... С. 348.

⁴⁵ См.: Сообщение секретаря Брестского областного комитета партии Т. Новиковой ЦК ВКП(б) от 19.07.1941: РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 480, л. 27—33.

⁴⁶ См.: Протокол допроса полковника Ниципировича, бывшего командира 208-й моторизованной дивизии от 15 сентября 1942 г.: Национальный архив республики Беларусь (НАРБ), ф. 3500, оп. 4, д. 89, лл. 3—16; Ниципирович был в 1943 г. арестован и расстрелян. См.: *Иринархов Р.С.* Западный особый. Минск, 2002. С. 48, 55, 683, 694.

⁴⁷ См., напр.: *Stocker B.* Toenerner Koloss. S. 166; *Иринархов*. Западный особый. С. 62, 69—79.

⁴⁸ *Paweł Wiczorkiewicz*. Sojusznicy i rywale. Uwagi o stosunkach sowiecko-niemieckich w latach 1939—1941, in: Europa a Rosja. Przeszłość, teraźniejszość, przyszłość, hrsg. von Jan Gancewski / Jan Sobczak. Elblg, 2005. S. 499—510, hier S. 509.

⁴⁹ Доклад наркома обороны СССР С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Красной Армии Г.К. Жукова Сталину от 10 июня 1941 г.: «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». С. 491.

⁵⁰ Подробнее о планах и дискуссиях об этом см.: *Мельтюхов*. Упущенный шанс Сталина. С. 370—414.

⁵¹ Ср. напр.: *Catherine Merridale*. Ivan's war. The Red Army 1939—1945. London, 2005. S. 72—93.

⁵² Запись от 28.03.1940: Bayerlein (Hrsg.), Dimitroff, S. 296 f.

⁵³ Запись от 5.05.1941. Там же. С. 379—382, здесь: с. 381.

⁵⁴ Там же, здесь: с. 382 (выделено в оригинале).

⁵⁵ Комментарий Сталина на предложение Сергея Гусева (см. выше) в случае революции в Германии атаковать Польшу в районе нынешней

Зап. Украины и оттуда пробиваться в направлении Чехословакии (1923): РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 139, л. 32. Замечание Сталина было опечатано в количестве пяти экземпляров.

⁵⁶ Запись от 5.05.1941. См.: Bayerlein (Hrsg.), Dimitroff, S. 279—382, hier S. 382 (выделено в оригинале).

⁵⁷ См.: «Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г. Документы и материалы». С. 490.

⁵⁸ Семен Тимошенко (1895—1970), Маршал СССР (1940), май 1940 — июль 1941 — нарком обороны СССР.

⁵⁹ Андрей Жданов (1896—1948), член Главного военного совета Красной Армии (23.07.1940—23.06.1941), высший партийный функционер, 1934—1948 — секретарь ЦК ВКП(б), 1938—1941 — руководитель отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).

⁶⁰ Семен Буденный (1883—1973), Маршал СССР (1935), 1924 — инспектор кавалерии, 1937 — командующий Московским военным округом, член Главного военного совета, 1939—1941 — заместитель наркома обороны СССР (с марта 1940 г. — первый заместитель).

⁶¹ Георгий Маленков (1902—1988), член Главного военного совета (24.07.1940—23.06.1941), высший партийный функционер, 1939—1953 — секретарь ЦК ВКП(б).

⁶² «О лозунге «Соединенных штатов Европы». Lenin, Werke, Band 21. S. 342—346. Статья появилась 23 августа 1915 г. в газете «Социал-демократ», № 44.

⁶³ См.: *Wieczorkiewicz. Sojuszownicy i rywale.*

⁶⁴ В связи с дискуссией по поводу т. н. «превентивной войны» было опубликовано много работ. См., напр.: *Gerd R. Ueberschar/Lev A. Bezymenskij (Hrsg.), Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese.* Darmstadt, 1998; *Bianka Pietrow-Enker (Hrsg.) Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion,* Frankfurt a. M., 2000; *Bernd Wegner. Präventivkrieg 1941? Zur Kontroverse um ein militärhistorisches Scheinproblem,* in: Juergen Elvert/Susanne Krauss (Hrsg.), *Historische Debatten und Kontroversen im 19. und 20. Jahrhundert,* Wiesbaden, 2003. S. 206—219; *Rainer F. Schmidt. «Appeasement oder Angriff». Eine kritische Bestandsaufnahme der sog. «Präventivkrieg Debatte» über den 22 Juni 1941,* in: там же, с. 220—233.

⁶⁵ Подробно об этом см.: *Klaus Jochen Arnold. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa».* Berlin, 2005. S. 62—74.

⁶⁶ *Die Tagebücher von Joseph Göbbels, hrsg. von Elke Fröhlich, Teil II, Diktate 1941—1945, Bd. I.* München u. a. 1995. S. 35.

⁶⁷ Там же. С. 161.

⁶⁸ Там же. С. 208.

⁶⁹ Запись от 19 августа 1941. Там же. С. 258.

⁷⁰ Там же. С. 259 ff.

⁷¹ См.: Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. С. 446, 601.

⁷² См.: *Adolf Hitler. Mein Kampf*. München 1940, u. a. S. 741—743; Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahre 1928. Eingeleitet und kommentiert von Gerhard L. Weinberg, Stuttgart, 1961, u. a. S. 78 f., 163.

⁷³ Aufzeichnungen von Gen. D. Inf. a. D. Liebemann, in: Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 2 (1954), S. 435.

⁷⁴ *Adolf Hitler. Mein Kampf*, 661—665. Aufl. München, 1942. S. 739, 742.

⁷⁵ Aufzeichnungen Bormanns über ein Gespräch Hitlers mit seinen Mitarbeitern über die Ziele im Krieg gegen die UdSSR, 16. Juli 1941, in: IMT, Bd. 38, S. 88; Vom Generalplan Ost zum Generalsiedlungsplan, hrsg. von Czesław Madajczyk. München u. a. 1994. S. 61—64.

«ЛЕТНИЕ МАНЕВРЫ»
КРАСНОЙ АРМИИ 1941 ГОДА
ПЛАН ЖУКОВА И ОПЕРАЦИЯ «БАРБАРОССА»

«Проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.

«Произвести скрытое отобилизование войск под видом учебных сборов запаса.

Под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования».

*Из плана нападения маршала Жукова
от 15 мая 1941 г.¹*

Летом 1941 года немецкие войска перешагнули границу Советского Союза. Началась операция «Барбаросса». Причиной нападения немецкая сторона объявила

* Штефан Шайль (Stefan Scheil) — род. в 1963 г., доктор философии, историк и публицист. Живет в Германии. Основные книжные публикации: «Fünf plus Zwei — die europäischen Nationalstaaten, die Weltmächte und die vereinte Entfesselung des Zweiten Weltkriegs», Berlin 2003, 3. Aufl. 2006.; «1940/41 — Die Eskalation des Zweiten Weltkriegs», München 2005; «Legenden, Gerüchte, Fehltritte — ein Kommentar zur 2. Auflage der Wehrmachtsausstellung des Hamburger Instituts für Sozialforschung, Graz 2003; «Logik der Mächte — Europas Problem mit der Globalisierung der Politik, Überlegungen zur Vorgeschichte des Zweiten Weltkrieges, Berlin 1999; Die Entwicklung des politischen Antisemitismus in Deutschland zwischen 1881 und 1912, Eine wahlgeschichtliche Untersuchung, Berlin 1999.

многочисленные советские нарушения заключенных в 1939 г. договоров, коммунистическое проникновение в Европу, советские требования, переданные в ноябре 1941 г. министром иностранных дел Молотовым, которые вели к стратегической капитуляции Германии, и, наконец, текущие военные приготовления СССР. Решающим ключевым понятием стало в конечном счете «превентивное нападение», очень сильный раздражитель для тех, кому за техническим в первую очередь термином, описывающим мотивы нападения, чудится моральное оправдание всего того, что произошло во время этой войны. Однако случившееся в эту самую кровавую из всех земных войн нельзя оценивать подобным образом. Сформулированный Клаузевицем закон об эскалации войн и военных методов, обусловленный обеими сторонами, действовал между 1941 и 1945 годами особенно очевидным, а в начале войны и малопредсказуемым образом. Независимо от этого можно проследить, как операция «Барбаросса» вырастала из становившейся все более безнадёжной стратегической ситуации Германии, но одновременно была связана с конкретными советскими приготовлениями к собственному нападению.

Немецкие солдаты верили в то, что участвуют в превентивной войне, тем более что вскоре после нападения они на собственном опыте убедились в масштабах русских военных приготовлений, скрытых до тех пор угрожающим полумраком.

Сегодня эта тема обсуждается серьезнее, чем когда-либо. Тезис о превентивной войне — это не только предмет политической полемики, как это стало очевидным в недавней атаке профессора Рольфа-Дитера Мюллера на автора этих строк в форме обсуждения его книги в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг»². В результате находок новых источников тезис о том, что немецкое нападение лишь опередило советское, подтверждается все более детально.

Не так давно был, как известно, найден план нападения от 5 мая 1941 г., составленный начальником Гене-

рального штаба Жуковым, который, судя по плану, хотел в течение 30 дней оказаться в Верхней Силезии и боялся, что вермахт может упредить советские действия³. Красная Армия действительно находилась в готовности к нападению; об этом пишет профессор Бернд Бонвеч, нынешний директор Немецкого Исторического института в Москве: приказ к нападению «мог бы быть отдан начиная с 10 июля 1941-го — если бы Сталин действительно хотел его дать, и он был бы отдан, если бы Гитлер не опередил его собственным приказом о нападении»⁴.

Это одна сторона дела. С другой стороны, подвергалось и подвергается сомнению то, что нацистское руководство знало об этих советских приготовлениях и воспринимало их как серьезную угрозу. Но и это было доказано. Военная угроза СССР, которая висела «как грозная туча на горизонте»⁵, нашла выражение в многочисленных высказываниях Гитлера. То, что Красная Армия устроила по ту сторону границы, он считал «самым большим развертыванием войск в истории»⁶. Гитлер наилучшим образом подготовился к нападению и чем быстрее напал бы Советский Союз, тем было бы лучше, упрямо замечал по поводу советско-югославского договора от 6 апреля 1941 г.⁷. В конечном счете, нечто подобное обнаруживается даже в сообщениях советских агентов из немецкой правящей верхушки: «Гитлер — инициатор плана нападения на Советский Союз. Он считает, что превентивная война против СССР необходима, чтобы не попасть в ловушку более сильного врага»⁸.

Это сообщал в Москву советский агент под псевдонимом Doyan 14 апреля 1941 г., через восемь дней после того, как Гитлер говорил с Геббельсом о предстоящем нападении на Россию. Все это, как и многие другие данные, позволяет предположить, что нападение на СССР вполне могло стать средством самозащиты. Самое интересное в процитированном только что высказывании Гитлера — это сделанное в первую очередь в связи с началом войны и ролью вермахта ясное и точное указание на источник инициативы: Гитлер — инициатор. Это было его решение — напасть на Советский Союз. Поэтому совершенно необходимо выяснить, давала ли получаемая Гитлером

информация возможность обосновать такое решение или нет. Сам Гитлер был того мнения, что советское правительство через специального посланника Крипса дало понять о своем намерении вступить в войну на английской стороне⁹.

Уже летом 1940 г. на германо-советской границе происходило нечто странное. В то время как в Западной Европе англо-французские войска на побережье проливов начинали отступление, передовые позиции Красной Армии на Украине заполнялись войсками. О причинах stationирования на западной границе такого большого количества войск советские власти, как обычно, давали уклончивые объяснения. Сначала, до того как в связи с этим была найдена формулировка «летние маневры», говорилось о принятии мер безопасности. Немецкая разведка обнаружила на Украине семьсот тысяч красноармейцев. Удивленное немецкое правительство поручило послу Шуленбургу получить в Москве объяснения на этот счет. После встречи с министром иностранных дел Молотовым Шуленбург в очередной раз удовлетворился очередной советской интерпретацией и успокоил «отдел иностранных армий Восток» объяснением, которое не смогло убедить сотрудников отдела:

«Согласно объяснению Молотова немецкому послу имеют место только предохранительные мероприятия защитного характера. Однако, идет ли тут речь действительно о защитных мероприятиях или о сосредоточении крупных сил для нападения, определить пока невозможно»¹⁰.

В тот момент, когда бои в Европе достигли своей кульминации, такая советская интерпретация выглядела оригинально. Это были дни Дюнкерка. Английские войска как раз начинали отступление, а немецкие готовились ко второй части похода на запад. Европейские державы концентрировали свои войска более чем в тысяче километров от советской границы. Против кого советское командование сконцентрировало в эти дни три четверти миллиона солдат с «защитной» целью, как доверчиво сообщил об этом Шуленбург, осталось тайной. Но и без того вскоре выяснилось, что всего месяцем поз-

же защитные мероприятия положили начало шантажу Румынии, которая должна была согласно советскому желанию уступить Бессарабию и Буковину. То, каким образом советский министр иностранных дел, а в тот момент и глава правительства обманывал немецкого посла, которого он согласно условиям германо-советского договора о дружбе обязан был консультировать во всех вопросах, касающихся взаимных отношений, уже в 1940 году не давало повода надеяться на лучшее.

Эта же ситуация повторилась годом позже. Когда начальником Генерального штаба Жуковым был заново разработан план сокрушительного удара по немецким войскам в Польше, необходимые для этого войска выдвигались в рамках мнимых летних маневров. Информационное агентство ТАСС официально объявило об этих маневрах, и даже Вячеслав Молотов настаивал в первой реакции на немецкое нападение на «летних маневрах» как мотиве советского выдвижения¹¹. Интересно, что это коммюнике ТАСС было впоследствии определено как «дезинформация» командиром Московского военного округа. Под прикрытием этой дезинформации можно было чувствовать себя спокойно, и не без оснований. С весны в Германию проникали сообщения о том, что предполагаемые «маневры» Красной Армии в приграничных районах на самом деле есть «замаскированное выдвижение для нападения на Германию». Это была версия, которая и после начала войны еще долго оставалась предметом анализа немецкой стороны, анализа того, как проводилась в деталях советская подготовка к войне, в том числе и с точки зрения простых солдат:

«Только одно постепенно становится ясно даже дуракам: правительство Сталина ведет двойную игру. С одной стороны, оно говорит о мире и заключает пакт с Гитлером, с другой стороны, ясно дает понять политрукам: военное столкновение между национал-социализмом и большевизмом неизбежно потому, что обеим системам нет места рядом... Начинаются большие передвижения войск. Цель: новые маневры! Ни у кого нет объяснений, и политрук молчит»¹².

И тем не менее высшее руководство вермахта весной 1941 г. скептически относилось к тому, что касалось сообщений о замаскированном под маневры советском нападении, хотя эта возможность и обсуждалась. «Невероятно», чтобы Красная Армия хотела напасть, отметил Федор фон Бок, но он постоянно фиксировал и дальнейшие военные мероприятия Красной Армии на границе и даже двумя неделями позже дошел до того, что запросил приказ о том, что «в случае русского нападения следует удерживать границу и необходимые для этого силы следует разрешить придвинуть ближе к границе»¹³. Но он все еще считает нападение маловероятным. Так что самодовольство в Красной Армии по поводу, казалось бы, удавшихся маскировочных маневров было не совсем неоправданным :

«Да, мы, особенно высшие военные круги... знали, что война не за горами, стучится у наших ворот. И все же, надо честно признать, дезинформация вроде вышеприведенного опровержения ТАСС, настойчивая пропаганда того, что «если завтра война, если завтра поход, мы сегодня к походу готовы», привела к некоторой самоуспокоенности»¹⁴.

Эта кампания выражалась в множестве отдельных мероприятий, из которых здесь могут быть названы лишь некоторые:

— 13 мая в военные округа было передано указание выдвигать войска на запад из внутренних округов... Всего в мае перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления.

— Иностранцам и советским гражданам, которые не проживали в приграничных районах, были запрещены поездки в приграничные районы.

— В конце мая Генеральный штаб приказал командующим приграничными округами «немедленно организовать командные пункты» и занять их до конца июня.

— Полевые командные пункты в Паневежисе, Обус-Лесне, Тарнополе и Тирасполе должны были быть заняты 21 и 25 июня¹⁵.

В полном виде приказ на развертывание для плани-

ровавшегося южного участка фронта содержится в «Приказе Народного комиссара обороны и начальника Генерального штаба Красной Армии командующему войсками Киевского специального военного округа»¹⁶. Входящие в него войска получали задание:

«По указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома группировки противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»¹⁷.

Формулировка соответствует плану Жукова. В соответствии с ним этой группировке придавалась дальнебомбардировочная авиация, в чьи задачи входит разрушение железнодорожных узлов Бреслау, Оппельн и Кройцбург¹⁸. По представлениям Жукова, наземные войска в течение тридцати дней должны были достигнуть Оппельна. Подобные планы разрабатывались еще в тридцатые годы. Практически во всей центральной и восточной Германии уже давно были намечены цели для бомбовых ударов, как это явствует из документов, захваченных во время русской кампании:

«Главному командованию Военно-воздушных сил 22 апреля 1942 года.

...В качестве трофеев захвачено большое число советских документов с обозначением целей, которые относятся к 1937—1940 годам. Большая часть документов относится к 1937 г. На данный момент имеются документы по следующим городам: Лейпциг, Бранденбург, Бойтен, Варнемюнде, Цоссен, Гюстров, Гера, Дойтче-Эйлау, Котбус, Кюстрин, Киль, Кройтц, Козел, Лауххаммер, Лаута, Магдебург, Нойруппин, Нойбранденбург, Нинхаген, Халле, Целле, Штаргард, Эрфурт, Элбинг.

Для каждого из городов имеется от 2 до 8 карт в масштабе от 1:100000 до 1:25000 с напечатанными по-русски обозначениями важнейших районов и близлежащих населенных пунктов, далее специальные карты, частично на русском, в основном с расположением аэродромов, а также репродукции воздушных снимков мостов, теплоэлектростанций, военных заводов, аэродромов и портовых сооружений. Важные военные и военно-экономические объекты на картах обведены и пронумерованы.

К большинству документов прилагаются отпечатанные подробные описания целей. Весь этот материал — однозначное подтверждение военных приготовлений Красной Армии в 1937 г.»¹⁹.

Так что необходимые силы на советской стороне уже стояли и были готовы начать немецко-русский конфликт военным ударом. То, что Военно-воздушные силы Красной Армии должны были при этом сыграть ключевую роль, было отмечено немецкими военными наблюдателями осенью 1940 г. в рамках сообщения о маневрах. Советские воздушные силы, вероятно, наученные неудачами финской войны, теперь готовились к поражению новых целей в «Западной Европе» совсем другим образом:

«Теперь большевики ставят перед Воздушными силами РККА совсем другие цели, нежели в советско-финской войне. Это ясно видно из сравнения задач, которые тогда ставились перед Военно-воздушными силами... с задачами, которые ставились большевиками Воздушным силам *во время последних сентябрьских маневров по воздушной защите города Киева* (так!)... Большевики быстро поняли, что окружение больших плотно населенных городов Западной Европы может принести непосредственные военные результаты, так как благодаря этому нарушается снабжение, рабочие и служащие устают, плохо спят и поэтому днем плохо работают»²⁰.

Эта угроза со стороны советских воздушных сил была отмечена несколькими неделями раньше и стала первоочередной темой при первых обсуждениях военного удара по СССР: «Разбить русскую армию или как минимум захватить столько русской территории, сколько необходимо, чтобы предотвратить вражеские налеты на Берлин и силезские промышленные районы», — так были обозначены в июле 1940 г. первые цели предполагаемой кампании²¹. Здесь защита от угрозы советских ВВС имеет даже приоритет перед победой над русскими сухопутными войсками. Только от политического руководства СССР зависело определение момента выступления против Германии. Но тут сталинский механизм принятия решений совершил грубую ошибку, провалившую всю концепцию, даже с учетом того, что Берлин все-таки

удалось захватить, не в последнюю очередь благодаря несостоятельности американского военного руководства в этом вопросе²². Хотя советское руководство могло ожидать в 1941 г. немецкого нападения, точный его момент определить было невозможно. Многие говорят за то, что Москва рассчитывала на обострение кризиса только в июле, и то с предварительными открытыми дипломатическими шагами с немецкой стороны. Возможно, в этом решающую роль сыграла немецкая военная хитрость, поскольку из Берлина дали в скрытой форме понять, что хотят в начале июля выставить новые требования²³. Если иметь в виду недостигнутые цели, сталинские результаты войны выглядели более чем скромно.

«Война скоро кончится, через пятнадцать-двадцать лет мы оправимся, а затем — снова!»²⁴ К тому времени, как Иосиф Сталин произнес процитированную выше фразу, он уже захватил, несмотря на предшествующие неудачи, всю Восточную Европу и как раз отдал приказ штурмовать Берлин. Но получилось у него не все. Совершенно очевидно, что, несмотря на все эти успехи, он достиг не всего, что собирался. То, как это должно было быть, он выдал чуть позднее другой недовольной фразой. «Царь Александр Первый дошел до Парижа», — фыркнул Сталин на одного американского генерала, который хотел поздравить его с военными победами²⁵. Немецкое нападение 1941 г. действительно было произведено настолько вовремя, что сорвало на тот момент сталинские планы захвата всей континентальной Европы. Но, как дал понять Сталин, — можно же попробовать и еще раз.

*Перевод с немецкого
Дмитрия Хмельницкого.*

Примечания

¹ Zit. n. Ueberschär, der deutsche Angriff auf die UdSSR, S. 190 f.

² Vgl. FAZ vom 22. Juni 2006: «Adolf der Friedliebende», Buchbesprechung von «1940/41 — die Eskalation des Zweiten Weltkriegs».

³ Жуков: 15. Mai 1941, см. Ueberschär, Angriff, S. 187.

Цит. по: Bonwetsch, Die Forschungskontroverse über die Kriegsvorbereitungen der Roten Armee 1941, S. 185. Bonwetsch spricht

im übrigen von russischen «Präventivkriegsabsichten» und fügt hinzu, daß eine endgültige Klärung noch aussteht.

⁵ См. Scheil, 1940/41 — die Eskalation des Zweiten Weltkriegs, S. 358.

⁶ Гитлер в разговоре с Вальтером Хевелем 8 июня 1941 г. См. Scheil, Eskalation, S. 398.

⁷ См. Goebbels, Tagebücher, Eintrag vom 6. April 1941.

⁸ Цит. по: Ueberschär, Angriff, S. 204.

⁹ См. Scheil, Eskalation, S. 203 f

¹⁰ «Nach Angaben Molotovs gegenüber dem deutschen Botschafter sollen zwar nur defensive Vorsichtsmaßnahmen getroffen worden sein. Ob es sich hierbei aber tatsächlich nur um defensive Maßnahmen oder um die Versammlung stärkerer Kräfte für einen offensiven Vorstoß handelt, läßt sich noch nicht übersehen.» Цит. по: В А-М А RH 19 III/381, S. 6, Fremde Heere Ost, 27. Mai 1940. Согласно другому сообщению, Молотов в разговоре с Шуленбургом просто отрицал присутствие советских войск в этом районе. См. ADAP, D, IX, Dok. 322, 26. Mai 1940.

¹¹ Молотов Шуленбургу 22 июня. См. Hilger, Kreml, S. 313.

¹² Цит. по: BA-MA RW 4/330, S. 15, Fremde Staaten: Rußland, Bericht über die Einstellung sowjet. Kriegsgefangener und die Indoktrination vor Kriegsbeginn, Vortrag, eingegangen am 23.12.41.

¹³ См. Bock, KTB, S. 180, 27. März 1941.

¹⁴ Цит по: Nekrich, 22. June, S. 197 f.

¹⁵ Цит. по: Werner Maser, Der Wortbruch, S. 331.

¹⁶ Документ датирован маем 1941 г. См. Heinz Magenheimer, Entscheidungskampf, S. 91.

¹⁷ В.А. Анфилов. Бессмертный подвиг. — М. 1971, с. 170—171. Zit. п. Magenheimer, Entscheidungskampf 1941, S. 91.

¹⁸ Ebd. Magenheimer, Entscheidungskampf 1941, S. 93

¹⁹ Полный немецкий текст документа:

«Der Oberbefehlshaber der Luftwaffe H.Qu., den 22. April 1942

Führungsstab Ic

Nr. 10307/42 geh. (Pol)

Betr.: Sowjetrussische Kriegs Vorbereitungen

An das

Auswärtige Amt — Pol IM — (2x)

OKW/Ausland (2x)

Hier ist als Beute eine größere Zahl sowjetrussischer Zielunterlagen angefallen, die durchweg in den Jahren 1937 bis 1940 erstellt worden sind. Die überwiegende Mehrzahl der Unterlagen stammt aus dem Jahre 1937. Unterlagen sind für folgende Städte bisher hier vorhanden:

Leipzig, Brandenburg, Beuthen, Warnemünde, Zossen, Güstrow, Gera, Deutsch Eylau, Kottbus, Küstrin, Kiel, Kreutz, Kösel, Lauchhammer,

Lauta/O.S., Magdeburg, Neuruppin, Neubrandenburg, Nienhagen, Halle, Celle, Stargard, Erfurt, Elbing.

Für jedes Stadtgebiet sind 2 bis 8 deutsche Karten im Maßstab 1:100000 bis 1:25000 mit russischen Namensaufdruck für die wichtigeren Stadtteile und umgebenden Orte vorhanden, ferner zum Teil russische Spezialkarten, insbesondere für die Lage von Flugplätzen, sowie Reproduktionen von Lichtbildern von Brücken, Kraftwerken, Rüstungswerken, Flugplätzen und Hafenanlagen. In den Karten sind militärisch und rüstungswirtschaftlich wichtige Objekte eingerahmt und nummeriert. Genaue Zielbeschreibungen liegen gedruckt den meisten Zielunterlagen bei». Zit. n. RW 4/330, S. 249.

Das gesamte Material ist ein eindeutiger Beweis für Kriegsvorbereitungen der Roten Armee im Jahre 1937. Das Material kann auf Wunsch zur Einsicht übersandt werden.

i.A.

(Unterschrift)». Цит. no. RW 4/330, S. 249.

²⁰ Цит. по: BA-MA 2/2731, S. 166, Bericht 'Fremde Heere Ost' vom 27. September 1940.

²¹ Cm. Ueberschär, Angriff, S. 220 und Haider, KTB, II, S. 33.

²² Дуайт Д. Эйзенхауэр, в то время Верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе, подарил Сталину этот успех без всякой необходимости. В марте 1945 г. он лично написал в Москву, чтобы сообщить, что он не собирается сразу атаковать Берлин, а поворачивает на юг. Сталин, «несомненно удивленный тем, что генерал обращается к главе государства, да еще и по такому серьезному вопросу», ответил, что он рассматривает Берлин как второстепенную цель. Он послал это сообщение Эйзенхауэру, но немедленно приказал Красной Армии быстро и всеми силами нанести по Берлину удар, который, собственно, был запланирован месяцем позже. Цит. по: Kissinger, Vernunft der Nationen, S. 444 f.

²³ Cm. Scheil, Eskalation, S. 416.

²⁴ Цит. по: *Milovan Djilas*, Gespräche mit Stalin, S. 147.

²⁵ Цит. no: *Kissinger*, Vernunft der Nationen, S. 424.

«ВОЙНА ГИТЛЕРА ИЗНУРИТ ЕВРОПУ, КОТОРАЯ ПОТОМ СТАНЕТ НАШЕЙ ЛЕГКОЙ ДОБЫЧЕЙ»

Зачем 23 августа 1939-го Сталин рукою Молотова подписал договор о ненападении с Германией и секретный протокол о разделе «сфер влияния» в Восточной Европе?

Затем, объяснил Виктор Суворов, чтобы Гитлер, заручившись поддержкой СССР, напал на Польшу, и тогда Британия и Франция, чтобы защитить Польшу, начнут войну против Германии. Позже, когда воюющие капиталисты обескровят друг друга, Красная Армия осчастливит народы Европы «малой кровью, могучим ударом». Поэтому, считает Суворов, СССР виновен вместе с Германией в развязывании Второй мировой войны.

Сторонники традиционной версии, согласно которой Сталин действовал из страха перед Гитлером, а не с целью большевизации Европы, встретили работы Суворова в штыки. Они требовали, чтобы он предъявил документальные доказательства намерений Сталина, — будучи уверены, что российские архивы неприступны посягателью на миролюбивую репутацию СССР.

Но версия Суворова, как известно, не основывалась на сокровищах (или пустоте) недоступных ему архивов. Суворов исследовал динамику создания подразделений Красной Армии, военное планирование, перевод экономики на военный режим, законодательство, пропаганду — и пришел к выводу, что СССР вел интенсивную подготовку к войне. И еще, к радости разведчика-аналитика, советские вожди любили делиться своими творческими планами с соратниками и обучать уму-разуму подчиненных. Поэтому о планах СССР нам известно как из свидетельств, появившихся во время изучаемых нами собы-

тий, так и из воспоминаний современников, опубликованных позже.

Подробный обзор этих свидетельств был опубликован, в частности, на страницах сборников «Правда Виктора Суворова». Отмечу только, что в 1939-м все публикации в СМИ были основаны на неназванных источниках, что вызвало спор об их достоверности: публикации могли быть антисоветскими фальшивками¹.

Из свидетельств другого рода, не предназначенных для СМИ, нужно отметить «Официальные правительственные инструкции» Москвы дипломатическим миссиям СССР, учрежденным на Балканах. «Инструкции» объясняли зарубежным коммунистам, что пакт с Германией является не более чем временным соглашением с фашизмом, позволившим СССР остаться в стороне от войны в Европе до тех пор, когда обстоятельства станут благоприятны для вмешательства. В сентябре 1939-го «инструкции» были переданы правительством Румынии британским и немецким дипломатам. Они сохранились в виде машинописных копий переводов на немецкий и французский языки. Предположительный источник этого документа — румынская разведка². Передача Румынией этого дискредитирующего СССР документа Германии и Британии вызывает, естественно, сомнение в его достоверности. Но если бы его авторство было доказано, он явился бы более сильным доказательством, чем другие, ссылающиеся на анонимные источники.

Недавно в мои руки попал интересный документ, который я считаю более заслуживающим доверия. Поскольку документ был рассекречен Национальным Архивом США еще в 1980-м, а публикуется полностью только сейчас, начну с истории его находки.

Впервые упомянул его Игор Лукес, американский историк чешского происхождения, в своей книге «Чехословакия между Сталиным и Гитлером»³. Лукес цитировал документ, полученный американским консулом в Праге в ноябре 1939-го, описывающий поездку группы местных коммунистов в Москву. Чехословакия тогда уже не существовала — Германия оккупировала Чехию

в марте 1939-го, и тогда же отделилась Словакия. Чиновник НКВД СССР сказал тогда членам делегации:

«...если бы СССР заключил договор с Западными Державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились... Окруженная Германия никогда бы не вступила в войну... Мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла, т.к. если она попадет под контроль Запада, и Польша будет восстановлена, мы будем отрезаны от остальной Европы. Настоящая война должна длиться столько, сколько мы захотим... Сохраняйте спокойствие, поскольку никогда ранее обстоятельства не были более благоприятны для нас, чем сейчас...»

Это цитата из письма, хранящегося в Национальном Архиве США, которое Ирвинг Н. Линнелл, консул США в Праге, отправил 20.11.39 госсекретарю США. В Интернете я не нашел упоминаний об этом письме и решил обратиться в архив. Но поскольку у меня, историка-любителя, нет опыта поиска в архивах, я попытался заинтересовать этим документом нескольких историков-профессионалов в США. Увы, дальше обещаний дело не дошло. А у Лукеса ксерокопия затерялась, т.к. он не придал документу особого значения: время его появления (ноябрь 1939-го) выходило из рамок исследования Лукеса о зарубежной политике Эдуарда Бенеша, ушедшего в отставку осенью 1938-го.

Поэтому в июле 2007 г. я полетел в США, и там, в Национальном Архиве, оказалось, что... Лукес ошибся в «архивном коде». Поэтому мне пришлось просмотреть более десятка катушек микрофильмов — все, что накопилось в соответствующем отделе Госдепартамента за 1930—1939 годы. После многочасового просмотра документ нашелся, и вот его правильный код (для грядущих исследователей): NA 860F/00B/106.

Я считаю нужным уже сейчас представить мою находку на обсуждение русскоязычным читателям, несмотря на то, что исследование не завершено. Я рекомендую читать эти документы в обратном хронологическом порядке: сперва письма Линнелла от 20.11.39, затем ано-

нимная записка от 17.11.39 и в конце — сам отчет от 26.10.39. Все архивные документы являются машинописью на английском языке.

* * *

№ 395

*АМЕРИКАНСКОЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО
Прага, Богемия, 20 ноября 1939 г.*

Предмет: Передача перевода анонимного письма и приложения к нему, отчета о встрече с чиновником советского правительства.

*Почтенный
Государственный Секретарь
Вашингтон*

Я имею честь передать при сем копию перевода анонимного письма, полученного этим учреждением, вместе с копией перевода приложения к нему — протокола, содержащего отчет о беседе, произошедшей, согласно написанному, между делегатами Комитета Освобождения Чехословакии и г-ном Александровым, заведующим Центрально-Европейским отделом Комиссариата Иностранных дел.

В машинописной копии протокола, полученного с анонимным письмом, имена делегатов были написаны, но вычеркнуты чернилами. Хотя некоторые имена нам удалось прочесть, они неизвестны этому учреждению, и поэтому невозможно удостоверить подлинность документа. Титул подписавшихся — «soudruh», или «товарищ». Вместе с тем, очевидны причины, по которым автор письма скрыл свое имя и имена делегатов, и перевод передается, как представляющий возможный интерес для Департамента.

*Уважающий Вас,
(подпись)*

*Ирвинг Н. Линнелл,
Американский Генеральный Консул*

Перевод анонимного письма и протокола.

*В пяти копиях Государственному Департаменту;
Копия Посольству в Берлине.*

800

KFR/ABI

* * *

Перевод⁴

Прага, 17 ноября 1939 г.

Американскому Генеральному Консульству, Прага.

В приложении вы найдете копию протокола, который я только что получил/а. Я прошу простить меня за то, что не подписал/а это письмо, и за то, что вычеркнул/а имена делегатов, упомянутых в протоколе, поскольку, если это письмо попадет в чужие руки, наша конечная судьба будет такой же, как и других представителей нашего народа, т.е. смерть под пыткой.

(Инициалы) J. L.

* * *

Перевод⁵

П Р О Т О К О Л

записан следующими членами (делегатами)

Комитета

Освобождения Чехословакии 26 октября 1939 г.:

XXXXXXXXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXXXXXXXXXX

XXXXXXXXXXXXXXXXXX⁶

Нижеподписавшиеся делегаты представляют этим отчет об их переговорах с властями Москвы и с Коминтерном. Все указанное в этом отчете — правдивые факты, подтверждаемые нашей честью.

После нашего отъезда из Праги 17 июля, мы сделали все возможное, чтобы попасть в СССР. Ввиду того, что мы пользовались незаконными путями, мы доехали до Москвы только 3 августа.

Как только мы связались с проживающими там чехословаками, мы попросили быть принятыми Сталиным и Молотовым. Хотя наша просьба была повторена, нас не приняли. Наконец 5 и 12 октября мы были приняты М. Александровым, заведующим Центральноевропейским отделом Комиссариата Иностранных Дел.

В ответ на раздражение, выраженное нами против Советско-Германского договора, нам было сказано, что это должно было произойти, т.к., если бы СССР заключил договор с западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились. Ленину удалось построить коммунизм, а Сталин, в результате его предвидения и мудрости, поведет Европу в мировую революцию. Вы — из Богемии и из остальной Европы — ошибочно пользуетесь выражением Советская Россия, в то время как на самом деле мы — СССР. Поэтому нашу деятельность следует рассматривать с этой точки зрения. Все наши государственные чиновники должны быть, прежде всего, коммунистами. По этой причине Сталин, который не русский, способен управлять государствами, в которых русские — большинство.

Что касается договора, можно указать следующее:

- 1) Он привел к войне.*
- 2) Гитлер прямо навязал нам свободу действий на Прибалтике.*
- 3) Он дал нам возможность построить Большую Украину и Белоруссию.*
- 4) Сдавшись на нашу милость, Гитлер также сдал нам и Германию, бастион в Центральной Европе.*

5) Он дал нам свободу действий в наших делах в Бессарабии и также в бывшей вашей Подкарпатской Руси.

6) Он открыл нам путь в Европу.

Мы получили следующие разъяснения по вышеупомянутым [пунктам]:

1) Окруженная Германия никогда бы не вступила в войну. Гитлер был убежден, что он одержал успех в том, что сделал в Чехословакии. Он всегда пользуется теми же методами: разделяй и властвуй. Таким образом, он настроил вас против словаков и поляков. Он воспользовался Мюнхеном, чтобы возбудить недоверие между вами и Западом. Он настроил словаков против мадяр и поляков. Он счастлив и доволен тем, что разделил СССР и Запад.

2) Все, что Великобритания отказалась дать нам, было предложено нам Гитлером, т.к. он понял суть наших переговоров с Западом. СССР был исключен из европейской заморской торговли и коммерции. Получив базы на Балтике, нам удалось получить там экономический и военный контроль. В результате его скудоумия, Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя. У нас не будет трудностей большевизировать страны Прибалтики.

3) Он предложил нам раздел Польши, который мы получили без каких-либо потерь.

4) Заключив договор с нами, Гитлер закрыл себе путь в другие страны. С точки зрения экономики он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции. Наши поставки немцам будут таковыми, что они останутся голодными.

5) План Гитлера — получить контроль над юго-восточной Европой. Когда это произойдет, мы вернем себе Бессарабию и Подкарпатскую Русь.

6) В результате экономических договоров он открыл нам маршрут в Рейх. Его война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны.

Есть только две страны, могущие перекрыть наш путь и предотвратить претворение в жизнь наших планов — это Италия и Великобритания. К счастью, англо-итало-французского блока никогда не будет. Гитлер заверил нас, что у него есть достаточно влияния и силы, чтобы контролировать Чиапо и Муссолини и предотвратить — интригой или чем-либо подобным — какое-либо сближение между Италией и Западными странами. Мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла, т.к., если она попадет под контроль Запада и Польша будет восстановлена, мы будем отрезаны от остальной Европы. Настоящая война должна длиться столько, сколько мы захотим. В случае вступления Италии в войну против Германии, конец войны будет ускорен. Японии мы не боимся. Ее ненависть к нам была сломлена Германией. Во всем остальном — благодаря нашим усилиям. Япония очень занята в Китае, и мы тратим огромные деньги, чтобы [та] война продолжалась. Сохраняйте спокойствие, поскольку никогда ранее обстоятельства не были более благоприятны для нас, чем сейчас.

В ответ на наше вмешательство по поводу наших арестованных людей, нам было сказано, что должны быть жертвы. Революция возникает из угнетения и несчастья. Чем больше принесено жертв, тем ранее [наступит] и тем более жестокой будет революция.

У нас была возможность убедиться, что режим в СССР основывается на том, что людей держат на низжайшем возможном уровне [жизни]. В результате общего впечатления, полученного там, мы пришли к заключению, что для нашей нации лучше всего будет уйти от Коммунизма и обратиться к Западным Державам — Демократиям.

(Подписано) XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXX

Письмо Линнелла с двумя приложениями дошло диппочтой до Госдепартамента в конце декабря 1939-го, было проштемпелевано несколькими чиновниками и сдано в архив в январе 1940-го. Его рассекретили 28 января 1980-го, и вскоре его уже читал Игор Лукес.

Люди, сведущие в практике дипломатической работы, сказали мне, что чешские оригиналы были, вероятнее всего, сожжены, когда Генконсульство США было эвакуировано из Праги после объявления Германией войны США в декабре 1941-го. Возможно, они были сожжены еще ранее, поскольку в оккупированной немцами Праге держать такой документ даже в сейфе Генконсульства было опасно для «товарищей», имена которых были полюбительски вычеркнуты чернилами. По той же причине американские дипломаты не могли поинтересоваться у местных коллег, известны ли тем имена этих «товарищей».

Что касается действующих лиц, мне удалось выяснить следующее:

Ирвинг Н. Линнелл (Linnell, Irving N.) — профессиональный американский дипломат. До назначения в Прагу в 1938-м он занимал должности вице-консула, консула и генконсула в Ванкувере (1916), Плимуте (1920), Лондоне (1922), Оттаве (1927), Кейптауне (1932) и Кантоне (1938).

Александр Михайлович Александров (1907—1983) — профессиональный советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1939—40 годах был заведующим Центральноевропейским отделом НКВД СССР⁷. В отчете пишется, что делегация встречалась с ним 5 и 12 октября — и известно, что 09.10.39 он был в Москве⁸.

Имена членов делегации были известны Ярославу Валенте, чешскому историку, с которым Лукес беседовал в Праге в 1990-х. Валента рассказал Лукесу, что первоначальной причиной поездки делегации в Москву в июле 1939-го было желание выяснить, почему советские радиопередачи перестали критиковать нацистскую Германию. Увы, Валента умер в 2002-м, а Лукес не придал

значения именам, названным Валентой. Лукес и я ищем сейчас чешских историков, которые могли бы осветить события, описанные в отчете от 26.10.39 г.

Я хотел бы добавить несколько соображений в пользу достоверности вышеприведенных документов:

Составители отчета готовили его не для СМИ, а для соратников по Комитету Освобождения Чехословакии. На это указывают детали доклада, важные только товарищам, пославшим их в Москву: задержка в дороге, ожидание в Москве, будущее Подкарпатской Руси, выбор между коммунизмом и демократией. Фальсификатору эти детали не были бы важны.

Бюрократическая машина Госдепартамента США сработала четко: Линнелл, как и следует дисциплинированному чиновнику, перевел полученные им анонимку и отчет и переслал их начальству — которое с должным служебным безразличием отправило их на 40 лет в архив. Об этом свидетельствуют архивные штампы того времени.

«J.L.» направил/а отчет не в СМИ, что имело бы должный пропагандистский эффект, а в Генконсульство США — представительство нейтральной страны, далекой географически и политически от воюющей Европы. «J.L.» ничего от консульства не просил/а.

Александров доверял делегатам и представился своим именем. Лукес, знакомый (по исследованиям) с советской дипломатией тех лет, удивился, узнав от меня, что это действительно имя чиновника, а не псевдоним.

Александров говорил не только о том, что было известно всем (раздел Польши), но и о событиях, которые произойдут в недалеком будущем (большевизация прибалтийских государств, аннексия Бессарабии и Подкарпатской Руси).

Интересно его сообщение о расходах СССР на войну Китая против Японии. Эти сведения были известны в то время только очень узкому кругу руководителей СССР и Китая.

Я не думаю, что можно найти что-либо в российских источниках. Архив внешней политики РФ не допустил независимого исследователя Марка Солонина к документам, могущим пролить свет на эти встречи — см. Приложение 1.

После бесед с некоторыми российскими историками я предвижу, что отрицатели роли СССР в развязывании Второй мировой войны назовут публикуемый мною документ подделкой. Поэтому я не тешу себя надеждой убедить их в достоверности анонимного отчета. Вероятно, что даже если будет найдена документальная киноплёнка, запечатлевшая ту встречу (или встречи) Александрова с делегацией из Богемии, эти отрицатели скажут, что Александров был пьян или что излагал личный взгляд на события, а не настоящие мотивы СССР к заключению договоров с Германией и планов на будущее Европы.

**ПИСЬМО ИЗ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ
И АНГЛИЙСКИЙ ТЕКСТ ТРЕХ ДОКУМЕНТОВ**

**МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

119200, г. Москва, Г-200.
Смоленская-Сенная площадь, дом 32-34
Телефон 244-16-06

18.10.2007 № 6526/07

И. №: _____ от _____

127299 Москва,
ул. Клары Цеткин, д. 18. стр. 5

ДИРЕКТОРУ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ЯУЗА»

П.М. БЫСТРОВУ

Уважаемый Павел Михайлович,

В связи с Вашим обращением о возможности предоставления доступа Солонину Марку Семеновичу к материалам Архива внешней политики Российской Федерации, необходимым для написания книги, посвященной взаимоотношениям СССР и Чехословакии в 1939 г., сообщаем, что документы, которые могут представлять интерес для автора, опубликованы в ряде документальных, сборников:

1. «Документы внешней политики, 1939 г., т. XXII», М., 1997 г.;
2. «Документы по истории мюнхенского сговора. 1937 - 1939 гг.», М., 1979 г.;
3. «История Второй мировой войны, 1939 - 1945 гг., т. 3», М., 1973 г.;
4. «Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937 - 1939 гг., т. 2», М., 1981 г.;
5. «СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. - август 1939 г.)», М., 1971 г.;
6. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, 1917 - 1945 гг.», М., 1980 г.

В эти издания вошел большой массив, в том числе рассекреченных за последние годы архивных материалов по советско-чехословацким отношениям, в соответствии с действующими правилами читального зала Архива ранее опубликованные документы пользователям не предоставляются.

НАЧАЛЬНИК АРХИВА
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*С уважением,
Н.Мозжухина*

Н.МОЗЖУХИНА

AMERICAN CONSULATE GENERAL

Prague, Bohemia, November 20, 1939.

CONFIDENTIAL

Subject: Transmitting a Translation of an Anonymous Letter and its enclosure, a Report of an Interview with and Official of the Soviet Government.

**The Honorable
The Secretary of State
Washington**

Sir,

I have the honor to transmit herewith a copy of translation of an anonymous letter received by this office, together with a copy of a translation of the enclosure thereto, a protocol containing the report of an interview said to have been given delegates of the Committee for the Liberation on Czechoslovakia by Mr. Alexandrov, the chief of the Central European Division of the Commissariat for Foreign Affairs.

In the typewritten copy of the protocol received with the anonymous letter the names of the delegates were given, but were scratched out with ink. Although some of the names could be deciphered, they are unknown to this office, and it is therefore impossible to verify the authenticity of the document. The title of those signing the document is given as «soudruh», or comrade. However, the reasons for the desire of the writer of the letter to withhold his name and those of the delegates is obvious, and the translation is transmitted as of possible interest to the Department.

*Respectfully yours,
[signature]*

*Irving N. Linnell,
American Consul General*

Enclosure:
Translation of anonymous
letter and of protocol

In quintuplicate to the Department of State;
one copy to Embassy, Berlin.

800
KFP/ABI

* * *

Translation

Prague, November 17, 1939
To the American Consulate General,
P r a h a .

Enclosed you will find a copy of the protocol which I just received. I beg you to excuse me for not signing this letter and having scratched out the names of the delegates mentioned in the protocol because if this letter would get into wrong hands our ultimate fate would be the same as that of other members of our nation, i.e., death caused by torture.

(Initialed) J.L.

* * *

Translation

P R O T O C O L

drawn up with the following members (delegates) of the Committee for the Liberation of Czechoslovakia on October 26, 1939:

XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXX

The undersigned delegates submit herewith a report about their negotiations with Moscow authorities and the Komintern. Whatever is mentioned in the report are true facts confirmed by our honor.

After our departure from Prague on July 17th last, we made all possible efforts to get to the USSR. In view of the fact that we had to use illegal ways we reached Moscow not sooner than on August 3rd last.

As soon as we got in touch with the resident Czechoslovaks, we asked for a hearing by Stalin and Molotov. Although our appeal was repeated we were not received. Finally on October 5th and October 12th, respectively, we were received by M. Alexandrov, the chief of the Central European Division of the Commissariat for Foreign Affairs.

In answer to our irritation voiced against the Soviet-German treaty, we were told that that had to happen because if the USSR had concluded a treaty with the Western Powers, Germany would never have unleashed a war from which will develop world revolution which we have been preparing for a long time. Lenin succeeded in building up Communism while Stalin, as a result of his foresight and wisdom, will lead Europe into a world revolution. You of Bohemia and the rest of Europe erroneously use the expression of Soviet Russia, when in fact we are the USSR. Stalin is not the chairman of some kind of Russia, but of the USSR. Our activity therefore must be considered from that point of view. All our State officials must, in the first place, be Communists. It is for this reason that Stalin, who is not a Russian, is able to rule over states in which Russians are in the majority.

In so far as the treaty is concerned, the following may be pointed out:

- 1) It caused the war;
- 2) Hitler directly forced upon us a free hand in the Baltic;
- 3) He gave us a chance to build up Greater Ukraine and White Russia;
- 4) By having surrendered and placed himself at our mercy, Hitler surrendered to us also Germany, the bulwark in Central Europe;
- 5) He gave us a free hand in our dealings in Bessarabia and also in your former Sub-Carpathian Russia;
- 6) He opened our way to Europe.

We received the following explanation to the above:

1) A surrounded Germany would never have entered into war. Hitler felt convinced that he succeeded in what he had accomplished in the case of Czechoslovakia. He always uses the same methods: Divide and rule. In that matter he instigated you against the Slovaks and the Poles. He used Munich to arouse distrust between you and the West. He instigated the Slovaks against the Magyars and the Poles. He is happy and contented that he separated the USSR from the West.

2) Whatever Great Britain refused to give us was actually offered to us by Hitler because he realized the substance in our negotiations with the West. The USSR has been excluded from the European overseas trade and commerce. By having gained bases in the Baltic we succeeded in gaining economic and military control there. As a result of his narrow-mindedness, Hitler enables us to establish bases against himself. We will have no difficulties to Bolshevize the Baltic States.

3) He offered us a partition of Poland which we also got without any losses.

4) By having concluded a treaty with us, Hitler blocked his own way into other states. Economically, he depends upon us alone and we shall direct his economy in such a way as to drive the belligerent countries into revolution. A long war will cause revolution in Germany and France. We will supply the Germans so that they will still be hungry.

5) Hitler's plan is to get control of south-eastern Europe. When that happens we will regain Bessarabia and Sub-Carpathian Russia.

6) As a result of the economic treaties he opened our route into Reich. His war will exhaust Europe which then will fall in our lap. The peoples will accept any regime which will follow after the war.

Only two states exist which may block our way and prevent a realization of our plans, i.e., Italy and Great Britain. Fortunately, and Anglo-Italo-French block will never be concluded. Hitler assured us that he has sufficient influence and power to control Ciano and Mussolini and prevent either by intrigue or the like any rapprochement

between Italy and the Western states. We cannot afford Germany to lose because if she would come under the control of the West and Poland re-established, we would be cut off from the rest of Europe. The present war must last as long as we want. In the event that Italy would enter the war against Germany, the end of the war would be accelerated. We have no fear about Japan. Her hatred of us was broken by Germany. For the rest, Japan is very much engaged in China through our efforts, and we spend enormous amounts of money to keep the war going. Keep calm because never before was the time more favorable for our interests than at present.

In reply to our intervention concerning our arrested people, we were told that there must be sacrifices. Revolution arises from oppression and misery. The more sacrifices are made, the sooner and the more cruel will be the revolution.

We had a chance to convince ourselves that in the USSR their regime is maintained by keeping the people at the lowest possible standard. As a result of the general impression gained there, we came to the conclusion that it will be best for our nation to abandon Communism and turn to the Western Powers — to the Democracies.

(Signed) XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

Примечания

¹ Покойный шведский историк Карл Нордлинг предложил другую версию: эти публикации были анонимным «сливом» Кремля, известившим зарубежных коммунистов о причинах и целях дружбы с Гитлером. При этом Кремль мог от них легко отмежеваться (что и сделал Сталин 30.11.39 в «Правде», когда Германия попросила отреагировать на статью Гаваса от 28.11.39). При этом Кремль рассчитывал на то, что умные зарубежные товарищи поймут, что правда в публикации, а не в ее опровержении, предназначенном лишь для буржуазных дураков (см.: Carl O. Nordling. Did Stalin deliver his alleged speech of 19 August 1939? // The Journal of Slavic Military Studies, Volume 19, Issue 1 April 2006, pages 93—106).

² Там же. С. 212.

³ *Lukes Igor, Czechoslovakia between Stalin and Hitler. New York, Oxsford University Press, 1996. P, 258.*

⁴С чешского на английский.

⁵С чешского на английский.

⁶ Имена вычеркнуты чернилами в чешской машинописной копии.

⁷ «Дипломатический словарь. М.: Наука. 1985. Т. 1. С 7. по сайту [http : //www.mezhdunarodnik.ru/dictionary/?id=124](http://www.mezhdunarodnik.ru/dictionary/?id=124)

⁸ Беседовал с первым секретарем германского посольства в Москве Гроппером — по статье С.З. Случа «Советско-германские отношения в сентябре — декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну». См.: Отечественная история, 2000. № 5. С. 46—58; № 6. С. 10—27

СЪЕЗД ВОИНСТВУЮЩИХ

Надо форму убрать, а существо, все, что изложено, преподавать людям, тогда наши люди будут знать, в чем дело. Надо открыто написать.

И. Сталин, апрель 1940 года

Современные советологи, к сожалению, не слишком много обращают внимания на изучение истории компартии — таковая даже еще и не написана в виде отдельной работы. Понятно, почему в свое время соответствующая дисциплина выработала у думающей части студентов и профессоров стойкое презрение и отвращение, автоматически передавшееся младшему поколению коллег. Однако предмет этот заслуживает изучения — именно в этой организации принимались все наиболее важные решения, именно она, а не государственные структуры вроде ВЧК-КГБ или Совнаркома, задумывала и творила историю.

В том числе и внешнюю политику.

Для примера, подтверждающего данный тезис, обратимся к событию, происходившему в Москве в преддверии Второй мировой войны, — XVIII съезду ВКП (б)¹. Читателю его стенограммы трудно отделаться от мысли, что главная угроза для мира исходила из столицы мирового пролетариата, а не из Берлина, Токио или Рима. Предыдущий, XVII съезд в советской историографии называли съездом победителей, поскольку он проходил по завершении коллективизации. Нынешние историки обычно называют XVII съезд съездом расстрелянных,

* Александр Гогун — петербургский историк, специализируется на вопросах участия СССР во Второй мировой войне.

поскольку проходил он перед террором 1937—1938 годов и большинство его делегатов было убито. По характеру речей и последствиям XVIII съезда — съезда сталинских выдвиженцев, пришедших на смену ленинской поросли, его можно смело называть съездом воинствующих.

Проанализировав речи выступавших, можно выделить два основных мотива, которые отличали этот съезд от последующих и предыдущих:

— глубокое удовлетворение в связи с окончанием Великой чистки 1937—1938 годов как завершающего этапа построения социализма в отдельно взятой стране;

— особенно сильное желание всех присутствовавших перенести это строительство в другие страны.

Как ни странно, речь Сталина на этом съезде отличалась наименьшей свирепостью и воинственностью. Основной мотив его выступлений — успехи в деле строительства социализма. И опасения, так как новая империалистическая война стала фактом².

Разумеется, не обошел вождь внешнеполитические акции ведущих мировых держав, осуждая Италию, Германию и Японию за агрессивность, а Англию, Францию и США за политику невмешательства. В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, японцам впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тине войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в интересах мира и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!³

Фактически в этой речи Сталин наметил основы своей внешней политики на ближайшие несколько лет. 23 августа с Германией был подписан пакт о ненападении и разделе Европы. 1 сентября гитлеровские войска ворвались в Польшу и в течение первой половины этого меся-

ца поставили ее на грань поражения. А 17 сентября Красная Армия освободила восточную часть Польши с незначительными потерями. Этой акцией Советский Союз нарушил сразу 5 подписанных ранее международных соглашений, включая договор о ненападении⁴. Этому Сталиным заранее было дано теоретическое оправдание. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными. Их место заняла лихорадка вооружения⁵.

Надо заметить, что и с Японией в 1945-м дело было окончено почти по тому же польскому сценарию, с таким же нарушением пакта о нейтралитете.

Речь Лаврентия Берии на этом съезде не отличалась большим количеством угроз и особенной свирепостью. После кровавой ежовщины назначение Лаврентия Берии на пост наркома внутренних дел многим в то время показалось признаком некоей либерализации. Из лагерей выпустили часть посаженных в 1937—1938 годы, расстреливать и сажать стали гораздо меньше. Характерно, что в стенограммах гораздо больше места занимают речи о внешней политике, чем о троцкистах и шпионах. Даже в словах Берии сквозит некая направленность вовне — подчеркивается необходимость укреплять внешнюю разведку.

Из всех агрессивных выступлений особенно запомнятся речи военных.

Нарком обороны Клим Ворошилов дал развернутый анализ роста качества и количества Красной Армии, обращая особое внимание на ее возросшие наступательные свойства и рост наступательных вооружений (авиация, танки, артиллерия). Затем последовал ряд приветствий съезду от представителей родов войск — все они дышали воинственностью. Относительно невысокие чины выступавших дают основание предположить, что они сами, скорее всего, речей себе не составляли, во всяком случае, редактировали их выступления люди более высокого ранга в советской иерархии.

Как писал историк сталинизма Абдурахман Авторханов, «не умея импровизировать, он (Сталин) вообще запретил на съездах партии вольное ораторское искусство. Каждый оратор должен был выступать по заранее представленному в ЦК написанному тексту»⁶.

Таким образом, приветствия демонстрируют общее направление генеральной линии партии.

Наименьшей агрессивностью отличалось приветствие съезду от пограничников (погранвойска, как известно, обычно предназначаются для защиты государственных рубежей). Но из относительно мирной речи Героя Советского Союза лейтенанта погранвойск НКВД Чернопятко звучала недвусмысленная угроза:

«Пусть жалкие козявки ползают под ногами у советского слона.

Пусть беснуются фашистские мракобесы вокруг советских границ.

Пусть злится враг и злобу ширит
И новых войн сплетает нить, —
Нет сил таких и в целом мире,
Чтоб нас могли остановить.

Для каждого сумасшедшего мракобеса мы найдем смирительную рубашку!»⁷ Призванные останавливать агрессоров, пограничники здесь явно выступают в чужом амплуа — в выступлении речь идет о том, что это враг хочет остановить советских пограничников! Но ему это не удастся.

Из дальнейшей карьеры чекиста-пограничника Чернопятко ясно, что он хорошо понимал советскую военную теорию и практику. В годы советско-германской войны он служил в Главном управлении пограничных войск НКВД и в 1948 году получил звание майора.

От Военно-морского флота съезд приветствовал младший командир линкора «Октябрьская революция» Г. Мыльников: «Советский народ строит самый сильный в мире Военно-морской флот. Этот флот является составной частью героической непобедимой вооруженной силы великого Советского Союза. Этот флот способен громить врага в любом море, в любом океане при любом со-

четании вражеских сил. (*Аплодисменты.*)»⁸. СССР действительно строил в те годы самый сильный в мире флот с огромным количеством подводных лодок. На 40-е годы была намечена и программа постройки сверхмощных линкоров. Гитлеровское вторжение сорвало эти грандиозные замыслы. Но желание младшего командира Мыльникова громить врага в любом море говорит о многом.

«Вся эта несокрушимая сила (Красного флота. — *А.Г.*) готова по первому зову партии, по приказу Советского правительства вместе с Красной Армией обрушиться на врага и разгромить его»⁹.

Это желание присутствовало и в приветственной речи от кавалерии батальонного комиссара А. Нерченко: «Красный кавалерист знает и готовится к тому, чтобы наших врагов рубать на их же территории. (*Бурные аплодисменты.*) (...)»

Наши кони сыты и быстры.
Наши клинки остры.

Наши механизированные боевые средства: танки, пушки, пулеметы — в полном порядке и в постоянной боевой готовности!

Наши славные бойцы — лихие красные конники, сыновья и братья героев Гражданской войны — в мгновение ока по первому слову приказа готовы ринуться на любого врага»¹⁰.

По первому слову приказа начинается агрессия. Для начала оборонительной войны приказа не требуется.

Через 5 месяцев советская (фактически механизированная) конница вместе с остальными частями РККА по первому слову приказа нанесла внезапный удар в спину сражающемуся с нацистами Войску Польскому.

От танкистов съезд приветствовал Герой Советского Союза полковник Алексей Панфилов (однофамилец знаменитого Ивана Панфилова, прославившегося и погибшего в сражении под Москвой): «Мы, танкисты, заверяем XVIII съезд большевистской партии... что наши танки в полной боевой готовности. (*Аплодисменты.*)»

Мы всегда готовы на удар врага ответить двойным всесокрушающим ударом. Сталин — наше знамя! Под

этим знаменем советские танкисты ринутся в бой вперед за коммунизм. (*Шумная овация всего зала.*)»¹¹

Свои внешнеполитические акции коммунисты обычно прикрывали фразами о защите Отечества. А здесь, по словам Панфилова, советские танкисты собираются ринуться в бой не за Родину, а за коммунизм, и именно эти слова вызвали шумную овацию всего зала. Позже полковник Панфилов отлично воевал, в 1945 г. стал дважды Героем Советского Союза, дослужился до генеральских звезд, но его фраза о том, что мы готовы на удар врага ответить двойным всесокрушающим ударом, в свете последующих событий выглядит несколько нелепой. Через 8 месяцев после съезда воинствующие финские белобандиты нанесли удар по Советскому Союзу в районе деревни Майнила. И незамедлительно последовал ответный удар советских танковых войск, которые количественно в десятки раз превосходили финляндские танковые войска. Позже в ходе кампании советские танковые войска опять были количественно увеличены более чем в 5 раз. После германского вторжения 22.06.41 РККА ответила рядом разрозненных ударов, не принесших должного результата, но количественно советские танковые войска в 6 раз превосходили бронетанковые силы, брошенные в июне 41-го против Советского Союза.

От летчиков Красной Армии съезд приветствовал Герой Советского Союза (эта награда была ему присуждена в 1937 году за бои в небе Испании) комбриг Сергей Денисов: «Мы, летчики, хорошо поняли исторический доклад т. Сталина на XVIII съезде партии и его слова о капиталистическом окружении. И если фашистские любители чужого добра осмелятся напасть на мирный труд нашего 170-миллионного народа... — на крыльях Советов мы понесем смерть фашистским поработителям, понесем свободу и счастье рабочим стране агрессоров. Мы сделаем все, чтобы полностью стереть с лица земли зарвавшихся империалистов и отучить этих господ от наглых агрессий против нашей Родины»¹².

В данном отрезке выступления издатели стенограммы по какой-то причине удалили часть выступления Де-

нисова и выделили курсивом его слова о свободе и счастье для рабочих из стран-агрессоров.

После этой верноподданнической речи карьера Денисова пошла вверх с головокружительной быстротой: в советско-финляндскую войну он командовал ВВС самой сильной в то время в СССР (если не в мире) 7-й общевойсковой армии. Через 8 месяцев после произнесения процитированной речи авиация под его командованием наносила контрудар по Финляндии. На крыльях Советов она несла смерть не только финским солдатам, но и мирным жителям страны Суоми. Во время советско-финляндской войны на Хельсинки был совершен ряд авианалетов, во время которых пострадали и рабочие районы, о чем было позже доложено в Москву финскими коммунистами¹³. Свободу и счастье рабочим авиация Денисова принесла и в Выборг — целые кварталы этого города были превращены в щебень. Даже Сталин выразил особое удовлетворение масштабами разрушений в Выборге. 21 марта 40-го года Денисов стал дважды Героем Советского Союза за успешное руководство боевыми действиями ВВС 7-й армии при прорыве линии Маннергейма. При переаттестации высшего командного состава в мае 1940 же года он становится генерал-лейтенантом. В 1944 году, после ряда успешных действий на фронтах советско-германской войны, переводится в Главный штаб ВВС КА, где и работает до 1947 г.

От советской артиллерии, в то время мощнейшей в мире, съезд приветствовал майор Т. Ростунов: «Спасибо советскому народу за то, что он вооружил нас могучей и непобедимой техникой!

Сталинские артиллеристы заверяют XVIII съезд большевистской партии, мы выполним долг перед родиной. Орудия и снаряды, которые дает нам страна, мы употребим умело и с пользой для советской родины. Наша артиллерия — артиллерия наступательного действия. Ураганом ворвется Красная Армия во вражескую землю и убийственным артиллерийским огнем сметет врага с лица земли. *(Продолжительные аплодисменты.)*»¹⁴

17 сентября 1939 года РККА ворвалась в Польшу, но случаев массового применения артиллерии не было, так

как деморализованное к тому моменту Войско Польское, получив приказ не сражаться с РККА, оказывало разрозненное сопротивление, его солдаты массами сдавались в плен.

Все же артиллеристы и тут сослужили свою службу. Под угрозой разрушения Львова советскими орудиями гарнизон города сложил оружие¹⁵.

Другой характер носило применение артиллерии в войне с Финляндией. По линии Маннергейма советские войска выпустили гигантское количество снарядов, разрушив или повредив все основные укрепления. По некоторым данным, в финской армии появился даже новый тип госпиталей — для сошедших с ума от канонады.

Таким образом, слова о наступательном характере советской артиллерии, произнесенные майором Ростуновым на XVIII съезде партии, более чем верны.

Знаменитый полковник Александр Родимцев, тогда уже Герой Советского Союза (присвоили 22.10.37 за участие в войне в Испании), будущий защитник Сталинграда, будущий дважды Герой Советского Союза (1945), будущий генерал-полковник, приветствовал съезд от стрелковых родов войск: «Наш стрелковый корпус — это 79 тысяч кг металла в минуту, это — огненный шквал, могучий залп, какого не могут дать корпуса распоясавшихся агрессоров. *(Продолжительные аплодисменты.)*»¹⁶

Следует заметить, что 79 тонн смертоносного металла в минуту — не предел огневой мощи красных стрелковых корпусов. В сентябре 1939 года стрелковые корпуса Красной Армии, и без того самые мощные в мире, были резко усилены путем добавления в стрелковые дивизии и корпуса артиллерийских батарей и целых артполков.

Зачем могут использоваться стрелковые корпуса с самой большой в мире огневой мощностью? Зачем, если даже корпуса таких агрессивных стран, как Германия и Италия, не могут дать такого залпа? Зачем такие мощные корпуса, если для обороны нужно гораздо меньше сил, чем для наступления?

Родимцев продолжил: «Товарищи! Мы — люди военные и живем по уставам. В нашем боевом пехотном уста-

ве сказано, что во время наступления командир отделения должен действовать смело, не оглядываясь назад, помня, что его успех будет обязательно поддержан всем взводом и соседями.

В грядущих сражениях с врагами нашей родины Красная Армия, как гигантское боевое отделение советского народа, будет смело и победно наступать согласно своему боевому уставу на территорию нашего врага. Она будет наступать, не оглядываясь назад...»¹⁷

Эти слова оказались пророческими: спустя 5 месяцев полковник Родимцев, принимая участие в захвате и оккупации восточной Польши, смело и победно наступал, не оглядываясь назад.

Совершенно ясно, что XVIII съезд ВКП(б) проходил как хорошо отрепетированный спектакль, в котором Сталин был режиссером. Речами и атмосферой этого съезда Сталин и его ближайшие соратники дали понять партии и стране: Советский Союз готовит большую войну.

Потом, после марта 1939 года, началось быстрое наращивание вооружений, продолжался медленный рост численности армии. Потом были бои у Халхин-Гола, пакт о ненападении и раздел Восточной Европы, и первого сентября 1939 года «Правда» объявила о начале мобилизации. Потом были вторжения в восточную Польшу и в Финляндию, оккупация Прибалтики и Бессарабии...

Но это была уже несколько другая история — история Второй мировой войны — практического воплощения в жизнь идей и лозунгов XVIII съезда.

Примечания

¹ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., Госполитиздат, 1939. Далее в тексте ссылки на эту публикацию. Курсив в цитатах авторский.

² Там же, с. 13.

³ Там же.

⁴ Лебедева Н. С. Катынь: преступление против человечества. — М., 1996, с. 20.

⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 14.

⁶ Авторханов А. Мемуары. — Frankfurt/Main, 1984, с. 224

⁷ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 503.

⁸ Там же, с. 504.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 505.

¹¹ Там же, с. 506.

¹² Там же, с. 507.

¹³ Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г. — М., 1994, с. 386.

¹⁴ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 508.

¹⁵ Лебедева Н.С. Там же. С. 26—28.

¹⁶ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. — М.: Госполитиздат, 1939, с. 509.

¹⁷ Там же, с. 510.

НЕ МИФ: РЕЧЬ СТАЛИНА 19 АВГУСТА 1939 ГОДА

...агентство Гавас раскрыло
самые сокровенные намерения
Сталина.

Виктор Суворов,
«Ледокол» (М., 1992, с. 53).

28 и 29 ноября 1939 г. во французских газетах было опубликовано сообщение агентства Гавас, которое представляло собой изложение речи И.В. Сталина, произнесенной на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 19 августа этого же года. Сообщение появилось в таких газетах, как «Le Figaro», «Le Petit Journal», «Le Journal», «Le Temps», «L'Action française» и др. Об этих публикациях сразу было доложено Сталину. Его опровержение «О лживом сообщении агентства Гавас» газета «Правда» напечатала 30 ноября (док. № 1).

Для Сталина 19 августа 1939 г. было чрезвычайно насыщенный день, целиком связанным с германскими вопросами. В этот день было заключено торговое и кредитное соглашение между СССР и Германией¹. В этот же день полпред СССР в Германии Г.А. Астахов, отозванный из Берлина еще 16 августа, был заменен никому не известным А.А. Шкварцевым². Молотов 19 августа дважды встречался с послом Германии в России Ф. Шуленбургом и в итоге вручил ему советский проект договора (пакта) о ненападении для ознакомления в Берлине и

* Дорошенко Виктор Леонидович — доцент специализированного учебно-научного центра Новосибирского государственного университета; Павлова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, независимый историк; Раак Ричард Ч. — заслуженный профессор Калифорнийского государственного университета (Hayward, USA). Исправленная и дополненная версия статьи, опубликованной в журнале «Вопросы истории». 2005. № 8. С. 3—20.

принятия решения о визите министра иностранных дел Германии И. Риббентропа в Москву для подписания окончательных условий договора³. Сам Шуленбург был убежден, что Сталин принял решение заключить договор вместе с секретным дополнительным протоколом именно 19 августа⁴.

После этого началась история с речью Сталина. Не стремясь представить историографию вопроса в целом, сошлемся на последнюю по времени публикацию — статью С.З. Случа «Речь Сталина, которой не было». Автор начинает обзор литературы со статьи Е. Йеккеля «Об одной мнимой речи Сталина 19 августа 1939 г.»⁵ и подробно рассматривает российскую историографию, включая предпринятую Т.С. Бушуевой в 1994 г. первую публикацию речи в «Новом мире» (№ 12), первый специальный семинар, посвященный этой речи (Новосибирск, 16 апреля 1995 г.), с последующим признанием и непризнанием этого факта как в России, так и за рубежом. Случ не сдерживает себя в оценках тех историков, которые признали достоверность французских сообщений. По его словам, «именно непрофессионализм и стал той питательной средой, которая объединила западных и российских адептов подлинности «речи Сталина», охочих до пересмотра генезиса и общей концепции Второй мировой войны, хотя и по разным причинам»⁶. Более того, именно их он обвиняет в росте апологетической литературы о Сталине: «Каждое приписываемое Сталину деяние, не находящее подтверждения, неизбежно вызывает цепную реакцию псевдоопровержений, ставя под сомнение уже доказанные факты и вооружая вновь активизировавшихся неосталинистов новыми аргументами по реабилитации преступного режима и его вождя»⁷.

Как и Йеккель, Случ не верит в подлинность речи Сталина. Статья Йеккеля в свое время «заморозила» интерес к речи Сталина почти на 36 лет. Случ, публикуя свою статью, надеется на подобный же результат — не дать поставить «под сомнение общую концепцию истории Второй мировой войны, не только нашедшую подтверждение в огромном количестве документов самого разного уровня, но, самое главное, отразившую цепь ре-

ально произошедших взаимосвязанных событий, составляющих общую картину Второй мировой войны»⁸.

Едва ли, однако, ему удалось поставить точку в этой истории.

I. Случ убежден в существовании «одного основного или первоначального текста, распространенного 28 ноября 1939 г. агентством Гавас, а затем опубликованного в «Revue de Droit International de Sciences Diplomatiques et Politiques», и его доработанного варианта, оказавшегося не позднее 23 декабря 1940 г. в распоряжении службы разведки и контрразведки при правительстве Виши, т.е. того варианта «речи Сталина», который впоследствии был обнаружен в Москве»⁹. На самом деле текст сообщения агентства Гавас, опубликованный 28—29 ноября французскими газетами, а затем перепечатанный в «Revue de Droit International...» (предположительно из газеты «Le Temps»), является отредактированной копией исходного текста, который получило это агентство. Представляет интерес сопоставить этот текст с тем, какой получило 28 ноября из Женевы немецкое агентство новостей «Ausländische Nachrichtenagenturen». Перевод на немецкий язык был закончен в 11 часов этого же дня. Случ упоминает о существовании немецкого текста, но ограничивается лишь замечанием, что «29 ноября МИД [Германии] направил посольству в Москве текст сообщения Гавас с просьбой информировать о реакции на него в официальных кругах СССР, а также обратить внимание Наркоминдела на желательность соответствующего отклика в советской прессе»¹⁰. Между тем в немецком переводе сообщения Гавас имеются разночтения с опубликованной французской копией, которую Случ использует как исходный («один основной или первоначальный») вариант¹¹. Ниже приводится немецкий перевод сообщения агентства Гавас (док. № 2), публикация в «Revue de Droit International...» (док. № 3), русский перевод текста сообщения агентства Гавас по французской копии из «Revue de Droit International...» с дополнениями и разночтениями, имеющимися в немецкой копии (док. № 4). Французский текст дается в переводе Случа (чтобы не усложнять без крайней необходимости анализ, хотя в

принципе можно добиться более точного и согласованного перевода этого документа).

II. Решающим в обосновании Случаем его отрицательного отношения к существующему тексту речи Сталина является следующий аргумент: «Исследователям неизвестны какие-либо документы или свидетельства, которые хотя бы в малейшей степени подтверждали подлинность приписываемой Сталину речи 19 августа 1939 г., содержащей, помимо всего прочего, большое число неверных и откровенно несуразных положений»¹². На самом деле такие документы есть. Причем к основному из них и Случ обращается — для интерпретации положений сообщения агентства Гавас. Очевидно, что исследователю-профессионалу полагалось бы сделать отсюда необходимые выводы.

В сообщении агентства Гавас, распространенном 28 ноября 1939 г., приведены все основные положения секретного дополнительного протокола к договору о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. (док. № 5). Публикация в открытой печати, почти сразу же, содержания того тайного сговора между Сталиным и Гитлером, который советское руководство отрицало 50 лет, и есть прямое подтверждение подлинности сообщения агентства Гавас.

Секретный дополнительный протокол состоит из краткой преамбулы, четырех пунктов, указания места и времени заключения и подписей сторон. В преамбуле говорится «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», что и представлено в центральной части сообщения агентства Гавас, в частности, во фразе «если мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении».

В первом пункте секретного дополнительного протокола зафиксировано: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами». Соответственно в сооб-

щении агентства Гавас говорится: «Германия предоставит нам полную свободу действий в **трех** Прибалтийских странах» (выделено нами. — *Авт.*). Почему именно в трех? Да потому, что в соответствии с договоренностью, зафиксированной в секретном дополнительном протоколе, Литва относилась к сфере интересов Германии, хотя считалась независимой. Не доверяя Сталину, Гитлер таким образом прикрывал Литвой Восточную Пруссию.

Как известно, в отношении Литвы секретный дополнительный протокол реализовался лишь частично: Виленская область была передана Литве, но затем сама Литва была передана Сталину в обмен на ряд польских территорий, когда Гитлер убедился, что Сталин не напал на него в ходе польской кампании, что и было зафиксировано в следующем по времени договоре о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Но пониманию политической реальности, как она сложилась к тому времени, слово «трех» препятствовало. Поэтому при дальнейшем редактировании оно было опущено, хотя именно это слово связывает текст сообщения агентства Гавас с секретным дополнительным протоколом от 23 августа 1939 г. и позволяет датировать содержание этого сообщения второй половиной августа 1939 года.

Не покажется ли слишком зыбкой аргументация, основанная на одном-единственном слове, связывающем эти два документа? Оно не единственное.

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Соответствующее место из сообщения агентства Гавас выглядит так: «В этом случае Германия передаст нам часть Польши вплоть до предместий Варшавы, включая украинскую Галицию». По географической карте видно, что совпадение между приведенными фрагментами текстов абсолютное. Однако на политической карте оно опять-таки не реализовалось. Здесь нет надобности входить в перипетии военных переговоров 20 сентября, продвижений и отводов войск сначала немецких, а потом советских; в конечном счете на тот политиче-

ский момент граница между СССР и Германией была установлена по реке Буг, и Красной Армии под Варшавой в 1939 г. не было. Для не знакомого с содержанием договоров наблюдателя того времени это означало, что агентство Гавас сообщило ложные сведения задним числом, что выглядело уж совершенно абсурдным: распространенная в конце ноября информация, относящаяся к 19 августа, не оправдалась ни в сентябре, ни в ноябре. Для историков же это служит подтверждением правильности даты, указанной в сообщении.

Третий пункт: «3. Касательно юго-востока Европы, с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». В соответствующем месте текста сообщения агентства Гавас говорится: «Она не будет препятствовать возвращению России Бессарабии». Кроме очевидного, здесь следует добавить, что СССР выдвинул ультимативное требование Румынии относительно Бессарабии в феврале 1940 г., т.е. через два с лишним месяца после распространения сообщения агентства Гавас¹³.

Зная об этом, Случ утверждает: «При этом «речь» не содержала никакой новой информации (за исключением явно абсурдных положений), которая не была бы известна в ноябре 1939 г. любому наблюдателю»¹⁴.

Последний пункт секретного дополнительного протокола гласил: «4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете». После этого Случ удивляется, что ответ Сталина на сообщение агентства Гавас «несет на себе отпечаток большого раздражения его автора»¹⁵.

Итак, 28 ноября 1939 г. во Франции, находившейся в состоянии войны с Германией, в широкой печати было опубликовано достоверное изложение секретного дополнительного протокола к договору о ненападении, заключенному между СССР и Германией 23 августа 1939 г. Этот протокол был впервые опубликован в США в 1948 г.¹⁶ Ответная реакция Сталина последовала незамедлительно — брошюра «Фальсификаторы истории» появилась тогда же, в 1948 году.

III. Как и Йеккель, Случ искусственно выделяет роль журналиста А. Рюффена в этой истории. «Трудно сказать, — пишет он, — был ли Рюффен автором или соавтором приписываемого Сталину текста, но определенно он мог знать немало о его происхождении... Именно Рюффен оказался причастен к публикации «речи Сталина и ее вариантов»¹⁷. Причиной этого, по мнению и Йеккеля, и Случа, является тот факт, что Рюффен придерживался ярко выраженных антикоммунистических взглядов.

Однако Рюффен был только одним из тех, кто оказался причастным к публикации сообщений о речи Сталина. Почти сразу после объявления о заключении советско-германского договора из Кремля стала просачиваться информация о радикальных изменениях в политике Советского Союза. 26 августа 1939 г. в лондонской «The Times» появилось, со ссылкой на секретную информацию Наркомата иностранных дел СССР, сообщение о секретном плане Сталина по использованию пакта и последовавших за ним инструкциях зарубежным коммунистическим партиям.

28 августа высокопоставленный сотрудник Министерства иностранных дел Германии Э. Верманн (Ernst Woermann) направил в гестапо доклад, позже переданный в другие вышестоящие учреждения Рейха, со ссылкой на неназванный конфиденциальный источник, который утверждал, что 1) Советский Союз отказался от своей прежней внешней политики; 2) уклонился от договора с Великобританией и Францией, чтобы не поддерживать капитализм; 3) планировал оставаться вне войны, чтобы вступить в нее, когда другие страны ослабнут настолько, что это могло бы способствовать там социальной революции; 4) что пакт — это дипломатическая и идеологическая победа над странами Оси и их «отвлекающими приемами» и 5) что дополнительной причиной заключения пакта был отказ Польши, Румынии и Прибалтийских стран от военной помощи Советского Союза¹⁸. Источники информации у «The Times» и у Верманна, по всей вероятности, были разные.

Спустя несколько дней после нападения Германии на Польшу, предпринятого 1 сентября 1939 г., две копии ин-

струкций, адресованных Наркоматом иностранных дел балканским партиям, оказались в распоряжении правительства Румынии. Таким образом, менее чем через три недели после подписания пакта и секретного протокола о разделе Восточной Европы румынский премьер А. Калинеску (Armand Calinescu) передал эти документы посланнику Германии В. Фабрициусу (Wilhelm Fabricius). Он в свою очередь 10 сентября направил их в ведомство Риббентропа и в посольство Германии в Москве¹⁹. Одновременно А. Калинеску ознакомил с инструкциями и британского посланника сэра Р. Хора (Reginald Hoare)²⁰. 8 сентября 1939 г. шведская вечерняя газета «Svenska Pressen», издававшаяся в Хельсинки, опубликовала сообщение из Москвы, в котором говорилось, что «22 августа, за день до подписания договора о ненападении, в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Андреева, Шверника, Микояна, Берии, Калинина и др. был составлен циркуляр для коммунистических лидеров не только в СССР, но и за рубежом»²¹.

В первых числах ноября в западной прессе появилось еще несколько публикаций на эту тему. 1 ноября парижская газета «Le Soir» привела сообщение, полученное от перебежчика из сталинского окружения

Н. Новикова, который утверждал еще в сентябре, что он располагает свежей информацией о том, что Сталин в своем кругу, предположительно после заключения пакта, сказал, что «Гитлер сейчас в наших руках... Мы возьмем Польшу на волне патриотизма, в то время как Германия будет вести кровавую борьбу, которая обойдется ей большими потерями в людях и деньгах... Гитлер рано или поздно будет истощен... И тогда мы будем действовать согласно нашим желаниям».

2 ноября, на следующий день после публикации новиковских откровений, парижская газета «L'Époque» напечатала редакционную статью Б. Лаверня (Bernard Lavergne). Из нее видно, что автор тоже владел информацией о военных планах Сталина, которая циркулировала тогда в Европе как в журналистских, так и в дипломатических кругах, хотя относился к ней скептически. Он писал, что Сталин рассчитывает на затяжную войну,

которая истощит обе стороны. Когда это произойдет, для Советского Союза наступит время действовать. В статье также говорилось об уверенности Сталина в том, что Германия будет нацией, наиболее восприимчивой к большевизации.

3 ноября в британской газете «The Scotsman» корреспондент дипломатического ведомства опубликовал краткую характеристику инструкций, разосланных из Москвы в советские посольства за рубежом. Корреспондент не указал источник получения информации, но очевидно, что он был знаком с директивой, посланной балканским партиям, которая затем оказалась в распоряжении румынского премьера Калинеску.

Таким образом, было несколько сообщений как о речи Сталина, так и о последовавших инструкциях. Этой информацией располагал не только Рюффен, но и другие люди, не связанные между собой. Разумеется, новые факты усложняют исследование этого сюжета, но в то же время подтверждают, что разные люди в разных странах, независимо друг от друга, вряд ли занимались общим делом — фальсификацией сталинской речи.

IV. Случ, как и другие историки, разделяющие его точку зрения, в качестве одного из основных аргументов против достоверности факта сталинской речи приводит довод об отсутствии заседания Политбюро 19 августа 1939 г. Случ доказал, что не было расширенного заседания Политбюро, о котором говорится в сообщении агентства Гавас. Но никто не доказал, что члены Политбюро вообще не собирались в тот день. То, что этот факт не зафиксирован ни в протоколах Политбюро, ни в журнале посетителей кабинета Сталина, — это не аргумент. В сталинской практике управления Советским Союзом мог быть протокол без Политбюро и Политбюро без протокола, а главное — вполне могло быть Политбюро без Политбюро. Здесь важно то, что они проговариваются. Случ правильно обратил внимание на фрагмент «если мы примем известное вам предложение Германии»: этот фрагмент указывает на информированную руководящую пятерку — Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович и не входивших в нее Жданова и Берия²². По имею-

щимся данным, именно они тогда принимали решения по внешней политике, не фиксирувавшиеся даже в «особой папке» Политбюро. Кстати, в ней нет не только следов речи Сталина, но и вообще никаких следов подготовки к заключению советско-германского договора 23 августа и тем более секретного дополнительного протокола к нему.

V. Большая часть статьи Случа посвящена доказательству факта, что руководство Коминтерна не знало о планах Сталина, направленных на сближение с Берлином. Случ исходит из убеждения, что руководство Коминтерна рассматривалось в Кремле «в качестве одного из инструментов советской внешней политики»²³. Есть свидетельства противоположного характера, подтверждающие, что Сталин игнорировал руководство Коминтерна, но при этом пользовался его именем. Говоря о Коминтерне, Случ оставил за кадром вопрос о такой невидимой части Коминтерна, как Служба связи (СС), преемница Отдела международной связи (ОМС) конца 1920-х — начала 1930-х годов. Именно она обеспечивала связь с большинством компартий, пунктами связи Коминтерна и его резидентурой во многих странах мира. После 1927 г. все легальные работники были заменены лицами с иностранными паспортами. Для связи с этими нелегальными представителями ОМСа, передачи им денег и т.д. назначался кто-либо из уже работавших в посольстве сотрудников, выполнявших задания отдела по совместительству²⁴. Именно таким образом были переданы «надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом», о которых шла речь в сообщении Гавас. Еще до вовлечения Коминтерна в обсуждение этих вопросов советские полпредства за рубежом направили некоторым коммунистическим партиям не только разъяснения о пакте, но и конкретные инструкции. Подготовленные, между прочим, от имени Коминтерна, они имели следующее название: «Официальные правительственные инструкции, посланные из Москвы в дипломатические миссии СССР, учрежденные на Балканах». Эти инструкции были выработаны до появления какой-либо резолюции Коминтерна, определявшей позицию компартий по отношению к пакту. Вспомним информацию в газете

«The Scotsman» от 3 ноября 1939 г. о том, что эти «инструкции» появились в дипломатических миссиях СССР за рубежом уже спустя несколько дней после заключения советско-германского договора.

Имеющиеся в нашем распоряжении две копии «инструкций» практически идентичны, хотя одна на немецком, а другая на французском языке. На немецкой копии есть указание, что это перевод с румынского, на французской — с болгарского. Именно эти инструкции, переданные из Москвы, оказались у румынского премьера Калинеску, который в свою очередь передал их немецкому посланнику В. Фабрициусу. Отправляя их в Берлин, Фабрициус, наряду со своим мнением о том, что это британская дезинформация, указал также, что они поступили из советских дипломатических представительств²⁵. Текст «инструкций» (док. № 6) приводится в переводе с французского. Эти инструкции по содержанию весьма осторожны и скорее представляют не конкретные указания, а попытку прозондировать почву.

В сообщении агентства Гавас упоминается Д.З. Мануильский, которому совместно с Г. Димитровым было поручено «под личным руководством Сталина разработать надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом». Случ приводит сведения, свидетельствующие о том, что «руководство Коминтерна продолжало действовать в духе традиционных установок, не имея ясного представления о произошедших кардинальных переменах во внешнеполитическом курсе Кремля после 23 августа»²⁶. Есть основания полагать, что именно в силу неожиданности поворота в советской внешней политике Мануильский по указанию Сталина некоторое время вел двойную игру с руководителями зарубежных коммунистических партий. Судя по разговорам с И. Хернандесом, К. Готвальдом и В. Пиком, Мануильский был в курсе предпринимаемых кардинальных перемен во внешней политике Кремля, поэтому уже в дни заключения пакта он заговорил о том, что «мировым капиталистам предстоит период катастроф», «если капиталисты хотят уничтожить друг друга, надо позволить им это», что «война закончится революцией», что «наша цель ли-

квидировать Польшу», что «мы должны сделать то, что на первый взгляд кажется абсурдом», то есть, по сути, осторожно излагал те положения, которые содержатся в имеющемся у нас тексте сталинской речи²⁷.

Димитрова Сталин принял только 7 сентября. Говоря о состоявшейся беседе, в которой участвовали Молотов и Жданов, Случ не соглашается с мнением одного из авторов этой статьи, что «содержание записи Г. Димитрова вполне соответствует тому, о чем Сталин говорил 19 августа»²⁸. Вместе с тем он признает, что в димитровской записи разговора со Сталиным «налицо явная заинтересованность Сталина в крупном и затяжном военном конфликте между враждующими сторонами, результатом которого должно стать их взаимное ослабление». Случ отмечает, что «действительно стержневая для Сталина мысль выражена ненавязчиво, с использованием почти «домашней» лексики»²⁹.

Конечно, 7 сентября, когда основная часть задуманного была выполнена, Сталин вел себя иначе, чем в дни, предшествовавшие подписанию советско-германского договора и секретного дополнительного протокола 23 августа. И здесь следует согласиться со словами сожаления Б. Бонвеча (Случ приводит их в своей статье) о том, что «российские историки в наше время должны знать о Сталине, процедуре принятия решений на Политбюро и т.п. значительно больше», чем Йеккель в 1950-х годах³⁰. Достойно сожаления также и то, насколько современные российские историки до сих пор не понимают Сталина и насколько до сих пор верят ему на слово!

Вместе с тем есть вопросы, на которые и сейчас нет ответа. Кто передал текст сталинской речи журналисту Рюффену 27 ноября? Сам он сообщил только следующее: «На протяжении трех недель, то есть с начала ноября 1939 г. (а на самом деле, как видим, даже раньше. — *Авт.*), среди журналистов и политиков курсировали слухи о совершенно секретном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), принявшем исключительно важное решение, касающееся войны». Рюффен «предпринял попытки получить более точную информацию, — пишет Случ, — но они оказались безрезультатными. И вдруг представи-

лась возможность войти в контакт с высокопоставленным лицом, чья информированность не вызывала сомнений. Это лицо и предоставило все необходимые сведения, которые Рюффен записал как можно точнее»³¹. Уместно предположение, что автором или распорядительным заказчиком такого изложения речи Сталина в тех условиях мог быть только сам Сталин. Целью распространения этого текста и последовавших инструкций коммунистическим партиям европейских стран было дестабилизировать ситуацию в Европе. Ни подтвердить это предположение, ни опровергнуть его пока невозможно.

Неизвестно, кто вмешивался в первоначальный текст сталинской речи. В статье Рюффена «Два документа», опубликованной 12 июля 1941 г.³², и в его последующих публикациях, кроме текста сталинской речи, попавшей в распоряжение агентства Гавас, говорится о втором документе, который не привлек внимание Случа. Это московские «инструкции» французской и бельгийской коммунистическим партиям от 25 ноября 1939 г., опубликованные 11 декабря во французской газете «L'Ordre national». Газета опубликовала этот почти семистраничный документ полностью, представив его как фальшивку. Именно эту публикацию цитировал Рюффен 12 июля 1941 г.: «Инструкция была предназначена главе секции [Запад — Европа], его заместителю, генеральным секретарям коммунистических партий Франции и Бельгии. Никто не должен знать об этом документе, датированном 25 ноября, само существование которого должно было храниться в секрете».

Этот документ, по оценке Рюффена, передавал существо сталинского духа и сталинского плана: «Установление советского строя во всех капиталистических странах посредством мировой революции остается основной целью внешней политики СССР. Европейская война, которую капиталистические страны ведут *по своим собственным мотивам*, создает уникальные и благоприятные обстоятельства и условия для возникновения мировой революции... Мы пришли к нашей цели: всеобщая война без ответственности за нее в глазах мира и без участия в ней... Мы будем помогать немцам во время европейской

войны, чтобы они могли сопротивляться как можно дольше, но не для того, чтобы позволить победить немецким армиям. Мы сохраним в наших руках возможность разрешения ситуации (арбитраж)». Инструкции коммунистическим партиям Запада, как видим, были подготовлены позднее, когда Вторая мировая война уже шла, и основная идея будущей мировой революции в них изложена более четко. Инструкции содержат также подробные указания о том, как спровоцировать революционную ситуацию во Франции, в частности, о политическом и военном шпионаже, о пропаганде среди масс и в армии, а также о подготовке к захвату власти.

Автор текста, найденного Т.С. Бушуевой в Москве, не установлен. О.Н. Кен и А.И. Рупасов на основании только того, что один из вариантов записи сталинской речи оказался во 2-м бюро Генерального штаба Франции, считают, что ее автор был связан с французскими секретными службами³³. Пока ясно лишь то, что его составитель к этому времени (на документе, по сведениям Случа, есть дата 23—12—40) знал не только сообщение агентства Гавас с текстом речи Сталина, но и инструкции коммунистическим партиям Запада. Вот почему все дополнения к тексту сталинской речи, о которых пишет Случ, «опубликованные в 1941—1944 гг., касались не геополитических амбиций Кремля, а исключительно революционизирования Европы, в основном Франции, и задач компартии в этой связи». А автор текста, найденного в Москве, вопреки мнению Случа, не «переборщил, уделив слишком большое внимание вопросам будущего революционизирования Европы и роли ФКП в этом процессе»³⁴. Наоборот, он очень кратко изложил суть конкретных инструкций, занявших почти четыре страницы текста, опубликованного в «L'Ordre national» 11 декабря 1939 года.

Конечно, сообщение агентства Гавас с изложением речи Сталина — это не аутентичный документ. Этот факт особенно подчеркивают наши оппоненты, акцентируя внимание на не характерных для Сталина выражениях, таких, как *modus vivendi*. Имея дело со сталинскими речами, мы далеко не всегда располагаем исходным документом, написанным самим Сталиным. Например, в

случае с его выступлением на приеме в Кремле выпускников военных академий РККА 5 мая 1941 г. тоже нет аутентичного исходного документа, потому что выступление Сталина было импровизацией. Оно существует в записях нескольких лиц, присутствовавших на приеме. Все записи в той или иной мере отличаются друг от друга. В книге В.А. Невежина «Застольные речи Сталина» публикуется восемь разных вариантов выступления Сталина, но все они тем не менее подтверждают сам факт выступления и передают его основной смысл³⁵.

Что из этого следует? Сообщение агентства Гавас с изложением речи Сталина на заседании Политбюро от 19 августа 1939 г. — это часть комплекса информации, циркулировавшей на Западе с конца августа 1939 г., о секретном плане Сталина по использованию пакта с Гитлером и об инструкциях коммунистическим партиям за рубежом. Рюффен был лишь одним из лиц, причастных к этой истории. Текст сталинской речи, изложенный в сообщении агентства Гавас и распространенный этим агентством 28 ноября, согласуется с текстом секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 года.

Теперь, когда установлена действительно сталинская основа сообщения агентства Гавас, перейдем к невероятному, а именно к Румынии, Болгарии и Венгрии, а также к Югославии и Италии. Первые три упоминаются в тексте в следующем же предложении за Бессарабией. Значит, сказанное Сталиным о Бессарабии, как подтвержденное секретным дополнительным протоколом, требованием 1940 г. и летним захватом, — это правда, а следующее же предложение — это фальсификация? И если сталинские захватнические намерения подтвердились в результате войны, то это ничего не значит? В результате Второй мировой войны именно Румыния, Болгария и Венгрия стали зоной влияния Советского Союза примерно на 45 лет, а с Югославией произошла осечка, в чем-то подобная осечке с Финляндией.

В 1995 г. Дорошенко говорил о том, что пассаж о Румынии, Болгарии, Венгрии и Югославии «представляет претензию, с которой Сталин обращался к Гитлеру или

которую он доводил до его сведения таким путем»³⁶. Сегодня ясно, что этот пассаж по своему происхождению такой же, как и пассаж о Польше, странах Прибалтики и Бессарабии, — все это результаты предварительных переговоров между представителями Сталина и Гитлера. Переговоры были продолжены Молотовым в ноябре 1940 г. в Берлине; там речь шла и о Болгарии, и о Румынии, и о Венгрии, и о Югославии, и даже о Турции и Греции³⁷.

В России до сих пор нет научной концепции Второй мировой войны. Сегодня, когда и власть, и общество культивируют остатки советской идеологии, решение вопроса о речи Сталина, раскрывающей его устремления в этой войне, имеет принципиальное значение. Если исключить факт речи Сталина 19 августа 1939 г. из истории, то сохраняется возможность утверждать, что Сталин «стремился обеспечить национально-государственные интересы». Как пишет Случ, «на передний план он выдвигал геополитическую составляющую этих интересов, видя в расширении границ страны, т.е. в экспансии, лучшее средство для обеспечения ее безопасности. Был ли Сталин заинтересован в войне? Несомненно, но... не во всякой. По его замыслу, приведшему к соглашению с Третьим рейхом, а не с западными державами, одна из первоочередных задач Кремля заключалась в том, чтобы, используя участие европейских держав в военном конфликте, аннексировать, «прибрать к рукам», страны, отнесенные по договоренности с Берлином к «сфере интересов» СССР, и при этом по возможности остаться вне большой войны»³⁸. В этом случае замыслы Сталина ограничиваются притязаниями на территории, ранее входившие в состав России, и, таким образом, исторически оправдываются ее национально-государственными интересами.

Если считаться с реальностью сталинской речи, неизбежен вывод о том, что Гитлер и Сталин несут равную ответственность за развязывание Второй мировой войны. Ссылка на то, что «даже в ходе Нюрнбергского процесса защита обвиняемых не сочла возможным использовать «речь Сталина» 19 августа 1939 г.»³⁹, неубедительна. На Нюрнбергском процессе не использовалась не

только эта речь, но и факт расстрела НКВД польских офицеров в Катыни. Негласный консенсус союзников в ходе процесса по отношению к Сталину, заставлявший выгораживать партнера, до сих пор играет свою негативную роль в историографии, причем не только в России, но и на Западе.

Однако в России же дело усугубляется тем, что здесь до сих пор не могут отделить Сталина от народа во Второй мировой войне, до сих пор жертвенность миллионов искупает его преступную политику.

№ 1. Сталинское опровержение «О лживом сообщении агентства Гавас»

Редактор «Правды» обратился к т. Сталину с вопросом: как относится т. Сталин к сообщению агентства Гавас о «речи Сталина», якобы произнесенной им «в Политбюро 19 августа», где проводилась якобы мысль о том, что «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны».

Тов. Сталин прислал следующий ответ:

«Это сообщение агентства Гавас, как и многие другие его сообщения, представляет вранье. Я, конечно, не могу знать, в каком именно кафешантане сфабриковано это вранье. Но как бы ни ввали господ из агентства Гавас, они не могут отрицать того, что:

а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны.

Таковы факты.

Что могут противопоставить этим фактам кафешан-
танные политики из агентства Гавас?»

Правда. 30.XI.1939

№ 2. Немецкий текст сообщения агентства Гавас

Ausländische Nachrichtenagenturen

Nr. V24, Berlin, 28.11.39

abgeschl. 11.00 Uhr

E/Kg

HAVAS

28.11

Genf

Warum hat Sowjetrussland den Vertrag mit Deutschland unterzeichnet? Zeit langem schon fragt sich die öffentliche Meinung der Welt, und sie fragt sich noch immer, welches die Beweggründe der Regierung der Sowjetunion gewesen sind, als sie am 19 Oktober die politischen und wirtschaftlichen Verträge mit Deutschland Unterzeichnete. Man wusste bisher noch nicht, unter welchen Bedingungen Stalin bei dieser Wendung seinen Politik die einmütige Zustimmung des Polit-Büros erhalten hatte. Heute nun ist der Schleier gelüftet. Aus Moskau, und zwar aus durchaus zuverlässiger Quelle, hat man genaueste Meldungen über den Verlauf der Sitzung erhalten welche auf Ersuchen Stalins am 19. August um 10 Uhr abends stattgefunden hat, und darüber hinaus hat man genaue Einzelheiten über die Rede in Erfahrung gebracht, die Stalin aus diesem Anlass gehalten hat. Am 19 August abends waren die Mitglieder des Polit-Büros zu einer dringenden und geheimen Sitzung zusammenberufen worden, an welcher die führenden Leiter der Komintern, jedoch nur diejenigen der russischen Sektion, teilnahmen. Keiner der ausländischen Kommunisten und nicht einmal der Generalsekretär der Komintern, Dimitroff, war zu dieser Sitzung eingeladen worden, die zu dem Zweck

einberufen worden war, der übrigens aus der Tagesordnung nicht zu ersehen gewesen ist, einen Bericht Stalins entgegenzunehmen. Stalin ergriff sogleich das Wort. In seiner Rede führte er im wesentlichen folgendes aus: «Krieg oder Frieden, diese Frage ist in ein kritisches Stadium getreten. Ihre Lösung hängt ganz und gar von der Haltung der Sowjetunion ab. Wir sind durchaus der Überzeugung, dass wenn ein Bündnisvertrag mit Frankreich und England geschlossen wird, Deutschland genötigt ist, vor Polen zurückzuweichen und mit den Westmächten einen *modus vivendi* zu suchen. Auf diese Weise kann der Krieg vermieden werden, und dann wird die spätere Entwicklung der Dinge für uns einen gefährlichen Charakter annehmen. Wenn wir hingegen den Ihnen bekannten Vorschlag Deutschlands annehmen und mit Deutschland einen Nichtangriffspakt abschliessen, wird Deutschland ganz bestimmt Polen angreifen, und dann wird eine Intervention Frankreichs und Englands unvermeidlich. Unter diesen Umständen haben wir grosse Aussichten, abseits des Konfliktes zu bleiben, und können mit Vorteil abwarten, bis die Reihe an uns kommt. Dies aber ist gerade, was unser Interesse erfordert. Unsere Wahl ist somit klar: wir müssen den deutschen Vorschlag annehmen und die englisch-französische Delegation mit höflichem Bedauern nach Hause schicken. Es ist nicht schwierig, den Vorteil zu erkennen, den wir aus dieser Methode ziehen werden.

Es steht für uns fest, dass Polen zu Boden liegt, ehe England und Frankreich überhaupt nur in der Lage sind, ihm zu Hilfe zu kommen. In diesem Falle tritt Deutschland uns einen Teil Polens bis an die Grenze von Warschau ab und zwar einschliesslich Galiziens und der Ukraine. Deutschland lässt uns ferner in den drei baltischen Staaten jede Handlungsfreiheit. Es widersetzt sich nicht einer Rückkehr Bessarabiens nach Russland. Es ist bereit, uns Rumänien, Bulgarien und Ungarn als Einflusszonen zuzugestehen. Es bleibt dann lediglich die Frage Jugoslawiens offen, deren Lösung von der von Italien einzunehmenden Haltung abhängt. Sollte Italien an der Seite Deutschlands bleiben, dann würde Deutschland von Italien

fordern, dass Jugoslawien zu seiner Einflusszone gehört, und es würde darüber hinaus auch von Jugoslawien einen Zugang zum Adriatischen Meer erhalten. Wenn aber Italien nicht mit Deutschland geht, dann wird sich Deutschland auf Kosten Italiens einen Zugang zur Adria verschaffen, und in diesem Falle würde Jugoslawien zu unserer Einflusszone gehören, dies zum mindesten für den Fall, dass Deutschland aus dem Kriege als Sieger hervorgeht. Wir müssen jedoch auch die Möglichkeit ins Auge fassen, dass Deutschland aus dem Kriege als Sieger, ebenso gut aber auch als Besiegter hervorgeht. Prüfen wir den Fall einer deutschen Niederlage. England und Frankreich werden in diesem Falle noch genügend stark sein, um Berlin zu besetzen und um ein sowjetisches Deutschland zu vernichten, und wir würden nicht in der Lage sein, einem solchen sowjetischen Deutschland wirksam zuhelfen zu kommen. Es ist somit unser Bestreben, dass Deutschland den Krieg möglichst lange aushalten kann, damit England und Frankreich ermüdet und derart erschöpft sind, dass sie nicht mehr in der Lage sind, ein sowjetisches Deutschland zu Boden zu werfen. Aus dieser Überlegung ergibt sich unsere Haltung: Wir bleiben zwar neutral, doch stehen wir Deutschland wirtschaftlich bei, indem wir ihm Rohstoffe und Lebensmittel liefern. Dabei versteht es sich jedoch von selbst, dass unsere Hilfe eine gewisse Grenze nicht überschreiten darf, damit wir unsere eigene wirtschaftliche Lage nicht kompromittieren und die Macht unserer Armee nicht schwächen.

Gleichzeitig müssen wir eine allgemeine kommunistische Propaganda führen und dies besonders in dem französisch-englischen Bloc und vor allem in Frankreich. Wir müssen uns darauf gefasst machen, dass in Frankreich unsere Partei während des Krieges gezwungen ist, den legalen Boden zu verlassen und zu einer heimlichen Tätigkeit überzugehen. Wir wissen, dass eine solche Tätigkeit viel Geld kostet. Wir müssen aber ohne Zaudern diese Opfer auf uns nehmen. Wenn diese vorbereitende Arbeit mit Sorgfalt durchgeführt wird, dann ist der Bestand eines sowjetischen Deutschlands sichergestellt. Das kann dazu beitragen, auch Frankreich zu sowjetisieren. Um zu diesem

Ziele zu gelangen, müssen wir, wie ich eingangs ausgeführt habe, dafür sorgen, dass sich der Krieg möglichst in die Länge zieht, und wir müssen in diesem Sinne die uns zur Verfügung stehenden Mittel anwenden. Prüfen wir jetzt die zweite Hypothese, nämlich die eines deutschen Sieges. Verschiedene vertreten die Ansicht, dass diese Möglichkeit für uns eine sehr ernste Gefahr bedeutet. In dieser Behauptung steckt ein Körnchen Wahrheit. Es wäre jedoch ein Irrtum, wollte man annehmen, dass diese Gefahr so nahe bevorsteht und dass sie so gross ist, wie verschiedene sich einbilden. Wenn Deutschland aus dem Kriege siegreich hervorgeht, dann ist es zu ermüdet, um sich in den nächsten 10 Jahren mit uns in einen bewaffneten Konflikt einzulassen. Seine Hauptsorge wird sein das besiegte Frankreich und das besiegte England zu überwachen, um sie daran zu hindern, sich wieder zu erheben. Daneben wird ein siegreiches Deutschland über gewaltige Kolonien verfügen. Die Ausbeutung dieser Kolonien und ihre Anpassung an die deutschen Methoden werden Deutschland ebenfalls jahrzehntelang beschäftigen. Es liegt auf der Hand, dass Deutschland zu sehr beschäftigt sein wird, um sich gegen uns zu wenden. Genossen, so schloss Stalin, ich habe Sie mit meiner Überlegungen vertraut gemacht. Ich wiederhole Ihnen, dass es in Ihrem Interesse liegt, wenn zwischen Deutschland und dem englisch-französischen Block ein Krieg ausbricht. Für uns kommt es darauf an, dass dieser Krieg möglichst lange dauert damit beide Parteien sich erschöpfen. Aus diesen Gründen müssen wir den von Deutschland vorgeschlagenen Pakt annehmen und müssen daran arbeiten, dass dieser Krieg, ist er einmal ausgebrochen, so lange wie möglich andauert. Zur gleichen Zeit müssen wir unsere Propagandaarbeit in den kriegführenden Staaten intensivieren, damit der Tag, an welchem der Krieg zu Ende geht, uns bereit findet». Die Rede Stalins, die mit Andacht angehört wurde, wurde in keiner Weise diskutiert. Nur zwei Fragen wurden gestellt, auf welche Stalin antwortete. Sein Vorschlag, den Nichtangriffspakt mit Deutschland anzunehmen, wurde einstimmig gebilligt. Dann fasste das

Polit-Büro den Entschluss, den Präsidenten der Komintern, M a n u l s k i (так в тексте. — *Авт.*)

Zu beauftragen, mit dem Generalsekretär der Komintern, Dimitroff, unter der persönlichen Leitung Stalins die Instruktionen auszuarbeiten, die der Kommunistischen Partei im Auslande gegeben werden sollen.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin (PAAA). Botschaft Moskau, 530. S. 202689—202693. Машинописная копия. В тексте имеются многочисленные подчеркивания, восклицательные знаки и вопросы на полях. Слово «dreï» подчеркнуто дважды. На левом поле первой страницы запись, сделанная рукой Ф. Шуленбурга: «Суббота! Сталин уже к вечеру принял решение. Это важно, что 19.8 политическое решение было принято». На левом поле второй страницы: «От кого? Пожалуй, от Советского Союза!»

№ 3. Текст опубликованного сообщения агентства Гавас

Pourquoi l'U.R.S.S. aurait signé son accord avec le Reich. L'agence Havas a reçu de Moscou, via Genève, d'une source qu'elle déclare absolument digne de foi, les renseignements suivants sur la séance que le Politbureau tint, à la demande de Staline, le 19 août à 10 heures du soir, et à la suite de laquelle l'U.R.S.S. signa avec le Reich l'accord politique que l'on sait:

Le 19 août au soir, les membres du Politbureau avaient été convoqués d'urgence à une séance secrète à laquelle assistaient les principaux dirigeants du Komintern, mais seulement ceux de la section russe. Aucun des communistes étrangers, même pas Dimitrov, secrétaire général du Komintern, n'avait été invité à cette réunion dont le but, qui n'était pas indiqué dans l'ordre du jour, était d'entendre un rapport de Staline.

Celui-ci prit immédiatement la parole. Voici l'essentiel de son discours:

La paix ou la guerre. Cette question est entrée dans sa phase critique. Sa solution dépend entièrement de la position que prendra l'Union soviétique. Nous sommes absolument convaincus que si nous concluons un traité d'alliance avec la France et la Grande-Bretagne l'Allemagne se verra obligée de reculer devant la Pologne et de chercher un modus vivendi avec les puissances occidentales. De cette façon, la guerre pourra être évitée et, alors, le développement ultérieur de cet état de choses prendra un caractère dangereux pour nous.

D'autre part, si nous acceptons la proposition de l'Allemagne, que vous connaissez, de conclure avec elle un pacte de non-agression, l'Allemagne attaquera certainement la Pologne, et l'intervention dans cette guerre de l'Angleterre et de la France deviendra inévitable.

Dans ces circonstances, nous aurons beaucoup de chances de rester à l'écart du conflit et nous pourrions attendre avantageusement notre tour. C'est précisément ce qu'exige notre intérêt.

Ainsi notre choix est clair: nous devons accepter la proposition allemande et renvoyer dans leur pays, avec un refus courtois, les missions anglo-françaises.

Il n'est pas difficile de prévoir l'avantage que nous retirerions de cette façon de procéder. Il est évident, pour nous, que la Pologne sera anéantie avant même que l'Angleterre et la France soient en mesure de venir à son aide. Dans ce cas, l'Allemagne nous cède une partie de la Pologne jusqu'aux abords de Varsovie — Galicie ukrainienne comprise.

L'Allemagne nous laisse toute liberté d'action dans les trois pays baltes. Elle ne s'oppose pas au retour à la Russie de la Bessarabie. Elle est prête à nous céder, comme zone d'influence, la Roumanie, la Bulgarie et la Hongrie.

Reste la question de la Yougoslavie, dont la solution dépend de la position prise par l'Italie. Si l'Italie demeure aux côtés de l'Allemagne, celle-ci exigera que la Yougoslavie soit comprise dans sa zone d'influence, et c'est aussi par la Yougoslavie qu'elle obtiendra l'accès à la mer Adriatique. Mais si l'Italie ne marche pas avec l'Allemagne, alors c'est aux dépens de l'Italie que l'Allemagne aura accès à la mer

Adriatique et, dans ce cas, la Yougoslavie passera dans notre sphère d'influence.

Ceci dans l'éventualité l'Allemagne sortirait victorieuse de la guerre.

Cependant, nous devons prévoir les possibilités qui résulteront de la défaite aussi bien que de la victoire de l'Allemagne. Examinons le cas d'une défaite allemande. L'Angleterre et la France auront assez de force pour occuper Berlin et diriger l'Allemagne, et nous ne serons pas en mesure de venir efficacement en aide à celle-ci.

Donc, notre but est que l'Allemagne puisse mener la guerre le plus longtemps possible afin que l'Angleterre et la France soient fatiguées et à tel point épuisées qu'elles ne soient plus en état d'abattre l'Allemagne.

De là notre position: tout en restant neutre, nous aidons l'Allemagne économiquement en lui fournissant matières premières et denrées alimentaires; mais il va de soi que notre aide ne doit pas dépasser une certaine limite, afin de ne pas compromettre notre situation économique et de ne pas affaiblir la puissance de notre armée.

En même temps, nous devons, de façon générale, mener une active propagande communiste, en particulier dans le bloc anglo-français, et tout spécialement en France. Nous devons nous attendre que, dans ce pays, notre parti soit obligé, en temps de guerre, d'abandonner le terrain légal et de passer à l'activité clandestine. Nous savons que cette activité exige beaucoup d'argent, mais nous devons consentir sans hésiter ces sacrifices. Si ce travail préparatoire est dûment exécuté, la sécurité de l'Allemagne sera assurée. Celle-ci pourra contribuer à la socialisation de la France.

Examinons maintenant la deuxième hypothèse, celle de la victoire allemande.

Certains sont d'avis que cette éventualité représenterait pour nous le plus grave danger. Il y a dans cette assertion une part de vérité, mais ce serait une erreur de penser que ce danger soit aussi proche et aussi grand que certains l'imaginent.

Si l'Allemagne l'emporte, elle sortira de la guerre trop fatiguée pour nous faire la guerre pendant la première dé

cennie. Ses principaux soucis seront de surveiller. L'Angleterre et la France vaincues pour les empêcher de se relever.

D'autre part, l'Allemagne victorieuse disposera de vastes colonies; l'exploitation de celles-ci et leur adaptation aux méthodes germaniques absorberont l'Allemagne également pendant plusieurs décennies. Il est évident que l'Allemagne sera trop occupée ailleurs pour se tourner contre nous.

Camarades, conclut Staline, je vous ai exposé mes considérations. Je vous répète qu'il est dans votre intérêt que la guerre éclate entre le Reich et le bloc anglo-français. Il est essentiel pour nous que cette guerre dure le plus longtemps possible, pour que les deux parties s'épuisent. C'est pour ces raisons que nous devons accepter le pacte proposé par l'Allemagne et travailler à ce que la guerre, une fois déclarée, se prolonge au maximum. En même temps, nous devons intensifier le travail économique dans les pays belligérants, afin que nous soyons bien préparés pour le moment où la guerre prendra fin.

L'exposé de Staline, écouté religieusement, ne fut suivi d'aucune discussion. Deux questions seulement furent posées, et de peu d'importance, auxquelles Staline répondit. Sa proposition relative à l'acceptation du pacte de non-agression avec le Reich fut adoptée à l'unanimité. Ensuite, le Politbureau prit une décision chargeant le président du Komintern Manouïlski d'élaborer avec le secrétaire Dimitrov et sous la direction de Staline lui-même, les instructions appropriées à donner au parti communiste à l'étranger.

Onyбл.: Revue de Droit International, de Sciences Diplomatiques et Politiques, Genève, 1939, t. 17, numéro 3, juillet — septembre, p. 247—249.

№ 4. Русский перевод опубликованного текста сообщения агентства Гавас с дополнениями и разночтениями, имеющимися в немецкой копии

«Почему Советская Россия подписала договор с Германией? Как долго еще будет спрашивать мировая общественность, — а она продолжает спрашивать, — ка-

кие основания были у правительства Советского Союза подписать 19 августа (в тексте — 19 октября, что является явной ошибкой переводчика. — *Авт.*) политический и хозяйственный договоры с Германией. До сих пор было неизвестно, при каких условиях Сталин получил единодушное одобрение Политбюро повороту своей политики. Теперь завеса приподнята⁴⁰.

Почему СССР заключил пакт с Рейхом (с этой фразы начинается французский текст сообщения; она опущена в публикации Случа. — *Авт.*). Агентство Гавас получило из Москвы через Женеву от источника, который оно рассматривает как достойный абсолютного доверия, следующие сведения о заседании Политбюро, проведенного по инициативе Сталина 19 августа в 10 часов вечера⁴¹, вскоре после которого СССР подписал известное политическое соглашение с Рейхом: вечером 19 августа члены Политбюро были срочно созваны на секретное заседание, на котором присутствовали также видные лидеры Коминтерна, но только те, кто входил в русскую секцию. Никто из зарубежных коммунистов, даже Димитров — генеральный секретарь Коминтерна, не был приглашен на это заседание, цель которого, не обозначенная в повестке дня, состояла в том, чтобы заслушать доклад Сталина. Далее следовала запись его основных положений:

«Мир или война. Этот⁴² вопрос вступает в критическую фазу. Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займет Советский Союз. Мы совершенно убеждены, что, если мы заключим договор о союзе с Францией и Великобританией, Германия будет вынуждена отказаться от Польши и искать *modus vivendi* с западными державами. Таким образом, войны удастся избежать, и тогда последующее развитие событий примет опасный для нас характер.

С другой стороны, если⁴³ мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным.

При таких обстоятельствах у нас будут хорошие шансы остаться в стороне от конфликта, и мы сможем,

находясь в выгодном положении, выжидать, когда наступит наша очередь. Именно этого требуют наши интересы.

Итак, наш выбор ясен: мы должны принять немецкое предложение, а английской и французской делегациям ответить вежливым отказом и отправить их домой.

Нетрудно предвидеть выгоду, которую мы извлечем, действуя подобным образом. Для нас очевидно, что Польша будет разгромлена прежде, чем Англия и Франция смогут прийти ей на помощь. В этом случае Германия передаст нам часть Польши вплоть до предместий (подступов в переводе Случа. — *Авт.*) Варшавы, включая украинскую Галицию.

Германия предоставит нам полную свободу действий в трех Прибалтийских странах. Она не будет препятствовать возвращению России Бессарабии. Она будет готова уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию.

Остается открытым вопрос о Югославии, решение которого зависит от позиции, которую займет Италия. Если Италия останется на стороне Германии, тогда последняя⁴⁴ потребует⁴⁵, чтобы Югославия входила в зону ее влияния, ведь именно через Югославию она⁴⁶ получит доступ к Адриатическому морю. Но если Италия не пойдет вместе с Германией, то тогда она за счет Италии получит выход к Адриатическому морю, и в этом случае Югославия перейдет в нашу сферу влияния⁴⁷.

Все это в том случае, если Германия выйдет победительницей из войны.

Однако мы должны предвидеть последствия как поражения, так и победы Германии. Рассмотрим вариант, связанный с поражением Германии⁴⁸. У Англии и Франции⁴⁹ будет достаточно сил, чтобы оккупировать Берлин и уничтожить⁵⁰ Германию, которой мы вряд ли сможем оказать эффективную помощь⁵¹.

Поэтому наша цель⁵² заключается в том, чтобы Германия как можно дольше смогла вести войну, чтобы уставшие и крайне изнуренные Англия и Франция были не в состоянии разгромить⁵³ Германию.

Отсюда наша позиция: оставаясь⁵⁴ нейтральными,

мы помогаем Германии экономически, обеспечивая ее сырьем и продовольствием; однако⁵⁵, само собой разумеется, что наша помощь не должна переходить определенных границ, чтобы не нанести ущерба нашей экономике⁵⁶ и не ослабить мощь нашей армии.

В то же время мы должны вести активную коммунистическую пропаганду, особенно в странах англо-французского блока, и прежде всего во Франции. Мы должны быть готовы к тому, что в этой стране наша партия во время войны будет вынуждена прекратить легальную деятельность и перейти к нелегальной. Мы знаем, что подобная деятельность требует больших средств, но мы⁵⁷ должны без колебаний пойти на эти жертвы. Если эта подготовительная работа будет тщательно проведена, тогда безопасность⁵⁸ Германии будет обеспечена и она сможет⁵⁹ способствовать советизации Франции⁶⁰.

Рассмотрим теперь вторую гипотезу, связанную с победой Германии.

Некоторые считают, что такая возможность представляла бы для нас наибольшую опасность. В этом утверждении есть доля правды, но⁶¹ было бы ошибкой полагать, что эта опасность настолько близка и велика, как некоторые себе это воображают.

Если Германия победит, она выйдет из войны слишком истощенной, чтобы воевать с нами в ближайшие десять лет. Ее основной заботой будет наблюдение за побежденными Англией и Францией, чтобы воспрепятствовать их подъему.

С другой стороны, Германия-победительница будет обладать огромными колониями; их эксплуатация и приспособление к немецким порядкам также займут Германию в течение нескольких десятилетий. Очевидно, что Германия будет слишком занята другим, чтобы повернуть против нас.

Товарищи, — сказал в заключение Сталин, — я изложил вам свои соображения. Повторяю, что в ваших интересах, чтобы война разразилась между Рейхом⁶² и англо-французским блоком. Для нас очень важно, чтобы эта война длилась как можно дольше, чтобы обе стороны истощили свои силы. Именно по этим причинам мы долж-

ны принять предложенный Германией пакт и способствовать тому, чтобы⁶³ война, если таковая будет объявлена, продлилась как можно дольше. В то же время мы должны усилить экономическую⁶⁴ работу в воюющих государствах, чтобы быть хорошо подготовленными к тому моменту, когда война завершится».

Доклад⁶⁵ Сталина, выслушанный с благоговейным вниманием, не вызвал никакой дискуссии. Было задано только два малозначительных⁶⁶ вопроса, на которые Сталин ответил. Его предложение о согласии на заключение пакта о ненападении с Рейхом⁶⁷ было принято единогласно. Затем Политбюро приняло решение поручить председателю Коминтерна Мануильскому совместно с секретарем Димитровым под личным руководством Сталина разработать надлежащие инструкции для коммунистической партии за рубежом.

№ 5. Секретный дополнительный протокол к договору о ненападении между Германией и Советским Союзом

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет

приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов

За Правительство Германии И. Риббентроп

№ 6. Официальные правительственные инструкции, посланные из Москвы в дипломатические миссии СССР, учрежденные на Балканах*

Следующее официальное сообщение было отправлено Коминтерном всем коммунистическим партиям Восточной Европы.

1. Россия отдала себе отчет в том, что пора отказаться от тактики, принятой 7-м конгрессом Коминтерна, состоявшимся в 1933 году (так в тексте. — *Авт.*). Следует признать, что благодаря этой тактике наша коммунистическая партия смогла заключить союзы с буржуазными и демократическими государствами, чтобы воспрепятствовать развитию фашизма, который быстро распространялся. Также благодаря именно этой тактике мы смогли

*Вопросы истории, 1989, № 6, с. 20.

помешать триумфу и установлению фашизма во Франции в 1933 (так в тексте. — *Авт.*).

2. Желание Франции и Англии привлечь СССР к Фронту примирения основывается на расчете, понятном любому. Две страны намеревались разрушить ось Рим — Берлин, широко используя для этого силы нашей страны. Данная комбинация для нас очень невыгодна. Мы должны были бы помогать спасать англо-французский империализм, что представляло бы собой нарушение наших принципов. Эти принципы никоим образом не исключают временного соглашения с нашим общим врагом — фашизмом, тогда как соглашение с буржуазией послужило бы укреплению капитализма, что абсолютно противоположно нашим принципам.

3. Учитывая рассмотренное, СССР ограничивается программой, которую мы осуществим позже. Согласно этой программе, мы совершенно не заинтересованы в войне, которая может разразиться в Европе. Мы решили выжидать, и мы вмешаемся в нужный момент. Революционная деятельность, непрерывно развивающаяся во всех странах под руководством коммунистических партий, подготавливает благоприятную почву для нашего будущего вмешательства. Коммунистические партии должны использовать трудности, которые неизбежно возникнут в этой войне, начатой капиталистическими странами, и они примут решения, необходимые для установления диктатуры пролетариата. Генеральный совет Коминтерна считает, что такая оценка ситуации основана на реальных благоприятных условиях для социальной революции в ближайшее время.

4. Мы ставим вас в известность, что наше соглашение с Осью должно расцениваться как одержанная нами дипломатическая победа. В то же время это уменьшает престиж Германии.

После заключения нашего пакта с Германией в этой стране отказались от всякой агитации против коммунизма. Полученное нами официальное сообщение полностью убеждает нас в том, что любая антикоммунистическая пропаганда действительно была запрещена. Из сообщения, опубликованного коммунистической партией Анг-

лии, вытекает, что рабочий класс этой страны достаточно хорошо осведомлен о цели пакта.

5. Одной из причин, обусловивших неудачу англо-французско-советского пакта и ускоривших заключение русско-германского пакта, была неблагоприятная позиция Польши, Румынии и *Балканских государств* (курсив наш. Здесь явная ошибка французского переводчика, в немецком переводе — *государств Балтии*. — Авт.) по отношению к России. Эти государства отказались от военной помощи Советского Союза и согласились принять в случае войны помощь техникой.

РААА. R.104355. S. 202600. Машинописная копия на немецком языке; S. 202602. Машинописная копия на французском языке. Последняя опубликована также в кн.: Komat M. Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop — Molotov. Warsaw, 2002, p. 643 — 644.

Примечания

¹ 1941 год. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 592.

² Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. — Исторический архив. 1995. № 5—6. С. 48; Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова / Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 167—183. Астахов находился в ранге временного поверенного в делах СССР в Германии с апреля 1939 г.

³ 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. С. 592.

⁴ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. (РААА). Botschaft Moskau, 530. S. 202689. На полях немецкого перевода сообщения агентства Гавас Шуленбург записал: «Суббота! Сталин уже к вечеру принял решение. Это важно, что 19.8 политическое решение было принято».

⁵ Jäckel E. Über eine angebliche Rede Stalins vom 19. August 1939. — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1958, h. 4. S. 380—389.

⁶ Случ С.3. Речь Сталина, которой не было / Отечественная история. 2004. № 1. С. 130. Немецкий перевод его статьи «Stalins Kriegsszenario 1939: Eine Rede, die es nie gab. Die Geschichte einer Fälschung» почти сразу был опубликован в том же издании, что статья Е. Йеккеля. — Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2004, h. 4. S. 597—635.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Там же. С. 130.

⁹ Там же. С. 128.

¹⁰ Там же. С. 115, 133.

¹¹ Там же. С. 114—115.

¹² Там же. С. 129—130.

¹³ В качестве первого советского требования, выдвинутого Румынии по поводу Бессарабии, обычно рассматривается заявление Молотова 29 марта 1939 г. на сессии Верховного Совета СССР. Одновременно приводится следующий факт: «В ответ на постоянные запросы румынского руководства относительно возможности советской агрессии Германия, добывавшаяся стабилизации цен на нефть, 8 февраля 1940 г. ответила, что положение Румынии ее не беспокоит, поскольку она не предвидит никакой русской агрессии». — *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 216. Таким образом, есть основания полагать, что вопрос о Бессарабии ставился в ультимативной форме уже в это время.

¹⁴ Там же. С. 117.

¹⁵ Там же. С. 116.

¹⁶ Nazi-Soviet relations. 1939—1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington, D.C., 1948. P. 64—65.

¹⁷ *Случ С.З.* Указ.соч. С. 116—117. Ruffin H. Deux documents. — *Journal de Gemive*, 12.VII. 1941; он же. Le Plan de Staline (Novembre 1939). — *La Revue Universelle*, 1944, August. P. 105—110 ; La Pradelle A. de. Le Marxisme Tentaculaire. La Formation, la Tactique et l'Action de la Diplomatie Soviétique 1920—1940. Issoudun, 1942. P. 124—128.

¹⁸ PAAA. R 101388. S. 334329.

¹⁹ PAAA. R 104355. S. 202598.

²⁰ *Kornat M.* Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Molotov. Warsaw, 2002. P. 642—644.

²¹ Циркуляр имел форму диалога:

— Изменились ли конечные цели Коминтерна?

— Нет. Конечная цель Коминтерна та же самая: Мировая революция.

— Возможна ли мировая революция в настоящий момент?

— Нет, все попытки активизации Мировой революции провалились.

— Не может ли начало Мировой революции быть ускорено усилением агитации?

— Нет... (Здесь следовало перечисление причин, почему она невозможна в разных странах, но в газете они опущены.)

— Как могла бы быть ускорена Мировая революция?

— Затяжная война... (Следовало детальное объяснение и цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина, но в газете все опущено.)

— Ускорит ли начало войны русско-германский пакт?

— Да, потому что нейтралитет России позволит Германии реализовать ее планы.

— Что случится, если СССР не согласится ни на какой пакт? С Германией или с Англией и Францией?

— Пока СССР не объявляет о своей позиции, мирное разрешение противоречия возможно.

— Что должен сделать СССР, чтобы ускорить мировую революцию?

— Поддержать Германию, чтобы Германия могла начать войну, и постараться повлиять, чтобы война стала затяжной (цит. по: *Nordling C. O. Defence or Imperialism. An Aspect of Stalin's Military and Foreign Policy.* Uppsala, 1984. P. 100.)

Циркуляр был подготовлен, чтобы предотвратить недовольство среди коммунистических лидеров и объяснить им, почему был разработан пакт с Германией.

²² Случ *С.З.* Указ. соч. С. 132, сн. 21, и с. 126.

²³ Там же. С. 128.

²⁴ *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Коминтерн и Вторая мировая война (до 22 июня 1941 года). — История Коммунистического интернационала 1919—1943. М., 2002. С. 185—186.

²⁵ *Fabricius W.* to Auswärtige Amt. Bucharest. Sept. 10. 1939. — PAAA. R 104355. S. 202598.

²⁶ Случ *С.З.* Указ. соч. С. 127.

²⁷ *Hernandez J.* La Grande Trahison. Paris, 1953. P. 207—208; *Fischer E.* Erinnerungen und Reflexionen. Hamburg, 1969. S. 407—411; Wilhelm Pieck Nachlass, 36/540 (1.2. 09.39). — Bundesarchiv (Berlin). Stiftung der Arbeiterparteien und Massenorganisationen der DDR.

²⁸ *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 407.

²⁹ Случ *С.З.* Указ. соч. С. 127.

³⁰ Там же. С. 124.

³¹ Там же. С. 117.

³² *Ruffin H.* Deux documents. — Journal de Genève, 12.VII. 1941.

³³ *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-е гг.). 4. 1. СПб., 2000. С. 66, сн. 142.

³⁴ Случ *С.З.* Указ. соч. С. 128—129.

³⁵ *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. М. — СПб., 2003. С. 279—293.

³⁶ *Дорошенко В.Л.* Сталинская провокация Второй мировой войны. В кн.: 1939—1945. 1 сентября — 9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Новосибирск, 1995. С. 12.

³⁷ *Лебедева Н.С., Наринский М.М.* Указ. соч. С. 173.

³⁸ Случ *С.З.* Указ. соч. С. 125.

³⁹ Там же. С. 113, 131, сн. 8.

⁴⁰ С этого абзаца начинается немецкий перевод текста сообщения Гавас; он отсутствует в опубликованном французском варианте.

⁴¹ В немецком тексте иначе — «Сталин сразу же взял слово. В своей речи он сказал по существу следующее».

⁴² В немецком тексте — «Война или мир, этот...».

⁴³ В немецком тексте этот абзац начинается со слова «Если...».

⁴⁴ Вместо «последняя» — «Германия».

⁴⁵ Добавлено «от Италии».

⁴⁶ Вместо «она» — «Германия».

⁴⁷ После слова «влияния» запятая, и далее слово «все» с маленькой буквы.

⁴⁸ Вместо «с поражением Германии» — «с немецким поражением».

Добавлено «в этом случае».

⁵⁰ Добавлено «советскую (советизированную?)».

⁵¹ В немецком варианте иначе — «мы будем не в состоянии помогать такой советизированной Германии».

Вместо «цель» — «стремление».

⁵³ Добавлено «советскую (советизированную?)».

Вместо «оставаясь» — «мы остаемся».

⁵⁵ «Однако» с большой буквы.

⁵⁶ Вместо «нашей экономике» — «нашему собственному экономическому положению».

⁵⁷ Слово «мы» с большой буквы.

⁵⁸ Добавлено «советской (советизированной?)».

⁰⁹ Добавлено слово «также».

Добавлена фраза «Чтобы достичь этой цели, мы должны, как я сказал вначале, позаботиться, чтобы война продолжалась как можно дольше, и мы должны в этом смысле использовать для этого все имеющиеся средства».

⁶¹ «Но» с большой буквы.

⁶² Вместо «Рейхом» — «Германией».

⁶³ Добавлено слово «эта».

Вместо слова «экономическую» — «пропагандистскую».

Вместо слова «доклад» — «речь».

Слово «малозначительных» отсутствует.

⁶⁷ Вместо «Рейхом» — «Германией».

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РЕЧИ СТАЛИНА 19 АВГУСТА 1939 Г.

Секретная речь Сталина, представленная членам Политбюро 19 августа 1939 г., была тайно предана огласке и опубликована 28 и 29 ноября 1939 г. в нескольких французских и голландских газетах¹. Все копии исходили из одного источника — сообщения французского агентства новостей «Гавас» из Женевы, где располагалась штаб-квартира Лиги Наций. Сообщение было датировано 27 ноября. Все тексты перед публикацией были либо подвергнуты цензуре, либо подвергнуты цензуре и отредактированы.

Сразу же после подписания советско-германского пакта 23 августа 1939 г., по всей вероятности, Наркоматом иностранных дел был выпущен документ под названием «Официальные правительственные директивы Москвы дипломатическим миссиям СССР на Балканах». Эти «Директивы», скорее всего, имели другое название. Как видно из содержания самого документа, он исходил от Коминтерна. Текст этих «Директив», как и оригинальный текст речи Сталина в английском переводе автора этой статьи, публикуется ниже. Нам известно, что этот документ был направлен не только коммунистическим партиям Балканских стран, но и секциям коммунистов других зарубежных стран, без сомнения, под разными названиями. В течение нескольких дней после их появления эти «Директивы» были перехвачены или, как в

* Ричард Ч. Раак — заслуженный профессор Калифорнийского государственного университета (Hayward, USA). Автор выражает благодарность Дженнифер Макдауэлл, Милтону Ловенталю и Ирине Павловой за помощь в подготовке этой статьи.

данном случае, тайно переданы нескольким иностранным агентствам и, по крайней мере, одному журналисту. Среди копий этого документа были идентифицированы те, что предназначались коммунистам в Великобритании, Болгарии и Румынии. Выдержки из «Директив», направленных английским коммунистам, были опубликованы в газете «The Scotsman» 3 ноября 1939 г. Они идентичны соответствующим отрывкам из копий, посланных компартиям Балканских стран².

«Директивы» Коминтерна разъясняли лидерам зарубежных компартий те преимущества, которые Советский Союз якобы мог получить в результате советско-германского договора. Они явно были рассчитаны на широкое распространение среди лидеров коммунистических партий зарубежных стран с целью дальнейшего внутрипартийного обсуждения пакта и его выгод. Как и речь Сталина, «Директивы» содержали обоснование причин заключения пакта с Гитлером. Оба документа показывают, что Сталин стремился продемонстрировать достоинства пакта членам зарубежных коммунистических партий, которые были шокированы этим неожиданным соглашением с нацистами.

Еще одно разоблачение Москвы появилось 8 сентября 1939 г. в Хельсинки в вечерней газете «Svenska Pressen», выходившей на шведском языке. В ней была опубликована информация, почерпнутая одновременно из обоих документов и дополненная подробностями из близких Кремлю источников. Как и «Директивы», информация, представленная в газете «Svenska Pressen», является еще одним доказательством подлинности секретной речи Сталина³.

Вскоре после первого появления «Директив» одна из их версий была доведена до сведения по меньшей мере одной из ключевых групп иностранных коммунистов в Москве. Они были переданы в Секретариат Коминтерна 9 сентября 1939 г., когда либо Генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, либо Д.З. Мануильский, осуществлявший связь между советской секцией Коминтерна и иностранными секциями, провели беседу, разъяснявшую преимущества пакта и историю его за-

ключения в соответствии с тем, как это было представлено в «Директивах»⁴. Исторические материалы, связанные с оригинальной версией речи Сталина, свидетельствуют о том, что Сталин назначил Димитрова ответственным за доведение информации о пакте до зарубежных партий. На встрече в Кремле с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и А.А. Ждановым 7 сентября 1939 г. на Димитрова была, вероятно, возложена прямая обязанность разъяснить товарищам из руководства Коминтерна новую советскую политику⁵.

На этой встрече в Кремле 7 сентября Димитрову прочитали лекцию о политической ситуации, сложившейся после заключения советско-германского пакта⁶. С начала месяца Димитров и Мануильский уже проделали определенный объем информационной работы в Секретариате. Еще раньше, 27 августа, они обращались к Сталину с письменной просьбой разъяснить новую ситуацию⁷. Шок, произведенный заключением пакта, к этому времени достиг невероятных размеров и продолжал нарастать в связи с непониманием проводимой политики и волнениями в рядах коммунистов, оскорбленных соглашением с нацистами⁸. Можно предположить, что встреча Димитрова со Сталиным и его ближайшими соратниками состоялась в связи с августовским запросом.

В тот день Димитров в своем личном дневнике записал то, что ему говорил Сталин. Эти заметки, содержащие, вероятно, только часть того, что он слышал, остаются тем не менее замечательным источником информации о намерениях Сталина в период после подписания пакта. В ходе этой встречи Сталин мог передать Димитрову копию «Директив», а глава Коминтерна, возможно, сделал более подробные записи беседы для своих служебных целей и только часть этой информации доверил личному дневнику.

Прилежный «летописец» и один из руководителей немецкой компартии в изгнании Вильгельм Пик находился в Секретариате Коминтерна 9 сентября. Он, по своему обыкновению, записал многое из того, что слы-

шал⁹. Судя по его записям, информация, переданная в Секретариат 9 сентября, была значительно более конкретной, чем это следует из текста личного дневника Димитрова о встрече со Сталиным в Кремле. Записи Пика указывают на то, что Димитров к этому моменту был уже ознакомлен с «Директивами».

Свидетельства, о которых далее пойдет речь, показывают, что «Директивы» циркулировали за границей еще до 7 сентября 1939 г. К тому же премьер-министр Румынии, правительство которого перехватило одну из копий «Директив», утверждал, что они попали за границу через советские дипломатические представительства¹⁰. Следовательно, ни Генеральный секретарь Коминтерна Димитров, ни руководители иностранных компартий в Москве не играли никакой роли в их разработке, несмотря на свою принадлежность к Коминтерну.

Высказывания, приписываемые Сталину, Григорию Зиновьеву и В.И. Ленину с 1920-х гг., предвосхищают программное содержание документов 1939 г., хотя более ранним текстам явно недостает понимания специфических условий надвигавшейся войны, как раз того, что Сталин добавил к своей речи для членов Политбюро 19 августа 1939 г.

К примеру, в 1920 г. Ленин объяснил, какие революционные цели стояли за провалившейся военной кампанией против Польши и предполагаемым продвижением Красной Армии дальше на Запад. Этот разоблачительный документ был впервые опубликован в 1992 г.¹¹. Две более ранние цитаты из речей его последователей Сталина и Зиновьева также непосредственно связаны с историей пакта и его секретного дополнительного протокола. Эти тексты позволяют увидеть долговременную последовательность в политике Кремля, которая отразилась в речи Сталина и «Директивах» 1939 г.

Первая цитата представляет собой отрывок из статьи Сталина в газете «Правда» от 15 марта 1923 г. Она отсылает нас к ленинскому объяснению целей продвижения Красной Армии на Запад: «Во время войны с Польшей [в 1920 г.] ситуация была такова, что мы были ослеплены нашими первоначальными легкими победами

в этой кампании и недооценили значение подъема национального чувства в Польше в те дни. Когда в сложившихся обстоятельствах мы предприняли попытку прорваться в Европу через Варшаву, то столкнулись с сопротивлением большинства польского населения. Таким образом, мы создали ситуацию, в которой успехи советских войск под Минском и Житомиром были сведены на нет, и престиж советской военной мощи на Западе пошатнулся»¹².

В том же 1923 г. Зиновьев объяснил важность революции, которую советское руководство намеревалось в то время экспортировать в Германию. Сталин также был членом комитета, планировавшего революцию. Зиновьев в основном повторил слова Ленина, который до этого неоднократно высказывал аналогичную мысль: «С самого начала пролетарская революция в Германии имела большее значение, чем революция в России. Германия — индустриально развитая страна, [которая] находится в центре Европы... Советская Германия с первых дней своего существования образовала бы тесный союз с СССР... Революция в Германии поможет Советской России победить в деле создания социалистической экономики, тем самым создать непоколебимую основу для победы социалистической формы экономики во всей Европе»¹³.

Немногим более года спустя, 19 января 1925 г., Сталин снова выступил с речью, на сей раз на пленуме Центрального Комитета партии¹⁴. К моменту этого выступления прошел почти год со смерти Ленина. Сталин сформулировал основной политический принцип использовать Красную Армию для распространения революции в Западную Европу. Таким образом, в очередной раз возник план использования Красной Армии, чтобы обеспечить успех революционных действий за рубежом.

Сталин предвидел возникновение новой большой войны. Он предсказывал, что нестабильность внутри капиталистических стран будет увеличиваться с ростом бедствий военного времени, и страны, вовлеченные в военные действия, будут ослабляться. Внутренняя нестабильность будет нарастать за счет дезорганизации, бедствий и разрухи, вызванных военными действиями. Ви-

дение Сталиным исторических перспектив оставалось таким же, как у Ленина, то есть гражданская война, мятежи, революционные действия, которые имели место в России и в Центральной и Западной Европе к концу и после, на тот момент последней, «Великой войны».

В этой, сталинской, адаптации плана Ленина Красная Армия должна была быть высокоорганизованной и оснащенной для того, чтобы стать инструментом интервенции за границу. Красная Армия должна была с сокрушительной силой вступить в грядущую войну после того, как основные противники истощат свои силы. По мнению Сталина, война была неизбежна даже при том, что капитализм в Европе, как он был вынужден признать, уже пережил послевоенный кризис. Однако отложить революцию не означало отказаться от нее.

Вместе с тем Сталин предостерегал своих слушателей, что обстановка может измениться. Как показала практика (с таким же успехом он мог бы сказать «неоднократно показала»), революционные силы на Западе, несмотря на грядущие бедствия, могут оказаться неспособными победить буржуазию в «решающей схватке» при том, что вполне возможны многочисленные локальные беспорядки. Он напомнил о недавних попытках революционных государственных переворотов в Эстонии и Латвии — государствах, граничивших с Советским Союзом. Революции там, не имея значительной иностранной помощи, потерпели поражение. Он имел в виду помощь Красной Армии. Он не упоминал о других неудачных попытках социалистической революции недавнего времени, в частности, провал большевистского переворота в Германии осенью 1923 г. Публичное признание всех недавних неудач Москвы в достижении ключевых целей большевизма могло навести слушателей Сталина на мысль о его собственной решающей роли в этих провалах. Сталин ограничился примерами Эстонии и Латвии.

Неизменно возвращаясь к теме войны, он тем не менее отдал должное вопросу мира. «Наш флаг, — сказал он, — был и остается флагом мира... Но если начнется война [а он был уверен, что война начнется], мы будем готовы и во всеоружии. Однако мы будем последними,

кто вступит в военный конфликт, — таким образом, мы сможем обеспечить решающий перевес сил. Наша мощь будет залогом нашей победы. При осложнениях в окружающих нас странах вопрос спасения [революций будет зависеть от] нашей армии и ее готовности». Таким образом, Сталин недвусмысленно дал понять своим революционно настроенным слушателям, что вся эта шумиха вокруг советского флага мира была не более чем завесой для ленинской программы мировой революции.

И конечно же он не проповедовал пустых теорий. Аналогичная схема — смесь разговоров о мире и благородной миссии «освобождения» — была использована им в качестве ширмы для похода Красной Армии на Запад в 1939 году. Тогда, после подписания советско-германского пакта «советизация» по-ленински вновь была направлена на Запад. Через два с половиной месяца после того, как «революция из-за границы» вместе с авангардными частями Красной Армии пришла в восточную Польшу в 1939 году, Сталин задумал принести ее и в некогда царскую Финляндию. Выступая в январе 1940 г. в период трудной для Советов военной кампании в Финляндии перед ближайшими соратниками, которых он собрал в связи с годовщиной смерти Ленина, Сталин сказал, что «мировая революция как единый акт — это полная ерунда. Она требует разного периода времени в разных странах. Действия Красной Армии также являются делом мировой революции»¹⁵. Вслед за практикой успешных приобретений Кремля в Балтийском регионе в 1940 г., Сталин использовал ту же пропагандистскую маску и в 1944 и 1945 гг., когда с помощью Красной Армии расширял «сферу влияния» Советского Союза за пределы того, что еще недавно именовалось «странами по ту сторону железного занавеса».

Учитывая высказывания, приведенные выше, и принимая во внимание характерные особенности поведения Сталина и его ближайшего окружения, а именно то, что он, как и другие представители большевистской иерархии, почерпнул большинство своих революционных идей у Ленина, что он постоянно повторял сам себя и что его приспешники всегда стремились цитировать его, чита-

тель незамедлительно обнаружит, что речь от 19 августа 1939 г. и «Директивы» от Наркоминдела того же года являются продолжением размышлений, процитированных выше¹⁶. Эти документы 1939 г. приведены ниже.

* * *

Речь Сталина была напечатана в нескольких газетах Парижа, а также в ряде иностранных газет 28 и 29 ноября 1939 г.¹⁷. Все десять франкоязычных копий, найденных автором, содержат идентичные отличия от варианта, переданного агентством «Navas», текст которого следует ниже. Несомненно, все упомянутые копии были подвергнуты цензуре. Идентичность искажений свидетельствует о том, что исправления и сокращения были сделаны по требованию цензора. Во Франции существовала военная цензура, в обязанности которой среди прочего входила задача следить, чтобы в публикациях не содержалось враждебных выпадов в отношении иностранных правительств¹⁸.

К тому же некоторые из опубликованных версий, очевидно, позднее подверглись дополнительной правке редакторами газет. Это явствует из того, что опубликованные в разных газетах материалы отличаются по размеру и по существу. Наиболее полные копии на французском языке были, в частности, опубликованы в «Le Journal» и «Le Figaro» в Париже, а также в «Le Peuple» в Брюсселе.

Производная версия текста агентства «Navas», которая использовалась при сверке последовательности абзацев в этом переводе, появилась в женевском научном журнале «Revue de droit international de sciences diplomatiques et politiques» в конце 1939 г. Публикация была датирована задним числом 30 сентября¹⁹. Вероятнее всего, этот вариант был перепечатан из парижской газеты «Le Temps» за 29 ноября 1939 г. «Le Temps» считалась в то время полуофициальным печатным органом Министерства иностранных дел Франции — этим и объяснялся выбор редакторов «Revue». Именно этот, в значительной степени отредактированный и подвергнутый

цензуре французский вариант использовался большинством историков, критически настроенных в отношении аутентичности речи.

Копии текста речи, включая вариант агентства «Navas», появились также на голландском языке в «Nieuwe Rotterdamsche Courant» и в «De Telegraaf» в Амстердаме, обе — 28 ноября 1939 г. (в последнем случае текст был несколько сокращен). Вариант, опубликованный в «Courant», практически идентичен (с поправкой на особенности голландского языка) немецкому переводу донесения, которое было получено агентством «Navas» по телеграфу для внутреннего использования в государственных учреждениях немецкими международными обозревателями и впоследствии переведено. Только два слова отличают текст в «Nieuwe Rotterdamsche Courant» от немецкого варианта, что вполне может быть результатом ошибки переводчика или просто типографской ошибкой. (Одна явная ошибка в немецкой копии будет специально прокомментирована ниже в тексте английского перевода.) Однако и голландский, и немецкий варианты длиннее и содержат идентичные слова (хотя и на разных языках) и смыслы, которые отличаются или вообще отсутствуют в опубликованных французских копиях.

Анри Рюффен (Henry Ruffin), репортер агентства «Navas» в Женеве, который получил и распространил этот текст речи, написал предисловие об истории вопроса и добавил в заключение несколько деталей по поводу намерений Сталина. Рюффен также упомянул о реакции Политбюро на замечания Сталина. Эти пояснительные материалы полностью содержатся в немецкой версии и в варианте, опубликованном в «Nieuwe Rotterdamsche Courant», и соответственно вошли в наш перевод на английский язык.

В Нидерландах в то время не существовало цензуры. Следовательно, мы можем принимать немецкий текст, непосредственно «снятый» с телеграфной ленты, за исторический *исходный текст* до того момента, когда будет обнаружен оригинальный телеграфный текст, полученный самим Рюффеном.

Все сопроводительные письма к «Директивам», посланные находившимися в Бухаресте министрами Великобритании, Франции и Германии министрам иностранных дел в Лондоне, Париже и Берлине, были датированы периодом времени от 5 до 10 сентября 1939 г.²⁰. Эти временные рамки позволяют приблизительно представить дату появления этого документа, — вероятно, не позднее чем через неделю после подписания пакта. Однако ссылки на архивные материалы, содержащие более ранние упоминания о появлении похожей информации, создают впечатление, что «Директивы», вероятно, были подготовлены еще раньше, сразу после 23 августа 1939 г., дня заключения советско-германского пакта, а может быть, даже до того момента, когда министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп и Молотов скрепили документ своими подписями²¹.

Премьер-министр Эдуард Даладье (douard Daladier) и члены Палаты депутатов Франции вскоре были оповещены о речи Сталина, даже если они сами не прочитали опубликованного в конце ноября газетного текста. О нем шла речь и в опубликованном 1 декабря 1939 г. правительственном документе по военным вопросам. Все пункты «Директив», приведенные выше, были также упомянуты в этом официальном документе²².

Некоторым читателям может показаться странным, что эти ошеломляющие документы не цитировались большинством историков, писавших о кануне Второй мировой войны. Ведь речь Сталина была опубликована во многих газетах, связанных с агентством «Navas». Однако, хотя 28 и 29 ноября 1939 г. в парижской прессе и были опубликованы многочисленные копии этого документа, ни одна из них не появилась тогда в англоязычном парижском издании «International Herald Tribune». Это до некоторой степени объясняет причину того, что этот документ не получил впоследствии широкого рас-

пространения в англоязычных журналах и газетах. Однако если текст речи Сталина и та информация, которой ее сопровождал Рюффен, не попали на страницы новостных англоязычных изданий, то факт сталинского опровержения подлинности этой речи освещался, по крайней мере, несколькими газетами в Соединенных Штатах Америки²³.

В июле 1956 г. Анри Рюффен подтвердил, что он был одним из трех женевских журналистов, которым 27 ноября 1939 г. были доверены копии текста речи Сталина. Он отвечал на вопросы Витольты Свораковски, заместителя директора Гуверовского института (Hoover Institution), по поводу этого документа. В 1950-е гг. Свораковски, в прошлом — польский дипломат, сам занимался изучением советско-германских отношений. В ходе своих изысканий он и направил Рюффену запрос о происхождении текста сталинской речи.

В ответ Рюффен сообщил, что этот текст был доверен ему Харитоном Чавишвили (Khariton Chavichvili), представителем Грузинского национального правительства в изгнании. Как писал Рюффен, Чавишвили пользовался покровительством правительства Швейцарии, которое было осведомлено о его деятельности. По мнению Рюффена, большевистские функционеры Женевского отделения Лиги Наций и Министерства иностранных дел в Париже стремились поначалу воспрепятствовать распространению агентством «Navas» полученной информации. Когда же этого сделать не удалось, они пытались не допустить ее опубликования²⁴.

Свораковски говорил также, что в 1939 году, когда публикации все-таки появились, он находился в Париже и сам столкнулся с жесткой цензурной политикой во Франции в те дни. Он писал, что в январе 1940 г., после ноябрьских публикаций 1939 г., он хотел включить текст речи Сталина в передачу на Радио Парижа, которое вещало на его оккупированную родину. Однако тогдашний французский цензор изъял из проекта беседы польского дипломата все ссылки на сталинскую речь, чтобы не провоцировать кремлевского лидера.

По не вполне понятным причинам различные производные копии этой речи были опубликованы и в ходе Второй мировой войны в вишистской Франции. Более десяти лет назад одна из них была обнаружена Татьяной Бушуевой в архиве бывшего Советского Союза и опубликована ею в журнале «Новый мир». Она, очевидно, не предполагала, что найденная ею копия не является оригиналом. [Переводы речи Сталина на английский язык были сделаны с этой вторичной копии²⁶.]

Сам Сталин объявил текст своей речи фальсификацией сразу после его первой публикации во французской газете. Его опровержение было опубликовано в газете «Правда» 30 ноября 1939 г. Начиная с середины 1950-х гг. вплоть до 2004 г. историки вслед за Сталиным заявляли, что этот текст сфабрикован²⁷. Однако с момента первой публикации текста речи Сталина во Франции только три историка пытались более или менее систематически установить аутентичность речи и сопутствующие ей обстоятельства. Работы двух из них вышли в свет²⁸.

Однако ни один из этих историков не изучал французские газеты достаточно внимательно (а скорее всего, вообще не изучал!), чтобы выяснить, все ли опубликованные на французском языке копии идентичны, а они как раз не идентичны. Еще одним показателем полноты их исследовательской работы может служить тот факт, что оба историка использовали в качестве основного предмета критики вторичную копию из швейцарского научного журнала «*Revue*». И это при том, что, повторим, она была подвергнута и *цензурной*, и *редакторской правке*.

Не было найдено никаких свидетельств того, что кто-либо из критиков аутентичности текста от агентства «Navas», включая самого Сталина, когда-либо вообще исследовал газетные копии. Случись такое, то они и даже более последовательные критики могли бы обнаружить, что некоторые из версий, появившиеся во французской прессе, были подвергнуты цензуре, а иные, как уже говорилось, прошли не только цензуру, но и были дополнительно отредактированы, включая, повторим, и тот вариант, который избран для анализа в опубликован-

ных критических статьях. Если мы сравним телеграфный текст, полученный от агентства «Наvas», и версию из голландской газеты, которая не проходила цензуру, с различными отредактированными версиями из французских газет, то мы легко обнаружим, какие тексты действительно стоило исследовать.

Надо отметить, что существенным пунктом возражений одного из критиков является сам факт проведения заседания Политбюро 19 августа 1939 г. Переводчик Молотова (а позже и Сталина) В.Н. Павлов, отвечая на вопросы советского военного историка П.А. Жилина в 1972 г., сказал, что Сталин был инициатором подготовки договора с Германией и собственноручно подготовил проект документа, который действительно «обсуждался в Политбюро». В Наркоминделе, по его словам, «такой документ не готовился и не обсуждался»²⁹. Логично предположить, что в Кремле таким же образом был подготовлен еще один документ, а именно «Директивы».

Следовательно, несмотря на некоторые интересные и полезные находки, содержащиеся в исследованиях двух претендующих на окончательный анализ авторов, их суждения так же, как и мнения других, менее педантичных историков-критиков, да и самого Сталина, по поводу текста его речи 19 августа 1939 г., следует признать несостоятельными. Критики пытаются отрицать аутентичность заведомо искаженного, подвергнутого цензурной и редакторской правке текста, напечатанного сначала во французских газетах, а позднее в научном журнале в Женеве³⁰.

В наше время, через 67 лет после первой публикации, речь Сталина от 19 августа 1939 г. в ее оригинальной версии следует рассматривать как ценный исторический текст, подлинность которого никогда не была серьезно оспорена. Очевидно, что включение этого текста в исторический канон может потребовать решения давно назревшей задачи масштабного пересмотра истории Второй мировой войны и обстоятельств, ей предшествовавших, а также причин, приведших к холодной войне.

В предвоенные годы многие хорошо осведомленные дипломаты, «знатоки Москвы», такие как Джордж Ф. Кеннан (George F. Kennan) из США, Жан Пайар (Jean Payart) из Франции, Юлиус Лукашевич (Juliusz Lukaszewicz) и Вацлав Гржибовский (Wacław Grzybowski) из Польши, Фридрих фон дер Шуленбург (Friedrich von der Schulenburg) и Эрнст Кестринг (Ernst Köstring) из Германии, утверждали, что Сталин хотел большой войны в Европе, чтобы ослабить ее и тем самым создать условия, при которых Красная Армия могла бы осуществить «большевизацию» стран к западу от границ Советского Союза³¹. Их анализ того, как Советы намеревались использовать грядущую «Великую войну», оказались подтверждены текстами речи Сталина от 19 августа 1939 г. и «Директив». Явное стремление некоторых историков примкнуть к Сталину, годами опровергая подлинность его речи, само по себе должно стать предметом серьезного профессионального внимания.

Приложение 1

Перевод на английский язык оригинального немецкого текста речи Сталина на заседании Политбюро от 19 августа 1939 г., полученного от французского агентства «Navas» по телеграфу из Женевы 27 ноября 1939 г.³². В ходе этого перевода особое внимание было уделено передаче смысла в соответствии с существующими французскими версиями текста того времени. В немецком переводе оригинальной женевской телеграфной копии речи Сталина и поясняющего сопроводительного текста, полученных через французское официальное агентство новостей «Гавас», абзацы, выделенные ниже, отсутствовали. Они приводились в соответствие с абзацами французских версий речи всякий раз, когда, отличаясь по языку, были очень близки или идентичны по содержанию.

Вставки в квадратных скобках в нижеследующем тексте сделаны с пояснительной целью.

[Deutsches Nachrichtenbüro (DNB)]

FOREIGN NEWS AGENCIES

NO. 724, Berlin, 28. 11. 39

Completed 11.00

E/Kg

Havas

28.11.

Geneva

Why did Soviet Russia sign a Pact with Germany? The world community has asked this question for some time — and it continues to ask. What moved the government of the Soviet Union to sign political and economic treaties with Germany on October 19 [1939]?³³ Until now we have not known what the conditions were under which Stalin received the unanimous approval of the Politbiuro for this shift in his policy. Now, today, the veil has been lifted.

We have received from Moscow, from a source which we consider to be absolutely trustworthy, the following detailed information on the meeting held, at Stalin's initiative, on August 19 [1939] at 10 p.m., and the speech that he delivered there for the occasion. On August 19, in the evening, *Politbiuro* members were urgently called together for an urgent and secret meeting, which was also attended by prominent leaders of the Comintern, but only those from its Russian section. Not one of the foreign Communists, not even [Georgii] Dimitrov, Secretary General of the Comintern, were invited to this meeting, whose purpose, not indicated on the agenda, was to hear Stalin's report.

Stalin began to speak immediately, saying in essence the following: «Peace or war. The issue has come to a critical pass. Its resolution will depend wholly on the position that will be taken by the Soviet Union. We are absolutely convinced that, should we conclude a treaty of alliance with France and Great Britain, Germany will be forced to remove its pressure from Poland and seek a *modus vivendi* with the Western powers. In this way, war might be

avoided, but subsequent developments with respect to us will take on a dangerous character.

«On the other hand, if we accept Germany's proposal, which you know, is to conclude a nonaggression pact with it, it will undoubtedly attack Poland. Then the entry of England and France [into this war] will become inevitable.

«In such circumstances, we will have good prospects of remaining outside the conflict and, taking advantage of our position, we will be able to await our turn. This is just what our interests demand.

«Our choice is therefore clear: We must accept the German proposal and send the English and French delegations [at that time on hand for negotiations in Moscow] back home with a courteous refusal.

«It is not difficult to foresee the advantage that we shall gain from this course of action. It is obvious to us that Poland will be destroyed before England and France are at all in a situation to come to her assistance. In this case, Germany will turn over to us a part of Poland right up to the limits of Warsaw, including Ukrainian Galicia.

«Germany will give us full freedom of action in the three Baltic states. It will not oppose the return of Bessarabia to Russia [sic]. It will be prepared to yield to us Rumania, Bulgaria, and Hungary as a sphere of influence.

«Only the question of Yugoslavia remains open, its resolution depending on the position taken by Italy. If Italy remains on the side of Germany, then the latter will demand that Yugoslavia enter the zone of its influence. Through Yugoslavia it will obtain access to the Adriatic Sea. However, if Italy does not enter [the war] with Germany, then it will obtain access to the Adriatic Sea through Italy, and in this case Yugoslavia will pass into our sphere of influence³⁴.

«We must, however, keep in sight the possibility that Germany will emerge from the war as loser, and not as victor.

«Let us examine the case of its defeat. In this case, England and France will still be strong enough to occupy Berlin and to destroy a Soviet Germany, and we shall not

be in the situation to come effectively to the help of a Soviet Germany.

«Our goal therefore requires that Germany should wage war as long as possible so that England and France grow sufficiently weary and exhausted and are unable to destroy a Soviet Germany.

«Our position will derive from this consideration: While remaining neutral, we will help Germany economically, providing it with raw materials and foodstuffs. But our assistance, it should go without saying, must not exceed a certain limit in order not to damage our economy or weaken the power of our army.

«At the same time, we must carry out an active Communist propaganda, especially in countries of the Anglo-French bloc and, above all, in France. We must be prepared for the situation. In that country in wartime our party will be forced to abandon the path of legality to shift to clandestine operations. We know that such activities require large resources, but we must unhesitatingly make the sacrifices. If this preparatory work is carried out thoroughly, the security of a Soviet Germany will be assured. That situation will contribute to the Sovietization of France.

«In order to achieve this goal, we must, as I said at first, insure that the war lasts as long as possible and that we devote toward this end the resources which we have³⁵.

«Now let us examine the second hypothesis, that of a German victory.

«Some believe that such a possibility would represent the gravest danger for us. There is a particle of truth in this assertion. But it would be an error to assume that this danger is as immediate and as great as some imagine.

«If Germany wins, it will emerge from the war too exhausted to wage war on us during the next decade. Its principal concern will be to keep watch on defeated England and France in order to prevent their rising up again.

«Moreover, a victorious Germany will have vast colonies. Their exploitation and adaptation to German procedures will also occupy Germany for several decades.

It is patent that Germany will be too busy elsewhere to turn against us.

«Comrades», Stalin concluded, «I have given you an insight into my considerations. I repeat that it is in your interest that a war should break out between the Germany and the Anglo-French bloc. For us it is crucial that this war last as long as possible, so that both sides emerge exhausted. For these reasons we must accept the pact proposed by Germany and do everything possible so that this war, once begun, lasts as long as possible. At the same time, we must intensify our propaganda work in the belligerent states in order to be well prepared for the moment when the war ends».

Stalin's speech, listened to with reverential attention, was not followed by any discussion. Only two insignificant questions were asked, which Stalin answered. His proposal, that the Non-Aggression Pact with Germany be accepted, was adopted unanimously. Subsequently the *Politbiuro* adopted a decision to charge [Dmitri Z.] Manuil'skii, the president of the Comintern, with working out jointly with Dimitrov, its general secretary, under Stalin's personal direction, appropriate instructions to be passed to the Communist Party abroad³⁶.

Приложение 2

Английский перевод документа, озаглавленного «Официальные правительственные директивы Москвы дипломатическим миссиям СССР на Балканах», был сделан автором статьи с архивных копий, существующих на французском и немецком языках. Немецкая версия считается переводом с румынского оригинала. Перехваченные «Директивы» после перевода на французский язык были переданы дипломатическим представителям Великобритании и Франции премьер-министром Румынии Армандом Калинеску (Armand Calinescu) в начале сентября 1939 г. Немецкий посол сообщал в сопроводительном письме своему министру иностранных дел, что он тоже получил копию на французском языке (которая

послужила одним из источников для нижеследующего перевода на английский язык) из другого источника в Румынии и что изначально он пришел из г. Варны в Болгарии³⁷.

OFFICIAL GOVERNMENT INSTRUCTIONS SENT FROM MOSCOW

TO DIPLOMATIC MISSIONS OF THE USSR ESTABLISHED IN THE BALKANS

«The Comintern sent the following official communiqué to all Communist parties in the Balkans³⁸.

1. Russia [sic] has realized that it is time to abandon the tactics adopted by the seventh congress of the Comintern held in 1933³⁹. It must be acknowledged that, owing to these tactics, our Communist Party was able to conclude alliances with bourgeois and democratic states in order to stop the fascist wave, which was spreading rapidly.

Owing to these tactics, we were also able to impede the triumph and the establishment of fascism in France in 1933⁴⁰.

2. The desire of France and England to draw the USSR into the peace front is based on a calculation clear to anyone. The two countries intended to destroy the Rome-Berlin Axis, largely employing the forces of our country for this purpose.

This combination was very disadvantageous for us. We would have helped to rescue Anglo-French imperialism, which would have represented an absolute violation of our principles. [Yet] these principles by no means rule out a temporary agreement with our common enemy, fascism. But, whatever its nature, an agreement with the bourgeoisie would serve to strengthen the bourgeoisie and capitalism, which is absolutely contrary to our principles.

3. Considering the above, the USSR has taken up [*se retranchée derrière*] a program which we will carry out later. In keeping with this program, we are wholly disinterested in the war that may break out in Europe. We have decided to bide our time. The revolutionary activity,

which is continuously developing under the guidance of Communist parties in all countries, will prepare a favorable ground for our future intervention. The Communist Party must exploit the difficulties that inevitably will arise in this war begun by the capitalist countries. The party will make the decisions necessary for the establishment of the dictatorship of the proletariat. The General Council of the Comintern believes that its evaluations are founded on currently real, objective and also subjective conditions which will permit the outbreak of a social revolution.

4. We inform you that our agreement with the Axis should be viewed as a diplomatic victory won by us. At the same time it offers a diminution of the prestige of Germany.

After the conclusion of our Pact with Germany, that country abandoned all agitation against Communism. The official communiqué that we received completely convinces us that, in fact, all anti-Communist propaganda has truly been prohibited⁴¹. From a legally published report published by the Communist Party of England we judge that the working class of that country is quite well informed of the purpose of the Pact⁴².

5. The unfavorable position of Poland, Romania, and the Balkan⁴³ states with respect to Russia was one of the causes that brought about the failure of an Anglo-French-Soviet pact and precipitated the conclusion of the Russian-German pact. These states rejected the military help of the Soviet Union and, in the event of a war, agreed only to accept aid in equipment»⁴⁴.

*Перевод с английского
Ирины Павловой.*

Примечания

¹ Она также могла быть опубликована в других местах, с которыми в то время было связано агентство «Havas».

² Why Soviet Refused Pact with Allies // The Scotsman. 1939. 3 ноября. С. 3.

³ В «Svenska Pressen» сообщалось, что 22 августа, за день до подписания пакта о ненападении, был составлен циркуляр для коммунистических лидеров не только в СССР, но и за рубежом. Этот документ, как

сообщалось, был составлен в присутствии И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, А.А. Андреева, Н.М. Шверника, А.И. Микояна, Л.П. Берия, Всесоюзного старосты М.И. Калинина и других.

Циркуляр, как сообщалось, был составлен в форме диалога, в нем говорилось следующее:

— Изменилась ли конечная цель деятельности Коминтерна?

— Нет. Конечная цель остается прежней — победа Мировой революции.

— Возможна ли Мировая революция в данный момент?

— Нет, все попытки вызвать Мировую революцию потерпели неудачу.

— Нельзя ли ускорить приближение Мировой революции за счет усиления агитации?

— Нет... (Далее следуют многочисленные причины, по которым это было невозможно в различных странах. Эти причины не были упомянуты в газете.)

— Что может ускорить Мировую революцию?

— Затяжная война... (Далее следовали подробные объяснения и цитаты из Маркса, Энгельса и Ленина, но все это не вошло в газетный текст.)

— Ускорит ли русско-германский пакт начало войны?

— Да, так как нейтралитет России позволит Германии осуществить ее планы.

— Как могли бы развиваться события, если СССР не пойдет ни на какие альянсы? Ни с Германией, ни с Англией и Францией?

— Пока Россия не заявит о своей позиции, возможно мирное разрешение конфликта.

— Что должен делать Советский Союз, чтобы ускорить Мировую революцию?

— Поддерживать Германию, чтобы Германия могла начать войну, и постараться сделать так, чтобы война была долгой. — Цит. по: *Nordling, Carl O. Defence or Imperialism. An Aspect of Stalin's Military and Foreign Policy. Uppsala, 1984. С. 100.*

⁴ Sekretariat 9.09.1939 — Thesen zur Lage, Wilhelm Pieck *Nachlass*, NY4036/496, Stiftung der Politischen Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv (Berlin).

⁵ См.: *Dimitrov Georgii. Tagebücher. Ред. Bernhard Beyerlein. Berlin, 2000. Т. I. Запись от 7 сент. 1939 г.*

⁶ См. там же.

⁷ См.: *Лебедева Н.С., Наринский М.М. Ред. Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 7.*

⁸ См.: *Leonhard Wolfgang. Der Schock des Hitler-Stalin Paktes:*

Erinnerungen aus der Sowjetunion, Westeuropa, und USA. Freiburg/Br., 1986; Лебедева НС., Наринский М.М. Ред. Указ. соч. С. 8.

⁹ Pieck *Nachlass*, NY4036/496. Применялись ли «Инструкции» внутри СССР? Многочисленные источники свидетельствуют, что подобная информация передавалась устно на внутренних партийных сессиях в СССР в период после подписания пакта. Несколько вариантов трактовки новой роли Советов в международной политике после пакта в документах, разработанных партийными лидерами из-за рубежа и представленных для внутреннего обсуждения, которые дополняют заметки В. Пика, можно сегодня найти в документах, представленных в сборниках «Инкомка» из архивов Коминтерна.

¹⁰ См.: Фабрициус (Fabricius) — Auswärtiges Amt, Bucharest, Sept. 10, 1939, Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Berlin (далее — PAAA). R104355. Л. 202598.

¹¹ Я прошу записывать меньше. Это не должно попадать в печать // Исторический архив. 1992. № 1. С. 12—30.

¹² Цит. по: *Musiał Bogdan*. Wir werden den ganzen Kapitalismus am Kragen packen // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2006. № 1. С. 46—47.

¹³ *Musiał Bogdan* на стр. 46—47 цитирует зиновьевский документ из РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории, Москва). Замечания Ленина см. в сноске¹¹.

¹⁴ *Stalin Josef*. Speech at the Plenary Conference of the Central Committee of the Communist Party (B) of Russia // Werke. Berlin, 1952. T. VII. С. 10—12.

¹⁵ Цит. по: *Ree Erik van*. The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. London, 2002. С. 227; *Dimitrov Georgii*, Tagebücher. T. I. С. 289; *Нежинский Л.Н., Чельшев И.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны // Отечественная история. 1995. № 1. С. 3—4.

Например, идея о том, что Советы могут выиграть от войны между капиталистическими странами и что они должны, по возможности, способствовать возникновению таких конфликтов. Эту идею, источником которой была речь Ленина от 6 декабря 1920 г., Сталин преподнес Димитрову 7 сентября 1939 г. в Кремле. — Цит. по: *Zacharias Michał*. Sytuacja międzynarodowej i polityka zagraniczna polski w latach 1936—1939 // Kwartalnik historyczny. Roczn. CIV. 1987. № 3. С. 68. № 133.

¹⁷ *Jäckel Eberhard*. Über eine angebliche Rede Stalins vom 19. August 1939 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. T. VI. 1958. Автор утверждал, что речь не была опубликована в крупных ежедневных газетах. Однако создается впечатление, что он и не пытался выяснить, опубликовали или нет французские газеты этот документ.

¹⁸ Немецкий агент докладывал, что швейцарские журналисты жаловались на суровость и абсурдность цензуры в Париже. — См.: *Likus Rudolf*. Vertrauter Bericht. 1939. 9 октября; PAAA. R27095. N. p.

¹⁹ См.: Jäckel. Указ. соч. С. 383, №. 8, 385, №. 20; Pourquoi l'URSS aurait signé son accord avec le Reich // Le Temps. 1939. 29 ноября. С. 2.

²⁰ Bucharest telegramme 894—898 от 6 сентября 1939 г. — *Archives Nationales*. Paris. Fonds Daladier 496AP, 15, 2DA8Dr3 sdra; британская копия — в кн.: *Komati Marek. Polska 1939 wobec paktu Ribbentrop — Molotow*. Warsaw, 2002. С. 642—644; немецкая копия была послана В. Фабрициусом в *Wilhelmstrasse* 10 сентября — PAAA. RI04355. J. 202598. См. сн. 9.

²¹ См.: Дорошенко В., Павлова И., Рак Р. Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 г. // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 6.

²² Commission des Affaires Etrangères, Seance du 1er Décembre 1939. Rapport presente par M. Jacques Bardoux sur les negotiations Anglo-Franco-Russes (20 mars — 23 août 1939. *Archives nationales*. Paris. Fonds Daladier, 496 AP13. Е. Йеккель (Е. Jäckel) писал в своей статье 1958 г. (с. 382), что министр иностранных дел Польши Йозеф Бек (Jyzef Beck), будучи в ссылке в Румынии, также обратил внимание на этот текст. Предположительно его информировали члены Польского правительства в изгнании, проживающие во Франции.

²³ Сообщение об этом, с некоторыми искажениями, появилось на с. 4 газеты *New York Times* 28 ноября 1939 г. Искажения были связаны с тем, что их автор, корреспондент из *United Press*, не использовал информацию из более полных копий, помещенных в парижских газетах. Он также не включил в свое сообщение дополнительную информацию, содержащуюся в оригинальном сообщении агентства *Havas* и перепечатанную несколькими крупными парижскими ежедневными газетами. Возможно также, что корреспонденция *UP* была отредактирована уже после получения из Парижа редакторами *NYT*, и недостатки публикации в ней, таким образом, не могут быть отнесены на счет корреспондента *UP*. Витольд Свораковский из Гуверовского института, который тщательно исследовал прессу, упоминает о трех корреспонденциях в американских газетах от 30 ноября 1939 г., содержавших ответ Сталина на парижские публикации. — *Hoover Institution Archive*. Worakowski collection. Box 3.

²⁴ См.: Ruffin — Sworakowski, Antibes, июль 1955 г. (1956, as Ruffin's letter replies to the latter's inquiry of June 20, 1956) // *Hoover Institution Archive*. Worakowski collection. Box 3.

²⁵ См.: Sworakowski — Ruffin, Стэнфорд, Калифорния, 20 июня 1956 г. // *Hoover Institution Archive*. Worakowski collection. Box 3.

²⁶ Новый мир. 1994. № 12. С. 232—233. Т.С. Бушьева опубликовала эту речь в виде рецензии на две книги Виктора Суворова. Английский перевод этого текста см.: *Weeks Albert L. Stalin's other War. Soviet Grand Strategy, 1939—1941*. Lanham, Md., 2002. С. 171—173 и *Murphy David E. What Stalin Knew: The Enigma of Barbarossa*. New Haven. 2005. С. 24—26.

²⁷ Е. Йеккель (Е. Jäckel) цитировал двух авторов, опровергавших подлинность этого текста в 1950-е гг. Оба они — американский историк Герхард Вайнберг (Gerhard Weinberg) и немецкий историк Хельмут

Краусник (Helmut Krausnick) — не аргументировали свою точку зрения какими-либо фактами, основанными на серьезном исследовании предмета.

²⁸ Jäckel E. Указ. соч. С. 380—389; Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113—139. Последняя статья была быстро переведена и опубликована в том же году в слегка измененном виде в *Vierteljahrshefte*, 2004. № 4. С. 597—635. Складывается впечатление, что редакторы этого журнала, публикуя на протяжении многих лет статьи как многочисленных «случайных» критиков речи, так и тех, кто претендует на звание последовательных критиков, как Йеккель и Случ, таким образом стремятся создать основу для отказа признать текст этой речи аутентичным историческим документом. Это наблюдение кажется тем более справедливым, если учесть, что почти все немецкие историки, состоящие на государственной службе, годами уклонялись от обсуждения советского вклада в развязывание двух военных конфликтов 1939 и 1941 гг. на основе использования двух документов, как эта речь Сталина. В статьях из *Vierteljahrshefte* она либо не упоминалась, хотя вполне могла послужить источником для них, либо бесосновательно выводилась за рамки исследования как сфабрикованная. Оба критика, названные выше, связаны с Институтом современной истории (Institut fuer Zeitgeschichte) и его публикациями. Журнал *Vierteljahrshefte fuer Zeitgeschichte* также выпускается этим институтом, деятельность которого спонсируется правительством Германии.

В свете этой информации возникает справедливый вопрос: стремилась ли редакция журнала, переиздавая статью Случа в 2004 г. темпами, практически неизвестными издателям научных текстов и профессиональным рецензентам, поддержать укреплявшиеся годами предположения устаревшей, ошибочной, а сегодня и полностью неадекватной критике своего прежнего автора Йеккеля? Сама по себе долгая история равнодушия немецких академических историков к этой речи до и особенно после публикаций Йеккеля могла бы стать предметом исследования.

Витольд Свораковский еще в 1950-х гг. долго работал над тем, чтобы выяснить подлинность текста речи Сталина, но, по словам его помощника в те дни, Милтона Ловентала, он по неизвестным причинам оставил работу над этим проектом.

²⁹ Предыстория 1939 года // Свободная мысль. 1999. № 7. С. 110. В своей статье, напечатанной через несколько лет после публикации интервью Павлова, Случ тем не менее игнорирует его и упорно, если не сказать притворно, заявляет, что речь сфальсифицирована, что не было никакого заседания Политбюро в тот день. См.: Случ С.З. Речь Сталина... С. 109.

³⁰ Израильский профессор Г. Городецкий (Gabriel Gorodetsky) опубликовал отклик на текст Т. Бушуевой в немецкой газете *Die Welt* от 31 августа 1996 г. Однако он допустил много ошибок в своей статье, в частности перепутал дату подписания советско-германского пакта, а также

заявил, что речь Сталина была сфабрикована через месяц после публикации сталинского опровержения. Его работу по этому вопросу нельзя принимать всерьез.

³¹ Kennan George F. *Memoirs 1925—1950*. New York, 1967. С. 71—72; *Mayers David*. George Kennan and the Dilemmas of Foreign Policy. New York, 1988. С. 89—90; Payart to Affaires étrangères, Moscow, May 25, 1940 // *Documents diplomatiques françaises*. 1940. С. 663; *Jedrzejewicz Wacław, Bulhak Henryk, ed.*. *Dyplomata w Paryżu, 1936—1939*. Warszawa, 1995. С. 148; О Лукасiewicz см. также *Komat Marek*. *Bolszewizm, totalitaryzm, rewolucja, Rosja. Początki sowietologii i studiów nad systemami totalitarnymi w Polsce (1918—1939)*. Krakow, 2003. С. 80—81, 87—89; *Aufzeichnung...* Schulenburg, Moscow, Nov. 5, 1938 // *РААА*. Botschaft Moskau. 553. N. p.; Schulenburg — Auswärtiges Amt, Nov. 11, 1938 // *Teske Hermann, ed.*, General Ernst Kostring. Frankfurt / M., 1966. С. 214—216; Kostring — Tippelskirch, Moscow, March 13, 1939 // Там же. С. 225.

³² Мы приводим сделанный автором статьи английский перевод сообщения агентства «Гавас», поскольку до сих пор такой публикации не было, и она может представлять несомненный интерес не только для англоязычных историков. Немецкий текст сообщения «Гавас» и его русский перевод были опубликованы в сборнике «Правда Виктора Суворова». Москва, 2006. См.: *Дорошенко В.Л., Павлова И.В., Раак Р.Ч.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 г. (*Прим. составителя*.)

³³ «19 октября» — очевидная ошибка переводчика или наборщика в немецком тексте.

³⁴ В статье «Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 г.» авторы подробно объясняют, каким образом эти идеи Сталина были или надежно скрыты в тексте Секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., или отложены Сталиным для дальнейшего исполнения. Предполагалось, что к концу войны, которую он хотел, чтобы начал Гитлер, все упомянутые в речи страны, кроме Италии, будут оккупированы Красной Армией. См.: *Дорошенко В., Павлова М., Раак Р.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 г. // *Вопросы истории*. 2005. № 8. С. 3—20.

³⁵ Этот параграф отсутствует в *Revue/Le Temps*.

³⁶ *РААА*. Botschaft Moskau. 530. Л. 202689—202693.

³⁷ Фабрициус — Auswärtiges Amt, Bucharest 10 сентября 1939 г. // *РААА*. R104355. Л. 202598.

³⁸ Эти «Инструкции» отсутствуют в двух последних сборниках официальных документов Коминтерна, извлеченных из архивов Москвы — Коминтерн и Вторая мировая война. Ред. *Наринский М.М., Лебедева Я.С.*; *Dimitrov and Stalin, 1934—1943. Letters from the Soviet Archives*. Ed. *Alexander Dallin and Fridrikh I. Firsov*. New Haven, 2000. Эти пропуски указывают на то, что документы Коминтерна были подвергнуты чистке или, что еще более вероятно, эти «Инструкции» на самом деле были подготовлены Кремлем под прикрытием Наркоминдела, а вовсе не Коминтерном. Таково было мнение премьера Румынии об их

происхождении. Многочисленные свидетельства, включая сопроводительные письма, с которыми эти документы были посланы министрам иностранных дел Германии и других западных стран, указывают на то, что их источником был Кремль и что они были получены иностранными коммунистическими партиями через советские дипломатические миссии. Об этих «Инструкциях» также ничего не говорится в опубликованных дневниках Генерального секретаря Коминтерна Димитрова.

См. *Dimitrov Georgii. Tagebücher. Т. I.* Это еще одно существенное свидетельство того, что они исходили не от Коминтерна. См. выше стр. 2 и прим. 1.

³⁹ На самом деле — 1935.

⁴⁰ Вероятно, имеются в виду ошибочно упомянутые выступления, имевшие место во время правительственного кризиса в связи со скандалом вокруг Stavisky в 1934 г.

⁴¹ Нам не известны никакие письменные свидетельства того, что подобный документ когда-либо существовал.

Никаких официальных сообщений такого рода не было обнаружено.

⁴³ Шрифт изменен мною. — *Р.Ч. Раак.* Ошибка французского переводчика, обнаружена только во французской копии. В немецком переводе читается правильно как Балтийские (*Baltische*).

⁴⁴ Нет свидетельств того, что Кремль официально предлагал этим странам какую-либо помощь — *Р.А.А. R104355. Л. 202600.* Машинописная копия на французском языке — *Л. 202601—202602*; машинописная копия на немецком языке с некоторыми отличиями от французской копии — *Л. 202599—202600.*

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА»: СТАЛИНСКИЙ СЦЕНАРИЙ ВТОРОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Народ, состоящий из таких патриотов, с такой боевой техникой не может быть побежден. Если завтра война, враг будет уничтожен на его собственной территории.

*«Если завтра война»,
Правда. 1938. 9 ноября.*

Красная Армия с ее первоклассным вооружением, поддерживаемая миллионами патриотов, не позволит никакому врагу вступить на нашу землю. Фашистские поджигатели должны знать, что славная Красная Армия будет бить врага на его территории с первого дня войны.

*«Урок, который не должны
забывать империалисты».
Правда. 1938. 17 ноября.*

Кино помогает рабочему классу и его партии воспитывать трудящихся в духе социализма, организовывать массы на борьбу за социализм, подымать их культуру и политическую боеспособность.

И.В. Сталин. Кино. 1940. 5 июля.

Владимир Ленин, революционер-интернационалист в теории и на практике, вскоре должен был столкнуться с политической и военной реальностью. Вслед за первым успехом в России в 1917 г. его надежды на спонтанное расширение коммунизма за рубежом быстро испарились. Он ожидал революционных взрывов на Западе, чтобы быстро распространить большевизм на оставшуюся часть

* Ричард Ч. Раак — заслуженный профессор Калифорнийского государственного университета (Hayward, USA).

Европейского континента. Но когда первые замыслы по свершению большевистских революций там местными силами провалились, он связал свои надежды на успех с доктриной насильственной советской военной интервенции¹. Ленин был гибким политиком. «Стратегия подчинена политике, и одно с другим связано неразрывно», — говорил он².

По этой доктрине военные силы Красной Армии, с учетом подходящих обстоятельств, должны были быть готовы пересечь границу, чтобы помочь местным революционерам «советизировать» их страны. Укрепление революции внутри России требовало распространения ее на другие территории. В 1920 г. Ленин ухватился за возможность, появившуюся в связи с польско-советской войной. Первоначальные поражения Польши открыли Красной Армии путь на Запад с целью его «советизации». Хотя этот процесс предполагалось начать с Польши, главной целью для большевизации оставалась Германия. В 1920 г., как и ранее, Ленин фокусировал свои настоящие революционные интересы именно там, в самой большой «кочегарке» Европы³.

Сталин, ставший преемником Ленина и называвший себя его учеником, целиком воспринял ленинский интернациональный замысел, его теорию, специфическое понимание исторических законов, неукротимые надежды, которые предполагали социальную бойню, — все для того, чтобы подготовить почву и добиться революций за рубежом. «Я, — говорил он, — ученик Ленина. Цель моей жизни быть достойным учеником»⁴. Один из надежных (и, похоже, запуганных) сталинских клеветов М.И. Калинин, долгие годы бывший советским президентом, позднее дал волю славословию: «[Сталинская] любовь к Ленину безгранична. Авторитет Ленина для него неоспорим. Сталин по отношению к Ленину есть то же, что Ленин по отношению к Марксу»⁵. Редактор одного из советских журналов, вспоминая публичную сталинскую клятву верности делу Ленина, писал накануне Второй мировой войны: «...15 лет назад... Сталин дал свою историческую клятву неуклонно следовать завету гениального основателя усиливать и пополнять Красную Армию и

наш Красный флот, укреплять и расширять союз рабочих всего мира...»⁶

Сталин неоднократно клялся в верности своему предшественнику. По словам одного проницательного писателя-беллетриста, такое постоянное обращение к ленинской мантии имело для Сталина психологическое значение: Владимир Ильич, уважаемый в революционных кругах, служил в качестве «всемирной исторической легитимизации» для последователя-узурпатора. Поднимая ленинское знамя, его преемник в Кремле, по мнению этого автора, таким образом оправдывал свои собственные дела⁷.

В секретной политической речи, посвященной задаче расширения союза рабочих всего мира, произнесенной 19 января 1925 г., спустя почти год после смерти Ленина, ученик дословно повторил замысел учителя — использовать Красную Армию для достижения успеха революции за рубежом. Выступая на закрытом заседании пленума Центрального Комитета партии, Сталин сделал важнейшее политическое заявление.

В этой речи он предсказал возникновение новой «капиталистической» войны и внутреннее недовольство в западных странах, которое последует за расширением военных катастроф и ослаблением воюющих государств. Внутренние беспорядки приведут к недовольству, дезорганизации и волнениям.

Основываясь на ленинском плане 1920 г., Сталин считал, что Красная Армия должна намеренно комплектоваться и готовиться как инструмент советской интервенции. Силы Красной Армии вступят в будущую европейскую войну с огромным превосходством, когда воюющие стороны истощат друг друга. Выстроив цепь исторических событий для обоснования своего заявления, Сталин заверил слушателей в январе 1925 г., что подготовка новой империалистической войны уже началась⁸. Эта война неизбежна, заявлял он, даже притом что, как он неохотно признавал, капитализм пережил первый послевоенный кризис.

Но необходимо нечто новое, говорил он. Опыт показал (он мог бы добавить «многократно»), что революци-

онные силы на Западе, используя недовольство и ужасы войны, тем не менее могут оказаться неспособными победить «буржуазию» в «последнем бою», несмотря на возможные повсеместные волнения и беспорядки. Он привел примеры недавних попыток революционного переворота в Эстонии и Латвии, государствах, граничивших с Советским Союзом. Революции там провалились без поддержки иностранной интервенции⁹. Он имел в виду Красную Армию. То новое, что вождь предлагал добавить, не было новым, хотя он мог считать так, потому что многие из тех, кто слушал его речь 1925 г., вряд ли присутствовали, когда Ленин в 1920 г., в частном порядке, делился своей программой революционных действий за рубежом.

Сталин мог также сослаться на примеры других неудачных попыток совершить революцию, прежде всего на несколько недавних провалов в Германии. Однако открытые комментарии по поводу последних просчетов Москвы в планировании достижения главной революционной цели большевизма могли вызвать у аудитории вопрос о его собственной решающей роли в одном из недавних провалов — неудачной попытке организовать революцию в Германии в конце 1923 года¹⁰.

Брать на себя ответственность не было сильной стороной Сталина. Например, позже он явно ушел от ответа за свои просчеты и последовавшие военные катастрофы во время «зимней войны» с Финляндией, хотя сам назначил командующих и одобрил план ведения боевых действий¹¹. В 1925 г. он скромно ограничился примерами с Эстонией и Латвией.

Выразительно высказавшись о войне в своей речи 1925 г., Сталин тем не менее отдал должное и вопросу о мире. «Наше знамя, — говорил он, — остается по-старому знаменем **мира**. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашку весов, **гирю**, которая могла бы перевесить. ...Вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в окружающих нас странах, как вопрос жи-

вотрешущий»¹². Таким образом он неявно довел до слушателей, что провозглашенный советский лозунг мира был не более, чем прикрытием для ленинской программы мировой революции, обманом, как он признал в частном порядке годы спустя¹³.

Советский вождь не провозглашал пустых теорий. Схожую программу, разговоры о наступлении международного мира вместе с делом «освобождения» он использовал позднее для прикрытия продвижения Красной Армии на Запад до и после Второй мировой войны и для создания послевоенной советской империи сателлитов¹⁴.

Сталин был бесконечно самоуверен, убеждая окружающий мир, что у него нет никаких планов разжечь революцию за рубежом, в то же время посвящая в эти планы группы, составлявшие внутреннюю советскую иерархию¹⁵. Советские военные и высокопоставленные штатские руководители часто получали точную, хотя и общую, информацию о советских целях, представленных в виде партийной линии. Информация спускалась вниз официально, или ей разрешалось неофициально циркулировать по каналам партийного аппарата¹⁶. Многие советские штатские власти, офицеры и солдаты бравировали информацией о враждебных советских намерениях в отношении Германии. Они говорили о планах наступления на Европу и далее на Запад, прежде всего на Германию, задолго до того, как Гитлер сам напал на Советский Союз 22 июня 1941 г.¹⁷. Свою роль в появлении некоторых откровений, вероятно, сыграло пьяное хвастовство. Но и советские офицеры, оказавшись в плену после начала войны между Германией и Советским Союзом, признавались немецким следователям в существовании предвоенных советских планов¹⁸.

В течение 22 месяцев до этой печально известной даты Сталин продвигал свои ориентированные на Запад экспансионистские замыслы, используя преимущество секретного соглашения с Адольфом Гитлером, воплощенного в нацистско-советском пакте и его секретном протоколе. В то же время он действовал в направлении достижения этих целей и под прикрытием руководимого Кремлем Коминтерна, манипулируя иностранными пар-

тиями и так называемыми «народными» (иногда именовавшимися «едиными») фронтами¹⁹. Поскольку он строго контролировал советскую пропаганду, которая включала производство фильмов на исторические и политические темы, а в действительности на все темы, он заказал фильм, по сути, раскрывший схему ожидавшейся им войны с Германией²⁰. Все эти годы он столько раз обманывал доверчивых иностранцев, что, должно быть, решил, если кто и поставит под вопрос явный поджигательский замысел фильма, рассчитанного на широкую аудиторию, то это можно будет опровергнуть заверениями, что его кинематографисты по своей инициативе дали волю похвальным антинацистским побуждениям.

С приходом Гитлера к власти после января 1933 г. Германия заняла центральное место в советской пропаганде, направленной против враждебного окружения²¹. 1938 год принес два международных кризиса. Первый произошел в середине марта во время немецкого аншлюса Австрии; второй, гораздо более опасный для европейского мира, предшествовал военному броску Гитлера по возвращению пограничных территорий, населенных судетскими немцами, у созданной по Версальскому договору Чехословакии. Обе акции продемонстрировали нежелание Гитлера и далее подчиняться, как он говорил, «диктату» Версаля и других договоров, заключенных по итогам Первой мировой войны. Во время Судетского кризиса поздним летом он вызвал страх у всех демократически настроенных людей Европы, открыто заявив о намерении использовать, если понадобится, военную силу для достижения своих целей. Сталин, как говорилось ранее, замыслил то же самое, но он искуснее, чем немецкий диктатор, избегал прямого публичного выражения своих планов.

Между двумя главными европейскими кризисами 1938 г. — в мае и в сентябре — советский нарком иностранных дел Максим Литвинов стал эксплуатировать напряженность между Чехословакией и Германией для того, чтобы изобразить свою страну следующей жертвой нацизма. В начале Судетского кризиса он обвинил Германию в проведении «яростной антисоветской полити-

ки». Он также заявлял, что Германия, «подозрительно воскрешая память о времени, когда Тевтонский орден господствовал в Балтийском регионе, лелеет дикие мечты о завоевании Украины и даже Урала»²². Однако ни в то время, середины 1938-го, ни в последующие, по крайней мере, два года нет реальных доказательств, что Гитлер на самом деле проявлял приписываемый ему жадный интерес к Украине и тем более к Уралу. В действительности, после мюнхенской конференции 29—30 сентября посол Германии в Москве заверял заместителя наркома по иностранным делам Владимира Потемкина в том, что нарком Литвинов может забыть о своих громогласно озвученных страхах относительно будущего Украины²³.

Спустя несколько месяцев немецкий диктатор сам сказал посетившему его министру иностранных дел Польши Юзефу Беку, что у него нет никаких территориальных интересов в Украине. Поскольку Гитлер в то время всячески уговаривал Бека и поляков перейти на его сторону и присоединиться к антикоминтерновскому пакту, чтобы обезопасить восточный фланг Германии и мирным путем вернуть территорию Данцига, находившуюся под контролем Лиги Наций, то нет никаких оснований считать, что он лгал своему потенциальному союзнику²⁴. В то время, в январе 1939 г., у Гитлера и близко не было жадного интереса к Украине среди тех, что занимали его²⁵.

Чтобы быть точным, заметим, что этот интерес появился или возродился у него некоторое время спустя, хотя мы не знаем, когда именно. Через несколько месяцев после того, как он и Сталин совместно расправились с Польшей в сентябре 1939 г., они разошлись по поводу условий пакта о ненападении 23 августа 1939 г., его секретного протокола и дополнительных поправок, о которых они позднее договорились частным образом. Между прочим, мы можем также снять с немецкого диктатора обвинения Литвинова 1938 года в настойчивом интересе Германии в трех маленьких балтийских странах. Гитлер с готовностью передал две из них в сталинскую «сферу влияния» августовским пактом 1939 г. Он согласился ус-

тупить третью по условиям немецко-советского соглашения 28 сентября 1939 г.

Нападая на немцев (и поляков, которых Литвинов называл «гитлеровские малыши Варшавы») как на агрессоров и в то же время намекая на советскую заинтересованность в мире, Литвинов изображал Советский Союз потенциальной жертвой и стремился заручиться к нему симпатией со стороны многочисленных зарубежных врагов нацистского рейха²⁶. Публичные обвинения наркома говорили о нем как о верном проводнике политической линии Кремля, направленной на то, чтобы вызвать страх перед войной за рубежом и внутри страны; в своей стране — частично для поддержания уровня истерии, необходимой для внутренней устойчивости вездесущей сталинской тирании. Он был в курсе, как мы увидим, указаний, принятых ранее Агитационно-пропагандистским отделом ЦК. В упомянутой речи он раздувал военный пожар, который тогда, в лучшем случае, только тлел.

Фильм «Если завтра война», созданный на главной советской киностудии «Мосфильм» в 1938 г. режиссером Ефимом Дзиганом и его «бригадой», бесспорно, выразил схожие намерения Агитпропа: поддержать антинемецкую кампанию, посеять страх и таким образом усилить общее ощущение зависимости от советского правительства и преданности ему. Дзиган был главной фигурой в советской киноиндустрии, режиссером удачного фильма «Мы из Кронштадта», поставленного в 1936 г. по сценарию Всеволода Вишневского. Фильм «Если завтра война», несомненно, предназначался прежде всего для аудитории внутри страны.⁹⁷

Фильм вышел на экраны в начале 1938 г., за полтора года до начала второй большой европейской войны XX века, ознаменовавшейся вторжением Германии в Польшу 1 сентября 1939 г. В том же 1939 г. режиссер Дзиган закончил другой фильм на тему о войне с прицелом на Запад, а именно о польской кампании Красной Армии в 1920 г.²⁸ Второй фильм Дзигана также показывает, насколько тема войны в Европе в то время была включена

в творческий календарь советского государственного Совета по кинематографии.

Фильм «Если завтра война», с технической и художественной точек зрения, прост, даже снабжен титрами, так как многие советские кинотеатры и в конце 1938 г. не имели звукового сопровождения²⁹. Поэтому в дополнение к сценам, снятым непосредственно для фильма, были грубо смонтированы клипы из старых художественных фильмов, документальные эпизоды, титры и диалог. Фильм был явно не дорогой продукцией.

Замысел фильма знаком всем людям, часто посещающим кинотеатры: «белые» против «черных». Из-за его явной связи с советским военным планированием тех лет, фильм «Если завтра война», хотя и не будучи классикой, должен тем не менее занять наконец надлежащее ему место как в советском кино, так и в политической истории.

Во время своего появления и особенно после того, как фильм вызвал всенародный интерес, он широко рекламировался советской прессой. К моменту его выхода на экран целый выпуск газеты «Комсомольская правда» был отведен отчету о первом воображаемом дне войны, представленном в фильме.

Кинематографический еженедельник «Кино» организовал продуманную рекламу фильму еще до того, как появились рецензии. «Кино» разожгло интерес к фильмам на военные темы, опубликовав статью под соответствующим назидательным названием «Фильмы об обороне — на экран»³⁰.

Первые благожелательные отзывы фильм получил не только в «Кино» и «Литературной газете»³¹. Военная газета «Красная Звезда» тоже одной из первых дала положительную оценку, заключающуюся почти целиком в пересказе содержания фильма и восхвалении его музыкального сопровождения.

Спустя несколько месяцев, 17 ноября 1938 г. «Красная звезда» и другие советские издания начали агрессивную кампанию подстрекательства к войне. Фильм Дзигана и его сюжет при этом играли важную роль. Предрекая будущую войну, военная газета вышла со следую-

щим заголовком на первой странице: «Красная Армия будет бить врага на его территории». Позже это же издание предложило читателям статью «Если завтра война-взгляд в будущее» лейтенанта В. Агуреева³³. Агуреев убежденно сообщал о вымышленных советских бомбардировках ряда немецких городов. Режиссер Дзиган инсценировал похожие действия в фильме³⁴.

В тот же день на предыдущей странице «Красная Звезда» напечатала статью майора А. Осадчего «На удар врага Красная Армия ответит тройным ударом». Осенью 1938 г. «Правда» использовала название фильма Дзигана, к тому времени исключительно популярного, для заголовка отчета о грандиозном военном параде в Ленинграде в день Октябрьской революции. Сообщалось, что на этом параде звучала песня «Если завтра война»³⁵.

Той же осенью редакторы «Красной Звезды» сделали достоянием общественности и основные темы только что опубликованного «Краткого курса» «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». «Краткий курс», подготовленный, как известно, под руководством самого Сталина, занимал центральное место в идеологической и политической истории³⁶. Самоуверенное заявление Сталина о том, что война уже началась, появилось в «Кратком курсе», опубликованном по частям в «Правде» в сентябре 1938 г. и позднее в виде книги. Верный сталинский рупор В.М. Молотов повторил многое из опубликованного в своей речи в день Октябрьской революции в начале ноября, включая и заявление о «начавшейся войне»³⁷.

И «Правда», и «Известия» отвели целые страницы под выдержки из «Краткого курса» и его пересказ 15 ноября³⁸. Представляется очевидным, что его публикация была направлена на утверждение новой и еще более явной пропагандистской линии, которая акцентировала внимание на военной теме, представленной в фильме Дзигана. Месяц спустя журналисты «Красной звезды» вновь обратили внимание своих читателей-военных на утверждение «Краткого курса», что «Вторая мировая война уже началась...» Сотрудники отдела пропаганды, которых цитировали редакторы, таким образом за много

месяцев до начала войны в сентябре 1939 г. утверждали, что «Вторая империалистическая война продолжает расширяться. Она угрожает всем народам»³⁹. При таком пропагандистском натиске идея будущей войны неизбежно должна была захватить уמוнастроение советского общества осенью 1938 года.

Наряду с этими темами советские журналисты посвятили себя развенчанию «пиратских наступательных планов» «фашистских (читай нацистских) каннибалов, действующих под знаменем самой черной реакции, безумства и средневекового варварства», развенчанию как части пропагандистской гиперболы, посвященной ожидаемой войне⁴⁰. Редакторы «Правды» включились в словесные нападки на Германию. Они пригвоздили «фашистских каннибалов» к позорному столбу 18 ноября. «Комсомольская правда» сделала то же самое 20 ноября. 16 ноября эта газета сопровождала Гитлера компанией «итальянских каннибалов», поместив их в пропагандистские джунгли⁴¹.

Советские политические карикатуры тех дней иногда изображали немцев и японцев с лицами животных. Свиноподобные и собачьи образы были наиболее популярными⁴². В карикатуре в «Красной звезде» 1 января 1939 г. японец и немец с обезьяньими лицами, оба в униформах, вместе с другим неопознанным (автором этой статьи) насекомоподобным и вооруженным существом подкрадываются к новогодней елке, украшенной советской звездой. Под заснеженным деревом скрывается в засаде одетый в белый маскхалат советский солдат. В более ранней карикатуре «Красной звезды» 5 февраля 1938 г. японец, итальянец и немец изображены в виде свиней. Вероятно, советским карикатуристам, чей труд был рассчитан на международную аудиторию, было приказано не изображать фашистов как «каннибалов». Однако они могли рисовать их в виде животных или толстяков (подразумевая, таким образом, праздных эксплуататоров), что часто и делали⁴³.

Что касается терминологии, то прозвище «каннибалы» явно пошло от главы Кремля. Он использовал это же эксцентричное слово в 1918 г. для характеристики

англичан⁴⁴. Нет сомнения, что, как человек, который никогда ничего не забывал, он все еще держался за эту примитивную характеристику двадцатилетней давности. И он как раз встречался с руководителями своего пропагандистского штата 1 октября 1938 г.⁴⁵. В те дни Чистки здравый смысл, диктовавшийся прежде всего соображениями выживания, заставлял цитировать хозяина.

Упоминание тевтонских рыцарей наркомом Литвиновым в середине 1938 г. было не случайным историческим высказыванием. Слова Литвинова дают необходимый ключ к пониманию как кинематографической, так и политической реальности тех наполненных политикой дней. Ввиду того, что они отражали три взаимосвязанных текущих интереса Кремля — его цели во внешней политике, направления пропаганды и киноиндустрии, это упоминание показывает, насколько нарком иностранных дел был в курсе тех идей, которые больше всего тогда занимали его хозяина. Сам Сталин, всегда державший в поле зрения развитие советской киноиндустрии, как раз в то время думал о тех же самых исторических рыцарях⁴⁶.

Известно, что прославленный фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» о тевтонских рыцарях, очередная сага о борьбе белых против черных, фактически был создан в то же время, что и фильм «Если завтра война». Будучи по сути средневековым ковбойским фильмом, он появился на советских экранах поздней осенью 1938 года. Сталин не только одобрил фильм, но и сам написал отзыв на сценарий. Позднее он наградил Эйзенштейна орденом Ленина и Сталинской премией за его произведение, получившее международное признание⁴⁷.

Эйзенштейн, несомненно, самый прославленный кинорежиссер того времени, хотел, чтобы советские граждане поняли идею его фильма. Поэтому в своей статье он разъяснял историческое значение сценария фильма «Невский», рассказывая, как тевтонские псы-рыцари были уничтожены Русью в XIII веке. «В XX в., — писал Эйзенштейн, обосновывая современное звучание сюжета своего фильма о средневековой Руси, — когда свободный

русский народ объединен с братскими народами социалистических республик, он нанесет врагу решительный, сокрушающий удар»⁴⁸. Из контекста следовало, что он намекал на «псов-рыцарей» 1938 года, врагов настоящего времени⁴⁹. Так, карикатура в «Ленинградской правде» от 22 ноября 1938 г. представляла Гитлера среди «рыцарей» прошлого и настоящего. Он изображен изготовившимся бежать от советского танка⁵⁰. Название этой карикатуры было «Если завтра война...». Таким образом, тема войны с Германией и с Западом, представленная в печати и кинематографе, использовалась советской пропагандой для обслуживания намерений политического руководства, направленных против стран Оси (в особенности против Германии), а также против Польши.

«Если завтра война» не принадлежит к высоким достижениям сталинского кинематографа, которые часто в одинаковой степени были пропагандистскими и привлекающими международное внимание. Более поздние произведения, к числу которых относится «Александр Невский», эффективно оправдали вложения Кремля в кинематограф, собрав восторженные отзывы иностранцев о культурных творениях сталинской эпохи. В противоположность таким величественным успехам, ординарный фильм «Если завтра война», как уже отмечалось, несостоятелен ни с художественной, ни с технической точки зрения.

На некотором «вражеском» обмундировании в фильме имеется грубо нарисованная эмблема свастики, хотя в большинстве случаев она изображена перевернутой. (Но как могли кинорежиссеры в наглухо закрытой Москве точно знать, куда направлена нацистская свастика, если даже главные политические руководители страны не были в этом уверены? Когда министр иностранных дел рейха прилетел подписывать печально знаменитый пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., то на знаменах, украшавших здание аэропорта в честь его прибытия, свастика тоже была перевернута⁵¹.) Как и свастика, другие внешние атрибуты в сценах фильма «Если завтра война» указывали на немцев как на вторгшегося врага, открывшего, по фильму, сухопутную войну, хотя Герма-

ни я и Советский Союз не имели общей границы в 1938 году. Вражеские солдаты в фильме также говорят по-немецки.

Николай Шпанов опубликовал повесть, основанную на сюжете фильма, под названием «Первый удар». Шпановское произведение появилось в январе 1939 г. сначала в журнале «Знамя», органе Союза советских писателей СССР⁵². Вариант в «Роман-газете» был разрешен советской цензурой для публикации Гослитиздатом в июле 1939 г., как раз перед началом войны, в серии «Художественная литература». Позднее один историк утверждал, что фильм был поставлен по повести Шпанова, хотя кинематографическая версия появилась почти на год раньше напечатанной.

В повести Шпанова рассказывается о первых двенадцати часах «войны». Чтобы справиться с географической проблемой — в 1938-м и первые три четверти 1939 года Германию от СССР отделяли примерно 600 км территории Польши, — Шпанов исходил из того, что поляки стали союзником Германии в результате завоевания⁵⁴. Вымышленное завоевание и уничтожило территориальный барьер перед придуманным нападением нацистов на Советский Союз. В этом случае Шпанов исходил из невероятного домысла, поскольку осторожное и воинственное советское руководство вряд ли позволило бы какое-либо беспрепятственное продвижение на восток и «фашистские» завоевания непосредственно вдоль протяженной польско-советской границы. Сталин должен был быть абсолютно сумасшедшим, чтобы позволить непредсказуемому и агрессивному Гитлеру приблизиться к советской границе. Позднее нацистско-советский пакт фактически во многом решал как раз эту проблему — две экспансионистские силы смогли добавить к своим территориям земли соседа и установить взаимовыгодную общую границу. Пакт 23 августа и протоколы определяли условия, при которых каждая из сторон могла чувствовать себя в безопасности, по крайней мере, временно, после устранения широкого «санитарного кордона» между ними. Этот барьер составляла главным образом обширная территория межвоенного польского государства.

В фильме «Если завтра война» в драматическом воздушном бою двух сил побеждают Советы. В повести Шпанова «Первый удар» они бомбят Нюрнберг, Магдебург, Фюрт и Бамберг. Автор «Красной Звезды» сообщал о задержании немецких шпионов внутри страны, голоде среди немецких трудящихся в «фашистском» тылу и о невероятном подъеме советских людей, последовавшем за быстрой победой Красной Армии⁵⁵. В более коротком рассказе лейтенанта Агуреева говорилось о бомбардировках таких немецких городов, как Кенигсберг, Эссен, Мерсебург, Ганновер и Свинемюнде.

Шпанов также обнаружил и описал просоветские волнения и революции, которые после этого, по кинематографической и напечатанной версии воображаемой войны, начались в тылу врага⁵⁶. По мере продвижения сил Красной Армии на запад восстания происходят в городах Нюрнберг и Берлин. Рядом, в Чехословакии, осенью 1938 г. находившейся под далеко не полным контролем Германии, вспыхивает еще одна революция. Шпанов также описал «национальный фронт» во Франции, намекая, вероятно, на ранее сформированный там правительством «народный фронт». Так как Польша и Германия находились прямо на пути продвижения Красной Армии на запад Европы во время ленинской кампании 1920 г., история и в фильме, и в напечатанной версии, по сути, восстанавливала запланированный маршрут раннего советского броска на запад⁵⁷.

«Немецкие» захватчики, быстро разбитые в кинематографической версии сталинского плана войны, либо бегут, либо сдаются, по мере того как победоносная Красная Армия продолжает свое движение на Запад. В шпановской повести на советских киноэкранах массовой аудитории также демонстрируются поставленные на Мосфильме восстания яростных революционных масс в пригородах Германии. Перед камерой немало восставших, легко узнаваемых по одежде и драматическим позам коммунистов, изображавшихся повсюду в советских фильмах и постановках, несут высоко поднятый красный флаг. Толпы горячо приветствуют своих «освободителей».

Советская пропаганда 1930-х годов постоянно подчеркивала вдохновляющую советских граждан идею о том, что следующая война будет вестись малой кровью и преимущественно на чужой земле⁵⁸. В повести Шпанова немцы появляются только на одну ночь, чтобы проникнуть на священную советскую землю перед тем, как они были изгнаны оттуда раз и навсегда⁵⁹. Собственно говоря, в фильме «фашистское» вторжение длилось ненамного дольше (если учесть время, ушедшее на построение декораций для фильма). Шпанов цитировал слова советского наркома обороны Климента Ворошилова по поводу грядущей войны: «Мы знаем: в тот же миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет границы вражеской страны. Наша война будет самой справедливой из всех войн, какие знает человечество. Большевики — не пацифисты. Мы — активные оборонцы. Наша оборона — наступление»⁶⁰.

Полосы советских газет конца 1938 г., во многом занятые потоком пропагандистских текстов по поводу «Краткого курса», широко рекламировали и превозносили ту же линию. Сообщая о собрании в честь победителей всеармейского соревнования Красной Армии в конце 1938 г., заместитель наркома обороны Лев Мехлис, другой высокопоставленный советник из сталинского окружения, повторил утверждение из «Краткого курса», что «Вторая империалистическая война» началась. Он также сказал, что есть «войны справедливые и несправедливые»... Самой справедливой будет война советских людей против врагов нашего отечества... «Мы, — наставлял Мехлис, — понимаем оборону не так, как пацифисты. Мы понимаем оборону по-сталински. Наша Красная Армия будет самой наступающей армией. С первого дня войны, когда прогремит первый выстрел, наша армия пересечет границу и перейдет в наступление, чтобы разбить противника на его территории»⁶¹.

Первого октября 1938 г. Сталин сам высказался подобным образом на упоминавшемся ранее закрытом собрании пропагандистов. В отсутствие посторонних он от-

бросил эвфемизмы, которые часто использовал в речах на публику. «Большевики, — сказал он, — не только не пацифисты, бывают случаи, когда они сами будут нападать». Их войны за «освобождение» от «империализма» и войны против «капиталистической эксплуатации» всегда будут «справедливыми войнами». «То, что мы кричим об обороне, — нагло признал Сталин перед маленькой группой пропагандистов, — это вуаль, вуаль»⁶².

Фильм «Если завтра война» предлагал инспирированное режимом, хотя, возможно, и адекватное отражение тогдашнего умонастроения советских людей, ставших объектом массовой пропаганды, которых их правительство последовательно готовило к будущему конфликту. Оно годами пичкало их рассказами об измене и патриотической готовности дать отпор любым шпионам и врагам. В конце 1938 г. значительное число бывших деятелей революции и наиболее ценных офицеров Советских вооруженных сил были уничтожены под пропагандистский аккомпанемент советских юристов и журналистов, клеймивших их «шпионами», «вредителями» и «предателями». Драматические показательные процессы конца 1930-х над бывшими ведущими большевиками, которые бок о бок действовали с вождем революции Лениным, были еще живы в общественной памяти. Можно легко представить, как кинематографическая реальность, умело изображавшая скрывавшегося в засаде чужеземного врага, воздействовала на простых советских людей, только что переживших террор.

Фильм «Если завтра война» в свое время был настолько популярен, что одна из его песен со словами о том, как советские люди в едином порыве поднимаются навстречу чужеземной опасности, стала любимой песней красноармейцев в 1941 г., когда война с Германии началась на самом деле⁶³.

Сталин как потенциальный кинематографист и киноман был целиком захвачен фильмом «Если завтра война», и это подтверждается тем фактом, что он много раз показывал его своим иностранным гостям⁶⁴. В примечательную ночь в декабре 1944 г., спустя более чем шесть лет после первого показа, он демонстрировал фильм в

Кремле французским гостям — генералу Шарлю де Голлю и министру иностранных дел Жоржу Бидо. В тот вечер, в присутствии де Голля и Бидо и своего собственного наркома иностранных дел, Сталин, видимо, выпив больше обычного, предложил сразить из пулемета словоохотливых дипломатов, чтобы заставить их замолчать. Он оценил оружие как более эффективное средство решения международных проблем⁶⁵. Возможно, его вдохновили огромные военные успехи того года, а также пафос только что просмотренного фильма «Если завтра война», в котором советские войска так успешно расправлялись с «фашистами». Ранее Ленин тоже признавал пулемет средством осуществления своих мессианских проектов⁶⁶. Поэтому нет ничего удивительного — вряд ли другая мысль вышла бы в итоге из уст ученика по такому же поводу, причем не в первый раз.

* * *

Недалеко от кинотеатров, киосков и книжных магазинов, расположенных в центре Москвы, в начале января 1941 г. прошли секретные военные игры Красной Армии по сценарию будущей войны с Германией. Военная игра начиналась, как можно было ожидать, по схеме, схожей с замыслом столь любимого Сталиным фильма⁶⁷. В эти январские мероприятия, в которых участвовали Сталин, члены его окружения, некоторые доверенные лица из советских литераторов и многие из имевшихся под рукой генералов, атака врага и вторжение его на советскую территорию, знаменовавшие начало войны, длились не 12 часов, как описывал Шпанов. Нападение врага предполагалось, а не заканчивалось, как в фильме⁶⁸.

Во втором раунде секретных военных игр, устроенных в Москве в феврале 1941 г., организаторы инсценировали атаку Германии на советском Юго-Западном фронте, к югу от Припяти. За быстро отбитым немецким наступлением следовало контрнаступление Красной Армии внутрь Польши и далее в глубь немецкой Силезии. В итоге Сталин решил принять схему второй игры в качестве плана собственного броска на запад⁶⁹. Как и в пер-

вом раунде игры, советские военные атаки в те дни планировались как наступательные, но предполагались только в ответ на наступление врага⁷⁰.

Несмотря на проваливавшуюся атаку нацистов в фильме «Если завтра война» и предположительно в обоих раундах секретных военных игр, мы можем быть уверены, что Сталин, решив воевать с Германией, инсценировал бы нападение врага, которое ему требовалось для осуществления собственного наступательного сценария, если бы Гитлер не предоставил ему такой возможности своим нападением 22 июня 1941 года. Кремлевскому хозяину нужно было распространить слухи о предшествующем нападении врага, чтобы оправдать «контрнаступление» против немцев, осуществленное как в фильме, так и в играх⁷¹.

В конце ноября 1939 г. Сталин разыграл первую фазу сценария фильма и военных игр в реальности, но с другим врагом и на другом фронте. Советское планирование военного нападения на Финляндию, названное «контрнаступлением», осуществлялось с начала июня 1939 г. Это происходило за несколько месяцев до начала советско-финляндской войны и до начала общей войны в Европе, частью которой и стала эта северная война⁷². Чтобы оправдать советское «контрнаступление» в случае с Финляндией, Сталин приказал инсценировать нападение «врага» на советско-карельском фронте. Переодетые сотрудники НКВД устроили обстрел советской границы «финской» артиллерией в районе приграничной деревни Майнила, недалеко от Ленинграда⁷³. Согласно сообщению, силы Красной Армии были атакованы и, конечно, оказались «вынуждены» отвечать. Обвинение финнов в атаке позволило занять высокоморальную позу обиженного. Это было предпринято, чтобы пресечь за границей любую «капиталистическую» угрозу оспорить «справедливую» советскую войну. Якобы в качестве оскорбленной стороны, Сталин начал свою давно готовившуюся атаку на финнов 30 ноября 1939 г.⁷⁴.

Фильм 1938 года «Если завтра война», популяризовавший сталинскую военную политику и открывший некоторые из лелеемых им международных политиче-

ских надежд, предлагает кинематографически точное отражение видения Кремлем будущей войны с Германией. Повесть Шпанова способствовала тем же ожиданиям быстрого военного успеха. И фильм, и повесть говорили за хозяина Кремля. Они были частью систематической и продолжительной антинемецкой пропагандистской кампании, имевшей национальный и международный размах. Тем иностранным экспертам и дипломатам в Москве и за рубежом, кто имел доступ к материалу и кто не был ослеплен неоднократными фальшивыми заявлениями о мирных советских намерениях, они открыли невероятную самоуверенность Сталина, размах его революционных замыслов и его ни на чем не основанную убежденность в почти бескровной победе в надвигающейся на Запад войне⁷⁵.

Перевод Ирины Павловой.

Примечания

¹ Ленин В.И. Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать // Исторический архив. 1992. № 1. С. 12—30 и др.

² Niewieźin W.A. Zamierzenie strategiczne Stalina przed 22 czerwca 1941 r. Nie zaplanowana dyskusja rosyjskich historików // Dzieje najnowsze, 1998. № 1. S. 15—17, 19; Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев». 1939—1941. М., 1997. С. 255.

³ Firsov Fridrikh. Ein Oktober, der nicht stattfand. Die revolutionären Pläne der RKP (B) und der Komintern // Bernhard Bayerlein, et al, hrsg. Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutions-Plan und sein Scheitern. Berlin. 2003. S. 36—38; Stone David R. The Prospect of War? Trotskii Lev, the Soviet Army, and the German Revolution in 1923 // The International History Review. V. XXV. 2003. P. 800, 806, 808, 811, 814—815.

⁴ Цит. no: Perrie Maureen. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. New York, 2001. P. 47.

⁵ Kalinin M. I. President of the USSR. Zum sechzigsten Geburtstag des Genossen Stalin. Moskau, 1939. S. 90, 96—97. О Ленине и Сталине также см.: Pipes Richard. Russia under the Bolshevik Regime. New York, 1991. P. 488; Он же. Vixi. The Memoirs of a Non-Belonger. New Haven, 2003. P. 236; Erik van Ree. The Political Thought of Joseph Stalin. A Study in Twentieth-Century Revolutionary Patriotism. London, 2002. P. 16: «Влияние Ленина [на Сталина] было доминирующим».

⁶ Ленинизм победит во всем мире // Искусство кино. 1939. № 1. С. 6.

⁷ *Amis Martin. Koba the Dread. Laughter and the Twenty Million.* New York, 2002. P. 166.

⁸ По крайней мере в двух более поздних случаях он тоже ускорял события, провозглашая наступление будущего. Позволяя своим надеждам взять верх над фактами, он объявил в «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» и в отчетном докладе на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г., что «вторая империалистическая» война уже началась. Первое издание «Краткого курса». М., 1938; в статье цитируется изд. 1951 г. О роли Сталина в подготовке «Краткого курса» см.: *Маслов Н.Н.* «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма. 1938—1988 гг. в кн.: *Афанасьев Ю.Н.*, ред. Советская историография. М., 1996. С. 248—256; *Сталин И.В.* Речь 1925 года — И.В. Сталин. Соч. Т. 7. С. 14.

⁹ Он намекал, вероятно, на неудачную революцию в Эстонии 1 декабря 1924 г. Тогда соединения Красной Армии фактически были переброшены к границе Эстонии, готовые вмешаться в случае успехов эстонских революционеров. См.: *Raun Torivo. Estonia and the Estonians.* 2-nd. ed. Stanford, 1991. P. 34. Его намек на Латвию относился, возможно, к ряду забастовок, которые парализовали большую часть промышленности там в июле 1924 г. Есть основания считать, что они поддерживались Москвой. О забастовках см.: *Страздин К.Я.*, ред. История Латвийской ССР. Т. III. Рига, 1958. С. 296—297.

¹⁰ *Firsov S.* 37—57. О сталинской увлеченности идеей революции в Германии вслед за Лениным см.: *Tucker Robert C.* Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928 — 1941. New York, 1990. P. 226.

¹¹ См.: *Dimitrov Georgii.* Tagebücher. V. I. Berlin, 2000. 21 января 1940 г. S. 289—290; См. Также: *Rieber Alfred.* Zhdanov in Finland. Pittsburgh, 1995. P. 9; *Murphy David E.* What Stalin Knew. The Enigma of Barbarossa. New Haven, 2005. P. 59—61; *Taubman William* Khrushchev. The Man and his Era. New York, 2003. P. 167. Таубман приписывает негативную характеристику этого поведения Хозяина в то время верному соратнику Сталина Никите Хрущеву.

¹² *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. С. 14.

¹³ *Niewieżin W.A.* Zamierzenie. S. 19; И.В. Павлова. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 399.

¹⁴ *Raack R.C.* Stalin's Drive to the West. The Origins of the Cold War, 1938—1945. Stanford, 1995. гл. 3—6 и др.

¹⁵ Сталин говорил американскому журналисту Рою Ховарду 1 марта 1936 г., что сообщения о советских международных революционных намерениях были выдуманы «буржуазными» журналистами [как Ховард?]. Его единственная цель — мир. — См.: *Edvard Radzinsky.* Stalin. New York, 1996. P. 435; *Tucker.* Stalin in Power. P. 224, 341.

¹⁶ См., напр.: *Tokaev G.A.* Stalin Means War. London, 1951. С. 72—73. Последний, с самого начала дружественно настроенный по отношению к СССР министр иностранных дел Литвы, в 1940 г. слышал о советском плане использовать текущую войну в Европе прямо от наркома ино-

странных дел В.М. Молотова и его заместителя В.Г. Деканозова. Креве позднее уточнил, что именно он слышал. — См.: United States Congress, House of Representatives, Select Committee on Communist Aggression, Third Interim Report. Washington, D.C., 1945. P. 342—343, 402, 450—63. Высокопоставленные деятели Коминтерна тоже были посвящены в некоторые тайны международного плана Сталина. Одним из них был Вальтер Ульбрихт. Вильгельм Пик, впоследствии президент Восточной Германии, сделал запись рассказа неофициального партийного лидера Ульбрихта в Москве в феврале 1941 г. К тому же Пик сообщил информацию, что Ульбрихт пришел прямо с заседания Президиума Коминтерна, чтобы выступить перед собранием немецких товарищей в Москве. Сталин был членом Президиума. — См.: *Паак Р.Ч.* Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной // Отечественная история. 1996. № 3. С. 41—46. Все три свидетельства, приведенные здесь, — Токаева, Креве и Ульбрихта, датированы 1939 — началом 1941 г. О пропагандистских мероприятиях непосредственно перед германо-советской войной см.: *Scheil Stefan.* 1940/41. Die Eskalation des Zweiten Weltkriegs. München, 2005. S. 160—161; *Невежин В.А.* Синдром и др.

¹⁷ Некоторые примеры: заместитель государственного секретаря Эрнст Верманн (Ernst Woermann) из Берлина немецкому послу в Москве Фридриху фон Шуленбургу (Friedrich Werner von der Schulenburg) 17 июля 1940 г. — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Berlin (далее РААА). Botschaft Moskau. 539. S. 175456; Доклад консульства Германии в Ленинграде от 12 ноября 1940 г. Там же. R 104358. S. 211024; Доклад шефа Рейхсканцелярии. Берлин. 18 ноября 1940 г. Там же. S. 211025. См. также документы, собранные в кн.: *Seraphim Hans-Günther.* Die Deutsch-Russischen Beziehungen 1939—1941. Hamburg, 1949. S. 81—84.

¹⁸ Например: допрос Шигунова (имя не указано), попавшего в плен сотрудника НКВД, — «Aufzeichnung die Vernehmung des GPU-Functioners Schigunow» от 18 сентября 1941 г. United States National Archives. T2120. R. 240; также заметки Гюстава Хильгера «Betr. Vernehmungen von kriegsgefangenen Sowjetischen Offizieren: General Andrej Wlassow» от 8 августа 1942 г. РААА. R27359. S. 305147; заметки Хильгера «Betr. Vernehmungen von kriegsgefangenen Sowjetischen Offizieren: Col. Vladimir Bojerski. Там же. S. 305155. См. Также: *Seraphim.* S. 79—80, 85 и *Scheil.* S. 161—162.

¹⁹ Откровения Генерального секретаря Коминтерна Георгия Димитрова по поводу использования предвоенных «народных фронтов» приводятся в кн.: *Radosh Ronald, Habeck Mary R. and Sevostianov Grigorii,* eds. Spain Betrayed. The Soviet Union and the Spanish Civil War. New Haven, 2001. P. 11—13. Два из ряда документов, раскрывающих тактику советского наркомата иностранных дел в отношении зарубежных партий, — «Instructions officielles envoyées par le gouvernement de Moscou aux legations de l'URSS établies dans les Balkans» в кн.: *Komat Marek.* Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Mołotow. Warszawa, 2002. С. 643—644; «Aufklärungen der Regierungen von Moskau an sämtliche

sowjetrussische Gesandtschaften der Balkanländer (Übertragung aus dem Romanischen)» — PAAA. R 104355. S. 202599—202600.

²⁰ Возможно, самое цитируемое высказывание о Сталине как о страстном пропагандисте кино (1924): «Кино — величайшее средство массовой агитации. Задача взять это дело в свои руки». — Цит. по: *Taylor Richard. Soviet Film in the 1920s // Clark M.J., ed. Politics and the Media. Film and Television for the Political Scientist and Historian. Oxford, 1979. P. 33—34.* О контроле Сталина над процессом создания политических фильмов: *Багдасарян Вардан Е.* Образ врага в исторических фильмах 1930—1940 годов // *Отечественная история.* 2003. № 6. С. 31; Дмитрий Т. Шепилов, писавший о начале послевоенного периода, рассказывая, как Сталин любил кино, отмечал его огромную заинтересованность в тематике и контроль над нею. — *Шепилов Д.Т.* Воспоминания // *Вопросы истории.* 1998. № 5. С. 24—26. Об использовании в пропаганде мотива подготовки нападения непосредственно перед началом войны в 1941 г. — *Невежин В.А.* Синдром. С. 52.

²¹ *Невежин В.А.* Синдром. С. 53.

²² *Steiner Zara. The Soviet Foreign Commissariat and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives // The Historical Journal. V. XLII (1999). P. 758.* 23 июня, выступая в своем избирательном округе в Ленинграде, Литвинов говорил об опасности для мира со стороны Германии, Италии и Японии: См.: сообщение Шуленбурга от 27 июня 1938 г. из Москвы в *Auswärtiges Amt* — PAAA. R104355. P. 202420. Возможно, хотя маловероятно, что Литвинов не знал о планах своего хозяина вернуть Балтийские государства, бывшие территории Российской империи. Возможно и то, что нарком иностранных дел проецировал экспансионистские планы Кремля на Гитлера. Приписывание собственных коварных замыслов другим было одним из успешно использовавшихся приемов Сталина, что проявлялось в его речах, как заметил Роберт Такер.

²³[Шуленбург] — Верманну [Записка о разговоре с Потемкиным 29 сентября 1938 г.]. Москва. 3 октября 1938 г. — PAAA. Botschaft Moskau. 560. S. 178370—1.

²⁴ *Zerko Stanisław. Stosunki polsko-niemieckie 1938—1939. Poznań, 1998. S. 181.*

²⁵ В то время когда Гитлер навязал раздел Чехо-Словакии (как она стала называться после Мюнхена), в середине марта 1939 г. он передал под контроль Венгрии чехо-словацкую область Рутения, в которой значительную часть населения составляли украинцы.

²⁶Из статьи в *Le Journal de Moscou* (22 марта 1938 г.), процитированной Типпельскирхом в сообщении из Москвы от 24 марта 1938 г. в *Auswärtiges Amt* — PAAA. R104355. n.p.

²⁷ «Если завтра война». Мосфильм. 1938. См.: Багдасарян. С. 31.

²⁸ *Невежин В.А.* Синдром. С. 127; *Багдасарян. С. 37.* Еще один фильм 1938 г. режиссера Абрама Роома «Эскадрилья № 5» содержал тот же

оптимистический мотив быстрого советского военного успеха. Как и фильм «Если завтра война», он изображал успешную оборону границы.

²⁹ Согласно Саре Дэвис, на весь Советский Союз в 1934 г. было 400—500 звуковых проекторов — Sarah Davies. Stalin as Patron of Cinema: Creating Soviet Mass Culture, 1932—1936 // Sarah Davies and James Harris, ed. Stalin. A New History. Cambridge, Eng., 2005. P. 213.

³⁰ Кино. 1938. 5 февраля.

³¹ Литературная газета. 1938. 5 февраля; Кино. 1938. 17 февраля.

Красная Звезда. 1938. 17 февраля. Заказчик фильма, без сомнения, был понятен советским кинематографистам того времени и всем, так или иначе связанным с киноиндустрией. Он наставлял обозревателей того времени думать в позитивном ключе.

³³ Красная Звезда. 1938. 17 ноября.

³⁴ Статья лейтенанта Агуреева была замечена немецкой разведкой и переведена на немецкий язык; затем передана одному из правительственных учреждений в Берлине, занимавшемуся анализом советских материалов. — См.: Reichsführer SS. Der Chef des Sicherheitshauptamtes «Sonderbericht. Propagandistische Vorbereitungen der Sowjetunion für den Zukunftskrieg gegen Deutschland. 1939.» — PAAA. R101387. Anlage V. S. 7.

³⁵ Правда. 1938. 9 ноября.

³⁶ Маслов. С. 242—256.

³⁷ Шуленбург — Auswärtiges Amt. Москва. 18 ноября 1938 г. в кн.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik, ser. D. V. IV. Baden-Baden, 1951. S. 535. Посол Шуленбург отмечал самоуверенность Сталина, видимо, полагавшего, что иностранцы не увидят связи между советскими дипломатическими усилиями и войной и хаосом, которые предполагались как прелюдия к осуществлению большевистского плана мировой революции. Шуленбург, несомненно, намекая на фильм «Александр Невский», отмечал также, что советские пропагандисты связывали исторические события с текущими антинемецкими выпадами. S. 535, 537.

³⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Правда. 1938. 15 ноября; Известия. 1938. 15 ноября.

³⁹ Отдел пропаганды. Вторая империалистическая война началась // Красная звезда. 1938. 9 декабря.

⁴⁰ Пример из газеты «Красная Звезда». 1938. 9 декабря.

⁴¹ Правда. 1938. 18 ноября; Комсомольская правда. 1938. 16 и 20 ноября.

⁴² Пример из газеты «Комсомольская правда». 1938. 17 ноября.

⁴³ Немцы изображены толстяками в газетах «Красная Звезда». 1939. 11 января; «Известия». 1938. 10 декабря.

⁴⁴ Цит. по: David M. Lang. A Modern History of Soviet Georgia. New York, 1962. P. 215.

⁴⁵ *Наджафов Д.Г.* СССР в послевоенной Европе // История СССР. 1991. № 1. С. 70—72.

⁴⁶ О Сталине как киномане и о его контроле за производством советских фильмов см.: Davies. P. 223; Анастас Микоян. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 533.

⁴⁷ *Bulgakowa Oksana.* Eisenstein. A Biography. Translated from the German. San Francisco, 2001. P. 190—191, 199.

⁴⁸ Заметки режиссера // Огонек. 1938. № 22. С. 21.

⁴⁹ Немецкие дипломаты в Москве не пропустили намека Эйзенштейна, отметив, что избыток антигитлеровского осенью 1938 г. указывал на историческую битву на Чудском озере и немецкую оккупацию Украины в 1918 г. См.: Шуленбург — Auswärtiges Amt. Москва. 18 ноября 1938 г. — PAAA. R104355. S. 202452. Менее чем через два года, после пакта советская политика и обслуживающая ее пропаганда изменили свою направленность. С того времени Сталин использовал Эйзенштейна, который говорил на немецком, как и на некоторых других иностранных языках, для рассчитанного на немцев радиовещания, восхвалявшего советско-немецкую дружбу. Более того, в то же самое время по указанию *вождя* Эйзенштейн был взят в Большой театр ставить оперу Рихарда Вагнера «Валькирия», что должно было послужить вкладом в культурный обмен между СССР и Германией. — См.: *Raack R.C.* Remembering Sergei Mikhailovich Eisenstein, 1898—1998: Wagnerian Opera in Stalin's Diplomacy // Film and History. V. XXVIII, no. 3/4 (1998). P. 50, 51.

⁵⁰ Очевидно, ленинградские редакторы не знали о соглашении между Литвиновым и немецким послом фон Шуленбургом ранней осенью 1938 г. о том, что их уважаемые издания должны прекратить нападки на руководителей двух стран. О соглашении см.: *Gustav Hilger.* Wir und der Kreml. Frankfurt/Main, 1954. S. 69.

⁵¹ Визит Риббентропа в Москву 23 августа 1939 г. был заснят для немецкого хроникального фильма в целях пропаганды. //UFA-Weltwoche, no. 468/1939. Bundesarchiv. Berlin.

⁵² Знамя. 1939. № 1. С. 4—122.

⁵³ *Куманев В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20-х и 30-х годов. М., 1987. С. 226—227. Или Куманев был неправ, или текст попал в руки режиссера до его появления в печати.

⁵⁴ *Шпаков Н.Н.* Первый удар. С. 40.

⁵⁵ О фильме и о других проявлениях антинацистской пропаганды в СССР до заключения пакта см.: Schutzstaffel [from its office for Soviet analysis] «Sonderbericht, Propagandistische Vorbereitungen der Sowjet-Union den Zukunftskrieg gegen Deutschland. 1939» — PAAA. R101387. S. 7—8; SS «Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion», no. 5/1939. 1 июля 1939 г. — PAAA. R101389. S. 180693.

⁵⁶ *Шпанов Н.Н.* С. 122; См. также «Mitteilungen zur Lage in der Sowjetunion». S. 108692—3.

⁵⁷ SS «Sonderbericht, 1939» — PAAA. R101389. S. 4 описывал другой

советский антипольский фильм 1938 г. «11 июля», возможно, поставленный Дзиганом в том же году, в котором рассматривалось драматическое «освобождение» Белоруссии в 1918 году.

⁵⁸ Генерал А.М. Василевский, один из известных военных деятелей, участвовавший в составлении советских наступательных планов 1940 и 1941 гг., позднее жаловался на обман. См.: Дело всей жизни. М., 1983. С. 79. См. Также: *Niewieźin B.A. Zamierzenie*. S. 21, 23—25; *Невежин В.А. Синдром*. С. 53; *Pleshakov K. Stalin's Folly. The Tragic First Ten Days of World War II on the Eastern Front*. Boston, 2005. P. 55—57, 77, 81, 83; *Viktor Suworow. Marshall Schukow. Lebensweg Leichen*. Selent, Ger., 2002. S. 105—106. Ирония заключается в том, что в мае 1941 г. Василевский подготовил проект соображений по планам вооруженного наступления через территорию Генерал-Губернаторства (*General Gouvernement* — та часть предвоенной Польши, которая по нацистско-советским соглашениям отходила Германии, но не была включена в гитлеровский рейх). Они указывали на «перенос военных действий на территорию врага...», предполагая тем самым, что война начнется с внешнего нападения на советскую территорию. (*Pleshakov*. P. 81). Несомненно, Василевский понимал по предыдущим военным играм и словам своего хозяина, что требовалось Сталину для подготовки задуманной им международной игры.

⁵⁹ *Куманев В. С.* 228.

⁶⁰ *Шпанов Н.Н. С.* 12.

⁶¹ Победители всесармеевского соревнования на приеме в Наркомате обороны СССР // *Красная Звезда*. 1938. 11 ноября.

⁶² *Наджафов Д. С.* 70—72; *Маслов. С.* 240—242; *Niewieźin W.A. Zamierzenie*. S. 19.

⁶³ *Куманев В. С.* 228.

⁶⁴ *Невежин В.А. Синдром*. С. 53.

⁶⁵ *Jean Laloy. A Moscou: entre Stalin et De Gaulle, Décembre 1944* // *Revue des études slaves*. V. LIV (1982). P. 151. 11 апреля 1945 г. Сталин показывал фильм Миловану Джиласу и другим югославским гостям. — *Milo van Djilas. Conversations with Stalin. Translated from Serbo-Croatian*. New York, 1962. P. 103.

⁶⁶ *Pipes. Russia under the Bolshevik Regime*. P. 398, прим.

⁶⁷ Согласно Славомиру Дебски, фильм «Если завтра война» служил также в качестве программы для советских военных игр 1939 г. — *Ślawomir Dębski. Między Berlinem a Moskwa. Stosunki niemiecko-sowieckie od 23 sierpnia 1939 do 22 czerwca 1941*. Warszawa, 2003. S. 259.

⁶⁸ *Suworow. Marshal Schukow*. S. 106, 112.

⁶⁹ *Suworow. Marshal Schukow*. S. 118—125; *Ewan Mawdsley. Crossing the Rubicon. Soviet Plans for Offensive War in 1940—1941* // *International Historical Review*. XXV (2003). P. 825—826.

⁷⁰ *Albert Weeks. Stalin's Other War. Soviet Grand Strategy, 1939—1941*. Lanham, Md., 2002. P. 156—59; *Heinz Magenheimer. Kriegsziele und Strategien der grossen Mächte 1939—1945*. Bielefeld-Bonn, 2006. S. P. 81;

Mawdsley. P. 826; Suworow. Marshal Schukow. S. 112; Pleshakov. P. 19—84.

О советских приготовлениях в целом см.: *Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. М., 2000. Глава «Советское военное планирование в 1940—1941 гг.» С. 370—414 *Heinz Magenheimer.* Entscheidungskampf 1941. Sowjetische Kriegsvorbereitungen. Aufmarsch. Zusammenstoss. Bielefeld, 2000. S. 48—137.

⁷¹В своей недавней книге «Kriegsziele und Strategien» (С. 69 и прим. 93 на той же странице) Магенхеймер (Magenheimer) предположил, что Сталин намеренно выдвинул дерзкие территориальные требования Гитлеру через своего посредника Молотова во время визита наркома иностранных дел в Берлин в середине ноября 1940 г., чтобы спровоцировать немцев на атаку Советов и обеспечить таким образом вождю роль защитника.

⁷²Несколько лет спустя некоторые советские маршалы признавали, что война с Финляндией планировалась как *контрнаступление* против предполагаемой атаки финнов, оставив их в недоумении: или Сталин их тоже обманул, или они были введены в заблуждение с самого начала. См.: *Bernd Bonwetsch.* Die Forschungskontroverse über die Kriegsvorbereitungen der Roten Armee 1941 // *Bianka Pietrow-Ennker.* Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. 3-е изд. Frankfurt/Main, 2000. S. 183.

⁷³*Olli Velviläinen.* Finland in the Second World War. Houndsmills, Eng., 2002. P. 43—45.

⁷⁴*Соколов Б.В.* Собирались ли Сталин нападать на Гитлера? // *Грани.* Год L. 1995. С. 214. О марксистско-ленинско-сталинском обосновании войны см.: *Weeks.* P. 87—89.

⁷⁵Сразу после возвращения Молотова из Берлина в середине ноября 1940 г. Сталин заверил своих напарников по Политбюро, что война с Германией будет. — См.: *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства: встречи, беседы, интервью, документы. М., 1998. С. 405. Пять месяцев ранее он то же самое говорил польской сталинистке Ванде Василевской — *Dębski.* S. 384—385, 486.

«КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЫ» В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-Х ГОДОВ

Советская культура отличалась мобилизационностью. Приближение неопределенного, но обязательного для всех коммунистического будущего требовало от общества сплочения, которое достигалось в том числе и неоднократно проверенным в истории способом — поиском врага, его обнаружением и борьбой с ним². «Войну» в период строительства социализма объявляли отдельным социальным группам, природным явлениям, произведениям искусства, научным теориям, разгильдяйству и бездорожью. Общая доктрина советского государства предопределялась во многом общим контекстом межвоенного периода, характерные черты которого сложились «под влиянием опыта Первой мировой войны, в особенности под влиянием неизбежности учета фактора мобилизованных масс в обществе и политике»³. Выстраивали свою концепцию подготовки Сталиным Второй мировой войны как войны за мировую революцию В. Суворов или куда более осторожный Дж. Хоскинг, считающий, что СССР начал готовиться к войне только в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, и «приготовления эти были плохо продуманы и выполнялись отнюдь не на должном уровне»⁴, в любом случае 1930-е годы рассматриваются как период планомерной и постоянной подготовки страны к войне. «Военный мотив постоянно муссировался в газетах, помещавших обстоятельные обзоры международного положения, делая при этом особое упоминание на нацистский режим Германии, японцев в Мань-

* Шарова Мария — доктор филологических наук, живет в Свердловске.

чжуррии, вероятность захвата власти фашистами во Франции, а также Гражданскую войну в Испании как на пример открытого противоборства «демократических» и «реакционных» сил. Угроза войны определяла государственную политику. Суть программы ускоренной индустриализации, как подчеркивал Сталин, заключалась в том, что без нее страна окажется беззащитной перед врагами и через десять лет «погибнет». Большой Террор, по словам пропагандистов того времени, имел целью очистить страну от предателей, наймитов, врагов СССР, которые изменили бы в случае войны. Народ тоже не оставил эту тему своим вниманием: в обществе, жившем слухами, чаще всего появлялись слухи о войне и ее возможных последствиях⁵.

Вся к 1930-м годам уже хорошо отлаженная советская пропагандистская машина работала на то, чтобы каждый член общества, вступив в более или менее сознательный возраст, осознавал свое время как кратковременную передышку между двумя большими «внешними» войнами. Будущая — с фашистами — должна вот-вот начаться. Бывшая — с «белыми», поскольку в контексте выстраиваемой в это время наррации народной истории Гражданская война затмевала Первую мировую — в основном закончилась: они разгромлены, хотя оставшиеся «белые», превратившись в фашистов, по-прежнему продолжают войну. В политической риторике времени с конца 1920-х гг. господствовали понятия усиления классовой борьбы, империалистической угрозы, агентов (наймитов) империализма, врагов народа и прочего. Милитарная лексика являлась неотъемлемой составной частью языковой картины эпохи. А. Сергеев в мемуарной повести «Альбом для марок» приводит застрявшие в памяти с раннего детства, пришедшегося на вторую половину 1930-х годов, слова и обороты: «БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ФИНЛЯНДИЯ — с финнами повоевали. ФАШИСТСКИЕ ЛАТВИЯ, ЭСТОНИЯ, ЛИТВА — не понять, воевали мы с ними или нет. ПАНСКАЯ ПОЛЬША — эту разбили... БОЯРСКАЯ РУМЫНИЯ с нами не воевала — испугалась. ТУРЦИЮ и ПЕРСИЮ настраи-

вают против нас ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АНГЛИЯ и МИЛИТАРИСТСКАЯ ФРАНЦИЯ»⁶.

В воспоминаниях тогдашних подростков о времени своего отрочества неизменно присутствуют рефлексии о сращении военного и мирного в жизни и сознании. К. Симонов, характеризуя свое тогдашнее самоощущение, писал, что от разного рода оппозиционных по отношению к властям идей он «был забронирован... мыслями о Красной Армии, которая в грядущих боях будет «всех сильнее», страстной любовью к ней, вьезшейся с детских лет, и мыслями о пятилетке, открывавшей такое будущее, без которого жить дальше нельзя... Мысли о Красной Армии и о пятилетке связывались воедино капиталистическим окружением: если мы не построим всего, что решили, значит, будем беззащитны, погибнем, не сможем воевать, если на нас нападут, — это было совершенно несомненным»⁷. А. Зиновьев, анализируя строки своего тогдашнего неумелого стихотворения «костьми поляжем за канал. Под пулемет подставим тело», замечает: «Идея подставить тело под пулемет родилась в Гражданскую войну и была для нас тогда привычным элементом коммунистического воспитания. А утверждение о том, что здание нового общества строилось на костях народа, было общим местом в разговорах в тех кругах, в которых я жил. Но оно не воспринималось как обличение неких язв коммунизма. Более того, оно воспринималось как готовность народа лечь костьми за коммунизм, каким бы тяжелым ни был путь к нему»⁸. Ю. Друнина, 1924 года рождения, не преувеличивала, когда на рубеже 1960 — 1970-х годов писала: «Я родом не из детства — из войны»⁹, поскольку ее детство было буквально пронизано идеей вооруженных противостояний.

Жизнь во враждебном окружении предполагает постоянные военные конфликты и необходимую психологическую, идеологическую, физическую, специальную подготовку к военным действиям. Журналистика и литература, соответствующим образом оформлявшие интенции государственной власти, приняли на себя часть функций по созданию соответствующего психологического и идеологического общественного настроения.

Организация литературного процесса в советском государстве подчинялась установке, заданной В.И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Литература должна стать... «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма»¹⁰. Это значило, в частности, что литературное дело воспринималось как значимая часть агитационно-пропагандистского алгоритма действия, лежащего в основе отбора и формирования произведений, достойных публикации в советских государственных издательствах и распространения через государственную систему книготорговли. С конца 1920-х годов, когда в СССР завершилась централизация издания и распространения печатной продукции, тексты, препятствующие выполнению актуальных агитационных задач, не могли быть опубликованы. Корпус редакторов, институты цензуры и литературной критики выполняли функции своего рода контрольно-пропускного пункта, не считаясь с которым писатель не мог. То, что появлялось в печати, было санкционировано специально подготовленными, приобретавшими не по дням, а по часам опыт людьми, не имевшими к тому же права на ошибку, ибо они стояли на страже главного достояния советского государства — его идеологии.

В подобных условиях неудивительно, что необходимая государству мобилизационная тематика глубоко проникала даже в организационные формы литературного процесса. При знакомстве с хроникой тогдашней литературной жизни бросается в глаза обилие мероприятий, связанных с проблемой войны как неотъемлемой части жизни.

17 января 1930 года И.В. Сталин поддерживает инициативу М. Горького об издании «популярных сборников о Гражданской войне»¹¹, а 30 июня 1931 года выходит постановление ЦК ВКП (б), одобряющее инициативу М. Горького по созданию «Истории Гражданской войны». В дальнейшем работа в этом направлении будет регулярно освещаться в печати, а создание документированной «Истории...» подкрепляться переизданиями старых и

выходом новых художественных текстов соответствующей тематики.

Тема будущей войны энергично муссируется на страницах литературных изданий. 31 января 1930 года в «Правде» открывается литературная страница под характерным названием «Литературный фронт». 9, 14, 19 декабря 1930 года «Литературная газета» публикует письма советских писателей своим западным коллегам с вопросом об их позиции в связи с «подготовкой международным империализмом войны против СССР». Советские писатели участвуют в антивоенных конгрессах. Хотя на Конгрессе 1932 г. в Амстердаме советской делегации было отказано во въезде, в «Литературной газете» появляется рубрика «Друзья СССР — враги войны». В Международных конгрессах писателей в защиту культуры (Париж, 21—25 июля 1935 г.; Валенсия — Мадрид — Париж, 4—17 июля 1937 г.), также носивших антивоенный характер, советская делегация была представлена. 16 марта 1937 г. в «Известиях» появляется открытое письмо советских писателей «Против фашистских вандалов, против поджигателей войны!». 1 августа 1937 года советские писатели принимают участие в Международном антивоенном дне.

При том, что это направление деятельности писателей именуется антивоенным, его присутствие на страницах печати нагнетает ощущение неизбежности войны, а значит, необходимости усиления мобилизации. «Литературная газета» публикует письмо к советским писателям от командиров Красной Армии, слушателей Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева: «Мы знаем, что только упорной работой создаются замечательные произведения, и мы вас не торопим. Но вас торопит время! Вы чувствуете, как все гуще и гуще нависают над нашим мирным небосклоном тучи войны, войны, «которой еще не знала история». Продумайте, прочувствуйте это — и пишите!»¹² 15 и 26 апреля на это воззвание откликнулись писатели Вс. Иванов, В. Гусев, В. Лебедев-Кумач, Б. Ромашов, А. Новиков-Прибой, Л. Соболев, а 25 мая в редакции газеты состоялось совещание редколлегии с литературным активом военных академий. А. Толстой в

своим выступлением определяет задачи «оборонной литературы», которая должна говорить сейчас о самом главном, ставить большие мировые идеи. От нас ждут спасения мира, спасения человечества»¹³.

В соответствии с представлениями начала 1930-х годов «оборонная литература» должна была опираться на литературное творчество самих военных. Для организации и руководства писателями из армейской среды 29 июля 1930 г. было создано специальное литературное объединение ЛОКАФ — Литературное объединение писателей Красной Армии и Флота. Вокруг нового объединения группируются профессиональные опытные и начинающие писатели, готовые принять участие в создании произведений на соответствующие темы. Они, организуясь в бригады, выезжают в воинские части, на военные маневры; организуют литературные кружки, даже правят произведения красноармейцев и краснофлотцев.

В начале марта 1931 года ЛОКАФ провел совещание, посвященное «литературно-политическим требованиям, предъявляемым им произведениям о Красной Армии»¹⁴; 5 апреля в «Правде» напечатана редакционная статья «Художественная литература на службе обороны страны», а 5—9 апреля в Центральном доме Красной Армии состоялся первый пленум ЦС ЛОКАФ, насчитывающего к тому времени 2560 членов, объединенных в 126 литкружков, и 690 писателей-профессионалов. 11—14 февраля 1932 года на втором расширенном пленуме ЦС ЛОКАФ были заслушаны доклады Л. Субоцкого «Красная Армия реконструктивного периода в художественной литературе» и содоклады «О творчестве красноармейцев и краснофлотцев-ударников». Локафовцы подписали письмо литературных организаций РСФСР (наряду с РОП КП, РАПП и «Перевалом») с поддержкой Постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» и с 1933 года прекратили свое существование. Однако сформировавшиеся к тому времени силы создателей «оборонной литературы» сгруппировались вокруг пришедшего на смену центральному печатному органу объединения ЛОКАФ¹⁵ журнала «Знамя»¹⁶.

Несмотря на прекращение деятельности ЛОКАФ, внимание к «оборонной» тематике не снижается. 1 июня 1934 г. проходит Всесоюзное совещание писателей по вопросам оборонной литературы, где обсуждаются доклады П. Павленко и А. Лейтеса «Художественная литература о Дальнем Востоке», Л. Субоцкого «Красная Армия в советской художественной литературе», А. Суркова о красноармейской песне. 19 июня 1935 года был объявлен конкурс на создание текста и музыки массовой советской песни¹⁷, и «Правда» под рубрикой «Конкурс на лучшую песню» систематически публикует стихотворные тексты песен. По итогам конкурса решили «первую премию за литературные тексты не присуждать... Вторые премии за литературные тексты присудить: 1) Мих. Голлодному за песню «Партизан Железняк». 2) Янке Купале за песню «Матка сына провожала». Третьи премии за литературные тексты присудить: 1) А. Суркову — «Конноармейская». 2) Виктору Гусеву за «Песню советских школьников». 3) А. Александрову — «Ночь в разведке»¹⁸. Как видим, лучшие образцы массовой песни также были песнями о войне.

В официальном обращении I Съезда советских писателей к наркому обороны К.Е. Ворошилову выражалась готовность «защитить великую Родину от вооруженного нападения», для чего «дать книги о вероятных противниках, вскрыть качество их сил, противочеловеческие их цели и показать, как в тылах капиталистических армий готовятся к бою союзные нам пролетарские силы»¹⁹. 31 января 1936 года открылось Всесоюзное совещание писателей, работающих над оборонными произведениями. Доклад Л. Субоцкого назывался «Задачи оборонной литературы в связи с 20-летием Великой пролетарской революции и 20-й годовщиной Красной Армии».

В «оборонной литературе» определялась тактика наиболее эффективной работы, к выработке которой привлекались высокие государственные чиновники. Так, Вс. Вишневский пишет 20 ноября 1937 года Вл. Ставскому, рассчитывая на скорейшее принятие мер: «Я поставил вопрос об освежении и оздоровлении редакции «Знамени». Нам нужны редакционные работники коммуни-

сты и верные беспартийные товарищи. Вопрос надо решать быстро. Перелом в «Знамени» надо создать, и он будет создан. Наметили программу на 1938 г., главное — освещение жизни Красной Армии, обороны СССР, показ истории войн, изучение противников. Выявление новых кадров, смелое их выдвижение. Сбор песен, исторических] материалов. Отчеты перед активом и читателем. Творческие встречи, читки. Критика и самокритика. Создание оборонной] комиссии. Связь с Нар[одным] Комиссариатом] Обороны, ПУРом. Выделение от ПУРа компетентных тт. для ССП»²⁰.

Реальные военные столкновения конца 1930-х годов позволили оценить готовность писателей оперативно реагировать на происходящее. 10 августа 1938 года проходят собрание писателей Москвы и митинг писателей Ленинграда — протест против японской агрессии и приветствие бойцам Краснознаменного Дальневосточного фронта, «разгромившим японских захватчиков у оз. Хасан»; 27 ноября — митинг советской интеллигенции в связи с еврейскими погромами в Германии. В периодике весь конец 1930-х — начало 1940-х энергично и однозначно обсуждают политические новости, в том числе, конечно, и военные кампании по присоединению Западных Украины и Белоруссии, Прибалтики. Писатели, часть из которых уже до этого освещала военные действия в Испании и на востоке СССР, отправляются на западные границы, они пишут многочисленные, преимущественно публицистические, тексты о происходящем²¹. В 1939 году в Брест-Литовске выходит сборник «Фронтовые стихи», в том же году во Львове выпускает «Фронтовые стихи и песни» В. Лебедев-Кумач. В журналах и газетах публикуют подборки «фронтовых» стихов С. Щипачева²², А. Твардовского²³ и других. Митинги советских писателей — отклики на ноту советского правительства правительству Финляндии проходят по всей стране в конце ноября 1939 г. В боевых условиях проверяются наработанные «оборонщиками» навыки работы во фронтовой печати.

Результаты были подведены в июне 1940 года, когда Президиум ССП СССР утвердил оборонную комиссию в

составе девятнадцати писателей²⁴. В начале июля Вс. Вишневский, один из членов комиссии, провел в Москве с участниками Второго военного и Первого военно-морского семинара беседу о работе военного корреспондента. 6 января 1941 года в Московском университете прошел вечер-встреча писателей с молодежью Краснопресненского района г. Москвы, где А. Сурков выступил с речью о значении советской литературы в деле обороны страны, Всеволод Иванов рассказал о своей работе над романом, пьесой и сценарием о герое Гражданской войны М. Пархоменко, а К. Симонов поделился впечатлениями о своей работе военного корреспондента на Халхин-Голе²⁵. Вечер оборонной комиссии ССП проходит в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. 4 февраля 1941 года отмечают десятилетие журнала «Знамя», по случаю которого обнародуется Приказ Наркома обороны СССР маршала С. Тимошенко, где отмечаются заслуги журнала, десять лет возглавляющего «оборонную работу советских писателей».

Освоение и продвижение военной тематики касалось не только организации плотного графика соответствующих мероприятий. Военная лексика еще в 1920-е годы прочно вошла в повседневный литературно-критический обиход. На съезде ССП советские писатели привычно именуются «пролетарскими борцами», «солдатами новой культуры»²⁶ «освобожденной части человечества»²⁷. В приветствии съезда И.В. Сталину в соответствии с риторическими правилами тех дней отмечалось, что слово, являясь оружием, было включено «в арсенал борьбы рабочего класса», а «искусство стало верным и метким оружием в руках рабочего класса и у нас, и за рубежом»²⁸.

Укрепление боеготовности рассматривалось как важнейшая задача критики. Даже знакомство с зарубежной литературой оправдывалось необходимостью знакомства с психологией вероятного противника. Один из лидеров уже не существующего ЛОКАФ, выступая на писательском съезде по проблемам «оборонной литературы», замечал, поясняя позицию журнала «Знамя»: «Мы вносили в литературу практику, которую получили в военно-академическом порядке. Мы брали на изучение стра-

ницы западной литературы, того же Джойса и Пруста, для того чтобы знать политику, практику и психику их. Мы действовали, как разведчики и исследователи, как люди, которые будут наносить им же контрудар»²⁹.

Во всех документах военная тематика на принятом языке эпохи именуется оборонной. По мере упрочения внешнеполитического положения СССР государству приходилось все больше считаться с соблюдением внешних приличий, и полностью подчиняющийся государству Союз писателей, члены которого выполняли в том числе и важнейшую репрезентационную функцию, представляя политику страны в разного рода международных организациях и собраниях, следовал изменчивым государственным установкам, в которых одно оставалось неизменным: СССР ни при каких обстоятельствах не должен и не может именоваться агрессором, войны, в которых он участвовал или будет участвовать, носят справедливый характер.

В то же время еще в 1930 году в письме к А.М. Горькому И.В. Сталин разъяснял будущему первому секретарю СП СССР, что партия решительно против произведений, «...рисующих «ужасы» войны и внушающих отвращение ко *всякой* войне (не только *империалистической*, но и ко *всякой* другой). Это буржуазно-пацифистские рассказы, не имеющие большой цены. Нам нужны такие рассказы, которые подводят читателей от ужасов *империалистической* войны к необходимости преодоления *империалистических* правительств, организующих такие войны. Кроме того, мы ведь не против *всякой* войны. Мы *против* империалистической войны как войны контрреволюционной. Но мы *за* освободительную, антиимпериалистическую, революционную войну, несмотря на то что такая война, как известно, не только не свободна от «ужасов кровопролития», но даже изобилует ими»³⁰. Игра словами «империалистический» и «всякий» находила отражение в двусмысленном употреблении слова «оборонный», которое, начиная с 1930 года, неизменно употреблялось как синонимичное выражению «на военную тему» и включало в себя как значение «обороните ль-

ный», так и «революционно-наступательный», то есть «справедливый» с точки зрения советской идеологии.

Так, М. Слонимский, рецензируя деятельность журнала «Знамя», отмечает, что оборонная тема в нем — это «тема растущей мощи нашей страны, тема победоносно шествующей революции, тема борьбы западных наших товарищей»³¹. Хотя орган Международного объединения революционных писателей (МОРП) журнал «Литература мировой революции» получил в 1933 году более сдержанное название «Интернациональная литература», идея революционного спасения мира, очевидно, продолжала существовать, но сменила форму своего бытования в советской практике.

Если в 1920-е годы подчеркивалось, что война может носить наступательный революционный характер, то в 1930-е характер войны затухевывался. В 1927 году пионерская песенка должна была, по замыслу Маяковского, звучать так: «Возьмем винтовки новые, / На штык флажки! / И с песнею / в стрелковые / пойдем кружки. / Раз! Два! Все / в ряд! / Впе- / ред, / от- / ряд! / Когда / война-метелица / придет опять, — / Должны уметь мы целиться, / уметь стрелять. / Ша-гай / кру- / че! / Цель- / ся / луч- / ше! / И если двинет армии / страна моя, — / мы будем / санитарам / во всех боях. / Раны / в лесу, / к сво- / им / сне- / су. / Бесшумною разведкою / Тиха нога, / за камнем / и за веткою / найдем врага. / Пол- / зу / день, / ночь / мо- / им / по-мочь /»³². Стоящий «на запасном пути» бронепоезд в мироощущении конца 1920-х годов был готов в любой момент выступить в далекий путь: «Сегодня мы встали на долгую дневку. / Травой поросли боевые дороги. / Но время готово выдать путевку / На переходы, бои и тревоги. // Чтоб песенный жар боевую усталость / В больших переходах расплавил и выжег, / Чтоб песня у наших застав начиналась / И откликалась в далеком Париже»³³. Но через десять лет стихи того же поэта будут посвящены пограничникам, «сторожащим рубеж»³⁴. Когда Я. Смеляков в 1932 году писал: «Мы радостным путем побед по всей земле пройдем»³⁵, он не оговаривает, в каких «справедливых боях»³⁶ эта победа, по его мнению, будет завое-

вана. Но слова поэта были созвучны появлявшимся в том же году заголовкам вроде «Перестройка международного революционного литературного фронта»³⁷.

Во второй половине 1930-х годов пафос революционной наступательности исчезает из открытой печати, хотя подобные настроения в обществе, несомненно, сохранялись, не случайно отголоски их мы встречаем, скажем, в не опубликованных в то время стихотворениях молодых поэтов. Устремившиеся сначала на советско-финляндскую, а потом на Отечественную войны молодые поэты, судя по всему, искренне хотели воевать. Причин такого рвения, очевидно, было несколько.

Молодые люди 1930-х годов жили в мире, в котором культивировалось противопоставление сейчас / раньше и акцентировался период перехода от прошлого к настоящему, в первую очередь через постоянное обращение к образу пограничной эпохи — революции и Гражданской войны. Образ этих событий к концу 1920-х годов оформился, «Чапаев» и «Железный поток», «Хорошо!» и «Разгром» уже были написаны и отобраны как наиболее соответствующие потребностям государства, так что о прошлом информация была идеологически — по крайней мере, на уровне публичных высказываний — непротиворечивая как о войне «наших» с «ненашими». Именно в 1930-е создавались книги писателей, живших в период революции и Гражданской войны и вынесших свои представления об этом времени в виде не мемуаров, но романов воспитания. Участники недавних реальных и легендарных событий вовлекали детей иной эпохи в свою прошлую жизнь настолько настойчиво и эффективно, что те, как об этом явствуют их тогдашние дневниковые записи и стихи, более поздние воспоминания, духовно жили не столько в настоящем, сколько именно в этом прошлом, ощущая себя «лобастыми мальчиками невиданной революции» (П. Коган)³⁸, «солдатами революции», «падающими на пулемет» (М. Кульчицкий)³⁹. Прославление героики революции и Гражданской войны приводило к тому, что даже малые дети через игры, учебные и внеучебные занятия идентифицировали себя с легендарными конниками или революционерами.

Писатели, прошедшие через Гражданскую войну, продолжали не просто осмысливать ее опыт, но выстраивали историю «страны-подростка» как историю войн настоящих и будущих. Война — неотъемлемая составляющая мира, где существует противостояние коммунистов и капиталистов. Руководитель чехословацких скаутов Прохор Тыля из одноименного рассказа Н. Олейникова готовит расправу «красным ошейникам» — пионерам, празднующим организованную Коминтерном Международную Детскую неделю⁴⁰. Действие во всех произведениях «преждевременного воина» А. Гайдара происходит в ситуации войны, которая, сначала находясь на периферии повествования, потом окажется в центре существования героев, собственно и став для них «школой». Даже в мирной «Голубой чашке» с ее, казалось бы, внутрисемейным конфликтом, за пределами страны существует фашизм в Германии, и он напоминает о себе антисемитскими выкриками в адрес Берты — эмигрантки из Германии «известного фашиста, белогвардейца Саньки»⁴¹. Мальчика из «Честного слова» Л. Пантелеева учат стоять на часах, и даже вран у Хармса врет про то, как «а вы знаете, что ПОД? / А вы знаете, что МО? / А вы знаете, что РЕМ? / Что под морем-океаном / Часовой стоит с ружьем»⁴².

Реальные властные силы эпохи мифологизировались и переносились то в отдаленные романтические сферы, ассоциативно связанные с легендарной Гражданской войной, то в сильно приукрашенный идиллический мир счастливой советской страны. Права на счастье, как представлялось, обеспечивались интенциями политики коммунистов и «тяжелыми испытаниями», в которых значительной частью общества была доказана верность революции. Грядущее будет свободно от ежедневного героизма, но в современном мире существуют лишь островки будущего светлого мира, за который нужно бороться. Армия при таком состоянии общества становится важнейшим социальным институтом, а служба в армии, участие в боевых действиях против широко понимаемого фашизма — способом приблизить всеобщее будущее счастье. Поэтому студент Арон Копштейн, ссылаясь на ав-

торитет А. Блока («И вечный бой. Покой нам только снится...» / Так Блок сказал. Так я сказать бы мог»), напишет в 1940 году о полной готовности поколения воевать столько, сколько понадобится: «И если я домой вернуся целым, / Когда переживу двадцатый бой, / Я хорошенько выплюсь первым делом, / Потом опять пойду на фронт. Любой»⁴³. Копштейн погибнет во время Финской кампании, сражаясь за светлое будущее, которое его столь же романтично настроенные сотоварищи видели в том числе и так: «Война не только смерть. / И черный цвет этих строк не увидишь ты. / Сердце, как ритм эшелонов упорных: / При жизни, может, сквозь Судан, Калифорнию / Дойдет до океанской, последней черты» (М. Кульчицкий)⁴⁴; «Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще умрем в боях, / Чтоб от Японии до Англии / Сияла Родина моя» (П. Коган)⁴⁵.

Но эти энергичные «наступательные» стихи, выражавшие мироощущение поколения, станут достоянием широкой общественности значительно позже, а в официальной печати с середины 1930-х годов тема наступления сменилась темой обороны как защиты рубежей, границ, родной земли. Доминируют образы «границы на замке», «часовых Родины», мотив охраны границы как залога счастья каждого отдельного человека («Пусть он землю сбережет родную, а любовь Катюша сбережет» — М. Исаковский «Катюша», 1938), воспевание готовности к обороне границы, важности осознания черты между своей — прекрасной и «вражьей» землей («И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом» — В. Лебедев-Кумач «Если завтра война, если завтра в поход...», 1938). Даже в текстах о Гражданской войне, где ранее на первый план выходила идея идеологического противостояния, появляется мотив защиты земли, отечества: «И он погиб, судьбу приемля. / Как подобает молодым: / Лицом вперед, / Обнявши землю, / Которой мы не отдадим!» (И. Уткин «Комсомольская песня», 1934)⁴⁶.

Когда к концу 1930-х годов в стихотворной и прозаической «оборонной» публицистике появится еще и тема сохранения границ («Чужой земли мы не хотим ни пяди,

/ Но и своей вершка не отдадим» (Б. Ласкин «Марш танкистов», 1939), представления о «своей» и «чужой» земле, то есть о месте пролегания рубежа между «нашим» и «ненашим», уже будут размыты реальными военными конфликтами. При этом мотив обороны «рубежей» по-прежнему соседствует с мотивом распространения «завоеваний революции», которая могла осуществляться, видимо, и путем нападения. Это создавало известную двусмысленность, позволяющую по-разному толковать самые невинные на первый взгляд строки. О каком «верном друге в далекой стороне», спрашивающем, «где пройти к весне такой надежной и такой хорошей, как у вас», говорит поэт Александр Жаров.⁴⁷ В риторике предвоенного времени, в условиях реальных военных конфликтов локальные столкновения осознавались как часть некоей символически зашифрованной глобальной цели: «Мы любим жизнь. И любим тем сильнее, / Чем больше счастья есть у нас во власти. / А потому во имя всех людей / Ведем мы бой за их земное счастье» (Александр Безыменский «Мы любим жизнь», 1940, Раатева)⁴⁸.

П. Павленко, в 1937 году рассуждая о «нужных» времени книгах, предлагает смягчающую видимые противоречия концепцию «созидательной» войны, где формальное нападение противника должно смениться немедленным контрнаступлением Красной Армии, которая будет энергично реализовывать идеи распространения социализма по миру: «Сейчас наша военная тема — тема строительства, ибо наша война — это созидательная война, наши бойцы и командиры — строители. Они будут строить ревкомы и воспитывать людей на тех территориях, где придется драться. Мы строим, а не уничтожаем»⁴⁹. Это суждение является своего рода послесловием к роману П. Павленко «На Востоке» (1936), где как раз и выведена гипотетическая «созидательная» война СССР с Японией. Действие романа начинается в 1932 году, а завершается чуть позже, в неизвестный год начала новой мировой войны: «Пятого марта 193... года партизанский командир Ван-Сюн-тин, отдыхавший в родных местах, узнал о движении японских дивизий к озеру Ханка»⁵⁰.

Писатель предлагает своего рода конспект «контуров будущей войны» «советских» с «белогвардейцами», «японцами», «империалистами» от стадии локального конфликта до мощной революционной битвы всемирно-исторического значения. «Труднее всего было... на границе. Пора строительства укрепления давно прошла, уехали инженеры, и началась жизнь крепости, глубоко закопанной в землю. Так, впрочем, продолжалось недолго. Одна за другой пошли провокации на границе. Белогвардейцы обстреливали колхозников, японцы ежедневно «исправляли» пограничную черту, ссылаясь на давние разговоры. Не было ночи без выстрелов. Пограничники работали, как на войне, без сна, без отдыха. За одну последнюю зиму Тарасюк четыре раза ходил в штыки на японцев, перешедших рубеж, был ранен и ни за что не хотел уезжать на запад, боясь пропустить тот ответственный день, который всем казался почти наступившим» (С. 439). Однажды утром японцы все же пересекают воздушную границу, но советские войска готовы к немедленному контрнаступлению. «Звуки издали далеко делались гуще, и скоро можно было разобрать, что это звучат моторы. Потом что-то звякнуло на дорогах, и за колхозными фанзами залаяли псы. И еще раз, но громче, прозвучало моторами небо и медленно, как бы заикаясь, откашлялось на горизонте, у моря. Человек встал и оглянулся.

— Это война, — сказал он. — Товарищ Михаил Семенович, уверяю вас, это типичная война.

Дорога еще была пустынная, но звонкий ход металла чувствовался за первым ее поворотом. Шла артиллерия. Впереди нее, оглушительно тарахтя, катились танки» (С. 453).

Готовые к войне войска относятся к отражению врага как к повседневной боевой задаче. Молодой командир перед картой тылов противника уже в первые часы войны «задумчиво набрасывал на ней разноцветные линии обозов, скопления эшелонов, беженцев и продовольственных баз. Он как бы искал поля будущих битв, осторожно накладывая на них мазок за мазком, меняя краски или вовсе стирая их. Радиоосведомление держало его в постоянном творческом напряжении» (С. 493).

Итогом его задумчивости и усилий войск стал быстрый перелом ситуации: «В пять часов дня 8 марта пришло сообщение, что авиация красных громит тыл и коммуникации армии. Маньчжурская образцовая бригада, захватив санитарные поезда, самовольно отходит по направлению к Харбину. Фронт армии Накамуры перемещался в тыл. Армия его должна была поворачиваться во все стороны. Фронт обтекал ее, окружал. Армия Накамуры зарывалась в землю. Красные части теснили японцев к югу. Красные десанты ждали их с флангов. Маньчжурские партизаны громили их с тыла. Советский рубеж, грудью приняв японский удар и расплющив его о себя, теперь оставался далеко позади» (С. 504).

Столь энергичное отстаивание своих рубежей имеет, по П. Павленко, две причины. Во-первых, военная мощь Красной Армии. «Борьба в воздухе разгорелась с новой силой. Красные истребители все прибывали, и сражение воздушных машин все более отрывалось от связи с землей. Красные срывали разведку, ослепляли колонны и час за часом уходили все дальше от полосы прорыва, в Маньчжурию. Война спешила на чужую землю... Штурмовики уходили волна за волной, и небо над полями прорыва становилось все тише, беззвучнее и бездеятельнее. И вдруг из-за горизонта появилась новая колонна машин. Она проносилась почти над головами сражающихся, трудно уловимая на фоне холмов и земли. Невидимые, грохотали где-то высоко бомбардировщики. Война спешила на чужую, напавшую на нас землю» (С. 491—492). «Показались бомбардировщики. Они садились один за другим, мгновенно выбрасывали из кабин людей в шинелях и шлемах, неуклюжие танки и тягачи с гаубицами... Люди были в добротных сапогах и шинелях, с крепкими деловыми лицами, кажущимися темными от сизых шлемов. От них несло запахом хлеба и ваксы. Это была великая пехота большевиков. Чэн видел ее впервые» (С. 520).

Но главная причина изменения хода военных действий — в понимании всеми советскими людьми своей идеологической сверхзадачи, интернационалистский характер которой неоднократно формулируется в романе

различными героями. Вот, например, комиссар Измаров дает задание эскадрилье: «Не спеша выработал он порядок дня (политические задачи рейда — первое, прием в партию — второе, информация о событиях — третье, текущие дела — четвертое) и не спеша объявил его своим голосом старого рыбака (он был тюрок из Ленкорани). У всех защемило в глазах.

— Коммунизм сметет все границы, — сказал Измаров. — Очень сильно надо понимать эту мысль. Очень сильно, очень серьезно. Сметет — ха! Думают, может быть, когда это сметет? Сейчас сметет. Когда нужно — тогда и сметете. Я так понимаю.

Но и все понимали, что границей Союза являлась не та условная географическая черта, которая существовала на картах, а другая — невидимая, но от этого еще более реальная, которая проходила по всему миру между дворцами и хижинами. Дворцы стояли по ту сторону рубежа.

Не села маньчжурских мужиков должны были отвечать за нападение на Советский Союз, а дворцы и банки купцов. Не поля маньчжурских мужиков будут гореть, но виллы. Военные заводы. Склады и аэродромы в центре страны, начавшей войну» (С. 470).

«После сообщения о начале войны в Москве на улицах царят всеобщий восторг и ликование, толпа «говорит, поет и спорит», люди постарше восторженно вспоминают Гражданскую войну, войну в Испании, выступления в Берлине. «Вы заметили, что никто не говорит об Японии... Что там Япония. Все знают, что дело не в ней. Мы встречаем сегодня не первый день навязанной нам войны, а что-то провозглашаем на всю вселенную. Дело идет о схватке повсюду... Мы всегда знали и никогда не забывали ни на минуту, что война будет и ничто не устранил ее навсегда. Мы старались отодвинуть, отдалить неотразимый час ее прихода, чтобы вырастить бойцов среди угнетенных народов, воспитать классы, выковать партии. Сколько раз билось от счастья наше сердце, когда над миром проносился революционный пожар! Мы знали, что этот час придет! Вставай, Земля! Время наше на-

стало! Вставайте, народы! Прочь руки от Красной страны!» (С. 510—511).

«Борьба за революционное будущее человечества — это лучшее, что может случиться с советским человеком. Герой с волнением говорит героине, муж которой на фронте: «Вот и опять молодость, опять. Ах да, вы не пережили Гражданской войны. Это было счастье, Ольга Ованесовна. Все чувства, все поступки сверялись на слух с тем, что происходило на фронте. Только в минуту величайшей опасности начинаешь как следует осознавать, что такое советский строй. Мы родились и выросли в войне. Наш быт был все время войной, неутраченной, жестокой. У нас умеют садиться в поезда и уезжать за тысячу верст, не заглянув домой. Мы способны воевать двадцать лет, мы бойцы по исторической судьбе, по опыту жизни... ..для нас победить... значит, смести с лица земли режим, выступивший против нас. ...Китай вырастет в могущественную советскую страну. Япония станет счастливой. Индия получит свободу» (С. 508).

«Мощного освободительного пафоса «созидательной войны» хватит на всех советских людей. «Войну закончат те, кого вы воспитаєте. Они будут победителями... Умейте сложить кости на ваших лекциях, если еще мечтаете о романтических подвигах» (С. 536), — говорят героине, работающей преподавателем океанографии в завоеванном / освобожденном городе. Восторг всеобщей битвы соединяется в финальной части романа с пафосом бурной деятельности перед раскрывающимся замечательным небывалым будущим. «Но почему все же я захотел написать о войне? Лишь только потому, что вижу, какая это будет война.

Война, которую, быть может, вынужден будет вести наш Союз, в случае нападения на него, явится новой в истории человечества войной, справедливой и благотельной. Это будет война за счастье»⁵¹.

Несомненно, что роман, созданный П. Павленко, был, что называется, заказным. Враг обозначен, цель войны приведена в соответствие с требованиями момента, описание будущих боевых действий должно вызывать у читателя прилив энтузиазма и веру в безоговорочную

справедливость государства. В условиях, когда большая часть литературы приравнивается к пропаганде, естественно, увеличивается число текстов, организованных в соответствии не с социальным, но с собственно государственным заказом. Значительная часть литературы об армии непосредственно обслуживала политуправление. Менялись штабные установки — соответствующим образом менялись мотивировки и пафос. Сама система пропаганды предполагает, в частности, что «пропагандистская интенция автора никогда не может быть установлена наверняка и мелькает в текстах как некий призрак, проявляясь и исчезая в зависимости от их интерпретации и конкретных условий рецепции».

Но очевидно, что не все писатели находились в столь прямой зависимости от требований Наркомата обороны. Именно «самостоятельные» тексты, как показывает история литературы, сильнее всего влияют на современников, надолго оставаясь в их памяти, создавая у потомков определенный образ ушедшей эпохи. Отдавая отчет в том, что любая интерпретация литературы под жестко заданным идеологическим углом зрения в той или иной степени произвольна, все же предпримем подобную попытку не только в случае открыто-пропагандистской литературы, субъективность которой неизменно деформирует заранее сформулированный заказ.

Рассмотрим здесь лишь один аспект выражения мобилизационной готовности в художественной литературе — произведения, предназначенные для подростков, то есть тех, кому в будущей войне придется принимать самое непосредственное участие. В русской литературе проблема проверки справедливости и значительности дела его воздействием на детей постоянно разрабатывается, активизируясь в периоды, когда возникает потребность в оправдании / осуждении военных приготовлений и подготовке к войне всех членов общества. В советской культуре периода ее становления война довольно часто представляется как своеобразная инициационная практика. Готовность к походу у «красногалстучной гвардии», как было принято называть пионеров, надо было воспитывать уже сегодня. Равнение на героев прошлого

и непрекращающаяся освященная пионерской клятвой «борьба за дело Коммунистической партии» требуют самовоспитания качеств, необходимых воину, герою времени — летчику, пограничнику, танкисту. Равнение на героев требует быть мужественными, решительными и бдительными.

Выразительными примерами подобного рода текстов, влияние которых на советских подростков трудно переоценить, являются повести и рассказы А. Гайдара. Писатель не входил в число локафовских активистов, тем не менее военная тема пронизывает все его творчество. Это, видимо, связано в первую очередь с биографическими причинами. Попав на Гражданскую войну совсем юным, А. Голиков после ее окончания был демобилизован из армии с диагнозом «травматический невроз», от которого и лечился всю последующую жизнь. Он, судя по всему, прекрасно осознавал, что испытание войной выдержал не до конца, и понимал, какого рода подготовки ему не хватило. Об этом в 1930 году он пишет повесть «Школа», где подводит негероический итог «героическому» периоду в изображении событий своей юности.

Как большинство современников, уверенный в том, что еще одна большая война неизбежна, писатель поставил перед собой своеобразную и по-своему благородную задачу — помочь современным детям и подросткам психологически подготовиться к будущей войне. Не случайно самого себя Гайдар представлял воспитателем будущих солдат: «Пусть потом какие-нибудь люди подумают, что вот, мол, жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили краснорозетную крепкую гвардию»⁵³. Чтобы гвардия выдержала предстоящие испытания, составляющие ее люди должны обладать внутренне непротиворечивой системой воззрений, которая сделает преодолимыми военные перегрузки. Кроме того, она должна знать, какие битвы ждут ее впереди.

Как и многие другие детские писатели этой поры, А. Гайдар изображает мир как непрекращающуюся войну, вынося изображение явных или скрытых военных действий в центр любого своего сюжета. Война может

проявляться в борьбе с кулаками и вредителями («Дальние страны», «Военная тайна»), с диверсантами и шпионами («Судьба барабанщика», «Маруся»), с внешним неназванным врагом («Поход») или названными белофиннами («Комендант снежной крепости»). Поскольку война носит непрерывающийся и всеобщий характер, все члены общества или являются солдатами, или готовятся в солдаты — это, очевидно, относится к твердым убеждениям писателя. Даже совсем малыши Чук и Гек впервые появляются в рассказе Гайдара, когда у них «был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались»⁵⁴. И на протяжении всего рассказа с вполне мирным сюжетом — поездкой вместе с матерью к отцу на север — то Гек делает пику, чтобы «ткнуть этой пикой в сердце медведя» (3, 35), то он видит «в поле завод. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и укутанный в тулуп стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка» (3, 41), то, заметив «могучий железный бронепоезд», мальчики решают, что в кожанке рядом с ним «командир, который стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против кого-нибудь бой» (3, 42). И даже на конфетных обертках у них «нарисован танк, самолет или красноармеец» (3, 36). Война определяет мечты героев о будущем. Васька из «Дальних стран» собирается, став взрослым, пойти в Красную Армию: «Возьму винтовку и буду сторожить. А если не сторожить, то налетит белая банда и завоюет все наши страны» (2, 68).

Всеобщая готовность к воспитанию в себе солдата, свойственная героям Гайдара, приводит их к идее создания организации единомышленников, отряда, а позже и своей армии, состоящей из тех, кто только готовится пойти в «настоящую» армию. Идея «отрядов» буквально пронизывала всю систему общества, и фабула произведений Гайдара построена так, что герои формируют территорию обороны, постепенно создавая отряды из тех, кто готов сражаться вместе с ними. Одиночки спланиваются и постепенно учатся видеть другие такие же отряды, превращаясь в армию, последовательно уничтожая или перевоспитывая противника, будь то уже упоминав-

шийся Санька, Мишка Квакин или сестра Оля из «Тимура и его команды»⁵⁵.

Военный человек, по А. Гайдару, — центральная фигура в советской действительности, обладающая четко обозначенным набором качеств, среди которых одним из важнейших является умение обнаруживать врагов и обезвреживать их. Формирование этого умения является важнейшей частью воспитания гражданина. Советская политическая риторика 1930-х годов, во многом построенная на идее мира как войны, предполагала формирование поляризованного образа действительности с отчетливо обозначенными образами «своих» и «врагов». При этом полагалось, что обучение безошибочно отделять одних от других, в том числе и по идеологическим признакам, должно стать едва ли не основополагающим в процессе социализации советского ребенка. Советская детская журналистика (см. журналы «Дружные ребята», «Мурзилка» и др.) предлагала немногочисленные и ясные способы подобного различения, следование которым обещало заведомый успех.

Дети на Гражданской войне — одна из центральных тем творчества А. Гайдара 1920-х годов («Р.В.С.» — 1925; «На графских развалинах» — 1929; «Школа» — 1930) — легко отделяли «своих» от «чужих» по их принадлежности к той или иной воюющей стороне. Война «настоящая», в произведениях писателя 1930-х годов неизменно находящаяся на периферии повествования, с отголосками которой в мирной жизни сталкиваются юные герои, также задает принадлежность «своих» к «красным», а «чужих» к «белым». Но подобное «политическое» противопоставление утрачивает очевидность даже в рамках заведомо схематичной «Сказки о Мальчише-Кибальчише...» (1932), осложняется введением образа Мальчиша-плохиша — тайного «чужого», в условиях боя оборачивающегося врагом.

В повестях и рассказах 1930-х годов А. Гайдар особое внимание уделяет не результату, но процессу различения, неизменно изображая его как сложный, требующий от героя сверхусилия. Писателем вводится градация «своих», и наградой за успехи становится причисление

героя к особенно доверенным «своим» — потенциальным хранителям Военной Тайны. По мере развития читателя ситуация различения требует от героев все больших интеллектуальных и эмоциональных затрат, поскольку «чужость» может проявляться неожиданно («Дальние страны» — 1932; «Военная тайна» — 1935), не осознаваться самими ее носителями («Голубая чашка» — 1936), сознательно и хитроумно прятаться («Судьба барабанщика» — 1939), скрываться в «своих» («Тимур и его команда» — 1940), скрываться в себе («Чук и Гек» — 1939), наконец, только казаться присутствующей («Комендант снежной крепости» — 1941). Ведение войны с условным противником, являющимся то ли тайным другом, то ли явным врагом, — главный предмет в школе советских подростков. При этом писатель не просто постепенно переводит читателей на все более сложные «уровни» игры «Найди чужака», но через развитие лейтмотивов крепости, тревоги, военной тайны и других меняет параметры изображаемого мира, делая его все менее однозначным, сохраняя тем не менее отчетливую, но уже не столько идеологическую, сколько психологическую границу между «своим» и «чужим», используя в качестве барьера понятие «справедливость».

Цель войны в творчестве Гайдара — защита / уничтожение советского строя. Ради этого одни готовы «бить белых и сегодня, и завтра, и до самой смерти, проверять на земле полевые караулы» (1, 33), другие — неумоимо идти на любые ухищрения ради получения чертежей оружия, срыва строительства завода, организации колхоза и т.п. Ненависть «белых» к «красным» носит во многом иррациональный характер: злодеи не вспоминают о добрых старых царских временах, у них нет плана будущего без советской власти, эта власть просто вызывает их зависть и желание разгадать ее загадку⁵⁶. Все войны, начиная с Гражданской, — этапы единой справедливой со стороны советских людей войны по защите советского строя.

В символически-обобщенном виде образ этой войны создан в «Сказке о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» (1933): война «наших отря-

дов» с «проклятыми буржуинами», нападшими на мирных тружеников. Но попытки завоевать «наших» и «забрать их в свое проклятое буржуинство» безуспешны, потому что от мала до велика «наши» готовы отстаивать свою землю, а их предводители, какими бы юными они ни были, знают Военную Тайну. Эта война в итоге заканчивается окончательной победой «наших», так как на их стороне могучая Красная Армия и привлекательная для других стран идея, благодаря которой, недоумевают буржуины, «как у вас кликнул, так у нас откликаются, как у вас запоют, так у нас подхватывают, что у вас скажут, над тем у нас задумаются» (2, 187). Поэтому «при первом грохоте войны забурили в Горном Буржуинстве восстания, и откликнулись тысячи гневных голосов и из Равнинного Королевства, и из Снежного Царства, и из Знойного Государства. И в страхе бежал Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной» (2, 190). Неназванная Тайна включает в себя в первую очередь глубокую веру в основополагающую справедливую идею государства трудящихся.

А. Гайдар так разъяснял читателям смысл названия повести: «Тайна, конечно, есть. Но ее никогда не понять главному Буржуину. Дело не только в вооружении, в орудиях, в танках и бомбовозах. Всего этого немало и у капиталистов. Дело в том, что наша армия знает, за что она борется. Дело в том, что она глубоко убеждена в правоте своей борьбы. В том, что она окружена огромной любовью не только трудящихся советской страны, но и любовью миллионов лучших пролетариев капиталистических стран, что в помощь Красной Армии подрастает такое поколение, которое поражений знать не может и не будет. И это у Красной Армии — тоже своя военная тайна»⁵⁷.

Представление о справедливом характере войны советского с несоветским на протяжении творчества у Гайдара в целом остается неизменным, но постепенно меняется образ врага и само описание военных действий. Сначала эта война именовалась Гражданской, и события в ней имели конкретно-исторический характер. В «Сказ-

ке о Мальчише-Кибальчише» война является однозначно оборонительной, но затем войны утратят наименования и определения⁵⁸. Если ставится прагматическая задача — научить героя / читателя обнаруживать врага в любых условиях, делается неважным, в какой войне приходится принимать участие герою, лишь бы она была «справедливая». На неизвестную войну уходит отец Альки из рассказа «Поход»: «Ночью красноармеец принес повестку. А на заре, когда Алька еще спал, отец крепко поцеловал его и ушел на войну — в поход» (3, 78). Весной отец возвращается из похода и приказывает сыну «оружие и амуницию держать в полном порядке, потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало» (3, 79). Маруся из одноименного рассказа 1940 года несет букет «на свежую могилу отца, только вчера убитого в пограничной перестрелке» (3, 81). Столь же территориально неопределенной оказывается война в «Тимуре и его команде»: «Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома. Вероятно, он был на фронте» (3, 84). Своему другу Георгию Гараеву, инженеру-механику на автомобильном заводе, который после получения повестки мгновенно превращается в капитана танковых войск, Ольга Александрова поет песню, где есть такие слова: «Гей! Да где б вы ни были, на земле, на небе ли, / Над чужими ль странами — / Два крыла, / Крылья красноезвездные, / Милые и грозные, / Жду я вас по-прежнему, / Как ждала» (3, 164).

В изображении Гайдара советская страна живет в ситуации войны вообще, к которой все относится с пониманием, уважая ее таинственность, но новые конкретно-исторические военные конфликты конца 1930-х — начала 1940-х годов вновь позволяют упоминать реальные сражения («Комендант снежной крепости») в Финляндии, Польше и Монголии, которые именуются «далекими командировками» (3, 174), только чтобы не пугать зря близких. Эти войны тоже ведутся за советскую страну, и закончатся они только тогда, когда «сметут волны революции все границы, а вместе с ними погибнет последний

провокатор, последний шпион и враг счастливого народа» (2, 413).

25 июня 1940 г. главный редактор «Красной звезды» Е.А. Болтин собрал писателей, работающих над военной тематикой, на своего рода инструктаж: «Прежде всего надо воспитывать людей в понимании того, что Красная Армия есть инструмент войны, а не инструмент мира. Надо воспитывать людей так, что будущая война с любым капиталистическим государством будет войной справедливой, независимо от того, кто эту войну начал. У нас были такие настроения, что будем обороняться, а сами в драку не полезем. Это неверно. Наш народ должен быть готов к тому, что, когда это будет выгодно, мы первыми пойдем воевать... Мы должны быть готовы, если понадобится, первыми нанести удар...»⁵⁹

Эти кулуарные установки не успели претвориться в художественную практику⁶⁰, поскольку открыто были провозглашены лишь 5 мая 1941 года в речи И. Сталина на приеме выпускников военных академий. Близкий к военным кругам литератор Вс. Вишневский, присутствовавший на приеме, записал в дневнике: «Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление... Впереди — наш поход на запад. Впереди возможности, о которых мы мечтали давно»⁶¹.

Литература сделала все для того, чтобы этими возможностями смогли воспользоваться граждане СССР. Но на их долю выпала война совсем другого характера.

Примечания

¹ Слова, взятые в кавычки в заглавии, — название законченной в 1937 году книги В. Трифонова, о которой с горечью вспоминает его сын, писатель Ю. Трифонов как о причине гибели отца. Проведенный одним из организаторов советских вооруженных сил стратегический анализ неизбежного будущего СССР, его совпавшие с исторической реальностью предупреждения о внезапности войны, о немецком фашизме как главном вероятном противнике и т.п. — приводятся как доказательство прозорливости частного, хотя и близкого к государственной верхушке лица и преступной недальновидности советских властей. См.: *Трифонов Ю. Отблеск костра. Исчезновение: Романы.* — М., 1988. С.143—145.

²См. об этом, например: *Образ врага.* — М., 2005; *Faces of The Enemy: Reflections of the Hostile Imaginations.* San Francisco, 1986.

³ Коткин С. Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия. — СПб., 2001. С. 241.

⁴ Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991. — М., 1995. С. 273.

⁵ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. — М., 2001, 2001. С. 18.

⁶ Сергеев А. Omnibus. — М., 1997. С. 31.

⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения. — М., 1988. С. 45.

⁸ Зиновьев А. Русская судьба, исповедь отщепенца. — М., 1999. С. 109.

⁹ Друнина Ю. В двух измерениях. — М., 1970. С. 47.

¹⁰ Ленин В.И. О литературе и искусстве. Изд. 4-е. — М., 1969. С. 87.

¹¹ История русской литературы: В 3 т. Т. 2. — М., 1960. С. 501.

¹² «Товарищи писатели, держите народ в мобилизационной готовности!» // Лит. газета. 1938. 10 апреля. Цитата из В. Маяковского, к этому времени признанного «лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи», чья поэма «Владимир Ильич Ленин», из которой взято приведенное в письме высказывание, заучивалась наизусть, звучит довольно двусмысленно, ибо контекст читателем легко восстанавливался, а в поэме речь шла о будущей мировой «революции радостной и скорой», которая и была названа «единственно великой войной».

¹³ Лит. газета. 1938. 30 мая.

¹⁴ Лит. газета. 1931. 9 марта.

¹⁵ Выходил с февраля 1931 года (изд-во «Федерация», отв. ред. Л. Дегтярев).

¹⁶ Подробнее об этой организации и создаваемых в ее рамках произведениях см.: Добренко Евг. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. — Мюнхен, 1993; Он же. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон. — СПб, 2000.

¹⁷ Ранее, 5 июля 1932 года, при МосЛОКАФ состоялось производственное совещание, наметившее ряд мероприятий по развитию жанра массовой песни «в связи с отставанием этого жанра от требований обороны страны и социалистического строительства» (см. об этом: Лит. газета. 1932. 5 июля).

¹⁸ Правда. 1936. 29 марта.

¹⁹ I Съезд писателей СССР: Стенографический отчет. — М., 1990. С. 683.

²⁰ Цит. по: «Счастье литературы»: государство и писатели. 1925—1938 гг. Документы. — М., 1997. С. 263.

²¹ См., например: Писатель на фронте // Лит. газета. 1939. 26 ноября.

²² Под галицийским небом // Знамя. 1939. № II.

²³ Из фронтовых стихов // Звезда. 1939. № 12.

²⁴ См. об этом: Лит. газета. 1940. 20 июня.

- ²⁵ См. отчет об этой встрече: Правда. 1941. 7 января.
- ²⁶ I Съезд советских писателей: Стенографический отчет. — М., 1990. С. 194.
- ²⁷ Там же. С. 683.
- ²⁸ Там же. С. 3.
- ²⁹ Там же. С. 285. Видимо, подобной широко понимаемой «обороной» можно объяснить, что в журнале «Знамя», позиционировавшемся как «ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический оборонный журнал», публиковали не только тексты, непосредственно посвященные теме войны, а, например, книгу путевых очерков И. Ильфа и Евг. Петрова «Одноэтажная Америка» (1936).
- ³⁰ Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 176.
- ³¹ Целеустремленный журнал // Лит. газета. 1936. 29 января.
- ³² Маяковский В. Сочинения в одном томе. — М., 1940. С. 306.
- ³³ Сурков А. «Песня» именем жизни. — М., 1986. С. 29.
- ³⁴ Там же. С. 59.
- ³⁵ Селяков Я. Стихотворения. Свердловск, 1989. С. 27.
- ³⁶ Там же. С. 66.
- ³⁷ Литературная газета. 1932. 5 августа.
- ³⁸ Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения. — М., 1969. С. 54.
- ³⁹ Там же. С. 90.
- ⁴⁰ Олейниковы. Боевые дни. — М., 1991.
- ⁴¹ Гайдар А. Сочинения. — М., 1948. С. 204.
- ⁴² Хармс Д. Полет в небеса. — М., 1988. С. 245.
- ⁴³ Строки, добытые в боях. С. 26.
- ⁴⁴ Там же. С. 91.
- ⁴⁵ Там же. С. 58.
- ⁴⁶ Страницы русской поэзии: (20—30-е годы). — Томск, 1988. С. 325.
- ⁴⁷ Жаров А. Стихи. Песни. Поэмы. — М., 1964. С. 113.
- ⁴⁸ Безыменский А. Стихи о комсомоле и молодежи. — М., 1983. С. 126.
- ⁴⁹ Павленко П. Писатель должен быть бойцом // Знамя. 1937. № 4. С. 287.
- ⁵⁰ Павленко П. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 6. М., 1953. С. 441. В дальнейшем роман будет цитироваться по этому изданию с указанием в скобках страницы.
- ⁵¹ Павленко П. На Востоке (о моей книге) // Павленко П. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 1. С. 547.
- ⁵² Маргулис Н. «Слово наше — это сила и оружие...»: литературная пропаганда в «испанском конфликте» // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. — М., 2002. С. 161

⁵³ Гайдар А. Воспитание мужества // Детская литература. 1941. № 2. С. 40.

⁵⁴ Г а й д а р А. Собр. соч.: В 4 тт. — М., 1960. Т. 3. С. 33. В дальнейшем тексты Гайдара будут приводиться по этому изданию с указанием в скобках номера тома и страницы.

⁵⁵ Военная коллективность представлена в литературе этого периода одной из основ советского строя, непонятной врагам. Переходящий советскую границу враг из стихотворения С. Михалкова «Граница» не догадывается, что вступает на территорию, где каждый воин: «И в тот же самый ранний час / Из ближнего села / Учиться в школу, в пятый класс, / Друзей ватага шла. // Шли десять мальчиков гуськом / По утренней росе, / И каждый был учеником / И ворошиловским стрелком, / И жили рядом все. // Они спешили на урок, / Но тут случилось так: // На перекрестке двух дорог / Им повстречался враг» (Михалков. Избранное. — М., 1948. С. 16). Эта встреча оказывается смертельной для врага, которого, «глазом не моргнув», отправляют к начальнику заставы, поскольку неписаный закон пограничной полосы о бдительности является обязательным для исполнения всех независимо от возраста.

⁵⁶ Аналогичная ситуация — враг желает вызнать «тайну советской стороны» — встречается во многих других произведениях этого времени. Арестовав советский корабль, его пассажиру — пионеру Мише Королькову — японский офицер-фашист задает вопросы: «Ты живешь на Сахалине, / На советской половине. / Сколько вас учеников — / Ворошиловских стрелков?» Но, несмотря на обещание «за хорошие ответы» достать из стола «конфеты, шоколад и пастилу», Миша — член армии пионеров дает уклончивые ответы, четко и безошибочно отвечая лишь на один вопрос: «Если каждый пионер / Кончит школу, например, / Кем захочет мальчик быть? ... — Нашей Родине служить!» (Михалков. Избранное. — М., 1948. С. 90).

⁵⁷Цит. по: Г а й д а р А. Собр. соч.: В 4 тт. Т. 2. — М., 1959. С. 419.

⁵⁸ «Большая кругом лежала земля. Большая ходила по дорогам война» (Г а й д а р А. Собр. соч.: В 4 тт. — М., 1964. Т. 4. С. 75).

⁵⁹ Цит. по: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941 гг. — М., 2002. С. 346.

⁶⁰ Органами пропаганды немедленно были предложены новые инструкции по ведению политико-воспитательной работы среди военнослужащих и гражданского населения СССР, но на уровне искусства они реализованы не были. См. об этом, например: Мошкин С.В. Советская военная пропаганда накануне Великой Отечественной войны / Великая война: Великая победа и Великая трагедия. Доклады Всероссийской научной конференции (23—24 апреля 2005 года). — Екатеринбург, 2005.

⁶¹ Вишневский Вс. «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939—1941 гг. // Москва. 1995. № 5. С.108—109.

ПЕСНИ О БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

Песня во многих смыслах выделяется среди других музыкальных и поэтических жанров. В силу своей краткости, простой мелодики, часто афористичности песни (или ее отдельные части) легко запоминается; песня сравнительно проста для повтора и для самостоятельного исполнения; песня легко распространяется среди слушателей (радиопередачи, самые примитивные аудиозаписи, концертное или любительское исполнение); наконец, даже слабо подготовленный автор способен породить свою собственную песню или вариант песни, уже существующей. В силу всех этих причин песня является одним из важных индикаторов политического режима и общественно-политических настроений в обществе. Недаром древний мудрец сказал: «Не говорите мне, какие в стране законы; скажите мне, какие в стране поют песни». Песня «официальная» является показательным примером пропаганды со стороны элиты, указывает общее направление инициированной элитой индоктринации населения и, следовательно, иллюстрирует цели этой элиты. Песня «неофициальная» (частушки, народная, бардовская песня, некоторые разновидности романса) ярко и оперативно иллюстрирует изменения общественного сознания, отношения масс к элите, к ее действиям и объявленным целям. Ниже будет предпринята попытка рассмотреть «официальную» советскую песню конца 1930-х и рубежа 1930—1940-х годов в контексте общей милита-

* Поварницын Борис Игоревич — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета.

ризации советского общества и подготовки людей к некоей будущей войне. «Неофициальная» песня этого времени могла бы стать не менее важным источником исторического знания; однако ее изучение является темой самостоятельного и очень серьезного исследования, на которое я в данном случае не посягаю.

Нужно сразу оговориться о границах понятия «официальная песня». Я подразумеваю под ним те музыкально-поэтические сочинения, которые были в рассматриваемый период изданы в СССР в виде текстов или записаны на советских государственных студиях грамзаписи, либо включены в кинофильмы, выпущенные на государственных киностудиях. Так или иначе государство дало свою санкцию на существование этих песен. Учитывая особенности советского политического режима рассматриваемого периода, можно сказать, что государство согласилось использовать эти произведения в качестве пропагандистских материалов. Это и позволяет обобщенно назвать их песнями «официальными», хотя и художественный уровень их и даже близость к «генеральной линии» при этом, разумеется, различаются. Если выйти несколько за хронологические рамки темы, то можно привести пример: в равной мере официальными были и «Мы прошли с тобой полсвета, / Если надо — повторим» и «Враги сожгли родную хату». При этом по своим художественным качествам и пропагандистским потенциалам эти два сочинения так же несравнимы, как пепел и алмаз.

Тема будущей войны постоянно присутствовала в советском песенном творчестве, начиная с Октябрьской революции 1917 г. По содержанию можно выделить три периода песенного творчества на эту тему. Первый — период пафоса непосредственного распространения советской большевистской революции на другие страны. Соответственно звучит прямой призыв к боевым действиям за пределами РСФСР/СССР («Левый марш» В. Маяковского: «Эй, синеглазые, рейте / За океаны...»; «Гренада» М. Светлова: «Я хату покинул, пошел воевать, / Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...»). Затем, примерно с середины 1920-х и до середины 1930-х годов, на-

блюдается второй этап. Мировая революция «не отменена», но переносится из ближайшего будущего в будущее все более и более неопределенное. Будущая война присутствует в текстах, но выглядит не конкретной войной между конкретными государствами, а абстрактной Битвой, чем-то вроде Армагеддона, всемирным праведным мятежом, мировой гражданской войной трудящихся против эксплуататоров («Все страны охватит / Восстанья костер»¹). Участие СССР подразумевается в качестве детонатора и моральной опоры «светлых сил», но точно не определяется. Одним из последних (может быть, последним) примером «коминтерновской» тематики стала «Кантата о Сталине» И. Дунаевского и М. Инюшкина: «И, песню о нем [Сталине] поднимая, как знамя, / Единого фронта шагают ряды; / Горит, разгорается грозное пламя, / Народы встают для последней борьбы»².

В конце 1930-х годов эти темы теряют актуальность, что легко объясняется общим поворотом в политике государства и Коммунистической партии. Окончательно утвердилась концепция «построения социализма в одной стране», отброшены и забыты наивные мечты первых послеоктябрьских лет о «мировой революции»; роль Коминтерна падает с каждым годом, ему предписано организовывать трудящихся всего мира на защиту «отечества всех трудящихся». Внешняя политика из классовой окончательно превратилась в государственническую (намеренно я не говорю о «советской империи» — это отдельная тема; пусть будет просто государство). Соответственно меняются пропаганда и «официальное» песенное искусство как ее составная часть.

При этом, как мне кажется, нужно учесть, что далеко не все авторы-песенники напрямую выполняли какие-то постановления Политбюро ЦК ВКП(б) (скорее всего, далеко не все поэты и композиторы даже и знали о таких постановлениях). Конечно, кто-то подчинялся прямому «социальному заказу», но большинство просто находилось под влиянием меняющейся атмосферы общественной жизни. Это объясняет неодновременность и в целом некоторое запаздывание творческого ответа на политические запросы: даже проникнутому «генеральной лини-

ей» творцу требуется время, чтобы осознать «атмосферу», осуществить акт творчества и добиться (или дожидаться), чтобы этот акт стал частью пропаганды, то есть был размножен и популяризирован.

В результате появляется то, о чем, собственно, и речь: песенное искусство рубежа 1930—1940-х годов. Имея в виду предвоенный характер этих лет, содержание песен будем рассматривать под углом четырех проблем: во-первых, вероятность Большой войны; во-вторых, причины ее начала и цели (грубо говоря, кто на кого нападет и ради чего); в-третьих, характер войны (где, как, какими средствами и способами); в-четвертых, к чему это все должно привести.

В песенных текстах кануна Второй мировой войны (как и в более ранних) смешаны две трактовки *вероятности* Большой войны. Первый вариант — война именно вероятна: «Если в край наш спокойный / Хлынут новые войны...», «Если завтра война, если завтра в поход...», «Если враг нашу радость живую / Отнять захочет в упорном бою...»³ и т.д. Второй вариант — война неизбежна: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...». Здесь уже нет сослагательности, чувствуется уверенность в том, что товарищ Сталин в бой пошлет непременно, хотя и неизвестно, когда. Этот второй вариант демонстрирует преемственность с более ранними «коминтерновскими» песнями («все страны охватит / восстанья костер» тоже неизбежно, хотя сроки неясны).

Почему в этом вопросе нет единообразия? Первое приходящее на ум объяснение — разные авторы-песенники просто по-разному представляли себе будущее. Наверное, так оно и было. Но в этом легком разное можно, по-моему, увидеть и отголоски реальной политической жизни 1930-х годов. Советский Союз столько раз участвовал в попытках создания системы коллективной безопасности, а потом от них отказывался (или терпел неудачу), столько раз менял реальных или потенциальных союзников, что пропаганда просто не могла проводить сколько-нибудь последовательную линию в этом вопросе. Соответственно размытым становилось и массо-

вое представление о вероятности войны, не всегда поспевали за извивами «генеральной линии» и поэты.

Неизбежность или высокая вероятность войны диктует обязательность массовой подготовки к ней. Более того, в песнях подготовка и готовность к будущей войне становятся высшим смыслом жизни советской молодежи («Будь сегодня к походу готов»), именно по степени этой готовности проверяется уровень «советскости» молодого поколения. Недаром система массовой (фактически — всеобщей принудительной) физкультурной подготовки называлась «(Будь) Готов к труду и обороне». «И ребятам есть одна забота: / Подрасти бы только поскорей, / Чтоб водить, как Громов, самолеты, / Быть бойцом республики своей»⁴. Военная подготовка придает смысл физкультуре и спорту: «Физкульт-ура-ура-ура! Будь готов! / Когда настанет час бить врагов, / От всех границ ты их отбивай!..»⁵ Спортивно-техническая подготовка к войне охватывает не только «ребят»: «А девочки наши — патриоты. / Ни одна от нас не отстает, / Если парни водят самолеты, / Эскадрилью девушка ведет»⁶. Впрочем, дело не только в военно-прикладных видах спорта, а в общей готовности встать в строй вместе с мужчинами: «Если ранили друга — / Сумеет подруга / Врагам отомстить за него! / Если ранили друга — / Перевяжет подруга / Горячие раны его»⁷.

Причины Большой войны. В песнях война предстает сугубо оборонительной, ответным действием Советского государства на агрессию мирового империализма. Иногда при этом прямо цитировались фразы из директивных выступлений политических деятелей: «Мы своей земли ни пяди / Никому не отдадим» («Бейте с неба самолеты...» А. Александров и С. Алымов, 1937)⁸. Несмотря на то что тематика Гражданской войны (как российской, так и «мировой») заметно поблекла, некоторые связанные с этим аналогии продолжали жить, очевидно, чтобы поддержать советский патриотизм старшего поколения, задетого Гражданской войной. Будущую войну собираются развязать «генералы»⁹ — явное развитие темы «офицеров-золотопогонников» как символа Белого движения. Враг описывается как «враг матерый»¹⁰ — можно

предположить, что уже в прошлом (в Гражданскую войну?) пытавшийся воевать против советской власти.

Все военная деятельность СССР (включая военную службу советских граждан) объясняется только стремлением обеспечить безопасность своей территории, а следовательно — оплот мира во всем мире. «Мы войны не хотим, но себя защитим, / Оборону крепим мы недаром...»; «И воздух, и сушу, и море / Храня от угрозы войны, / Стоят в неустанном дозоре / Республики нашей сыны...»¹¹ Недаром и в получившей широкое распространение и популярность «Катюше» (М. Блантер, М. Исаковский, 1938) воин именно «землю бережет родную» — других задач у него не предусмотрено. Всего лишь «часовыми Родины» названы знаменитые три танкиста, хотя по ходу сюжета они и идут в наступление. По сути, «охрана границ» стала в песнях эвфемизмом, заменяющим понятие военной службы вообще — других задач у советского человека с ружьем не наблюдается. Причем безопасность рубежей, разумеется, будет гарантирована наилучшим образом на благо трудящихся всего мира — собственно, она уже (на момент написания той или иной песни) безусловно гарантирована. «Если только приведется / Слово армии сказать, / Есть у нас, за что бороться, / Есть, кому и защищать»¹².

Песни вполне откровенно говорят и об ответном влиянии, об ответной экспансии Страны Советов. Однако эта экспансия — сугубо идейная и нравственная. Поэтому она, с одной стороны, не противоречит законам международного общежития, с другой — не может быть остановлена грубой силой, вооруженной рукой. «Летит эта песня быстрее, чем птица, / И мир угнетателей злобно дрожит, / Ее не удержат посты и границы, / Ее не удержат ничьи рубежи. / Ее не страшат ни нагайки, ни пули, / Звучит эта песня в огне баррикад. / Поют эту песню и рикша и кули, / Поет эту песню китайский солдат»¹³.

Таким образом, с одной стороны, выступает «идея, овладевшая массами» и выражающая объективный ход истории, с другой — материальная сила произвола и насилия, сопротивляющегося этому историческому движению (да еще сопротивляющаяся с использованием скрыт-

ных, нечестных приемов, поскольку для открытого боя сил у нее не хватает: «таится враг матерый...», «в эту ночь решили самураи...» и т. д.). Конечно, «идея, овладевшая массами» — словосочетание из ряда хрестоматийных марксистских лозунгов. И все-таки нельзя не поразиться, как выворачивались наизнанку в пропаганде основы марксистского учения. Ведь любой, освоивший «Капитал», знал, что на стороне будущего коммунизма выступают именно силы материальные, объективные законы экономики. Идеи же могут подвергаться многим трансформациям и извращениям в целях обмана трудящихся масс на потребу властям предержащим. На время «овладеть массами» вполне могут и классово чуждые идеи. Классический марксизм такой вероятности отнюдь не исключает.

Хотя и редко, но в песнях наряду с бойцами РККА в качестве хранителей рубежей и мира встречаются бойцы НКВД, стоящие на страже вместе с армией. «Ты Армии Красной бесстрашный боец / И держишь всегда наготове свинец / ... / Мы бдительны всюду на каждом шагу / И будем без промаха бить по врагу. / Мы знаем, что враг ядовит и хитер, / Но глаз у любого чекиста остер»¹⁴.

Сокрушительность ответного удара особо ярко и непосредственно представлена в «Боевой сталинской»: «Всех проучим памятным уроком, / Кто ворвется в наш родимый дом, / И за око вышибем два ока, / А за зуб — всю челюсть разобьем»¹⁵.

Яркими примерами оборонительного характера войны предстают советско-японские конфликты у озера Хасан в 1938-м и в Монголии в 1939 г. В соответствующих текстах «самураи» однозначно предстают «захватчиками», инициаторами конфликта, получившими по заслугам: «Нарушать свои границы / Не позволим никому»¹⁶. Сам постоянно повторяющийся термин «самурай» (который, разумеется, позволял обойтись без географических и политических названий; самураи всегда японские, так же как паны всегда польские) подчеркивал социально-экономическую отсталость противника. Самураи, как и паны, — феодалы. Следовательно, конфликт возникает не просто между государствами, а между социально-эконо-

мическими формациями, причем феодализм пытается навредить опережающему его аж на целых две формации социализму. Для любого, читавшего «Краткий курс истории ВКП(б)», историческая справедливость советского дела при этом очевидна (и, в общем-то, не так уж важно становится, кто сделал первый выстрел — все равно «мы» олицетворяем ход истории).

Даже участие СССР в уже начавшейся Второй мировой войне продолжало позиционироваться как революционно-освободительные действия (правда, песен на эту тему появилось немного по причинам, вполне понятным — неполных два года от 1 сентября 1939-го до 22 июня 1941 г. были сроком не слишком большим для появления многочисленных «официальных» текстов). Тем не менее появилась, например, «Баллада о трех героях-танкистах» (В. Кочетов, А. Твардовский, 1940)¹⁷: «Защитник разоренных сел, / Наш танк на помощь братьям шел... / За жизнь, за мир, за вольный труд». Чтобы не оставалось ни малейших сомнений, о каких «братьях» идет речь, далее говорится: «Подбитый танк со всех сторон / Был панской бандой окружен» (традиционно «панской» именовалась только буржуазная Польша и никакая другая страна в мире).

Вообще нужно сказать, что Польша как вероятный противник продолжала занимать явно неподобающее ей важное место в пропаганде вплоть до самого начала Великой Отечественной войны. Помимо хрестоматийного «Помнят польские паны...», можно в подтверждение привести строки из «Боевой конной»¹⁸ (Д. Васильев-Бугай, В. Лебедев-Кумач, 1940), где в качестве залога будущих побед вспоминаются победы прошлые: «Нам расскажут Дубно и Отрада, / Как рубили белых и панов». Стоит обратить внимание, что это сороковой год, когда Польши уже не существовало.

Характер будущей войны наиболее выпукло представлен в хрестоматийном тексте В. Лебедева-Кумача (музыка Дм. и Даниила Покрасс, 1938) «Если завтра война», который, по сути, пересказывает соответствующие положения не менее знаменитого Полевого устава РККА 1937 г.: «И на вражьей земле мы врага разгромим

/ Малой кровью, могучим ударом». Решительная победа будет обеспечена совместными действиями всех родов и видов вооруженных сил: «Полетит самолет, застрочит пулемет, / Загрохочут могучие танки, / И линкоры пойдут, и пехота пойдет, / И помчатся лихие тачанки». В полном соответствии со ставшей афоризмом строчкой этой песни боевые действия развернутся «на земле, в небесах и на море». Причем война будет тотальной, народной войной: «Как один человек, весь советский народ / ... / Если завтра война — всколыхнется страна / от Кронштадта до Владивостока...» В этих словах можно уже увидеть некоторый отход от традиционного «шапкозакидательства»: для победы будут нужны усилия всей страны и всего народа, а не только сравнительно небольшого контингента «буденновцев», летчиков или танкистов, как это можно было понять из многих других песен. По сути, «Если завтра война...» является предисловием к бессмертной «Вставай, страна огромная...» — характер войны и масштабы потребных усилий в обоих текстах изображены весьма сходно.

Неоднократно в песнях упоминается «поход» как символ войны на чужой территории (и одновременно как намек на то, что идея «мировой революции» не совсем списана в архив). В этом же ряду стоят строчки о пилотах, к которым слово «поход», разумеется, неприменимо: «Полетим мы из вражьего неба, / Вражьи гнезда разрушим дотла...»; «В далекий край товарищ улетает...»¹⁹. Оборона становится наступлением, опять-таки в полном соответствии с Полевым уставом и с теоретическими построениями Триандафилова и Тухачевского.

Возможность боевых действий на советской территории (тем более отступления, длительной обороны) категорически отвергается: «Наша поступь тверда, / И врагу никогда / Не гулять по республикам нашим!»; «Пусть враги, как голодные волки, / У границ оставляют следы — / Не видать им красавицы Волги / И не пить им из Волги воды»²⁰. Тема неприкосновенности советской территории встречается не только в разнообразных маршах, но и во вполне лирических текстах: «Любимый город может спать спокойно...»²¹

Характерна и еще одна особенность: с советской стороны постоянно упоминается разнообразная современная техника (в поход пойдут именно «машины» — «гремя огнем, сверкая блеском стали»). В крайнем случае в лавине танков, линкоров и самолетов иногда встречаются «лихие тачанки» — но это явно не более как дань уважения боевой молодости «любимого наркома». С вражеской же стороны постоянно кто-то «крадется», «таится», «переходит» («границу у реки» — пешком вброд?), в крайнем случае стреляет из пулемета, демонстрируя явное техническое бессилие.

Несколько большую конкретность в ход будущей войны вносит написанная чуть ранее, но сохранявшая в дальнейшем популярность «Конармейская» братьев Покрасс и А. Суркова²².

Итогом войны неизбежно будет победа СССР. Это будет сокрушительная, безусловная и однозначная победа («И врага разгромим мы жестоко...»²³). В этом смысле знаменитую песню Лебедева-Кумача и братьев Покрасс по бескомпромиссности и эмоциональному накалу опять-таки можно сравнить с «Вставай, страна огромная...» («...загоним пулю в лоб, / Отребью человечества / Сколотим крепкий гроб»).

Враг «будет бит повсюду и везде». Эту фразу из «Марша советских танкистов» можно, на мой взгляд, понять двояко: либо враг будет разгромлен, с какого бы направления он ни напал на СССР (Польша, Германия, Япония...); либо же враг будет разгромлен в глобальных масштабах (опять-таки намек на сохранение в советских планах «мировой революции»).

Грядущая большая война станет не просто очередной мировой войной. Это будет последняя война: «Мы соколы советские, / Готовы в час любой / За Родину, за Сталина / В последний грозный бой»²⁴. А поскольку ленинизм однозначно утверждает, что «империализм порождает войны», то прекращение войн подразумевает уничтожение мировой капиталистической системы. Результатом советской победы, таким образом, должна быть все та же «мировая революция» (хотя напрямую об этом в песнях рубежа 1930—1940-х годов и не упомина-

лось), а сама война вновь приобретает очертания Битвы, Армагеддона, геологического переворота, как об этом более прямо и откровенно говорилось в песнях более раннего периода. В цитированной же песне на связь войны и революции указывает еще и почти точный повтор слов «Интернационала» («...в последний грозный бой», «...последний и решительный бой»).

Общий вывод из песен этого периода вытекает следующий. Война практически неизбежна, поскольку «враги» не смирятся с существованием свободного и счастливого отечества всех трудящихся. Войну коварно и подло начнут враги, однако немедленно получают сокрушительный отпор и будут разгромлены в своем логове. Победу обеспечит военно-техническое превосходство СССР, единство усилий готового к войне народа и (возможно) поддержка зарубежных пролетариев. Победа в войне станет победой социализма. Короче говоря, к войне надо готовиться, но войны не надо бояться. Как представляется, такой пафос песен был очень удобен: из него легко было делать пропагандистские выводы и для обороны (сокрушительный ответный удар еще не начался, поскольку народ еще недостаточно мобилизовал свои силы — подробности смотри в приказе № 227 «Ни шагу назад»), и для наступления, и для объяснения успеха возможного советского блицкрига, и для оправдания «временных неудач». Все эти возможности в свое время были использованы.

Примечания

¹ Заводы, вставайте! (сл. И. Френкеля, 1929) // Я люблю тебя, жизнь! Пермь, 1987. С. 35.

² Цит. по: <http://www.sovietsongs> (далее — [sovietsongs](http://www.sovietsongs)).

³ Марш веселых ребят (сл. В. Лебедева-Кумача, 1934) // Я люблю тебя, жизнь... С. 69.

⁴ Боевая сталинская (комсомольская) (А. Тонин, Г. Быков, 1938) // <http://www.sovmusic>.

⁵ Спортивный марш (сл. В. Лебедева-Кумача, 1937) // Я люблю тебя, жизнь... С. 78.

⁶ Боевая сталинская (комсомольская) // <http://www.sovmusic>.

⁷ Я на подвиг тебя провожала (сл. В. Лебедева-Кумача, 1937) // Я люблю тебя, жизнь... С. 83.

⁸ Бейте с неба самолеты... // <http://www.sovmusic>; См. там же их «Бой у озера Хасан», «Марш советских танкистов» (братья Покрасс, Б. Ласкин).

⁹ Бейте с неба самолеты... // <http://www.sovmusic>.

¹⁰ Марш советских танкистов (братья Покрасс, Б. Ласкин, 1939) // <http://www.sovmusic>.

¹¹ Если завтра война... // sovietongs; Всех в мире сильней и свободней (1938) // там же; можно сослаться также на «Песню о винтовке» (сл. А. Лугова, 1937) и многие другие.

¹² Встреча с вождем (А. Александров, П. Герман, 1940) // <http://www.sovmusic>.

¹³ Кантата о Сталине (И. Дунаевский, М. Инюшкин, 1938) // <http://www.sovmusic>.

¹⁴ Достойные славы (Е. Жарковский, Г. Намлегин, 1938) // <http://www.sovmusic>

¹⁵ Боевая сталинская (комсомольская) // <http://www.sovmusic>; в этом же ряду, разумеется, находится и хрестоматийный «яростный поход».

¹⁶ Бой у озера Хасан (А. Александров, С. Алымов, 1938) // <http://www.sovmusic>.

¹⁷ Баллада о трех героях-танкистах // <http://www.sovmusic>.

¹⁸ Боевая конная // <http://www.sovmusic>.

¹⁹ Мы соколы советские (К. Данькевич, В. Лебедев-Кумач, 1938) // sovietongs; Любимый город (сл. Е. Долматовского, 1939) // Я люблю тебя, жизнь... С. 86.

²⁰ Песня трактористов (сл. В. Лебедева-Кумача, 1936) // Я люблю тебя, жизнь... С. 83; Песня о Волге (сл. В. Лебедева-Кумача, 1937) // там же. С. 77.

²¹ Любимый город (сл. Е. Долматовского, 1939) // Я люблю тебя, жизнь... С. 86.

²² Конармейская песня (1935) // Я люблю тебя, жизнь... С. 41.

²³ Если завтра война... // <http://www.sovmusic>.

²⁴ Мы соколы советские // <http://www.sovmusic>.

«СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ» ДЛЯ ВСЕХ

К методике исторических исследований¹

Говорят, с годами всё меняется.

Всё не всё, но, например, отношение к рынку (базару) поменялось (по сравнению с советскими временами). Сейчас посещение базара связано не только с удовлетворением потребности что-то купить. Это действие превращается в целый процесс с элементами охоты и детектива. «Найду — не найду?», «Устроит ли цена?», «Обдурят — не обдурят?», «Удастся ли вернуть?»

Но актуальность таких вопросов особенно возрастает в ситуации, когда пытаешься найти нечто заранее неизвестное. Спросите: так не бывает? Иногда бывает, например, такое случается при посещении базара в свободное от остальных покупок время по теме личной увлеченности. Например, если вы любитель загадок истории.

Хотя можно возразить: «При чем тут базар (рынок)?» Историю изучают в библиотеках, музеях, мемориальных комплексах, в архивах. Да, конечно, могу согласиться. Именно там в первую очередь. Но есть трудности. Вот, например, при посещении разных форумов в Интернете про Вторую мировую войну неоднократно приходилось получать совет съездить в Подольский архив (под Москвой). Действительно, какие проблемы? Взял на работе отпуск за свой счет, купил билет до Подольска, приехал, пришел к архивным работникам и...

И что? Вы знаете, что спрашивать? Допустим, знаете. Допустим, хотите почитать «Протоколы переговоров военных делегаций на Потсдамской конференции летом 1945 года».

А вам отвечают [варианты]: «Такое не существует», «Нет в архиве», «Пока секретно», «На реставрации»... Короче, — и поездка оказывается бесполезной...

В музеях чего-то требовать не надо. Что администрация посчитала нужным, то и выставила. Ходи и смотри. Но... экспозиции, как правило, небольшие. В библиотеках вариантов побольше. Но все равно есть ограничения. И поиск может застопориться. Но, как оказывается, существует еще один источник информации в этом деле — вещевые рынки (базары).

Конечно, не все. Некоторые из них (особо известные для местных жителей). Например, Куреневский рынок в Киеве. Или, как его еще называют, «Птичий». От Крещатика (от «Майдана») ехать 18-м троллейбусом. Или от Подола любым трамваем (кроме 14-го и 18-го). Попугаев и корма к ним там, конечно, продают. Но продают и все остальное: плитку, сантехнику, «химию», швейные машинки, сетку «рабица» и т.д. А вокруг базара прямо на земле по выходным дням выкладывают вообще «все остальное», вплоть до полного неупотребления. Ну кто, спрашивается, сейчас захочет купить фотоаппарат «Смена» или дисковод для 5-дюймового гибкого диска? (Свой я уже давно выкинул на мусорник.)

Но... Среди этого неупотребления, если повезет, можно обнаружить и интересные экземпляры. Однажды я наткнулся на сборник документов и выступлений товарища Сталина 30-х годов. Почитав содержание, я уже собирался его купить. Меня очень заинтересовала речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939-го). Но пока ждал продавца, решил для контроля ее полистать, и оказалось, что именно эти страницы из сборника вырваны. Жаль...

Строго говоря, этот сборник можно поискать и в библиотеке. (О! Уже польза от базара — он оказывается источником названий некоторых книг.)

В другой раз, подходя уже почти ко входу на основную (официальную) территорию рынка, на земле напротив трамвайной колеи увидел стопку тонких брошюр с названием серии, с которой я когда-то встречался в каталоге библиотеки: «В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива» (Военное издательство Министерства Вооруженных сил СССР, Москва, 1946). Каким образом они тут оказались?! Кому, кроме меня, они могли быть интересны? И хотя они были не совсем

той подсерии, что я был бы рад почитать в первую очередь, я купил все пять. Одна без обложки (про Богдана Хмельницкого, написана проф. Н.Н. Петровским — член-корр. АН УССР). Другая — проф. В.Пичета «Роль русского народа в исторических судьбах славянских народов» — была слегка погрызена крысами. И остальные представляли определенный интерес с точки зрения этих тем еще тогда, в том 1946 году — про борьбу с монголо-татарами, немцами, шведами в 1242-м и вообще, как возникла Киевская Русь (от академика Б. Грекова). Открываешь пожелтевшую обложку и читаешь название: «Славяне. Возникновение и развитие Киевского государства. Выше его — «Академик Б. Греков». Внизу — ссылка на «Воениздат». А в самом верхнем правом углу лозунг: «За нашу Советскую Родину!» И возникает некое ощущение, что тут что-то не так... Но что?..

Однажды на одном форуме мне заметили, что таким образом советское военное ведомство заботилось о познавательном и культурном уровне советских военнослужащих. Возможно.

Тогда телевизоров/видиков не было, радио «под контролем». Вот и остается важный элемент — лекции.

Но... Ну я понимаю, если бы советские военнослужащие в первую очередь изучали героическое время Гражданской и Великой Отечественной войн. Хотя... Про последнюю слушатели таких лекций должны были и сами знать немало. Солдатами и сержантами в 1946—1947 годах были парни 1925, 1926 и 1927 годов рождения. «Младшие призывные возраста», увольняли которых с весны до осени 1951 г. после призыва (соответственно) в 1942, 1943 и 1944 годы... Откуда знаю? Мой отец, 1927 года рождения, рассказывал (особенно по праздникам). В детстве я неоднократно слышал его фразу: «А вот я служил срочную 6 лет!» Запомнилось...

И с Гражданской войной могли быть проблемы. Нет, книги, конечно, могли существовать. Например, публикации командарма 1-го ранга Ионы Якира 1922, 1928 и 1934 годов. Все вместе они были выпущены «Воениздатом» в 1957-м (случайно купил на том же Куреневском рынке). Но Иона Якир был расстрелян в 1937-м. И не

только он из командиров Гражданской войны. Потому в 1946-м могли возникнуть лишние вопросы.

С этих позиций изучение XIII века — конечно, процесс поспокойнее.

Но... В той же серии «В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива» были опубликованы и другие книги. Например, Ильинский Я. «Финляндия» (1947), Волков А. «Страны Центральной Америки и Вестиндии» (1947). В частности, во второй — про фашиствующие организации в Мексике и на Кубе. Причем, когда Сталин умер, упоминание про фашистские организации в Мексике куда-то пропало. Но об этом я узнал уже не на базаре, а в картотеке библиотеки. И не в первой попавшейся районной, а в одной из центральных столичных.

В библиотеке

Там обнаружилось, что в 40-е годы была и другая серия — «Библиотека офицера ВМС». А в ней в 1946 г. в том же «Воениздате» была издана книга Сергея Маркова «Русские на Аляске»².

С одной стороны, в ней излагается познавательная информация о том, как русские первопроходцы создавали поселения на Аляске. Но вот издательство... Если бы она была издана какой-нибудь «Детской литературой» для детей среднего и старшего школьного возраста, да еще под каким-нибудь нейтральным названием (например, «Юконский ворон»), я бы на нее и внимания не обратил. А так... (кстати, после смерти Сталина роман С. Маркова «Юконский ворон» несколько раз переиздавался в мирных издательствах).

Но как оказалось, в библиотеках можно найти и вполне конкретные, но (мягко говоря) очень малоизвестные книги на военную тематику 40-х годов XX века. Только возникает проблема — что искать и как? Книг в «хорошей» библиотеке миллионы. Карточек в картотеке не менее. С чего начать? Конечно, можно пойти «прямым путем» — найти и просмотреть ящик с карточками на исследуемую тему («История СССР в 1941—1945 годы»).

Но неплохой результат может показать и «нестандартный» подход. Например, в марте 2005 г. на военно-историческом портале «The Russian Battlefield»³ в разделе «Позорный столб» я обнаружил длинную статью «Несостоявшийся историк» с критикой произведений В. Суворова⁴.

В ее 1-м параграфе автор портала Валерий Потапов много места уделит танкам. А вот следующие три параграфа («2. Резун об отсутствии карт», «3. Резун об артиллерии» и «4. Резун о снарядах на грунте») оказались гораздо короче. Причем самым коротким получился параграф об отсутствии карт. И затрагивается в нем только одна тема — отсутствие карт для территорий восточнее Днепра, что, дескать, вполне понятно, так как восточнее Днепра допускать противника не планировали. И все это подается с очередными криками о сплошном вранье Суворова. Но, извините, Суворов рассматривал тему карт в ДВУХ главах — не только в 14-й («Почему товарищ Сталин не расстрелял товарища Кудрявцева?» книги «Последняя республика»), но и в 16-й («С немецким разговорником по... Смоленской области»). А там речь шла не только о СОВЕТСКИХ картах НЕМЕЦКОЙ территории, брошенных У ГРАНИЦЫ, но и о брошенных там же вагонах с «Русско-немецким разговорником». И можно задать вопрос Потапову: а здесь Резун сбредал или нет? Или эта тема не имеет отношения к его творчеству?

Таким образом, есть повод сравнить тему карт у Резуна с тем, как Потапов пытается найти в ней очередную брехню. Тем более что она касается темы следующего параграфа «3. Резун об артиллерии». И именно с этой целью (проблемы артиллерии) я и направился в Центральную научно-техническую библиотеку Киева вечером 24.03.05. Время было позднее, мне оставалось не более часа времени, надо было спешить. Но где же заветные ящички в каталоге по артиллерии? Я решил искать в разделе военных наук. И, как назло, он оказался слегка занят: перед ним стояла молодая женщина, вытянув упорную доску и установив на нее ящик с карточками. Попросить ее отодвинуться я сначала постеснялся, не зная, какие ящички мне нужны. И решил вынуть пару левых по общим военным вопросам.

Разговорники

Но оказалось, что в них про пушки ничего нет. Зато вдруг я наткнулся на тему «военных разговорников»! Ну-ка, ну-ка! Про суворовскую главу о немецком разговорнике в Смоленской области я помнил и подумал: «А вдруг он есть здесь?» И стал просматривать карточки. Действительно, разговорников там было много. Но цель большинства из них была понятной: «русско-венгерский» 1944, «русско-румынский» 1944, «русско-финляндский» 1944, «русско-немецкий словарь» 1942. Это понятно. Но вот натыкаюсь на нечто более интересное: «Краткий русско-венгерский военный разговорник» 1940 г., «Краткий русско-английский военный разговорник», Воениздат, 1940, и наконец: «Русско-немецкий военный разговорник», Москва, Госиздат, 1941... Неужели он?

Ладно, записываю шифры и иду искать ящички про артиллерию. Они оказались справа от все еще стоявшей женщины у того шкафа. Прошу ее подвинуться, вынимаю ящик с карточками про артиллерию, в котором, как и ожидал, оказалось довольно много книг про различные артиллерийские проблемы: руководства службы, таблицы стрельбы (даже каких-то французских пушек конца XIX века), пособия по матчасти, учебники, книги по производству и хранению боеприпасов и т.д. Нашел, выписывал шифры. Вечером следующего дня заполнил требования, а в субботу 26.03.2005 с небольшим волнением подошел к окну выдачи литературы. Дело в том, что наличие названия в картотеке еще ни о чем не говорит. Книга может оказаться на руках, быть списанной, быть на реставрации и т.д. Но вижу, что мне выносят небольшую стопку («Неужели есть все?» — подумал я.) Однако работница библиотеки тут же мне сообщает, что «вот этой книги в фонде нет». И протягивает мое требование... о «русско-немецком разговорнике»... Переспрашиваю: «Может, на руках?»

— Нет, — повторила она. — Если бы была на руках, я бы так и ответила, а тут НЕТ В ФОНДЕ!

Плохо, конечно. Но я не очень опечалился. О том разговорнике информация все же есть (у Суворова). Меня

же больше волновал «русско-английский». И он в наличии БЫЛ! Это порадовало!

Я взял выданные мне книги и направился в зал для чтения. Выбрал там место и первым развернул «разговорник». Он оказался небольшой серой книжечкой — всего 10 x 13 см — ну как раз под голенище сапога, как писал Суворов. Издан летом 1940 года (5 июня сдан в производство, 15 июля 1940-го подписан в печать). Техническим редактором оказался тот же А.В. Любарский, которого упоминал В. Суворов в связи с «русско-немецким разговорником» 1941 года. И смысл фраз во многом оказался похож (только по-английски).

В тот раз я не рискнул попытаться его отксерить — книга оказалась проклеенной по корешку. Я побоялся, что ее внутренние листы нельзя будет разворачивать горизонтально без разрыва. Отксерил только обложку и «содержание» с выходными данными.

Но для понятия смысла все же нужны цитаты изнутри разговорника. И я их стал выписывать вручную. И при этом вспоминал слова В. Суворова из 16-й главы «Последней республики» (стр. 302—303):

«...С помощью разговорника можно легко и свободно объясниться с местными жителями: как называется деревня? где источники воды? где топливо? пройдет ли грузовая машина? Можно зайти на телеграф и вполне доходчиво изъясниться: «Прекрати передачу — застрелю!» А можно потребовать, чтоб отпили глоток и откусили кусок перед тем, как его грызнет освободитель, чтоб воина нашего не отравили проклятые басурмане.

В 1941 году у немецких солдат такие же разговорники были за голенищами: «Мамка, млеко». «Мамка, яйки». Вот и нашим солдатам вдоволь припасли. Раскрыл книжечку, нашел нужную фразу и можешь любопытствовать, кто состоит в отрядах С А. Незаменимая книжка! Правда, если мы воюем под Старой Руссой или Вязьмой, нам такая книжка без надобности. На кой нам изъясняться на немецком языке с новгородским или смоленским мужиком? Зачем красноармейцу в центре России на немецком языке спрашивать название деревни?

А фразы в книжке такие: «Назовите селение!», «На-

зовите город!», «Можно ли пить?», «Выпей сначала сам!», «Где топливо?», «Сколько скота?» и т.д. и т.д.

Воображение у меня резвое. Прикинул: вот началась «Великая Отечественная», вот наши солдатики защищают Родину, воюют на родной земле. Вот вошли в незнакомый город, нашли в разговорнике нужную фразу и первому попавшему мужику:

— Nennen Sie die Stadt?

А тот в ответ:

— Смоленск!

А наши ему:

— Sie lügen, падла!

Или зашли в деревню где-нибудь под Оршей, зачерпнули воды ключевой и молодухе:

— Trinken Sie zuerst man selbst!

Так ведь русская и не поймет. Это только если к немецкой молодухе обратиться...

И вот переписываю примеры практически такого же смысла из «русско-английского разговорника» 1940 года, и, когда дочитал до середины, то смех так стал меня распирать, что я решил спуститься в подвальный этаж, чтобы меня не приняли за сумасшедшего. И там, в подвальном этаже за огромными рулонами бумаги, я и дописал себе цитаты из этой книги.

А через год я рискнул еще раз заказать этот разговорник, а получив в руки, рискнул его полностью отксерить. Как оказалось, хоть корешок и был проклеен, но внутренние страницы вполне хорошо раскрывались — достаточно для ксерокса. Единственное, чего не удалось добиться, — хорошего качества копий. Ксерокс попался требовавший чистки (местами он делал светлые полосы). Но время было позднее, выбирать что-то получше уже не было возможности, я попросил копировать «потемнее». Копии при этом получились с темноватым фоном. Зато я получил полное содержание всех страниц книги, которая теоретически не должна была существовать. И интересное обнаружилось уже на самых первых страницах. На них было приведено краткое объяснение «От издательства», для кого разрабатывался этот разговор-

ник (заклещенные буквы заменены знаками подчеркивания) (стр. 3).

«Этот «Разговорник» предназначен главным образом для командиров отделения, взвода, роты или соответствующего начальствующего состава. Содержание «Разговорника», однако, несколько расширено — до пределов, обеспечивающих возможность его нереального (не в штабах) использования командирами всех степеней, так как очень трудно ограничить тематические подробности опроса пленного, перебежчика и местного жителя или иным нашим командиром.

Рассчитанный на полное незнание языка, «Разговорник» построен на системе ответов, которая только и способна обеспечить действительную возможность разговора (понимания ответов опрашиваемого). В английском языке имеется ряд звуков, не существующих в произношении русского языка. Для точного произношения этих звуков нет соответствующих букв или сочетаний букв в русском языке. Учитывая, однако, что нашим «Разговорником» будут пользоваться преимущественно командиры, не владеющие английским языком, мы стремились передать английское произношение в транскрипции (крайняя правая колонка на каждой странице) сочетаниями русских букв, наиболее близкими к английской фонетике.

Особенно трудным для произношения и вместе с тем наиболее часто встречающимся звуком в английском языке является сочетание *th*, которое передано нами в транскрипции как «дз». При произношении этого звука рекомендуется всем, пользующимся нашим «Разговорником», зажимать кончик языка между передними зубами и как бы выталкивать звук «дз» изо рта вместе с дыханием».

После введения начинается «ОБЩАЯ ЧАСТЬ» (стр. 5, 6) : «Понимаете ли по-русски?», «Понимаю», «Не понимаю», «Говорите ли по-русски?», «Отвечайте!», «Отвечайте только «да» или «нет», «Говорите медленно», «Говорите правду», «Если не знаете, скажите «не знаю», «Вы должны знать!», «Вы должны были слышать», «Вы должны были видеть!», «Вы говорите неправду», «Вспомните точно!», «Успокойтесь!», «Скажите еще раз».

В этой «общей части» приводятся фразы и слова, которые могут пригодиться во время бесед на разные темы. В частности, там есть переводы слов, означающих направление («Покажите на местности!»), длительность («Сколько минут?»), время («Когда?»), английские числительные (1—20 000), название и номер части, подразделений. Далее приводятся переводы порядковых числительных (от 1-й до 20 000-й), названий родов войск («Артиллерия?»), размеры. Примеры: «В каком направлении?», «Покажите на карте», «Когда?», «Повторите!», «Какая часть?», «Какая рота (эскадрон, батарея)?», «Покажите номер на пальцах», «Какой род войск?», «Танковые войска?», «Какого размера?»

На 26-й стр. «общая часть» заканчивается, и начинаются номерные разделы разговорника. Первый раздел касается темы «Захват пленного»: «Стойте!», «Сдавайся!», «Слезай с коня!», «Слезай с велосипеда!», «Руки вверх!», «Если будешь шуметь, убью!»

Второй раздел посвящен теме «Установление личности опрашиваемого». Что интересно, авторы разговорника предлагают поточнее выяснить, к какой части Британской империи относится опрашиваемый (пленный, задержанный) (стр. 29): «Как ваша фамилия?», «Вы англичанин?», «Вы шотландец? (ирландец? валлиец? австралиец? канадец? новозеландец? южноафриканец?)», «Вы американец?», «Вы индус?»

Затем предлагаются варианты выяснения номера части, рода/вида войск, звания (от ефрейтора до полного генерала), должности, чем занимался до задержания, и есть вариант выяснения ситуации, когда опрашиваемый добровольно перешел на сторону Красной Армии: «Какой дивизии?», «Офицер?», «Рядовой?», «Какой у вас чин?», «Ефрейтор?», «Полный генерал?»...

Стр. 35: «Вы явились к нам добровольно?», «Что вас принудило перейти к нам?», «Вы хотите сражаться на нашей стороне?»

Стр. 36: «Вы хотите служить в нашей армии?», «Вы не хотите сражаться против нас?»...

Стр. 37: «Где вы перешли фронт?», «Вы член какой партии?», «Вы коммунист?»

Со стр. 37 начинается 3-я часть «СОСТАВ ЧАСТИ» (кто командир, сколько людей, сколько подразделений, сколько танковых, есть ли артиллерийские и т.д.).

Стр. 42—44 — часть 4. «ВООРУЖЕНИЕ» (сколько винтовок, гранатометов, танков, гаубиц и т.д.).

Стр. 44—47 — часть 5. «ПОЗИЦИИ» (когда заступили, где, есть ли заграждения, какие).

Стр. 47—55 — часть 6. «НАСТУПЛЕНИЕ И РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК В ОБОРОНЕ»: где фланги, есть ли резервы, какие, где склады, где районы выгрузки, где аэродромы, «Где полк?», «С каких направлений ожидается нападение наших танков?» и т.д.

Стр. 55 — коротенькая 7-я часть «ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ЗАГРАЖДЕНИЯ», и на этой же странице начинается часть 8. «СВЯЗЬ» (где линии связи, где станции, на какой волне работают, есть ли почтовые голуби и т.д.).

Стр. 57—58 — часть 9. «АВИАЦИЯ»: где аэродром, где ВПП, сколько самолетов, какие...

Стр. 59—61 — часть 10. «НАМЕРЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ». Этот текст в очередной раз показывает, что разговорник разрабатывался для ситуации, когда его можно использовать только во время ведения боевых действий: «На каком участке намечен главный удар?», «Где ждут нашей атаки?»...

На стр. 61—64 — часть И. «ПОХОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЙСК» (куда идут войска, где авангард/арьергад, сколько миль проходят в день).

На стр. 64—67 — часть 12. «РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК НА МЕСТЕ» (где караулы, где обозы, где окопы, кем заняты).

На стр. 67 — часть 13. «ПЕРЕВОЗКА ВОЙСК» (куда направляются, сколько вагонов, где места погрузки/разгрузки, в каких портах).

А вот следом, со стр. 69, начинается интересная часть 14. «ОПРОС МЕСТНОГО ЖИТЕЛЯ».

На стр. 70—75 много вопросов к местному жителю касается наличия в деревнях/городах войск: «Есть ли войска, что делают, откуда пришли, куда идут, какие

знаки у солдат, нарисуйте их, как обращаются с местными жителями?»

Среди них попадают странные вопросы: как ведут себя войска? Притесняют? Грабят? Убивают ли жителей? Сколько жителей убили? Странно, если войска противника теоретически должны быть войсками страны этой же территории (т.е. своими для местных жителей), то почему они должны вражески относиться к своим же? Или подразумевалось, что это какие-то «чужие» войска? («Наемников»? Или неких «союзников»?)

Стр. 75: «Говорят ли солдаты, что надо кончать войну?», «Как говорят об СССР?»

Стр. 76—79 — часть 15. «ДОРОГА» (куда ведет? какое покрытие? где надо свернуть? есть ли брод? и т.д.).

Стр. 79 — начинается часть 16. «СЕЛЕНИЕ, МЕСТНЫЕ СРЕДСТВА» (как называется селение [village]? сколько домов? сколько колодцев?).

Стр. 80—81: «Как называется это селение?», «Есть ли сено (овес)?», «Освободите эти дома для войск!», «Собрать и доставить сюда... коров (овец)!»

Вопросы про сено, овес и овец показывают, что местность с англоязычным населением должна быть не в субтропиках (Индия), а где-то, где есть зима и требуется создавать запасы кормов для сельскохозяйственных.

На стр. 81 приводятся переводы требований к местным жителям по доставке разных припасов (можно ли достать хлеб (мясо), собрать и доставить сюда! Освободить дома!). А следом, на стр. 82, есть фразы, в которых упоминается Красная Армия и красноармейцы: «Не бойтесь красноармейцев!», «За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!», «Никто не должен выходить из селения!», «Нет ли в селении спрятавшихся солдат?»

Стр. 83: «Кто согласен продать лошадь?», «Собрать жителей для исправления дороги!»

Стр. 84: «Кто из жителей говорит по-русски?», «У кого есть скот (хлеб, зерно, поводки)?», «Согласны ли вы продать?»

На стр. 84—85 — часть 17. «ПРОВОДНИК» (приведите! знаете ли дорогу? дадим денег, возвращайтесь).

На стр. 86—89 — часть 18. «РЕКИ, ПЕРЕПРАВЫ»

(есть ли брод, быстрое ли течение, какие берега, есть ли мосты, пройдет ли артиллерия, есть ли паром, есть ли лодки).

На стр. 89—92 — часть 19. «БОЛОТО, ОЗЕРО, КОЛОДЕЦ»: «Есть ли болото?», «Скоро ли наполняется водой вычерпанный колодец?», «Есть ли ведро?», «Принесите!», «Отравлен ли колодец?», «Принесите топливо!», «Какая цена?», «Если спрячете, мы сами будем искать!»

На стр. 92—94 — часть 20. «ЛЕС, ГОРЫ» (можно ли пройти, можно ли обойти, как называются, крутой ли спуск/подъем, бывают ли снежные завалы).

На стр. 95 — часть 21. «ГОРОД» (есть ли большие здания, где почта, телеграф, телефон, какие заводы, где контора завода и т.д.).

Стр. 98 — последняя (где можно покушать?).

На стр. 99 — «СОДЕРЖАНИЕ», на стр. 100 — выходные данные. И оставлено несколько пустых страниц «ДЛЯ ЗАМЕТОК».

Читая вопросы о покупке того-другого, невольно возникает вопрос: «Интересно, где? У каких «местных жителей» (для которых родной английский) могли что-то покупать солдаты, а скорее всего — командиры Красной Армии?» Как туристы — понимаю. Но как «командиры отделения, взвода и роты»? Не совсем понятно...

Может возникнуть и такой вопрос: а насколько структура разделов и фразы из этого разговорника похожи на «русско-немецкий» издания 1941 года, о котором писал В. Суворов? Но для сравнения надо найти полный его текст. В библиотеке я не смог этого сделать, однако оказалось, что фотокопии его страниц выложены в Интернете, в частности на сайте <http://www.stepaside.spb.ru>. Причем там же размещен не только «русско-немецкий военный разговорник», но и «русско-финский...» (<http://www.stepaside.spb.ru/time/fr/rekl.htm>) (далее — «Р-Ф»). На стартовой странице «Р-Ф разговорника», в частности, приведено такое введение от авторов сайта:

«В труде и в бою, в краткие минуты отдыха на привале или в уютном коттедже каждый из вас проведет с этой книгой немало приятных и полезных минут и часов. Удобные размеры наладонного компьютера, практичная

коленкоровая обложка. Этот сборник многовековой мудрости не займет много места и не станет большой обузой за голенищем валенка, сапога или за обмотками ваших ботинок.

Итак, наслаждайтесь».

**КРАТКИЙ РУССКО-ФИНСКИЙ
ВОЕННЫЙ РАЗГОВОРНИК**

**ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР**

Подписано к печати с матриц 11.7.41. Г850. 31/4 п.л.
Заказ № 2676

2-я типография Воениздата НКО СССР им. К.Ворошилова

Сравнение русских фраз из трех разговорников показало, что «русско-немецкий» имеет ряд отличий, хотя много похожего. А вот структура глав и фразы в «русско-английском» и «русско-финском» практически одинаковы (кроме тех, в которых смысл касается воинских званий, национальности и мер измерения, которые в Финляндии и в Британском Содружестве отличаются. Например, у финнов — метры, килограммы, а у англичан — фунты, дюймы, мили).

Пример одинаковых фраз:

За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!	Everything taken by the Red Army from the inhabitants will be paid for!	Эврйтсинг тэкен бай дзы Рэд Армии фром дзы инхэбитэнтс уил би пэйд фор!
За все взятое у жителей войска Красной Армии заплатят!	Kaikesta asukkailta otetusta Punaisen Armeijan joukot maksavat!	Кайкестаасуккайльта отэтуста Пунайсен Армэяйнеукот максават!

И есть небольшие непринципиальные отличия. В «Р-А» названия разделов нумеруются, в «Р-Ф» нет нумерации. В «Содержании» «Р-А» пропущены подразделы

«ОБЩЕЙ ЧАСТИ», которые также практически полностью повторяют подразделы содержания в «Р-Ф»:

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

А) НАЧАЛО ОПРОСА

Б) МЕСТО

В) ВРЕМЯ

Г) ЧИСЛО

Д) НОМЕР ЧАСТИ, ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛА

Е) РОД ВОЙСК

Ж) РАЗМЕР

Получается, что эти два разговорника создавались на основе какого-то общего списка русских фраз, который уже существовал летом 1940 года. Может возникнуть гипотеза, что «Р-Ф» в июле 1941 года мог быть создан именно с его использованием. Однако возможна и другая гипотеза — «Р-Ф» в июле 1941 года — это просто повтор изданного ранее разговорника («второй тираж»). На этот вариант указывают и его выходные данные — «Подписано к печати с матриц». В «Р-А» данные показываются по-другому:

«Сдано в производство 5.6.40. Подписано к печати 15.7.40».

И есть сведения о том, что в 1940-м уже издавался какой-то «Р-Ф».

Краткий русско-финский военный разговорник.

М. Воениздат. Напеч. в Лгр. 1940.

114 с. (10 question 13) см. Б. ц. В папке.

——— 1. Русско-финские разговорники.

2. Военные разговорники.

001 № 2003

[40—3312]

10

Всес. кн.

палата 13 II. 40

494.541-3=91.71:355

[494.541—825]

13/IX 40 K786

А вот карточка Всесоюзной книжной палаты для «Р-А» 1940 года:

Краткий русско-английский военный разговорник.
М. Воениздат. 1940.
100 с. 4 нум. с. (10 х 13) см. 1 р. В папке.
——— 1. Русско-английские разговорники.
2. Военные разго— ворники.

№ 17032 [40—30171]
10
Всес. кн. палата 13 IX. 40

49-3=91.71:+355
(038)
(зачеркнуто)
13/IX 40 K786

Сравниваем даты и номера «Всес. кн. палаты» («Все-союзной книжной палаты»).

«Р-Ф» 1940 года издан ранее «Р-А» почти на полгода (у «Р-Ф» — «13 февраля», у «Р-А» — «13 сентября». И у «Р-Ф» номер меньше на 15 тыс. с лишним). Но «Р-А» сдан в производство в начале июня 1940-го, а в июле того же года подписан к печати. В середине сентября издается карточка «Всес. кн. палаты». Итого прошло 3 месяца. Т.е. «Р-Ф» издания 1940 года мог быть сдан в производство где-то в ноябре 1939-го. А если в начале 1940-го уже был тираж «Р-Ф», то вполне реально, что в июле 1941-го его просто повторили «с матриц». Однако есть и вопрос: в издании 1940 года указано 114 стр., а в издании июля 1941 года — 104 стр. — на 10 страниц МЕНЬШЕ! Что-то пропустили? Возможно. Удалять легче, чем сочинять новое.

Кстати, об удалениях. На стр. 66 «Р-Ф» можно видеть несколько русских фраз:

- Притесняют?
- Грабят?
- Не притесняют?
- Не грабят?
- Убивают ли жителей?

Это про отношение каких-то войск с местными жителями в Финляндии.

А на стр. 73 «Р-А» аналогичный список уменьшен:

- Притесняют?
- Грабят?
- Убивают ли жителей?

Если учесть, что фразы:

— Не притесняют?

— Не грабят? — в какой-то мере повторяют смысл двух предыдущих фраз, но с противоположным ответом, то вполне понятно их удаление в разговорнике, который ИЗДАВАЛСЯ ПОЗЖЕ на основе этого же списка.

Есть и еще одно место в «Р-А», которое можно оценить как место из «Р-Ф» с удалением «лишних» строк. В «Р-Ф» на стр. 69 указаны две одинаковые по смыслу фразы («Где дорога в селение?...»), но с указанием разных «селений» — «А» и «Б», затем есть фразы с «селением В» и «Г». В «Р-А» же нет фразы с «селением В». В нем на стр. 77 фразу из «Р-Ф» «Где дорога в селение Б?» удалили, а фразу «Где надо свернуть на селение В?» изменили на: «Где надо свернуть на селение Б?» Далее идет фраза «Где выход из селения на дорогу в Г?» И в «Р-Ф» она тоже есть. Т.е. применительно к «Р-А» можно задать вопрос: «А куда делась фраза со словами «селение В?»»

Таким образом, получается, что разговорник «Р-Ф» июля 1941 года составлялся на основе списка русских фраз, использовавшегося летом 1940-го при составлении разговорника «Р-А». Но при этом этот список уже должен был быть применен для более раннего издания какого-то другого разговорника, скорее всего, для первого издания «Р-Ф».

И возникает еще одно размышление. Оно связано со сравнением этих двух разговорников с еще одним — с «Русско-немецким...» 1941 года (далее — «Р-Н»). Его структура похожа на структуру первых двух. И список русских фраз имеет аналогии, но все же в «Р-Н» различий больше. Это можно заметить уже по содержанию:

СОДЕРЖАНИЕ

Краткие сведения о немецком произношении 4

Общая часть 7

Место 15

Размер и вес 16

Время 18

Число 23

Род войск и подразделения 41

Вооружение 44

Передвижение и транспорт 48

Захват железнодорожной станции разъездом
или разведывательной партией 60
Населенный пункт 63
Захват и первичный опрос пленного 71
Ориентировка нашего парашютиста 84
Примеры возможных ответов 88
Приложения 101

И в аннотации упомянут автор русского текста:

Краткий русско-немецкий военный разговорник
Русский текст составлен начальником Военного факультета
западных иностранных языков, генерал-майором т. Биязи.
Разговорник имеет целью помочь бойцу и младшему коман-
диру Красной Армии усвоить немецкие слова и выражения.

Под наблюдением редактора А.В. Любарского

Подписано к печати 29.5.41. Г584. Объем 3 $\frac{1}{4}$ п. л., 2 авт. л.,
в п.л. 57344 тип. зн.
Зак. 289

1-я тип. Управления Военного изд-ва НКО им. С.К. Тимо-
шенко Москва, уд. Скворцова-Степанова, д. 3

Сравнение этих трех разговорников может привести к предположению, что генерал-майор Биязи использо-
вал более ранний список фраз, но часть из них удалил,
внес изменения в расположение оставшихся и добавил
новые.

К небольшому принципиальному отличию пары раз-
говорников «Р-Ф» и «Р-А» от «Р-Н» можно отнести то,
что в «Р-Н» нет большого списка фраз о наличии воен-
ных в населенных пунктах и о том, как они относятся к
местным жителям («грабят?», «убивают?», «нарисуйте
знаки на мундирах у солдат!»). В немногочисленных во-
просах о наличии военных в них сразу и конкретно упо-
минается название «немецкие»:

Стр. 68: Когда (куда) ушли немецкие солдаты?

Стр. 69: Где спрятавшиеся немецкие солдаты?

Стр. 84: Есть ли поблизости немецкие солдаты, полицейские?

Ранее (выше) уже выдвигалась гипотеза о том, что «Р-А» предполагалось использовать на местностях, где могли быть войска, не являвшиеся войсками того государства, чья была та местность.

Если рассматривать только разговорник «Р-А», то эта гипотеза может показаться не очень серьезной. Но как оказывается, подобные фразы есть и в «Р-Ф». А как известно, Финляндия — страна небольшая, «Линия Маннергейма» строилась с помощью иностранных военных специалистов. И, видимо, сразу же можно было бы предположить, что после нападения на Финляндию в ней вполне могли бы оказаться военные из других стран, форма которых могла быть непривычной для местных жителей. В связи с чем и могло бы потребоваться предложение опрашиваемому нарисовать знаки отличия военных. А то, что летом 1941 года в Финляндии оказались и немецкие войска, — факт известный. И есть информация, что в 1944-м уходившие на север немцы немножко позверствовали против финнов.

С другой стороны, в 1939—1940—1941-м предполагать наличие на немецкой территории неких войск не Германии — не совсем серьезно. На немецкой территории в то время могли быть только немецкие войска (полицейские), что и отразилось в «Р-Н».

Можно задаться еще одним вопросом: издавался ли «Русско-немецкий военный разговорник» в 1940 году? К сожалению, найти точный ответ на него не удалось. Нашлось только одно сообщение на форуме <http://www.lovehate.ru/opinions/8357/3>:

«Сама лично держала в руках русско-немецкий разговорник издания 1940 года. Издательство «Красный воин». В котором приводятся следующие перлы: «Не бойтесь! Скоро сюда придет Красная Армия!», «Сдайте оружие, включая косы и топоры!» Не шучу и не вру. Правда. Ну и кто на кого хотел напасть?»

И все... Но военные разговорники на другие языки в 1940 году были выпущены. Однако об этом поговорим

позже. А пока можно обсудить еще один странный момент, связанный с «Р-Н» 1941 года.

На стр. 103—105 показаны рисунки немецких боевых самолетов. Ошибок нет, если не учитывать, что нет рисунка штурмовика «Юнкерс-87». А на стр. 106—108 показаны танки. Тяжелый, средний и легкий. В качестве легкого показан «Т-I» с двумя пулеметами в башне. Вопросов нет, такой танк был. В качестве среднего показан «Т-III» модификации не позже G (выпускался в период апреля 1940 — февраля 1941-го). А вот в качестве тяжелого показан танк, который был выпущен только в количестве 5 (пяти) штук. Причем первые два — из простой стали без брони. Назывался он «Рейнметалл» или «Neubaufahrzeug», или «Nb.Fz.» (в буквальном переводе — «вновь построенная машина»).

Как оказывается, он имел слабую маневренность и проходимость и слабую бронезащиту (противопульные 15 мм). В связи с чем его боевая ценность сводилась к нулю. Но немцы его активно использовали с целью дезинформации. Вот сведения с сайта <http://panzer.vif2.ru/Tanks/nbfz.html>:

«Два прототипа поступили в учебное подразделение, три полноценно бронированные машины были сведены в Pz.Abtl. Zb.V 40 — танковый батальон специального назначения. Это подразделение 9 апреля 1940 года было отправлено в Норвегию, где вместе с Pk.I и Pk.II (т.е. пулеметным «Т-I» и легким «Т-II») приняло участие в боях против английских войск. Хотя немцы продвигались успешно, один из «Nb.Fz.» был подорван собственным экипажем после того, как увяз в болоте недалеко от Лиллехаммера (причем взрывчатки не пожалели, чтобы по обломкам не могли догадаться о подлинных слабых ТТХ этого танка). Но в основном «Nb.Fz.» оставался популярной фотомodelью. Танк «Nb.Fz.» постоянно красовался перед объективами немецких и зарубежных корреспондентов, демонстрируя возрожденную военную мощь гитлеровской Германии. Именно на этом поприще он снискал шумный «мировой успех», став самым устрашающим немецким танком тех лет. Фотографии «сборочных линий тяжелых танков» «Nb.Fz.» и «серийных» машин

помещались во всевозможные предвоенные справочники и издания, в которых приводились фантастические характеристики броневой защиты и подвижности. На эту удочку клюнули во многих странах, и прежде всего в СССР, Великобритании и Франции, имевших большой опыт в проектировании и серийном строительстве тяжелых многобашенных гусеничных машин (особенно СССР со своими «Т-28» и «Т-35»). После оккупации Норвегии оставшиеся две машины были передислоцированы в Осло, затем в 1940 году возвращены в Германию и разобраны на металл».

Доподлинно известно: ни один «Nb.Fz.» на Восточном фронте так и не появился. Все истории о боевом применении «Nb.Fz.» на Восточном фронте — легенды, навеянные «Записками советского офицера», танкиста Г. Пэнежко, опубликованными в 1951 году.

Более подробное описание «Nb.Fz.» с рисунками и чертежами размещено в журнале «Моделист-Конструктор», № 11, 2005. Статья называется «ТРЕХГЛАВЫЙ ТАНК «РЕЙНМЕТАЛЛ»⁵. Наличие немецкой дезинформации в сверхсекретном (до начала использования) советском издании в какой-то мере можно рассматривать как пример недостаточно эффективной работы советской разведки того времени в Германии. Либо о недостаточной эффективности работы советских военных аналитиков. По крайней мере, факт имеется и может послужить предметом обсуждения.

Генерал-майор Биязи

Как показали дальнейшие «розыски» в библиотеках, есть необходимость поподробнее ознакомиться с биографией генерала Биязи. В 1940 году он стал начальником Военфака военных переводчиков. Большая статья об истории Военного института иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА) изложена (по крайней мере, была изложена в 2005 году) на сайте мэрии города Тольятти (бывший Ставрополь-на-Волге)⁶.

Про основные этапы создания этого института и о не-

которых фрагментах из биографии генерала Биязи там говорится следующее.

1 февраля 1940 г. совместным приказом наркоматов обороны и просвещения в Москве учредили Военный факультет при Втором Московском государственном педагогическом институте иностранных языков (МГПИИЯ) с задачей подготовки военных преподавателей английского, немецкого и французского языков. (7 февраля состоялось его открытие.) Студенты Первого и Второго московских пединститутов иностранных языков были определены в кадры Красной Армии и зачислены слушателями Военфака на все четыре курса. В приказе об открытии факультета речь о подготовке военных переводчиков не шла. Факультет создавался срочным порядком в середине учебного года. Его формировали военинженер 2-го ранга Гавриил Андрианович Мартыненко, назначенный приказом НКО от 21.11.1939 г. помощником начальника Военфака по мат.-тех. обслуживанию, и майор Сергей Константинович Нарроевский, 19.12.1939 г. назначенный помощником начальника учебного отдела Военфака. В феврале 1940 г. на должность заместителя начальника факультета прибыл майор Василий Дмитриевич Макаров (ставший временно его начальником).

Подготовка специалистов расширилась с октября 1940 г., когда Военфак возглавил кандидат военных наук генерал-майор Николай Николаевич Биязи. Он окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. (В 1943 г. он стал заместителем командующего Закавказским фронтом и формировал из спортсменов-альпинистов и лыжников ударные стрелковые отряды для борьбы с альпийскими стрелками горно-пехотной дивизии врага.) Второй страстью Биязи были языки. Он владел 14 языками, французский и итальянский знал в совершенстве. Эти знаниягодились ему на посту военного атташе в Италии в 1936—1938 годы.

Со дня образования и до августа 1940 г. Военфак подчинялся Управлению военно-учебных заведений НКО, но затем его передали в систему учебных заведений Генерального штаба Красной Армии.

С лета 1940 г. факультет перешел на комплектование кадровым составом Красной Армии. Разработали и приняли к реализации ряд мероприятий по превращению факультета, носившего пока характер гражданского учебного заведения, в самостоятельное высшее военно-учебное заведение.

В 1940 г. слушатели изучали один из трех языков — английский, французский, немецкий. А весной 1941 г. на Военфаке готовились кадры уже на 15 иностранных языках. Из маленькой учебной структуры при Втором МГПИИЯ Военный факультет западных языков (это его новое название) превратился к лету 1941 г. в самостоятельное крупное военно-учебное заведение, располагавшее хорошими профессорско-преподавательскими кадрами...

Из воспоминаний генерала Биязи: «1940 год. Получив назначение на должность начальника военного факультета западных языков при Втором МГПИИЯ, готовившего военных преподавателей, я поставил вопрос о необходимости немедленной реорганизации педагогического факультета, на котором изучались только три языка. Для войны с самого ее начала армии потребуется большое количество военных переводчиков и знание большого количества иноязыков. Вскоре нам удалось выделить факультет из состава гражданского института... Вопрос о сроках преподавания на основных отделениях решился так: на педагогическом — пять лет, на военно-переводческом — два года, на краткосрочных курсах — от трех месяцев до одного года в зависимости от степени знания немецкого языка курсантами. При этом в основном со стороны мы брали студентов (мужчин было мало), знавших язык в достаточной мере и на первых порах немного разбиравшихся в переводе военных текстов. Однако нужных для этого пособий не было, и тогда мне и старшему преподавателю Монигетти пришлось срочно составить карманный «Краткий русско-немецкий разговорник» для бойца и младшего командира с фотографиями немецкой военной техники. Редактором был А. Любарский. Разговорник был издан Воениздатом в 1941 г. Во время войны он оказался столь необходимым, что был

издан тиражом 500 тысяч экземпляров, а затем его еще дважды переиздавали, и тираж достиг двух миллионов...»

С началом войны подготовка военных переводчиков для военных вузов была приостановлена, и факультет полностью переключился на подготовку военных переводчиков для фронта. В связи с возникшей потребностью дополнительно были открыты учебные отделения финского, шведского, норвежского, датского, испанского, итальянского, польского, чешского, венгерского, румынского, сербского и болгарского языков.

В октябре 1941 г. последовал приказ НКО СССР об эвакуации Военного факультета при Втором МГПИИЯ в город Ставрополь-на-Волге. Для передислокации был выделен специальный пароход. Эвакуация проходила с 10 до 18 октября...

В эти годы выпускниками института стали О.А. Трояновский (посол СССР в Китае), Ф.Е. Хитрук (режиссер, народный артист СССР), А.П. Мицкевич (писатель-фантаст), Л.Д. Бергельсон (член-корреспондент АН СССР), В.А. Этуш (народный артист СССР).

12 апреля 1942 года приказом НКО СССР Военфак был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии и к нему присоединился военфак Института востоковедения.

Почему здесь я предлагаю обратить внимание на биографию генерала Биязи? Дело в том, что во время поиска в научно-технической библиотеке я наткнулся на карточку к еще одной книге 1940 года:

Боевые действия в горах. М. Воениздат.

Напеч. в Лгр. 1940. 240 с. со схем. и карт. 22 см.

(Краснознаменная и ордена Ленина воен. акад. Кр. Армии

им. М.В. Фрунзе) 6 р. в пер. На обороте тл. указаны составители: полк. Агапов, генерал-майор М.В. Алексеев, генерал-майор Биязи и др. I Агапов. II Краснознам. воен. акад.

Кр. Армии им. Фрунзе Москва. — — I

Боевые действия в горах.

N: 19360 [40—34908] 10 355.413.4

Всес. кн. палата 18 X. 40

Б758

И мне очень захотелось ее найти. Однако именно в этом книжном фонде ее не оказалось. Тогда я решил записаться в другую центральную библиотеку Киева. А вдруг?

Какие еще горы?

Вообще-то я уже был в ней когда-то записан, но мой читательский оказался просрочен, так как с конца 90-х годов их стали выдавать на 1 год. И вот как-то летом 2006 г. я выбрал время и в выходной теплый солнечный день поехал восстанавливать «пропуск» (библиотека находится рядом с Крещатиком и «Майданом»). Получилось. И я сразу же направился в зал каталогов с целью найти ящичек по теме военных наук. Нашел. А в нем и искомую карточку на книгу «Боевые действия в горах» издания 1940 г. Но авторы не были указаны. Подозревая, что в один и тот же год одно и то же издательство не могло выпустить две разные книжки под одним названием, я выписал шифр (начинавшийся с буквы «Д») и пошел выяснять у дежурного библиотекаря, где ее заказать. Мне ответили, что в «Депозитарии», и предложили почитать разъяснение, засунутое под стекло на столе. Почитал. Оказалось, что не все так просто. Депозитарий находился в подвальном этаже какого-то жилого дома вдали от основных трасс общественного транспорта. И работал только по будням. До 16.00. Жаль...

Кроме того, настоятельно предлагалось сначала позвонить (номер телефона прилагался), чтобы зря не ехать.

Ладно! Я переписал адрес-телефон и стал обдумывать план, как туда добраться. А для начала в ближайшую пятницу позвонил выяснить, «жива» ли книга? И через минуту поисков мне ответили, что КНИГА ЕСТЬ! («Приезжайте! У нас вход с торца дома, там лесенка вниз и звонок...»)

— Спасибо! — ответил я и продолжил обдумывание плана, как туда добраться...

И вдруг в понедельник меня посылают по делам в район метро «Шулявская». Шанс появился! И я решил им воспользоваться! Договорился с руководством и в

обед поехал искать этот подвал со звонком. Нашел достаточно быстро, получил книгу (а к ней заказал еще и Г. Иссерсона «Новые формы борьбы» 1940 г. — и тоже получил). Оставалось последнее — быстренько пролистать их (порядка 270 страниц), выбрать страницы для ксерокопирования, договориться с библиотекарем об их выносе (для этого я специально взял паспорт), сбежать куда-то на ксерокс, вернуться, сдать книги и быстренько возвратиться на работу. И на все это у меня ушло часа полтора. Копии в местном маркете сделала девушка старшего школьного возраста, подрабатывавшая на ксероксе в каникулы. Узнал я об этом потому, что в этот момент к ней подошла ее школьная подружка и они стали делиться новым для себя коммерческим опытом. И предложили отксерить всю книгу (240 стр.), если оставлю до завтра. Я вынужден был отказаться. И как потом оказалось, зря отксерил листов 10 Иссерсона — полный текст его книги размещен в Интернете на сайте «Милитеры».

В конечном итоге, придя вечером с работы домой, «вдали от шумка городского» я стал вчитываться в голоса 1940 года. И оказалось...

Конечно, обучение действиям в горах в царской России и во времена СССР вообще-то могло входить в программу военной подготовки некоторых контингентов военнослужащих вне зависимости от каких-то конкретных планов. Но более конкретное изучение географических условий конкретного ТВД всегда есть отдельная конкретная тема. И лично меня насторожила фамилия генерала Биязи в списке авторов книги «Боевые действия в горах». Каким образом специалист по европейским языкам оказался в их числе?

КРАСНОЗНАМЕННАЯ И ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ КРАСНОЙ АРМИИ
имени М.В. Фрунзе

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ГОРАХ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Редактор полковник Шебалин Д.В.
Технический редактор Фрейман Д.А.
Корректоры Бондаренок А.Е., Богоявленская М.Н.

Сдано в производство
1.7.40
Формат бумаги
60х92 1/16
Г13866 Изд. №512

Подписано к печати 6.9.40
Объем 15 пл.,
17,96 уч.-п.л.
Зак. №. 2319

Отпечатано во 2-й типографии Гос. военного изд-ва НКО
СССР им. Клима Ворошилова Ленинград, ул. Герцена, 1

«Боевые действия в горах»

В книге излагаются все виды боевой деятельности в горах стрелковых и горно-стрелковых войск (дивизия, полк, батальон) со средствами усиления.

Книга рассчитана на начальствующий состав Красной Армии. В составлении книги принимали участие: полковник Агапов, генерал-майор Алексеев М.В., генерал-майор Биязи, полковник Гареев, генерал-майор инженерных войск Ильин-Миткевич, генерал-лейтенант Львов, полковник Позняк, полковник Попов В.Т.

Если страна готовилась к отражению внешней агрессии на своей территории, то какое отношение к этой книге мог иметь специалист по иностранным (европейским) языкам? Кроме того, возникла идея уточнить биографии других авторов. Конечно, определить личность только по распространенной фамилии (Львов, Позняк) — задача практически невозможная. Но по двоим авторам кое-что узнать удалось.

Полковник Попов В.Т. указан автором книги «Разгром итальянцев под Адуа», М., 1938, в списке литературы к статье «Итало-эфиопские войны» в 11-м томе БСЭ, 3-е издание⁷. Он же указан автором книги «Бои за Верден», М., 1939, в списке литературы к статье «ВЕРДЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» в 4-м томе БСЭ, 3-е издание⁸.

Получается, что Попов В.Т. мог быть военным историком.

Генерал Ильин-Миткевич А.Ф. указан в списке первых генералов Красной Армии⁹.

Генерал-майор инженерных войск Ильин-Миткевич был командующим инженерными войсками Киевского ОВО и Юго-Западного Фронта (1941), Сталинградского фронта (1942) и 7-й армии (1944)¹⁰.

Кроме того, генерал Ильин-Миткевич из Военно-инженерной академии Красной Армии им. В. В. Куйбышева указан автором «Краткого справочника по военно-инженерному делу» (80 стр., Воениздат, 1941)¹¹.

Итак, среди 8 авторов книги «Боевые действия в горах» 1940 г. с генеральскими и полковничьими званиями один — профессионал по переводам с европейских языков, второй — профессионал по военно-инженерному (саперному) делу, третий — военный историк.

Ну хорошо, допустим, книга о войне в горах выпускалась с целью подготовки обороны на своей территории. Допустим.

Остается посмотреть, какие горы в СССР могли оказаться в зоне боевых действий в случае нападения какого-нибудь соседнего государства. Берем карту (а еще лучше — фрагмент глобуса) с Европой, Азией и Северной Африкой. Оттенками зеленого на нем показаны низменности от ниже уровня моря (до — 200 м, например, Прикаспийская низменность) и высоты до 500 м над уровнем моря. Коричнево-желтый — высоты и горы от 500 м до 3 км. Серый — от 3 до 5 км. И белый — выше 5 км (например, Гималаи).

И как показывает внимательное изучение такой карты (глобуса), в 1940 году практически не было в СССР гор, которые могли бы оказаться в зоне боевых действий. Практически вся европейская и большая часть азиатской его территории — это низменности. Серьезные горы — фрагмент Карпат на западе Украины, Кавказ на юге европейской части, горы на границе с Афганистаном, Китаем и Монголией в азиатской части. И есть горные системы на малоосвоенных человеком востоке Якутии и Дальнем Востоке, где суровый климат и вечная мерзлота. И к обороне каких из них надо было готовиться в 1940 году? Памира со стороны Афганистана? Мягко говоря, очень маловероятно. Какие-то контрабандисты еще могли там появиться. Но это забота внутренних войск (в то

время — НКВД), а не Красной Армии. Может, китайцы развернули бы наступление через пустыню Гоби на степи и полупустыни Казахстана? Или через Маньчжурию на Забайкалье? В дополнение к своей гражданской войне и к войне с японцами? Невероятно! Горную границу с Монголией можно было бы расценивать вообще как глубокий тыловой район. Может быть, Кавказ со стороны Турции? Возможно, хотя тоже очень маловероятно. В то время Турция имела договор с Британией, которая, в свою очередь, воюет с немцами. И какой был смысл туркам наступать на СССР через Кавказ? У них же танков практически не было! На ишаках? По горным тропам еще можно, а дальше много не навоюешь! Может, горы Крыма? Отпадают сразу. Их стратегическая ценность равна нулю. Как Ялту в 1941 году с ходу отдали, так в 1944-м и взяли без особых трудностей. Оборонять ЮБК (южный берег Крыма) никаким войскам нет никакого смысла. Остаются Карпаты (со стороны Украины)... Но и в этом случае их важность для обороны сомнительна. Еще вопрос — кому наступать. У Венгрии сил не хватит. А немцы могут обойти с фланга (что и сделали летом 1941-го). И все...

Так к обороне каких гор в СССР надо было срочно готовиться в 1940 году?

В 1940 году в СССР — никаких. Но возник вопрос:

— А вы не были в Колензо?

Думаю, абсолютное большинство опрашиваемых на него ответило бы контрвопросом:

— А ЭТО ГДЕ?

Ну как, ГДЕ?

Уточняю — на реке Тугела. Разве вы не знаете? Конечно, это не Волга, не Днепр. Но река существует. Причем на слегка возвышенной предгорной территории. В почти 100 км от Колензо на юго-запад находится тамошняя крупнейшая гора — Табана-Нтленьяна, 3482 м над уровнем моря (или 11 424 фута)...

Никогда не слышали? И какое отношение Колензо с Тугелой и Табаной-Нтленьяной имеют к Великой Отечественной войне? Отвечаю сразу: никакого!

Но как оказывается, они имеют какое-то отношение к предвоенной подготовке. Однако сначала о том, где же

находятся эти географические объекты? Томить не буду, рассказываю: а находятся они на востоке ЮАР (Южно-Африканской Республики).

Если посмотреть на карту восточной части страны, то справа-внизу на берегу Индийского океана, почти на самом юге Африки окажется порт Дурбан. Слева от него (западнее) и расположена горная система с горой Табана-Нтленьяна с высотами выше 3 км (в границах королевства Лесото).

При чем здесь все это? А при том, что в книге «Боевые действия в горах» приводится много примеров боев в горных условиях во время разных войн, как правило, вне границ СССР и по времени от генералиссимуса Александра Васильевича Суворова до 1940 года.

— Ну чего уж так сразу с наступления? — может возникнуть кое у кого претензия.

Действительно, при войне в горах, кроме наступления, бывает и оборона, и встречный бой, и организация марша, и формирование тыла, и инженерное обеспечение и т.д. и т.п. В книге 240 страниц, рассматриваются разные вопросы ведения боев в горах, в чем можно убедиться по содержанию на двух с лишним листах.

Когда читаешь этот фундаментальный труд, то периодически возникает мысль о том, что его значение не уменьшилось и в настоящее время. Особенно если планируются крупные, особенно наступательные боевые операции в «хороших» горах.

При внимательном чтении этой книжки возникает предположение, что ее готовили для реализации планов проведения крупных, в первую очередь наступательных боевых операций в больших горных массивах с участием не только полков, но и дивизий (стрелковых), корпусов и армий на сотни километров в глубину! Однако трудно представить, что бой ведет всего лишь одна армия (например, 6-я). А чем будут заниматься другие армии? (Например, 3, 8 и 15-я полевые). Отдыхать? Но следом может возникнуть и другой вопрос: а где на планете Земля можно найти такие крупные горные массивы, пройти которые на сотни километров в глубину и ширину предполагается НЕСКОЛЬКИМ полевым армиям?

Возможно — Карпаты, Альпы в Европе. Возможно — Иранское нагорье. Возможно — Испания. Возможно — Турция (см. глобус). Возможно — и Гималаи, чего уж тут мелочиться! А там, глядишь, и до Колензо окажется «рукой подать»!..

Кстати, в главе V «Наступательный бой в горах» есть интересный параграф — «Наступление в прибрежной зоне». Если посмотреть на карту (лучше — на глобус), то в СССР таких участков очень мало (ЮБК в Крыму и запад Кавказа). Но они встречаются и в других странах — Иран (Каспий с севера, Персидский залив с юга), Турция (2/3 границы — морской берег), Балканы, Испания, Норвегия (Скандинавские горы с морским берегом), Шотландия (север Великобритании), северо-запад Африки.

За то, что эта книга рассчитана на ведение боев за границами СССР, говорит и наличие массы примеров из истории боевых действий именно там — за границами СССР.

В качестве возможных местных транспортных средств там упоминаются быки, верблюды, яки, лошади.

Про использование яков в армии сведений не нашел. Но оказалось, что до 1941 года в советском Генштабе были какие-то планы по использованию выючно-ишачных и выючно-верблюжьих рот РГК (между прочим — «Резерва Главного Командования»). Когда и где его применяют (РГК)? Обычно — в качестве помощи войскам, ведущим конкретные бои на конкретном ТВ Д. Вот цитата из 1-го тома сборника «1941»:

«№ 272. ЗАПИСКА НКО СССР И ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) — И.В. СТАЛИНУ И СНК СССР — В.М. МОЛОТОВУ С ИЗЛОЖЕНИЕМ СХЕМЫ МОБИЛИЗАЦИОННО-ГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

б/н

(не позже 12 февраля 1941 г.)

ХIII. Гужетранспортные и рабочие части РГК

По мобилизации будет развернуто:

Отдельных гужетранспортных рот — 8

Отдельных выючно-конных рот — 4

Отдельных выючно-ишачьих рот — 2

Отдельных выючно-верблюжьих рот — 3...»

Но мало ли к чему готовились в 1940 году? Возможно, и к прорыву широких горных массивов корпусами и армиями. Однако с 22.06.1941 эта тема оказалась надолго забытой. А вот в 1944-м ее пришлось вспомнить, когда Советская Армия вышла к Карпатам. Есть издание трех приказов 1944—1945 годов о повышении эффективности ведения боевой работы в горно-лесистой местности. Они размещены в сборнике 1947 г.¹²

Вот так: вышла в 1944 г. Советская Армия к горам за границей, потребовались разные «Руководства». А до того особо не требовались. Но в 1940-м какие-то варианты уже были изданы. «На всякий случай»?

Кстати, если принять за гипотезу вероятность подготовки советским Генштабом каких-то планов войны в горах в Закавказье (Турция), в Карпатах (Венгрия и Румыния), в Иране, то можно предположить, что должны были бы издать и соответствующие разговорники. И, как оказывается, они были изданы:

Краткий русско-турецкий военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-венгерский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-румынский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-персидский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Краткий русско-китайский военный разговорник. М., Воениздат, 1940.

Можно возразить, что «русско-китайский» могли издать для советских советников в штабах Чан Кайши или Мао Цзэдуна. А «русско-персидский» пригодился в конце 1941-го. Возможно. Но в Венгрии, Румынии и Турции, насколько помню, советских военных советников в 1940 году не было. И требуется все же уточнить — а кроме выпуска разговорников и учебников, проводилась ли реальная военная подготовка «где-то на юге», в районе возможных горных театров военных действий? Есть отрыв-

вочные сведения, что проводилась. Вот, например, книга генерала-полковника Каманина Н.П. «Летчики и космонавты»¹³. В ней он вспоминает различные периоды своей жизни. А на стр. 180—181 описывает то, как он встретил 22 июня 1941 года, будучи полковником:

«Есть в Средней Азии чудесная, сказочно красивая долина. В этой цветущей долине, утонув в зелени, стоял дом отдыха летчиков авиационной дивизии, которой мне довелось командовать. Вечером 21 июня 1941 года мы приехали в долину, чтобы свалить с плеч усталость от напряженной работы и набраться сил в запас. Поработать пришлось перед поездкой много. Авиационная дивизия была только что сформирована. Она являлась одним из крупных авиационных соединений, создававшихся перед войной как новая оперативно-тактическая единица. Дивизия включала полки бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей, потому называлась смешанной. Мне, как командиру, пришлось изучать новую для меня материальную часть истребителей, штурмовиков, особенности их боевого применения. С группой командиров мы сидели на балконе особняка, вдыхали полной грудью воздух цветущей долины, обсуждая события последних дней. Было уже за полночь, когда разошлись по комнатам... В шесть часов утра по местному времени меня разбудил посыльный. А еще через пять минут я услышал по телефону из штаба страшное слово «война»! По частям полетели первые военные приказы... Дыхание войны, уже полыхавшей на наших западных границах, мгновенно пришло и сюда, в цветущую сказочной красотой долину Фирюза...»

Лично у меня к этому фрагменту имеется несколько вопросов. Во-первых, Средняя Азия занимает большую территорию. Хотелось бы уточнить местоположение обсуждаемой долины. Беру атлас. Нахожу: населенный пункт Фирюза — примерно в 40 км западнее Ашхабада, в 20 км от границы с Ираном, примерно в середине хребта Копетдаг (прямо на границе чуть восточнее Фирюзы находится гора Ризе высотой 3 км). Но, может, это не та Фирюза? Раскрываю компакт-диск с БСЭ, нахожу в 27-м томе:

«ФИРЮЗА, поселок гор. типа в Ашхабадской обл. Туркм. ССР, подчинен Ашхабадскому горсовету. Расположен в ущелье р. Фирюзинка на сев.-вост. склонах Копетдага, на высоте 600 м, в 37 км от Ашхабада. Климатич. курорт. Лето жаркое (ср. темп-ра июля 26°C), зима мягкая (ср. температура янв. 0,6°C); осадков около 300 мм в год. Детский санаторий, 2 дома отдыха».

Похоже, что все правильно. Но возникает другой вопрос: а чего это на границе с Ираном разместили НОВУЮ (!) смешанную авиадивизию? Хотя, с другой стороны, где же еще формировать ЗАПАСНЫЕ войсковые соединения? Видимо, лучше всего — в глубоком тылу. Но «глубокий тыл» — понятие растяжимое. Смотря в какой стороне возникнет этот самый фронт. Это мы сейчас знаем, что тогда фронт возник далеко на западе относительно Фирюзы. Поэтому было бы полезно уточнить, а не создавались ли еще НОВЫЕ воинские соединения в этом же военном округе? Оказывается, что создавались. Вот, например, как начинается книга генерала армии Жадова А.С. «Четыре года войны» (Москва, Воениздат, 1978, с. 3):

«В конце мая 1941 года [тогда Жадов был генерал-майором] в Среднеазиатском военном округе, где я в то время командовал 21-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизией, проводилось крупное оперативное командно-штабное учение. В нем участвовали штаб округа, штабы четырех кавалерийских, двух стрелковых дивизий, а также штаб недавно сформированной моторизованной дивизии. Учение проходило в обстановке, когда, как говорится, на наших западных границах уже пахло грозой. Среди руководящего состава округа и соединений все чаще и чаще заводились разговоры о неизбежности войны. Своих опасений не скрывали и представители Генерального штаба, присутствовавшие на учении...»

А после учений на товарищеском ужине генерал С.Г. Трофименко огласил ему приказ срочно вступить в должность командира 4-го воздушно-десантного корпуса, который заканчивал формирование в районе Пуховичей (Белоруссия), но до начала войны до своего корпуса он не доехал — 22 июня встретил в пути на какой-то станции между Оренбургом и Куйбышевом (Самарой).

Снова возникают вопросы. А можно ли узнать, кто был представителем из Генштаба? Пожалуй, можно — из воспоминаний генерала армии Штеменко С.М. «Генеральный штаб во время войны»:

«Осень 1940-го и зиму 1941 года пришлось потратить на тщательное изучение и военно-географическое описание Ближневосточного театра [военных действий]. С марта приступили к разработке командно-штабных учений в Закавказском и Среднеазиатском военных округах, намеченных на май. В апреле генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин проводил командно-штабное учение в Ленинградском военном округе, и я ездил к нему с докладом. Доклад прошел гладко: Николай Федорович утвердил наши разработки почти без замечаний и отпустил меня, сказав, что учение в ЗакВО будет проводить либо начальник Генштаба, либо он — Ватутин.

В конце мая основной состав нашего отдела отправился в Тбилиси... Перед самым отъездом выяснилось, что ни начальник Генштаба [генерал армии Жуков], ни его заместитель [генерал Ватутин] выехать не могут и учениями будут руководить командующие войсками: в ЗакВО — Д.Т. Козлов, в САВО — С.Г. Трофименко. Однако уже на другой день после нашего приезда в Тбилиси генерал-лейтенанта Козлова срочно вызвали в Москву. Чувствовалось, что в Москве происходит нечто не совсем обычное.

Руководить учениями стал генерал-майор М.Н. Ша-рохин, а в роли начальника штаба руководства пришлось выступить мне. Фронтом командовал заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант П.И. Батов. Обязанности начальника штаба фронта выполнял генерал-майор Ф.И. Толбухин. После разбора учений в ЗакВО паромом направились из Баку в Красноводск, а оттуда поездом в Мары, где нас уже поджидали генерал-лейтенант С.Г. Трофименко и его начальник штаба генерал-майор М.И. Казаков. Во время игры мне удалось, с целью изучения театра, проехать по границе от Серахса до Ашхабада и далее через Кизыл-Атрек до Гасан-Кули. Возвращались в Москву с легким сердцем. Учения прошли хорошо.

21 июня утром наш поезд прибыл к перрону Казанского вокзала столицы. День ушел на оформление и сдачу документов. М.Н. Шарохин добился разрешения для участников поездки отдыхать два дня: воскресенье — 22-го и понедельник — 23 июня. Но отдыхать не пришлось. В ночь на 22 июня, ровно в 2 часа, ко мне на квартиру прибыл связной и передал сигнал тревоги. А еще через полчаса я уже был в Генштабе. Война началась»¹⁴.

Опять возникают вопросы. Во-первых, интересно, что же такое «не совсем обычное» могло происходить в Генштабе в мае — июне 1941 года? Немецкого нападения не ждали, но что-то готовили? Жаль, что генерал Штеменко ограничился только упоминанием одного своего чувства. Во-вторых, Мары, между прочим, — это примерно 350 км почти ровно к востоку от Фирюзы и 112 км от границы с Ираном. И маршрут от Серахса до Гасан-Кули — это практически вся граница СССР с Ираном восточнее Каспийского моря (с востока на запад). Получается, что до 22 июня 1941 г. в советском Генштабе были какие-то планы относительно «Ближневосточного театра»? «Проторить дорожку» к Персидскому заливу? В «развитие» предложений Германии от 25 ноября 1940 г.? Действительно, эта задача могла решаться только через Иран. И тогда понятен и смысл проведения штабных учений, и сталинская «глухота» к английским предложениям, и создание новых дивизий в этих местах. Вот только не совсем понятно, как собирались воевать. Сразу наступать или сначала отразить нападение врага? Какого? Турок или иранцев? Между прочим, судя по дневнику Франца Гельдера, немцы Турцию в 1940—

1941 гг. рассматривали одновременно и как союзника, и как врага (в зависимости от политических решений ведущего «большую игру»). Ну а коль у советского Генштаба к 22.06.41 были некие планы относительно «Ближневосточного театра», которые после 22.06.41 резко поменялись, то можно предположить, что и остальные планы, в частности, в отношении «Западного театра» тоже были какими-то такими, которые совсем не учитывали немецкое нападение утром 22.06.41. Об этом можно судить и по тому факту, что генерал Жадов на военных дорогах лес-

ной Смоленщины уже 27 июля 1941 года не без удивления встретился с конниками родной ему 21-й Туркестанской горно-кавалерийской дивизии («с шашками против танков Гудериана?! Сабли тупить?»).

Как бы там ни было, становится понятно, что к лету 1941-го у советского Генштаба были какие-то военные планы и проводилась активная работа по их реализации. Но учитывалось ли в них внезапное нападение немцев? Судя по случившемуся разгрому, получается, что нет. Это выглядит странно, особенно на фоне наглядных примеров, показанных вермахтом в 1940 году. Но видели ли их специалисты советского Генштаба? Делали ли из этого какие-то выводы? Есть вполне подробная книга, которая показывает, что видели и что какие-то выводы делали. Ее написал комбриг Г. С. Иссерсон.

«Новые формы борьбы»

Как оказывается, читать книги «того времени» полезно еще и потому, что «тогда» их авторы еще не знали то, что знаем мы «сейчас». В частности, в 1940 году еще не знали, как повернутся события летом будущего 1941 года. Например, через 60 с лишним лет после начала войны некоторые историки высказывают убеждение, что советский Генштаб якобы был уверен, что война с немцами если и начнется, то будет развиваться медленно: сначала в дело вступят некие «ограниченные силы» на уровне каких-то «провокаций», потом будет проводиться мобилизация и развертывание «главных войск», которые войдут в соприкосновение через некоторое время. И потому, дескать, массированное наступление немцев 22 июня 1941-го сразу основной массой своих войск и сразу на всем фронте для советского Главнокомандования якобы и явилось совершенно неожиданным. И потому, дескать, не удалось грамотно и вовремя организовать надлежащую оборону.

Возможно. Но было бы полезно «заглянуть» в 1940 год и посмотреть, как же ТОГДА на самом деле оценивали ситуацию? Действительно ли исключалось массирован-

ное нападение в самый первый день войны? Можно ли об этом где-то почитать? Оказывается, можно. Например, в книге Иссерсона Георгия Самойловича «Новые формы борьбы» (М.: Военизгиз, 1940).

Ее текст размещен на сайте «Военная литература» («Милитера»)¹⁵.

Причем сканирование и распознавание (OCR) выполнил Исаев Алексей. И еще удивительнее, что автор сайта Ноахег в аннотации к ней привел следующую цитату:

— Чтобы не растекаться мыслию по древу, приведу цитату из Иссерсона: «Война вообще не объявляется. Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. Разумеется, полностью скрыть это невозможно. В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока наконец на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе». Браво!

Извините, «браво!» — это как? Значит, в 1940 году некто Иссерсон Г.С. уже отчетливо понимал, что вполне реальным может оказаться массированное наступление заранее сосредоточившегося противника. А, скажем, в 2005 году некие историки заявляют, что «не-не! В 1940 г. о таком даже никто и не догадывался!»

Кстати, а кем был Иссерсон Г.С.? «Человеком с улицы»? Писателем-фантастом для детей среднего и старшего школьного возраста? На той же странице «Милитеры» дается ссылка на его краткую биографию (но текст какой-то странный, если его перевести более понятно, то получится следующее):

«Об авторе: ИССЕРСОН Георгий Самойлович. 16.06.1898 (Санкт-Петербург) — 27.04.1976 (Москва). Служил в армии (участник Гражданской войны, состоял в распоряжении наркома обороны СССР). 10.06.41 арестован в Москве. 21.01.42 приговорен к 10 годам ИТ Лагереи и 5 годам поражения в правах»¹⁶.

Уточнения к биографии Иссерсона Г.С. можно найти на странице «ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ» газеты «ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО», №: 23 (196), 2004¹⁷. Там размещено письмо Ирены Иссерсон-Ереминой (дочери Георгия Самойловича). Из него получаются такие сведения.

Профессор, комбриг Иссерсон Г. С. до войны был начальником кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба, одним из разработчиков теории «глубокой операции» — одновременного удара авиации, танков, подвижных моторизованных соединений и воздушных десантов в глубину обороны противника. 7 июня 1941 года (т. е. за две недели до войны) был арестован (дело НКВД № 40871 Советской Армии [?] при Совете министров СССР). Сначала его приговорили к расстрелу, затем расстрел заменили на 10 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. В 1955 году профессор Г. С. Иссерсон был реабилитирован и в чине полковника ушел в отставку.

Таким образом, получается, что Георгий Самойлович был вовсе не «человеком с улицы», а входил в круг тогдашних работников Генштаба, от которых зависела разработка стратегии развития армии и вопросов обороны страны на будущее. Но по какой причине на сайте «Милитеры» оказался текст книжки Георгия Самойловича? Видимо, потому, что на нее ссылается В. Суворов в списке литературы к своей книге «Ледокол»¹⁸. Но в самом тексте «Ледокола» прямого анализа работы Иссерсона нет. Есть только упоминание теории «глубокой операции».

Вот об этом-то — о внезапном ударе Гитлера по Польше в сентябре 1939 г. и идет речь в книге Г.С. Иссерсона «Новые формы борьбы». Точнее говоря, в первой ее главе кратко рассматривается история гражданской войны в Испании. Но гораздо больше места отведено анализу войны в Польше в 1939 году:

«Часть вторая. Германо-польская война»

1. Вступление. 2. Вступление в войну. 3. Ошибки польского командования. 4. Польский план стратегического развертывания. 5. Германское развертывание. 6. Первая фаза. 7. Вторая фаза. 8. Почему поляки не могли создать фронта. 9. Третья фаза (конец войны)., 11. Новые формы борьбы в действии. Примечания. Список схем».

(Кстати, список схем на «Милитере» на адресе <http://militera.lib.ru/science/isserson/ill.html> неполный. В книге была еще одна карта о ходе боев во «второй фазе». И потом, а куда делся 10-й параграф? Опечатка?)

Так вот, когда читаешь размышления Георгия Самойловича о войне в Польше, то параллельно вполне можно добавлять аналогии о войне в 1941 г. в СССР (в квадратных скобках) и при этом на удивление возникают общие тенденции.

Часть вторая. Германо-польская война

1. Вступление

Быстрое поражение Польши нельзя, конечно, объяснить одним лишь превосходством военной организации и военной техники Германии. Мы видим, как такое же превосходство на первых порах Японии не дало ей таких результатов в Китае, где широкие народные массы объединились для защиты своей страны и организовали эффективное сопротивление. [Ком-ий: т.е. нужна еще и грамотная роль руководства страны. В СССР в то время это был ЦК ВКП(б) во главе с тов. Сталиным.]

Впрочем, военный разгром Польши будет, видимо, еще предметом подробного исследования истории. По своему катастрофическому исходу он находит себе равный пример разве только в разгроме Пруссии Наполеоном I в сражении под Иеной в 1806 году. Тогда Наполеон, считая от его вступления в Пруссию до занятия Берлина, покончил со своим противником в 19 дней. Польская армия была в сентябре 1939 года полностью разгромлена в 16

дней. Во всем безрассудстве и чванстве польской политики в предсентябрьские дни 1939 года вообще много общего с безумием воинственного пыла придворных кругов Пруссии накануне Иены. [27] [Ком-ий: т.е. в 1806 году руководство Пруссии вопросом обороны от возможного нападения французов вообще не занималось.]

Разумеется, когда армия терпит столь катастрофическое поражение, причины всегда кроются в факторах политического значения. В этом отношении сражение под Иеной было предрешено и являлось с военной точки зрения лишь формальностью. [Ком-ий: т.е. в деле подготовки грамотной обороны важную роль играют заранее принятые политические и организационные решения.]

2. Вступление в войну

Характер вступления в войну определяет обычно основные линии, по которым война развивается, по крайней мере в ее первый период. А так как всякое последующее развитие вытекает из предыдущего, то тем самым характер вступления в войну часто определяет ее линии развития в целом. Чтобы получить правильное представление о войне, нужно уяснить себе, как произошло ее открытие.

В этом отношении германо-польская война представляет собой новое явление в истории.

Политический конфликт между Германией и Польшей, вытекавший из условий Версальского договора, по [29] которому Восточная Пруссия была отделена от центральной Германии так называемым Польским коридором, возник уже с конца 1938 года. [Ком-ий: т.е. после того, как Гитлер решил аналогичную проблему с Чехословакией, а еще раньше — с Австрией. С конца 1938 года «подошла очередь» Польши.] Его напряжение нарастает долгие месяцы. С лета 1939 года уже назревает вооруженное столкновение. А с конца лета обе стороны открыто угрожают друг другу, говорят о неизбежности воору-

женного выступления и готовятся к нему. [Ком-ий: ага! Значит, во время переговоров в Москве в августе 1939-го эта вероятность уже была всем понятна!]

Однако, когда 1 сентября германская армия с полностью развернутыми силами открыла военные действия, перейдя границы бывшей Польши на всем протяжении, граничащем с Германией, это все же свалилось как небывалая в таком виде стратегическая внезапность. [Ком-ий: таким же для СССР оказалось и немецкое нападение 22.06.41.]

Никто не может теперь сказать, когда же произошли мобилизация, сосредоточение и развертывание — акты, которые по примеру прошлых войн и, в частности, первой империалистической войны обозначены вполне определенными рамками во времени.

Германо-польская война началась самым фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе; она началась сразу, без обычных для практики прошлых войн предварительных этапов.

История столкнулась с новым явлением. После первой империалистической войны военная литература выступила с теорией, по которой война открывается особо предназначенной для этого «армией вторжения»; под ее прикрытием должны затем развернуться и вступить в борьбу главные силы страны. По этой схеме мобилизация и сосредоточение основной массы сил проводятся уже после начала войны, т.е. еще так, как это происходило в 1914 году. Вступление в войну получает, таким образом, эшелонный характер: сначала выступает армия вторжения, а затем массы главных сил. [Ком-ий: т.е. чтобы сделать вид, что никто никакой войны не готовит, «агрессор» «втихаря» готовит относительно небольшую «армию вторжения». А в нужный для себя день приказывает ей перейти границу. И уже после этого объявляет о мобилизации и быстро разворачивает остальные войска. Так?]

«Теория армии вторжения» сразу подверглась серьезной критике. В сущности практически она никем не была принята на веру. [Ком-ий: и в СССР? Т.е. в 1940 г. и до лета 1941 г. в эту теорию советские военные руково-

дители не верили? А после 22.06.41 именно этим стали объяснять поражения РККА в начальный период?]

В противовес армии вторжения, как первому эшелону вооруженных сил, германская военная печать писала:

«Стратегия завтрашнего дня должна стремиться к сосредоточению всех имеющихся сил в первые же дни начала военных действий. Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону».

Иными словами, вступление в войну должно приобрести характер оглушительного подавляющего удара, использующего, как это писал Сект, «каждую унцию силы». [30]

Для такого удара даже неприменимо положение, что обрушивается в первые часы войны; наоборот, первые часы войны наступают потому, что обрушился этот удар.

При этом отбрасывается старая традиция, согласно которой нужно, прежде чем ударить, предупредить об этом. Война вообще не объявляется.

[Ком-ий: извините, советские историки широко использовали факт того, что немцы как бы вовремя не предупредили о нападении на СССР. И эту мысль активно повторяют многие противники В. Суворова.]

Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. Разумеется, полностью скрыть это невозможно. В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготавливается ли действительное военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока наконец на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном

масштабе. [Ком-ий: значит, советские военные руководители до самого 22.06.41 пребывали в сомнении, что немцы готовят нападение именно на СССР. Но если у границ с СССР готовится такая армия, но не для нападения на СССР, то она должна же на кого-то напасть? Значит, в СССР были уверены, что немцы готовятся напасть на кого-то другого. Этим «другим» в то время могла быть только Британия (как говорится, без вариантов).]

Так началась германо-польская война. Она вскрыла совершенно новый характер вступления в современную войну, и это явилось в сущности главной стратегической внезапностью для поляков. Только факт открывшихся военных действий разрешил наконец сомнения польских политиков, которые своим чванством больше всего войну провоцировали, но в то же время больше всех оказались захваченными врасплох. [Ком-ий: надо полагать, у советских политиков чванства не было. Но факт остается — они о немецких приготовлениях знали, но 22.06.41 оказались захвачены врасплох. Но как-то ведь они должны были реагировать? Какие-то планы должны были разрабатывать? Какие-то приказы должны были отдавать армии? О чем, если немецкое нападение оказалось «НЕОЖИДАННЫМ»?!]

3. Ошибки польского командования

Польское командование допустило также стратегические ошибки и просчеты, которые не могут быть поставлены в непосредственную зависимость исключительно от внутренней политической гнилостности бывшего польского государства. Они коренятся в поразительном непонимании новых условий, в которых может произойти вступление в современную войну. [Ком-ий: извините, так в каком варианте советский Генштаб в то время ожидал начала войны с Германией? По примеру 1914 года? Он поразительно не понимал новых условий? А сам комбриг профессор Иссерсон Г.С. не имел касательства к советскому Генштабу?]

В этом отношении войну проиграл прежде всего польский Генеральный штаб, показавший пример чудовищного непонимания стратегической обстановки и в корне неправильной ее оценки. [Ком-ий: надо полагать, советский Генштаб в 1941 г. восхитительно понимал стратегическую обстановку и в корне правильно ее оценивал?] Огромную ошибку в оценке стратегической обстановки совершил французский Генеральный [31] штаб при вступлении в войну 1870 года. Польские стратеги, однако, далеко превзошли печальные исторические уроки своих учителей. Ошибки польского командования могут быть сведены к трем основным.

1. На польской стороне считали, что главные силы Германии будут связаны на западе выступлением Франции и Англии и не смогут сосредоточиться на востоке. Исходили из того, что против Польши будет оставлено около 20 дивизий и что все остальные силы будут брошены на запад против англо-французского вторжения. [Ком-ий: есть соображения, что советский Генштаб ожидал аналогичного — что немцы свое настоящее наступление будут проводить против Англии.] Так велика была вера в силу и быстроту наступления союзников. [Ком-ий: Так велика была вера в 1941-м в СССР во... (что?) Откуда же она взялась?] Таким образом, план стратегического развертывания Германии в случае войны на два фронта представлялся совершенно превратно. Так же оценивались и возможности Германии в воздухе. Наконец, твердо рассчитывали на непосредственную эффективную помощь Англии воздушными и морскими силами. Бесследно прошли исторические уроки прошлого, уже не раз показавшие подлинную цену обещанной помощи Англии, которая всегда умела воевать только чужими солдатами. [Ком-ий: а как насчет цены обещаний Гитлера? Они для СССР тоже прошли бесследно?]

Из всех этих ложных расчетов делают еще более ложные выводы. Считают возможным обойтись чуть ли не одной армией мирного времени. С мобилизацией второочередных дивизий поэтому не спешат. Но об этом широко оповещают, объявляя о мобилизации двухмиллионной армии. Такой дезинформацией думали напугать

противника. Однако эффект получился совершенно обратный, так как германское командование сосредоточило в ответ еще большие силы против Польши.

2. На польской стороне считали, что в отношении активных действий со стороны Германии речь может идти только о Данциге и даже не о всем Данцигском коридоре и Познани, отторгнутых от Германии по Версальскому договору. [Ком-ий: с советской в 1941 г. наиболее известны объяснения о возможности неких немецких провокаций.] Таким образом, совершенно не уяснили себе действительных целей и намерений противника, сводя весь вопрос уже давно назревшего конфликта к одному Данцигу. [Ком-ий: а советский Генштаб в 1941 г. полностью уяснил себе действительные цели и намерения противника?]

Поэтому о Силезском направлении, откуда на самом деле последовал главный удар германской армии, весьма мало заботились. [Ком-ий: и потому в 1941 г. мало позаботились о направлениях главных ударов немцев?]

3. На польской стороне считали, что Германия не сможет сразу выступить всеми предназначенными против Польши силами, так как это потребует их отмобилизации и сосредоточения. Предстоит, таким образом, еще [32] такой начальный период, который даст возможность полякам захватить за это время Данциг и даже Восточную Пруссию. [Ком-ий: так и про лето 1941-го нам сейчас объясняют так, что советский Генштаб якобы ожидал некий «начальный период»...]

Таким образом, мобилизационная готовность Германии и ее вступление в войну сразу всеми предназначенными для этого силами остаются невдомек польскому генштабу. [Ком-ий: и советскому в 1941 г.]

Поляки не разобрались в стратегической обстановке, и это явилось уже проигрышем, по меньшей мере, первого этапа войны, а то и всей войны. [Ком-ий: аналогично в СССР летом 1941 г.].

В этом отношении война для Польши была проиграна еще ранее, чем началась. [Ком-ий: но в СССР в 1941-м запас территории для вынужденного отступления из-за

проигрыша первого этапа войны оказался не в пример Польше гораздо большим и не привел к проигрышу всей войны.]

4. Польский план стратегического развертывания

Глубокое непонимание всей стратегической обстановки привело польское командование к совершенно эфемерному плану стратегического развертывания. Польское развертывание против Германии было несомненно поставлено в весьма сложные условия.

Эти условия являются более трудными, чем те, в которых находилось стратегическое развертывание русской армии в Польше в 1914 году. Полякам приходилось против Германии обеспечивать фронт протяжением в 800 км, от Балтики до Бескидов (западные отроги Карпат). Кроме того, на севере оставалась еще Восточная Пруссия, граница с которой составляла протяжение в 300 км.

Изломанное, охватывающее начертание границы, неизбежно вызывавшее развертывание в разных направлениях, и необеспеченность восточной границы с Советским Союзом создавали на самом деле общее протяжение фронта развертывания в 2500 км. Чтобы полностью обеспечить такой огромный фронт, потребовалось бы по меньшей мере 200 дивизий. Такими силами Польша, конечно, не располагала.

Сложность польского развертывания против Германии определялась и тем обстоятельством, что бывшая Польша за все время своего плачевного существования готовилась к войне не на западе, а на востоке, против Советского Союза. [Ком-ий: так к чему же готовилась РККА к лету 1941 года? К чему-то готовилась? Или вообще не готовилась?] Ее западная пограничная полоса не расценивалась как операционная база. Она являлась скорее тыловой базой, вовсе не рассчитанной на роль театра военных действий. Она не имела никаких укреплений, но зато была обильно насыщена тыловыми базами и скла-

дами. К тому [33] же на западе бывшей Польши находились все военно-экономические объекты и центр польской промышленности. [Ком-ий: нечто похожее и на западе СССР к 22 июня 1941 года — куча складов со стратегическими запасами, масса промышленности.] В Верхней Силезии находились: 95% польской каменноугольной добычи, 10 цинковых и свинцовых заводов, поставлявших 100% цинка и свинца (108 тысяч тонн в год), и азотные заводы, дававшие 50% всей польской продукции азота. В общем, на западе находилась вся экономическая база бывшей Польши. Через западные районы проходили и все пути связи и торговли с Западной Европой.

Таким образом, развертываясь на запад против Германии, поляки принимали войну своим тылом, а не фронтом.

Уже это одно обстоятельство заставляло, казалось, к развертыванию на западе подходить с особой осмотрительностью. [Ком-ий: так на что смотрел советский Генштаб к лету 1941 года? И к чему он относился с особой осмотрительностью?] Впрочем, если вопрос касался одного Данцига, все эти условия оставались, разумеется, вне оценки.

Не менее сложными были и сами оперативные условия развертывания. Операционные направления на западе и в особенности в Данцигском коридоре смотрели друг другу в тыл и охватывались. Направление прямо на Данциг было сжато в тисках с двух сторон. Направление из коридора в Восточную Пруссию подвергалось угрозе с тыла из Померании, и наоборот. В этом отношении использование Данцигского коридора как операционной базы являлось исключительно трудной стратегической задачей. О ней Вейган как-то сказал: «Коридор поставит перед польским командованием неразрешимые задачи, так как оборона его — дело совершенно невозможное».

Наконец, развертывание в Познани охватывалось: справа — из Померании и слева — из Силезии. А развертывание на левобережье Вислы в целом охватывалось: из Восточной Пруссии — с севера и из Словакии — с юга. Таковы были общие оперативные условия польского развертывания на западе. Здесь было над чем за-

думаться Генеральному штабу, от которого требовалась особая прозорливость стратегического искусства. [Ком-ий: напоминать, как охватывались немцами советские группы войск в Белостокском и Львовском выступлениях летом 1941 года?] Но об искусстве приходится в данном случае меньше всего говорить. К плану стратегического развертывания на польской стороне подошли с убожеством, которая находит себе равный пример в истории разве только в развертывании австрийцев против Пруссии в 1866 году в Богемии, когда армия Бенедика была также охвачена с разных сторон и разбита. [Ком-ий: а также в развертывании РККА к лету 1941 г.]

В основу польского стратегического развертывания в сентябре 1939 года был положен наступательный план, [34] ставивший своей задачей захват Данцига и Восточной Пруссии. Стратегическое чванство, лишенное всякой реальной почвы, было этим планом доведено до апогея своей карикатурности. [Ком-ий: а РККА, случаем, не имела каких-либо наступательных планов летом 1941 года?]

Польша выставила против Германии около 45 пехотных дивизий. Кроме того, она имела 1 кавалерийскую дивизию, 12 отдельных кавалерийских бригад, 600 танков и всего около 1000 действующих самолетов. Все это составило численность примерно в 1 000 000 человек.

Вся масса развернутых войск была очень плохо управляема, и штабы оперативных групп представляли едва сколоченные организмы. Наконец все войска оставались в открытом поле. [Ком-ий: а как насчет РККА к лету 1941 г.? Она закапывалась в землю на направлениях будущих главных ударов немцев?] Никаких укреплений местности, опорных пунктов и оборонительных рубежей не было, за исключением укрепленного пункта Кульм на р. Висла в Данцигском коридоре и крепости Модлин у слияния рек Висла и Зап. Буг. Не было также сделано ни одной серьезной попытки возвести полевые укрепления в дни, оставшиеся до открытия военных действий. Польский Генштаб беспечно заявлял, что в

этом-де нет никакой нужды: война будет проведена как маневренная. [Ком-ий: так и советский Генштаб уверял, что войну проведем на чужой территории малой кровью...]

Так польская армия шла навстречу урагану, который готовился ее смести. [Ком-ий: как и советская к лету 1941 г.]

В представлении некоторых исследователей германо-польской войны, польское развертывание рисуется иногда как не лишенное определенного стратегического смысла. Оно расценивается даже как основанное на определенной стратегической перспективе развития войны. [Ком-ий: а также, например, работы В. Суворова про лето 1941 года о том, что РККА готовилась сама наступать, веря (ВЕРЯ!), что немцы на самом деле будут воевать в другом месте (по некоторым сведениям — с Англией)].

Общая мобилизация была объявлена только 30 августа, т.е. накануне германского вторжения. [Ком-ий: в СССР летом 1941 г. вообще аж НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ!!] Ей не суждено было осуществиться, под ударами уже начавшейся войны она только внесла страшный хаос. Железные дороги и грунтовые пути стали забиваться призванными резервистами, двигавшимися навстречу уже начавшим отход войскам. Вся эта печальная картина показала, что если наступление состояния войны застает современную армию в неотмобилизованном виде, то вовсе нельзя уже рассчитывать на возможность ее отмобилизовать, сосредоточить и организованно вступить в войну. [Ком-ий: похожая картина была и в СССР летом 1941 года, но значительные запасы территории и населения, чем у поляков, удержали ситуацию.]

В этой обстановке с утра 1 сентября последовало одновременно воздушное и наземное вторжение развернутой германской армии по всему фронту и именно главными силами из Силезии, откуда противника меньше всего ожидали. [Ком-ий: так ведь и для СССР 22 июня 1941 года одновременное вторжение развернутой германской армии по всему фронту оказалось почему-то не-

ожиданным и именно в тех местах, где меньше всего ожидалось и было меньше всего войск прикрития].

Никакого начального периода войны не было. Никаких стратегических предисловий и предварительных действий. Война началась сразу в развернутом виде и полным ходом. Именно этот момент внезапного открытия военных действий широким фронтом и всеми развернутыми силами на польской стороне прогадали. [Ком-ий: так чего ожидал советский Генштаб летом 1941 г.? «Начального периода войны»? После наглядного примера Польши 1939 г.?]

При уже указанных ошибках польского Генштаба это создало обстановку полной стратегической растерянности, скоро перешедшей в общее смятение. Польская армия была захвачена врасплох самой формой внезапного вторжения вооруженных сил Германии, и это нанесло ей непоправимый и самый решительный удар. [Ком-ий: аналогично для РККА в июне 1941 г.]

5. Германское развертывание

При исследовании событий германо-польской войны возникает, естественно, вопрос, как было возможно почти полуторамиллионную армию скрыто и незаметно сосредоточить на польской границе и развернуть для вторжения по всему фронту? [Ком-ий: соответственно при исследовании событий германо-советской войны возникает, естественно, вопрос, как было возможно почти трехмиллионную армию скрыто и незаметно сосредоточить на советской границе и развернуть для вторжения по всему фронту?]

В сущности, ничего особенно скрытого в этом не было. Сосредоточение германских сил нарастало из месяца в месяц, из недели в неделю. Чтобы определить срок его начала, надо обратиться еще к 1938 году, к периоду, последовавшему после присоединения к Германии Чехии и [37] Моравии. Когда силы накапливаются столь постепенно, сначала в одном, потом в другом и затем в третьем районах, — процесс сосредоточения не получает какого-

то самостоятельного выражения во времени и поглощается рядом других сопровождающих его событий. [Ком-ий: об аналогичной концентрации немецких войск в Польше к лету 1941 г. в Москве тоже знали].

Опустив поочередно палец сначала в сосуд с холодной, а затем с горячей водой, можно сразу установить разницу в температуре. Но, опустив палец в сосуд с водой, постепенно согреваемой на слабом огне, очень трудно установить постепенное изменение температуры.

Так и сосредоточение, сжатое в коротком времени и создающее исключительное напряжение в работе транспорта, становится доминирующим явлением в данный период и может быть легко засечено.

Однако сосредоточение, производимое постепенно и последовательно и растянутое во времени, очень трудно поддается учету, вернее, рассредоточивает и притупляет наблюдение. А такой именно характер носило сосредоточение германских армий.

Это сосредоточение не было больше одним-единым, ограниченным во времени актом, который начинается и кончается в определенные, заранее рассчитанные часы и продолжительность которого может быть противником примерно высчитана.

Сосредоточение приобрело глубокий характер. Его начала вообще никто не может зафиксировать. Его продолжение оставляет всегда сомнение, подготавливается ли действительное вооруженное выступление или это только подкрепление дипломатической угрозы. Его конец обнаруживает только сам факт вооруженного выступления.

Так современная война начинается ранее вооруженной борьбы. [38] [Ком-ий: а В. Суворов о чем писал?!]

Разумеется, уже с начала 1939 года задача польского Генштаба заключалась в том, чтобы неустанно следить за накоплением германских сил в Восточной Пруссии, Данциге, Померании, Силезии и Словакии, отмечать каждый новый факт сосредоточения, периодически суммировать все установленные факты и делать из них все необходимые выводы. Если этого не было, то нет ничего удивительного, что в один прекрасный день Польша

увидела на своих границах огромные развернувшиеся силы германской армии. [Ком-ий: а чем занимался советский Генштаб в 1940 — начале 1941 года? Не отмечал каждый новый факт сосредоточения немецких войск, периодически не суммировал все установленные факты и не делал из них все необходимые выводы?] Впрочем, одно остается несомненным: при фактической готовности всей военной системы уже в мирное время, при скрыто развернутых командных инстанциях, при коротких путях сосредоточения и широком использовании авиатранспорта — можно в современных условиях очень многое сделать скрыто, легко достигнув большой внезапности. Что же касается быстроподвижных мотомеханизированных войск, то при их дислокации на передовом театре угрозу их внезапного сосредоточения следует вообще усматривать в самом факте их существования. [Ком-ий: а как насчет наличия советских мехкорпусов в западных округах к лету 1941 года? Сам факт их существования ни о какой угрозе никому ничего не говорит?] Эти войска на моторе, сделав накануне или даже в последнюю ночь марш до 100 км, оказываются на самой границе только в тот момент, когда решено ее перейти и вторгнуться в пределы противника.

Следует, несомненно, признать, что германскому командованию удалось в последний период перед 1 сентября с большой быстротой сосредоточить и развернуть мощную армию.

Стратегическая цель германского командования шла, конечно, гораздо дальше Данцига и заключалась в полном разгроме польской армии, возвращении отторгнутых по Версальскому договору провинций и уничтожении всякой угрозы для Германии на востоке. [Ком-ий: об угрозе с востока со стороны СССР Гитлер сказал еще в июле 1940 года.]

Для этого было всего сосредоточено: около 55 пехотных дивизий, 5 танковых дивизий, 4 моторизованные дивизии и 4 легкие дивизии, т.е. всего 13 механизированных и моторизованных дивизий.

В общем весь фронт развертывания пяти германских армий занял протяжение до 800 км и образовал полуокружность, глубоко охватывающую с севера и юго-запада западную и центральную части Польши. Это было обусловлено географическим начертанием границ и давало германским армиям большие преимущества, так как [40] позволяло наступление вести по сходящимся направлениям, отбрасывая части польской армии друг на друга, чтобы их охватить и окружить. С такого охватывающего положения германские армии начали общее наступление.

Подобное же развертывание на широком охватывающем фронте раз уже имело место в истории в австро-прусскую войну 1866 года. Тогда три прусские армии, общей численностью около 300 000 чел., развернулись на фронте в 400 км и с различных направлений из Саксонии и Силезии вторглись в Богемию, достигнув разгрома равной по численности армии австрийцев. Через 70 с лишним лет, с совершенно новыми боевыми средствами, 5 армий, общей численностью в 1 500 000 чел., развернулись на вдвое большем фронте — в 800 км, располагая совершенно новыми возможностями для осуществления концентрического наступления с разных сторон. [Ком-ий: и повторили летом 1941 г. против СССР.]

В основе германского развертывания лежал единый оперативный план, делавший ставку на быструю маневренную войну. Для этого были свои определенные предпосылки, заключавшиеся в полном отсутствии укреплений мирного времени в западной части Польши, в доступной и, в общем, открытой местности, в значительном превосходстве в воздухе и в большом ядре быстроподвижных войск. [Ком-ий: аналогично летом 1941 г. в СССР.] Разумеется, у противника оставался еще целый ряд сильных естественных рубежей, и среди них такой серьезный рубеж, как линия рек Нарев, Висла и Сан. Особенно большое препятствие для действий из Восточной Пруссии на юг представляла река Нарев с широкой, лесистой, заболоченной долиной и отдельными укреплениями, оставшимися еще со времен первой империалистической войны. Этот рубеж действительно задержал

германцев дольше, чем все остальные. Однако от быстроты и самого способа ведения операции зависело, в какой степени противнику удастся использовать все те возможности, которые ему предоставляли условия местности. [Ком-ий: а сколько было сильных естественных рубежей на западе СССР летом 1941 г.! Леса, реки и болота Белоруссии и Западной Украины! Но...]

Ставя несколько последовательных задач, оперативный план германского командования целеустремленно вел к окружению и уничтожению всей польской армии.

В течение операции, когда некоторым частям польской армии все же удалось ускользнуть от окружения на западном берегу Вислы, охватывающий удар 3-й армии из Восточной Пруссии и армии Рейхенау с юго-запада — с мотомеханизированными группами Гудериана и Гота на их заходящих флангах — распространился дальше на восток через р. Вислу до Западного Буга, где и замкнулось кольцо окружения. [Ком-ий: почти как в Белоруссии в июне 1941 г.] Это явилось только естественным развитием начального плана, на основе которого развернулась одна-единая стратегическая операция, от начала до конца проведенная по одному оперативному замыслу.

Весь германский план являлся, таким образом, широко задуманной операцией по внешним линиям, преследовавшей цели полного окружения и уничтожения противника.

Все стремительное развитие германского наступления, приведшего через 16 дней к полной ликвидации польской армии, может быть в общем разбито на три фазы.

1-я фаза заняла четыре дня, с 1 по 4 сентября, и ознаменовалась на всем фронте германского вторжения решительным пограничным сражением, приведшим к поражению и началу отхода отдельных групп польской армии по всему фронту.

2-я фаза заняла период времени 5 по 10 сентября и ознаменовалась решительным преследованием уже разрозненных групп польской армии, приведя к их окружению в различных районах.

3-я фаза продолжалась с 11 по 16 сентября и ознаменовалась боями на окружение и уничтожение, приведя к ликвидации всей главной массы польской армии. [Ком-ий: но в СССР после разгрома в еще больших масштабах смогли найти новые резервы. В Польше на востоке их не оказалось. Они попали в советский плен после 17 сентября.]

Рассмотрим вкратце ход событий в эти три фазы.

6. Первая фаза

1 сентября в 5.45 германские вооруженные силы на всем фронте своего развертывания вторглись в пределы [43] бывшей Польши на земле и в воздухе. Если считать все отдельные воздушные и наземные операции, выполнявшие ряд отдельных, но связанных задач, то германское вторжение открылось семнадцатью отдельными операциями, в целом объединенными общим планом нападения.

Две воздушные армии обрушились сразу на аэродромы польской авиации и главнейшие железнодорожные пути, распространив в первый же день свой удар до линии Белосток — Варшава — Виола — Сан. Борьба за господство в воздухе была проведена со всей решительностью.

Уже в течение первых 48 часов после открытия военных действий было уничтожено не менее одной трети польской авиации, застигнутой врасплох на ее аэродромах. Через несколько дней большая часть ее лежала в обломках у своих ангаров.

Это сразу отдало германской авиации полное господство в воздухе, которым она затем безраздельно владела вплоть до окончания кампании... [Ком-ий: и т.д. чем-то напоминает описание вторжения в СССР летом 1941 года...]

* * *

Итак, получается, что советский Генштаб просто НЕ ВЕРИЛ в то, что немцы нападут на СССР летом 1941 года! И этим определяется стратегия советской военной

подготовки к лету 1941 года. Но ведь к чему-то должна была готовиться РККА? Какие-то планы ведь были у советского Генштаба? Какие? Хорошо, допустим, немцы нападают не на СССР, а на Англию. Как должен был вести себя СССР? Оставаться нейтральным? Или вступить в «махаловку»? На чьей стороне? Или сам по себе? Ответ на этот вопрос можно найти только в центральном военном архиве. (Который многим недоступен.) И найдется ли там интересный документ, если он еще и не был уничтожен? А разве нельзя оценить ситуацию по другим изданиям, но тех же лет?

Какие книжки издавал Воениздат в 1940 году?

Некоторые современные историки соглашаются, что у СССР был наступательный план, но не столько реальный, сколько «на всякий случай». Как якобы у остальных стран. Но его реализация требовала многоплановой подготовки и участия миллионов людей. И можно предположить, что на эту цель должен был работать и Воениздат в 1940-х — начале 1941 года. Можно ли посмотреть список издававшихся тогда книг? Оказывается, можно. Есть сайт «Российская книжная палата, книгоиздание военных лет 1939—1945 гг.». — Ретроспективная библиография изданий 1939—1945 годов отражает национальный книжный репертуар самого тяжелого времени для нашего государства — времени Великой Отечественной войны и Второй мировой войны.

Поиск по Воениздату в 1940—1941 годах вывел большой список книг, сотни названий. Среди них боевые уставы, руководства службы, инструкции по эксплуатации, опыт боев с Финляндией, в Испании и т.д. И хотя больше трех страниц посмотреть почему-то не удалось (по крайней мере, мне), среди открывшихся названий нашлись и такие:

15. *Корсун Н.Г.* Алашкертская и Хамаданская операции на кавказском фронте мировой войны в 1915 году

/ Я. Г. Корсун. — М.: Воениздат, 1940. — 200 с., 7 отд. л. карт, с.: с карт.; 23 см.

16. *Резников И.* Александр Македонский

[Очерк жизни и деятельности] / И. Резников. — М.: Воениздат, 1940. — 144 с., 1 вкл. л. карт, с.: с ил. и схем, карт.; 19 см.

21. Артиллерия в горах

Сб. статей. — М.: Воениздат, 1940. — 40 с.; 19 см.

26. *Станишевский А.* Афганистан

[Соц.-экон. очерк] / А. Станишевский. — М.: Воениздат, 1940. — 88 с., 1 вкл. л. карт, с.: с илл., карт.; 20 см.

45. Боевые действия в горах

/ [Сост: Агапов, М. В. Алексеев, Биязи и др.]; Краснознаменная и ордена Ленина военная академия Красной Армии им. М.В. Фрунзе. — М.: Воениздат, 1940. — 240 с.: со схем. и карт.; 22 см.

46. *Клементьев В.Г.* Боевые действия горных войск.

/ В.Г. Клементьев. — М.: Воениздат, 1940. — 208 с., 4 вкл. л. схем. с.; 23 см.

48. Боевые действия японской армии в Маньчжурии и Шанхае 1931—1933 годов.

— М.: Воениздат, 1940. — 144 с., 1 вкл. л. схем. с.: со схем.; 20 см. — (Воен.-историч. б-ка)

В 1941 г.:

28. *Корсун Н.Г.* Балканский фронт мировой войны 1914—1918 годов.

/ Я. Г. Корсун. — 2-е изд. — М.: Воениздат, 1941. — 136 с., 5 отд. л. карт.: с карт.; 20 см. — (Б-ка командира).

Заканчивая краткий обзор литературы Воениздата за 1940—1941, можно отметить еще пару книг с оригинальными названиями:

1. *Пирожников Л. Б.* «Лучи смерти» и другие средства новейшей военной техники

Сост. по иностр. мат-лам / Л. Б. Пирожников, С.И. Поляков. — М.: Воениздат, 1940. — 112 с.; с илл. и схем.; 21 см

22. *Чирнер Г.* Арабский плацдарм и война в Европе

Сокр. пер. с нем. / Г. Чирнер. — М.: Воениздат, 1941. — 184 с., 1 вкл. л. карт.; с карт.; 19 см см.

Это о чем? «Лазерное оружие» вермахта?

Роль арабского фактора в развитии войны в Европе в 1940—1941 годов. Но, к сожалению, в библиотеке найти эти книги не удалось...

Нашел только несколько послевоенных книг Пирожникова Лоренца Богдановича:

«Ультразвук в строительстве», 1965; «Что такое география», 1976; «Невидимые лучи на службу строительству», 1986.

И все...

(«Рукописи не горят...» Где же остается от них «пепел»?)

Так к чему готовился советский Генштаб и РККА в 1940—1941 годы? Исключительно к обороне СССР на своей территории? Или для наступления куда-то? Но если второе — то зачем? Была ли какая-то программа высшего уровня? Скажем, про «Всемирный СССР», как о том написал В. Суворов в «Последней республике»?

Есть сведения, что была.

Например, цитата из Устава Коминтерна (вариант, утвержденный на 6-м Конгрессе в 1928 г., первый вариант был принят 2-м Конгрессом в 1920-м):

1. Основные положения

«1. Коммунистический интернационал — Международное Товарищество Рабочих — представляет собой объединение коммунистических партий отдельных стран, единую мировую коммунистическую партию. Являясь вождем и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический интернационал борется за завоевание большинства рабочего класса и широких слоев неимущего крестьянства, за установление мировой диктатуры пролетариата, за создание Всемирного Союза Социалистических Советских Республик, за полное унич-

тожение классов и осуществление социализма — этой первой ступени коммунистического общества.

2. Отдельные партии, входящие в Коммунистический интернационал, носят название: коммунистическая партия такой-то страны (секция Коммунистического интернационала). В каждой стране может быть только одна коммунистическая партия, являющаяся секцией Коммунистического интернационала и входящая в его состав».

Источник: сборник «Коммунистический интернационал в документах. 1919—1932» (Москва, Парт, издательство, 1002 стр., 1933). Еще одна КНИГА...

И заметим — практически в открытом доступе (разве что только в крупных библиотеках).

И как, оказывается, исследование деятельности Коминтерна как участника разных событий в Европе в 30-х годах XX века в сравнении с действиями других участников их же тоже может оказаться интересным (особенно в Германии 1930—1933 годов). Но это уже другой разговор.

Примечания

¹ Фотографии упомянутых в тексте документов можно посмотреть на сайте <http://users.iptelecom.net.ua/~zhistory/fotosbz.htm>

²Библиотека офицера ВМС. С. М а р к о в. Русские на Аляске. Военное издательство Министерства Вооруженных сил СССР, Москва, 1946.

³ <http://www.battlefield.ru>

⁴http://www.battlefield.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=208&Itemid=108

⁵Скан этого номера есть на сайте <http://publ.lib.ru...>

⁶<http://www.tgl.ru/podrazd/archive/book/front/gl2.shtml>).

⁷<http://bse.chemport.ru/italo> — [efiopskie_vojny. shtml](http://bse.chemport.ru/italo).

⁸ <http://frizzant.com.ua/glossary/vine/3/10570/>

⁹Например, здесь: <http://tewton.narod.ru/history/pervgeneral.html>

¹⁰http://www.soldat.ru/forum/index.html?page=16&id=16051&referer_query=page%3D16, Список командования КОВО есть на http://220641.rkka.ru/voor_sili/ossvo/kiiev_okrug.htm

Еще генерал А.Ф. Ильин-Миткевич упоминается в мемуарах Баг-

рамяна и в книге В. Суворова «ЛЕДОКОЛ»: <http://www.npj.ru/rushistory/rakovskijminkinu/p07>

¹¹ <http://1945.bookchamber.ru/description/17104.htm>

¹² (<http://docs.vif2.ru/sbd/SBDv03.pdf>)

Управление изучения опыта войны
Генерального штаба Вооруженных сил Союза ССР
СБОРНИК БОЕВЫХ ДОКУМЕНТОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
ВЫПУСК 3
Военное издательство
Министерства Вооруженных сил Союза ССР
МОСКВА — 1947

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Боевые действия войск в горах....7

1944 год. 4-й Украинский фронт....7

Инструкция войскам, действующим в горно-лесистой местности....7

Указания по инженерному обеспечению боевых действий войск в горах.... 17

1944 год. 2-й Украинский фронт.... 21

Указания о действиях танковых и механизированных войск в горно-лесистой местности.... 21

1945 год. 3-й Украинский фронт.... 23

Приказ войскам 57-й армии 14 апреля 1945 г. № 0144. Действующая армия.... 23 (—26)

Интересный фрагмент есть в приказе по 57-й армии:

ПРИКАЗЫВАЮ :

15. Всему офицерскому составу в процессе боевой детальности изучить БУП ч.1 и 2 и ПУ-43 раздел «действий в горных и лесных условиях» как при наступлении, так и в обороне, Инструкцию 4-го Украинского фронта по действиям в горах 1944 г. и руководство для действий в горах часть 1 и 2, издание Генерального Штаба Красной Армии 1944 г.

Начальнику отдела боевой подготовки обеспечить войска и в первую очередь командиров рот, батальонов и полков указанными пособиями. Для рядового и сержантского состава также использовать брошюру Биязи «Действовать в лесистых горах», издание 1944 г.

16. Приказ довести до командиров взводов включительно.

Командующий войсками 57-й армии

генерал — ШАРОХИН

Член Военного Совета 57-й армии

гвардии генерал БОЧАРОВ

Начальник штаба 57-й армии

гвардии генерал ВЕРХОЛОВИЧ

¹³ Каманин Н.П. «Летчики и космонавты». — Москва: Политиздат, 1971.

¹⁴ Штеменко С.М. «Генеральный штаб во время войны». — Москва: Воениздат, 1968, с. 20—21.

¹⁵ <http://militera.lib.ru/science/isserson/index.html>, Г. С. Иссерсон. Новые формы борьбы (Опыт исследования современной войны). Выпуск первый. Военное издательство Народного Комиссариата Обороны Союза ССР, Москва, 1940.

¹⁶ <http://www.memo.ru/history/arkiv/opl—09.htm>

¹⁷ <http://www.e—slovo.ru/196/mail.htm>).

¹⁸ <http://www.suvorov.com/books/ledokol/34.htm>: Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. — М.: Воениздат, 1940.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С Виктором Суворовым беседует</i>	
<i>Дмитрий Хмельницкий. «Первый удар»</i>	5
<i>Юрий Фельштинский. Читая книги «Ледокол»</i>	
и «День-М» Виктора Суворова.....	33
<i>Хайнц Магенхаймер. Стратегия Советского Союза:</i>	
Наступательная, оборонительная, превентивная?.....	55
<i>Марк Солонин. СССР — Финляндия.</i>	
От мирного договора к войне.....	73
<i>Богдан Мусиаль. «Мы схватим капитализм за шиворот»</i>	125
<i>Штефан Шайль. «Летние маневры» Красной Армии</i>	
1941 года, план Жукова и операция «Барбаросса».....	152
<i>Миша Шаули. «Война Гитлера изнурит Европу,</i>	
которая потом станет нашей легкой добычей».....	163
<i>Александр Гогун. Съезд воинствующих</i>	181
<i>В.Л. Дорошенко, И.В. Павлова, Р.Ч. Раак. Не миф:</i>	
Речь Сталина 19 августа 1939 года.....	191
<i>Ричард Раак. Новые сведения о речи Сталина</i>	
19 августа 1939 г.....	226
<i>Ричард Ч. Раак. «Если завтра война»:</i>	
сталинский сценарий	
Второй империалистической войны.....	252
<i>Мария Шарова. «Контурь грядущей войны»</i>	
в советской литературе 1930-х годов.....	279
<i>Борис Поварницын. Песни о будущей войне</i>	309
<i>Кейстут Закорецкий. «Секретный архив» для всех</i>	321

Научно-популярное издание
ПРАВДА ВИКТОРА СУВОРОВА

Автор-составитель
Хмельницкий Дмитрий Сергеевич

ВИКТОР СУВОРОВ: БЕЙ ПЕРВЫМ!

Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Н. Грачева*

ООО «Яуза-пресс»
109439, Москва, Волгоградский проспект, д. 120, корп. 2.
Тел. (495): 745-58-23, факс: 411-68-86-2253.

Подписано в печать 21.02.2011.
Формат 84x108 1/32- Гарнитура «Журнальная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 4 000 экз. Заказ Ns 2840.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-9955-0249-4

9 785995 502494 >

В грязной уличной драке, где все средства хороши, есть только одно правило: **БЕЙ ПЕРВЫМ!** Будучи по натуре гопником (сказывалось уголовное прошлое, богатый опыт грабежей-экспроприаций, да и советская власть всегда считала блатных «социально близкими»), Сталин и в большую политику принес нравы уличной шпаны, однако явно недооценил другого европейского «пахана» — летом 1941 года Гитлер успел поймать его, что называется, «на замахе», опередив на считанные дни, и нанести упреждающий удар в тот момент, когда изготовившаяся к нападению Красная Армия была наиболее уязвима.

И как ни бьются официозные историки, пытаясь опровергнуть эту сенсационную версию, впервые выдвинутую и обоснованную Виктором Суворовым, его открытие находит все больше доказательств и преданных сторонников, а воздействие его книг на общественное сознание сравнимо лишь с эффектом от «Архипелага ГУЛАГ». В этом томе собраны лучшие работы в поддержку Виктора Суворова, которые не просто подтверждают его правоту, но и развивают идеи, раз и навсегда перевернувшие все прежние представления о причинах и виновниках Второй Мировой.

ISBN 978-5-9955-0249-4

9 785995 502494 >